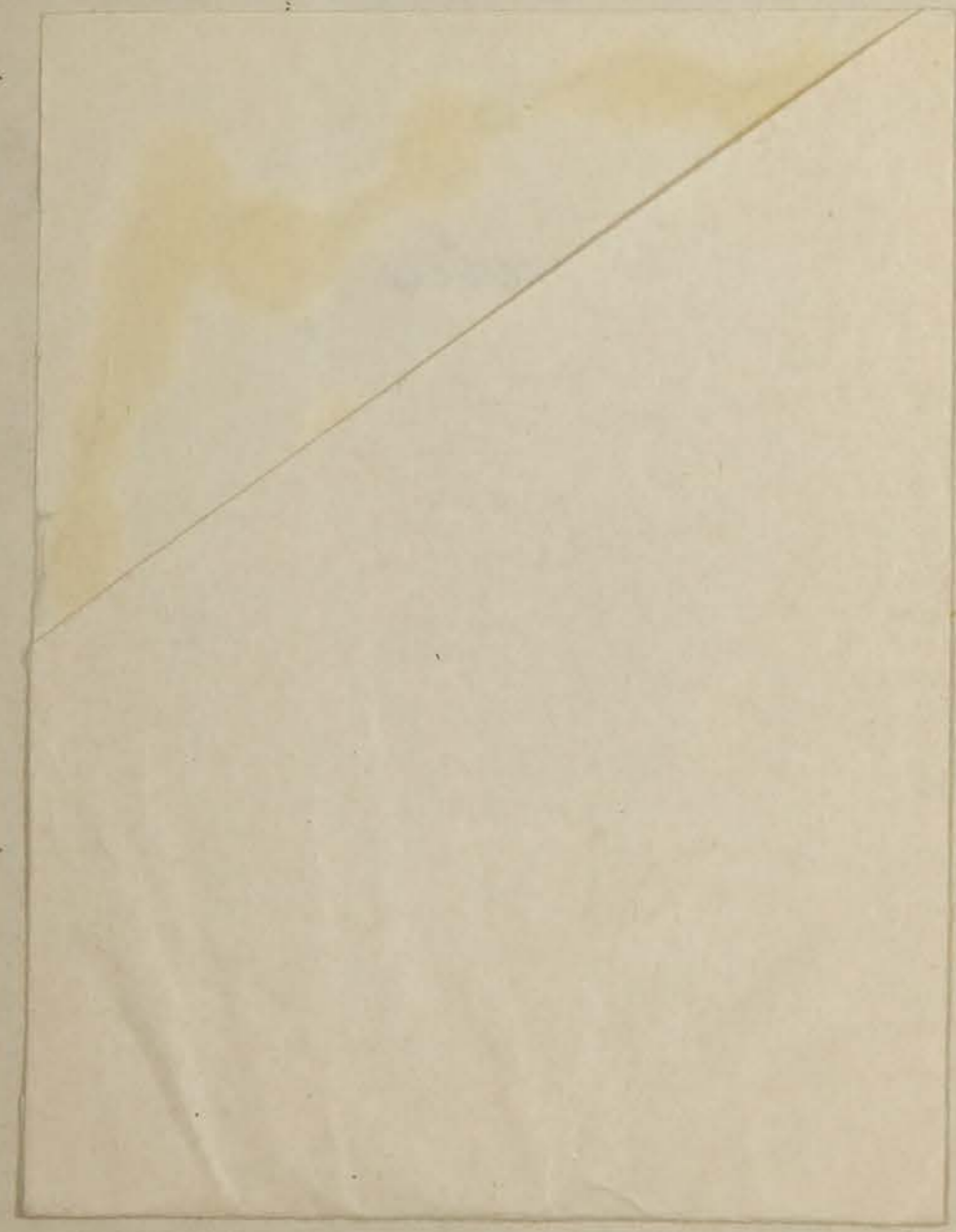

7504

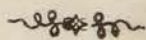
УЧЕБНЫЙ ПОДЪЕМ
КНИЖНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

БИБЛИОТЕКА
* Ученого Комитета Мин. Фин. *

В Л Ю Н Ч Л И
О Б Щ Е Е
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Е П Р А В О .

Т О М Ъ П Е Р В Ы Й .

В Ю Р И Н

О П И С К

ГО С А Д А Р С Т В Е Н Н О Е П Р А В О

Т О М П Е Р В Ы Й

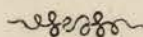
4504

~~6282.~~

ОБЩЕЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

Б Л Ю Ч Л И

ПЕРЕВЕДЕНО СЪ ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ

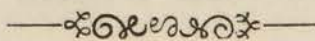
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ПРОФ. **Θ. М. ДМИТРИЕВА**

Студентомъ Императорскаго Московскаго Университета
Юридическаго факультета IV-го курса

Николаемъ Ляпидевскимъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи
(Катковъ и К^о).

1865.

Ч. К. Ф.

✓

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

САМОУЧА

ИЗДАНИЕ

ГОД

УЧЕБНИК

64752

Содержание

Издательство

ТОМ ПЕРВЫЙ

Печатано по определению Совета Императорскаго Московскаго
Университета. Москва. Юля 16-го дня 1865 г.

В Университетской типографии
1865

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

	Стр.
Глава I. Государственное право и политика	1
Гл. II. Противоположность государственного и частна- го права	3
Гл. III. Дальнѣйшее опредѣленіе области государствен- наго права	6
Гл. IV. Общее и особенное государственное право.	8
Гл. V. Источники государственного права.	
А. Законъ	11
Гл. VI. В. Государственный договоръ	12
Гл. VII. С. Преданіе и обычай	14
Гл. VIII. D. Наука	15
Гл. IX. Государственное право и государственное вла- дѣніе	19
Гл. X. Методы изложенія.	24

КНИГА ПЕРВАЯ.

Сущность государства.

Гл. I. Историческіе признаки	29
Гл. II. Человѣческая идея государства. Всемирное го- сударство	37
Гл. III. Исторія развитія государственной идеи.	
I. Античный міръ	47
Гл. IV. II. Средніе вѣка.	52
Гл. V. III. Государственная идея новаго времени.	57

КНИГА ВТОРАЯ.

Народъ и территорія.

		Стр.
Глава	I.	I. Человѣчество, человѣческія расы и семейства народовъ 69
Гл.	II.	II. Нація и народъ 73
Гл.	III.	Національныя права 76
Гл.	IV.	Народность государственнаго устройства 81
Гл.	V.	III. Племена 84
Гл.	VI.	IV. Касты 85
Гл.	VII.	V. Сословія 89
Гл.	VIII.	1. Дворянство.
		А. Римское дворянство 92
Гл.	IX.	В. Французское дворянство 96
Гл.	X.	С. Англійское дворянство 106
Гл.	XI.	D. Нѣмецкое дворянство 115
Гл.	XII.	2. Свободные люди и городское состояніе 123
Гл.	XIII.	Третье сословіе въ наше время. Образованный средній классъ 132
Гл.	XIV.	3. Зависимые люди и крестьянское сословіе 136
Гл.	XV.	Такъ-называемое четвертое сословіе. Народные классы 141
Гл.	XVI.	4. Рабы 148
Гл.	XVII.	VI. Классы 155
Гл.	XVIII.	VII. Отношеніе государства къ семейству 158
		1. Къ браку . . . . . —
Гл.	XIX.	2. Женщины 167
Гл.	XX.	VIII. Отношеніе государства къ отдѣльнымъ лицамъ 170
		1. Граждане и иностранцы . . . . . —
Гл.	XXI.	2. Государственные граждане въ собственномъ смыслѣ 179
Гл.	XXII.	Территорія 186
Гл.	XXIII.	Территориальное право. Такъ-называемая государственная собственность 189
Гл.	XXIV.	Дѣленіе территоріи 195
Гл.	XXV.	Отношеніе государства къ частной собственности 198

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О возникновеніи и паденіи государствъ.

	Стр.
Гл. I. Введение	205
Гл. II. Первоначальныя формы возникновенія.	207
Гл. III. Производныя формы возникновенія.	216
Гл. IV. Паденіе государствъ.	218
Гл. V. Спекулятивныя теоріи	221
I. Такъ-называемое естественное состояніе	—
Гл. VI. II. Государство, какъ божественное учрежденіе	223
Гл. VII. III. Теорія силы	228
Гл. VIII. IV. Теорія договора	230

ВНУТРИ ТРАКТА

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВА

Стр.			
408	Введение	I.	IX
407	Первоначальная форма возникновения	II.	X
410	Историческая форма возникновения	III.	XI
418	Поздняя форма возникновения	IV.	XII
421	Специальная форма	V.	XIII
—	I. Так называемое патриархальное государство		
423	II. Государство с феодальной структурой	VI.	XIV
425	III. Государство с монархической структурой	VII.	XV
430	IV. Государство с республиканской структурой	VIII.	XVI

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Государственное право и политика.

Древніе греки всю науку о государствѣ называли политикою (πολιτεία). Напротивъ, въ наше время государственное право и политика признаются двумя отдѣльными науками.

Какимъ же образомъ наука раздѣляетъ то, что въ дѣйствительности является соединеннымъ? Правда и государственное право и политика представляютъ собою ученіе о государствѣ; но каждая изъ этихъ наукъ разсматриваетъ государство съ особенной точки зрѣнія и въ особенномъ направленіи. Для болѣе основательнаго познанія государства, наука разлагаетъ его на двѣ главныя стороны его существа и жизни. Она изслѣдуетъ части, чтобы полнѣе понять цѣлое. Научному интересу соответствуетъ интересъ практической. Право много выиграетъ въ ясности, стройности и силѣ, какъ скоро отдѣлится отъ политики; съ другой стороны богатое содержаніе политики разовьется съ большею свободой, если она будетъ разсматриваема и изслѣдуема отдѣльно отъ права.

Наука государственнаго права разсматриваетъ государство въ установившемся состояніи. Она изображаетъ организацію, постоянныя основныя условія жизни государства, правила его существованія, доказываетъ необходимость его отношеній. Государство, какъ оно есть, — есть государственное право.

Напротивъ, наука политики разсматриваетъ государство въ его жизни и развитіи, указываетъ на цѣли,

къ которымъ направляются общественныя стремленія и на пути, ведущіе къ этимъ цѣлямъ; взвѣшиваетъ средства, служащія къ достиженію ихъ; слѣдитъ за вліаніемъ права на общее состояніе дѣлъ, и изслѣдуетъ какъ избѣжать вредныхъ вліаній, какъ уничтожить недостатки существующихъ учрежденій. Жизнь Государственная, жизнь публичная въ обширномъ смыслѣ этого слова, — есть политика.

Итакъ право относится къ политикѣ, какъ порядокъ къ свободѣ, какъ спокойная опредѣленность отношеній къ разнообразному движенію въ нихъ, какъ тѣло къ его отправленіямъ и къ духу, многообразно проявляющему себя во внѣ.

Какъ въ правѣ, такъ и въ политикѣ есть нравственное содержаніе. Государство есть нравственное существо и имѣетъ нравственныя жизненныя задачи. Но право и политика не опредѣляются единственно нравственнымъ закономъ и не изчерпываются имъ. Какъ самостоятельныя науки, онѣ не могутъ быть только отдѣльными главами въ ученіи о нравственности. Напротивъ, онѣ имѣютъ свое основаніе въ государствѣ и назначены для государства. Это государственныя науки.

Государственное право и политика не должны быть абсолютно отдѣляемы другъ отъ друга. Дѣйствительное государство живетъ, т. е. представляетъ соединеніе права и политики. Съ одной стороны право не находится въ абсолютномъ покоѣ, не имѣетъ характера неизмѣняемости; съ другой стороны движеніе политики направлено къ достиженію покоя. Существуетъ не только система права, но есть и исторія права; есть и политика законодательства. Такимъ образомъ между этими двумя сторонами государственной науки нельзя не замѣтить взаимодѣйствія, какъ всегда бываетъ, когда дѣло идетъ объ органическихъ существахъ. Сказанное теперь не уничтожаетъ приведеннаго выше различія, а напротивъ лучше уясняетъ его. Исторія Права отличается отъ политической исторіи тѣмъ именно, что изображаетъ ходъ развитія нормальнаго, установившагося государства, возникновеніе и измѣненіе уже окрѣпшихъ учрежденій и законовъ, тогда какъ въ политической

исторіи вниманіе направляется главнымъ образомъ на измѣняющіяся судьбы народа, на мотивы и образъ дѣйствій политическихъ дѣятелей, на дѣйствія и страданія какъ народа, такъ и этихъ дѣятелей, и слѣдовательно на изображеніе движенія жизни. Высшее и чистѣйшее выраженіе государственнаго права есть законъ (конституція, *Verfassung*); яснѣйшее и живѣйшее проявленіе политики есть практическое управленіе государствомъ (государственное управленіе, *Regierung*). Поэтому политика есть скорѣе искусство, нежели наука. Право предполагается политикою служить основнымъ, хотя и не единственнымъ условіемъ ея свободы. Политика въ своемъ развитіи должна имѣть въ виду границы, положенныя правомъ. Она беретъ на себя заботу объ измѣняющихся потребностяхъ жизни. Въ свою очередь право нуждается въ политикѣ, чтобы охранить себя отъ застоя и идти рука объ руку съ развитіемъ жизни. Безъ живительнаго дыханія политики организмъ права сдѣлался бы трупомъ; безъ основъ и границъ права политика погибла бы въ безпредѣльномъ эгоизмѣ и стремленіи къ разрушенію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Противоположность государственнаго и частнаго права.

Государственное право отправляется отъ государства, — частное право отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, частныхъ лицъ. Первое касается юридическихъ отношеній государства; послѣднее — правъ частныхъ лицъ ¹.

Но есть и переходы изъ одной области въ другую. Такъ права фиска относятся къ частному праву, потому что государство, на сколько оно владѣетъ исклю-

¹ Ср. L. 1, 2, § D. De justitia et jure (Ulpianus). *Publicum jus est quod ad statum rei Romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem. Sunt enim quaedam publice utilia, quaedam privatim.*

чительно ему принадлежащимъ имуществомъ, уподобляется частному лицу, и, подъ видомъ казны, само становится частнымъ лицомъ. Такъ, далѣе, политическія права отдѣльныхъ лицъ, (напр. право прошеній, свобода печати,) находятъ себѣ мѣсто не въ частномъ, а въ государственномъ правѣ, потому что они основываются на отношеніи индивидуумовъ къ государству, и слѣдовательно въ нихъ преобладаетъ публичный, политическій характеръ.

Отсюда выходитъ, что государственное право, по своему содержанію, опредѣляется государствомъ и независитъ отъ произвола частныхъ лицъ. Напротивъ, частное право въ большей части случаевъ заимствуетъ свое содержаніе вообще изъ природы и состояній частныхъ лицъ, и въ частности изъ ихъ воли. Въ государственномъ правѣ господствуетъ духъ цѣлаго, въ частномъ духъ отдѣльныхъ частей. Поэтому индивидуумамъ не дозволяется измѣнять или уничтожать публичное право посредствомъ договоровъ, между тѣмъ какъ право частное они могутъ посредствомъ договоровъ видоизмѣнять по собственной волѣ. Но чѣмъ болѣе положенія частнаго права соприкасаются съ публичными государственными интересами, тѣмъ менѣе произвольно могутъ отступать отъ нихъ частные договоры ¹.

Далѣе, къ государственному праву примѣняется слѣдующее правило: публичное право есть вмѣстѣ и публичная обязанность. Имѣющій право обязанъ прилагать его къ дѣлу. Правитель не только имѣетъ право, но и обязанъ управлять, судья—судить и проч. Къ частному праву, напротивъ, примѣняется противоположное правило. Приложеніе или неприложеніе права зависитъ здѣсь отъ произвола имѣющаго право ².

---

¹ Ср. L. 38. D. de pactis (Papinianus): «Jus publicum privatorum pactis mutari non potest». Code Civ. 6., «On ne peut déroger par des conventions particulières, aux lois, qui intéressent l'ordre public et les bonnes moeurs».

² c. un. C. ut. nemo invitus (Imp. Diocletianus): «Invitus agere vel accusare nemo cogitur». Афоризмъ частнаго права: Jure suo uti nemo cogitur.

Основаніе для такого различія можно найти въ томъ, что частное право принадлежитъ отдѣльному лицу, и большею частію существуетъ только для него; публичное же право принадлежитъ цѣлому и существуетъ въ интересѣ цѣлаго. Поэтому отказаться отъ своего права или отъ приложенія его можетъ только само государство; отдѣльные же органы и члены государства сдѣлать этого не въ правѣ.

Впрочемъ оба правила имѣютъ много исключеній, которыя сами собою вытекаютъ изъ ихъ принциповъ. Это можно пояснить нѣсколькими примѣрами:

1. Отдѣльный гражданинъ можетъ по произволу прилагать и не прилагать право прошеній, или право участія въ политическихъ собраніяхъ. Ибо права эти, хотя и публичныя, но принадлежатъ къ числу такихъ, которыя сообщаются отдѣльному лицу болѣе въ интересѣ его индивидуальной свободы, нежели въ интересѣ государственнаго блага.

2. Но приложеніе права выбора уже не вполне и не безъ ограниченій зависитъ отъ произвола отдѣльныхъ избирателей. Когда избирательное право распространяется на значительныя массы лицъ, или, вслѣдствіе особеннаго значенія его, обращается главное вниманіе на правомочія избирателей, государственныя же потребности отступаютъ на задній планъ, тогда пользование этимъ правомъ зависитъ, конечно, отъ воли отдѣльнаго избирателя; въ противномъ случаѣ, и здѣсь часто бываетъ нужно и справедливо принужденіе.

3. Даже въ частномъ правѣ приложеніе правъ опеки составляетъ обязанность лица, имѣющаго ихъ, потому что они существуютъ не только въ пользу опекуна, но и въ интересѣ состоящаго подъ опекой.

На соединеніе права и обязанности въ одномъ и томъ же лицѣ нужно смотрѣть не какъ на недостатокъ, а напротивъ какъ на преимущество публичнаго права. Благородный нравственный характеръ публичнаго права становится здѣсь въ явную противоположность съ эгоистическою тенденціею права имущественнаго. Чѣмъ выше права правительства, тѣмъ неразрывнѣе связана съ ними обязанность прилагать ихъ. Права короны

не принадлежать государю самому по себѣ; они суть вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности — обязанности относительно государства (народа)

Противоположность публичнаго и частнаго права (*jus publicum et privatum*) исчерпываетъ все содержаніе права. Правда, есть переходные институты, ведущіе изъ одной области въ другую, напр. общины и высшія формы товариществъ и корпорацій, но между ними нѣтъ еще третьей самостоятельной области. То, что называется общественнымъ правомъ, есть или частное, или публичное право, или же смѣшеніе обоихъ ¹.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Дальнѣйшее опредѣленіе области государственнаго права.

1. Международное право простирается за предѣлы отдѣльнаго государства, устанавливая общій порядокъ между различными одно подлѣ другаго существующими государствами. Оно не есть расширение частнаго права, приложеніе послѣдняго къ многимъ государственнымъ индивидуумамъ; его учрежденія и юридическія нормы имѣютъ природу публичнаго права въ преимущественномъ смыслѣ, ибо касаются самой обширной формы общежитія. Международное право основывается на единствѣ человѣческаго рода. Если бы человечество, для выполненія общихъ всему ему дѣлъ, организовалось въ благоустроенное цѣлое съ собственнымъ законодательствомъ, судомъ и расправою, то международное право явилось бы въ высшей формѣ всемірно-государственнаго права. Отсутствіе подобной организа-

---

¹ Отличное отъ нашего мнѣнія представилъ Rob. v. Mohl (*Geschichte und Literatur der Staatswissenschaft* Bd. 1). Ср. Bluntschli über die neuen Begründungen der Gesellschaft und des Gesellschaftsrechts in der kritischen Ueberschau der deutschen Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Bd. III. и Treitschke. Die Gesellschaftswissenschaft, критическій опытъ. Leipzig 1859.

ци составляет причину того, что международное право является въ настоящее время еще въ несовершенномъ видѣ.

Во всякомъ случаѣ, тѣ несовершенныя нормы, которыя мы называемъ международнымъ правомъ, отличны отъ государственныхъ нормъ. Поэтому наука государственнаго права рассматриваетъ государство, какъ публичное лицо, существующее само по себѣ, и предоставляетъ изложеніе взаимныхъ отношеній государствъ особой наукой — международнаго права.

2. Во вторыхъ, государственное право нужно отдѣлить отъ церковнаго права.

Противоположность государства и церкви, хотя уже въ древности находилась въ зародышѣ и была замѣтна, но еще не развилась до очевиднаго и полнаго разграниченія. Римляне еще считали *jus sacrum* составною частью *jus publicum*.

Только съ появленіемъ христіанства, церковь, какъ религіозное общеніе людей, получила самостоятельное мѣсто рядомъ съ государствомъ, какъ политическимъ обществомъ. Такъ какъ церковь имѣетъ собственную идею и организацію, зародившуюся не на государственной почвѣ и возросшую не въ государственной области, такъ какъ, далѣе, она существуетъ отдѣльно отъ государства, то поэтому (христіанское) церковное право требуетъ изложенія отдѣльнаго отъ государственнаго права. Но если смотрѣть на право церкви не съ ея особой точки зрѣнія, а рассматривать лишь отношеніе государства къ церкви и церковнымъ учрежденіямъ, съ точки зрѣнія государства, то подобное изслѣдованіе вполне относится къ области государственнаго права.

3. Далѣе, гражданскій процессъ по большей части, и все уголовное право вмѣстѣ съ уголовнымъ процессомъ, не безъ основанія причисляются къ публичному праву. Въ процессѣ государство доставляетъ частнымъ лицамъ защиту отъ вторженій другихъ лицъ въ сферу ихъ правъ; въ правѣ, въ новѣйшемъ его развитіи, проявляется справедливость государства, которая не только защищаетъ пострадавш-

го отъ правонарушенія и уничтожаетъ самое правонарушеніе, но въ то же время наказываетъ преступное нападеніе на общественный порядокъ.

Не смотря на это, гражданскій процессъ и уголовное право все таки лучше выдѣлять изъ государственнаго права и разсматривать какъ отдѣльныя дисциплины. Достаточнымъ основаніемъ для такого выдѣленія служитъ частію тѣсное отношеніе этихъ дисциплинъ къ частному праву, съ которымъ онѣ сплетены самыми тѣсными узами и безопасность котораго имѣетъ въ виду весь гражданскій и по большей части уголовный процессъ, — частію ихъ обширность и важность, требующая отдѣльнаго изложенія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общее и особенное государственное право.

Особенное государственное право относится къ отдѣльному опредѣленному государству. Такъ на примѣръ говорятъ объ особенномъ правѣ римской республики, или англійскаго государства, или нѣмецкой имперіи.

Общее государственное право, касается не отдѣльнаго государства, а государства вообще. Итакъ, особенное государственное право отиравляется отъ опредѣленнаго народа, общее же обращается прежде всего къ человѣческой природѣ, и отиравляется отъ человечества ¹.

Государственное право часто принимаютъ за продуктъ идеальной мысли и пытаются вывести его изъ спекулятивнаго міросозерцанія путемъ простыхъ логическихъ заключеній. Такимъ образомъ возникли многія

---

¹ Таже мысль лежитъ въ основаніи римскаго воззрѣнія. L. 9. (Gaius) D. de Justitia et Jure: «Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum jure utuntur. Nam quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius proprium civitatis est, vocaturque jus civile: quod vero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraeque custoditur, vocaturque jus gentium, quasi quo jure omnes gentes utuntur.»

системы такъ-называемаго философскаго или естественнаго государственнаго права, противоположавшіяся такъ-называемому положительному и историческому.

Я иначе понимаю эту противоположность. Нужно и философски понять государство и познать его исторически: отъ этого двойнаго труда общее государственное право имѣеть также мало основанийъ отказаться, какъ и особенное.

Особенное государственное право предполагаетъ общее, какъ отдѣльный народъ предполагаетъ цѣлую человѣческую природу. Наука общаго государственнаго права излагаетъ основныя понятія, въ разнообразныхъ видахъ проявляющіяся въ особенномъ государственномъ правѣ. Она имѣеть въ виду всемірную исторію, а не узкую исторію отдѣльной страны, объясняемую особеннымъ государственнымъ правомъ. Во всемірной исторіи мы находимъ провѣрку философскихъ мыслей; въ ней открывается полнота положительнаго содержанія, котораго такъ часто не достааетъ спекулятивному изслѣдованію. Всемірная исторія указываетъ различныя ступени развитія, пережитыя человечествомъ со времени его младенчества, и на каждой ступени мы видимъ особенныя воззрѣнія на государство, и различныя государственныя формы. Она объясняетъ степень участія въ общей задачѣ человечества, которая выпала на долю разныхъ народовъ.

Но не всѣ періоды всемірной исторіи и не всѣ народы имѣють одинаковое значеніе для нашей науки. Ея задача состоитъ преимущественно въ познаніи общаго государственнаго права настоящаго. Античныя и средневѣковыя государственныя построенія входятъ въ разсмотрѣніе только какъ предшествующія ступени, или же вводятся въ науку съ тою цѣлю, чтобы противоположностью ихъ теперешнему государству лучше уяснить послѣднее. Значеніе различныхъ народовъ для общаго государственнаго права мы опредѣляемъ сообразно ихъ участію въ процессѣ политической цивилизаціи т. е. человѣчески устроеннаго и человѣчески свободнаго общежитія. Во всемірной исторіи арій-

ская семья народовъ назначена преимущественно къ образованію государства, какъ семитическая къ построению религіи; но только въ Европѣ арійскіе народы дошли до сознательнаго и болѣе совершеннаго построения государства. Изъ этихъ народовъ въ древности стояли выше другихъ эллины и римляне, а въ средніе вѣка германцы; настоящая же государственная культура основывается преимущественно на смѣшеніи эллино-романскихъ и германскихъ элементовъ. Въ ней принимаютъ самое значительное участіе англичане, у которыхъ это смѣшеніе, сильнѣе нежели у другихъ народовъ, совершилось даже въ самой расѣ, и вслѣдъ за ними французы; американская государственная жизнь вышла изъ европейской, но сдѣлала, преимущественно въ Сѣверной Америкѣ, нѣкоторые особенные успѣхи.

Итакъ, наука общаго государственнаго права въ томъ видѣ, какъ мы понимаемъ ее, должна представить всеобщее государственное сознаніе современнаго цивилизованнаго человѣчества и изложить основныя понятія и существенныя общія всѣмъ учрежденія, различнымъ образомъ проявляющіяся въ отдѣльныхъ государствахъ. Общее государственное право не есть одно теоретическое ученіе, оно имѣетъ положительную дѣйствительность; но это положительное значеніе не есть непосредственное, ибо въ дѣйствительности нѣтъ всеобщаго государства, а проявляется въ отдѣльныхъ государствахъ. Общее государственное право имѣетъ не идеальную только, но и реальную истинность, и это также несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что человѣчество и всемірная исторія суть не только предметы мысли, но и реальныя истины.

Примѣчаніе. Встрѣчающаяся у Аристотеля (Rhetor. 1. 10. 13) противоположность между νόμος ἴδιος (особенное право) и νόμος κοινός (общее право) имѣетъ и иной смыслъ, кромѣ того, какой ему обыкновенно приписываютъ. Подъ первымъ онъ понимаетъ право, созданное для себя определеннымъ государствомъ, будетъ ли право это писанное или неписанное, подъ послѣднимъ же — справедливое по самой природѣ (φύσει κοινόν δίκαιον), безъ отношенія къ человѣческому общежитію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Источники государственнаго права.

А. Законъ.

Изъ всѣхъ формъ, въ которыхъ распознается и проявляется право, высшая и всего болѣе приличествующая государству, есть законъ. Въ законѣ право находитъ самое сознательное и чистое выраженіе. Въ законѣ высказываетъ и устанавливаетъ право само государство во всей его совокупности. Въ законѣ и чрезъ законъ оно придаетъ своему рѣшенію о правѣ высшій авторитетъ и высшую силу. Законъ есть полное выраженіе права.

Поэтому законъ въ собственномъ смыслѣ исходитъ только отъ государства. Но по аналогіи можно говорить и о такихъ законахъ, которые издаются меньшими и болѣе тѣсными обществами и организмами, въ предѣлахъ государства, для особенныхъ ихъ круговъ, и получаютъ ограниченный авторитетъ. Таковы семейные и домашніе законы династій, статуты и уставы городовъ и общинъ. Сюда же можно причислить и государственныя постановленія (*Verordnung*).

Впрочемъ отношеніе законодательства къ государственному праву не вполне одинаково съ отношеніемъ его къ частному праву: государство, какъ законодатель, имѣетъ относительно перваго болѣе свободы, нежели относительно послѣдняго, ибо, устанавливая учрежденія государственнаго права, оно дѣйствуетъ въ собственной сферѣ, между тѣмъ какъ, издавая законы, относящіеся къ частному праву, оно устрояетъ не собственныя дѣла, а отношенія частныхъ лицъ, которыя не творятся имъ и не находятся отъ него въ полной зависимости.— Какъ индивидуумы не чрезъ государство становятся индивидуумами, такъ и право индивидуумовъ не чрезъ государство становится правомъ. Конечно, право частныхъ лицъ можетъ достигнуть высшаго развитія и найти самую сильную защиту только въ государствѣ и при помощи государства, но оно не коренится въ государствѣ. Задача государства состоитъ не въ томъ, чтобы

по произволу опредѣлять частное право, а преимущественно въ томъ, чтобы содѣйствовать признанію его, въ томъ видѣ какъ оно произошло изъ естественныхъ состояній и историческаго развитія отдѣльныхъ лицъ.

Важные практическіе результаты этой противоположности мы укажемъ въ послѣдствіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

В. Государственный договоръ.

Кромѣ закона, существующее государственное право часто можетъ быть признаваемо, подробнѣе опредѣляемо или отмѣняемо посредствомъ договора. Мы разумѣемъ здѣсь какъ собственно государственные договоры, заключаемые между различными государствами и потому основывающіеся на международномъ правѣ, такъ и договоры между различными политическими корпораціями, или же членами одного государства, каковы, на примѣръ, въ древнія времена, соглашенія между римскими патриціями и плебеями, или, въ средніе вѣка, договоры различныхъ сословіи страны съ князьями.

Государственные договоры сродны съ законами въ томъ отношеніи, что они, подобно послѣднимъ, выражаютъ юридическую мысль въ опредѣленныхъ словахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ публичнымъ авторитетомъ. Но форма договора отличается отъ формы закона тѣмъ, что въ послѣдней выражается единство государства, между тѣмъ какъ въ первой множество самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ устанавливаетъ общую волю чрезъ соглашеніе. Поэтому внутри государства законъ есть высшая форма права, ибо въ немъ государство выражаетъ свое убѣжденіе, какъ гармоническое и единое существо. Но когда участвуютъ многія государства, то является неизбѣжною форма договора, ибо для этого множества независимыхъ государствъ не существуетъ общаго органа законодательства.

Даже въ томъ случаѣ, когда въ предѣлахъ одного

государства законодательство принадлежит не исключительно одному государю или одному совѣту, а основывается на совокупной дѣятельности различныхъ членовъ сложнаго законодательнаго тѣла, какъ на примѣръ, въ Англіи на соглашеніи короля, верхней и нижней палатъ—даже въ этомъ случаѣ, при болѣе развитомъ устройствѣ, идея договора отступаетъ на задній планъ, и такую совокупную дѣятельность только въ несобственномъ смыслѣ можно считать соглашеніемъ. Утвержденный парламентомъ законъ нельзя считать договоромъ различныхъ политическихъ силъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ самостоятельна и уполномочена выражать свою волю въ обязательной для другихъ формѣ. Отдѣльныя составныя части парламента, порознь, не имѣютъ ни авторитета, ни власти, чтобы создать право. Только связанные въ цѣльное единство, только представляя собою нераздѣльное, единое государственное тѣло, они имѣютъ право законодательства, причемъ законъ служитъ чистымъ и простымъ выраженіемъ этого единства.

Недостаточность формы договора для созданія въ государствѣ права заключается въ томъ, что ею уничтожается единство государства, и само государство нѣкоторымъ образомъ разрѣшается на составныя части;— что по формѣ право государства привязывается къ волѣ отдѣльныхъ разорванныхъ частей, — словомъ, что въ принципѣ цѣлое подчиняется частямъ. Исторія германскихъ государствъ представляетъ намъ многочисленные доказательства несовершенства договорной формы, состоящаго въ медленности движенія, равно какъ и въ недостаточномъ вниманіи къ публичнымъ интересамъ и общему государственному благосостоянію; вмѣстѣ съ тѣмъ она показываетъ, что при высшемъ развитіи государства первичная договорная форма частью совершенно уничтожается формою закона, частью же заключается въ болѣе тѣсныя границы.

Примѣчаніе. Вѣчность государственныхъ договоровъ, равно какъ вѣчность законовъ противорѣчитъ измѣняемости всего человѣческаго, а слѣдовательно и государства. Содержаніе права можно считать вѣчнымъ, подобно божественному порядку міра, на столько, на сколько оно въ про-

стой и чистой формѣ выражаетъ высшія и неизмѣнныя начала этого порядка. Но такъ какъ право устрояетъ измѣняющіяся и подверженныя различнымъ переворотамъ чловѣческія отношенія, то оно по необходимости должно принимать во вниманіе эти перемѣны и перевороты, и такимъ образомъ само подчиняется естественнымъ законамъ измѣненія. Форма выраженія, то есть законъ или договоръ, не имѣетъ здѣсь существеннаго значенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

С. Преданіе и обычай.

Въ политическихъ актахъ и дѣйствіяхъ, какъ государственной власти, такъ и народа, юридическое сознаніе многообразно обнаруживается, и не высказываясь въ формѣ закона. Если духъ, проявившійся въ нихъ окрѣпъ, если онъ, такъ сказать, освященъ преданіемъ, укрѣпленъ упражненіемъ, то тѣмъ самымъ на него уже наложена печать правомѣрности; онъ проявилъ себя какъ національное право.

Въ государственномъ правѣ римлянъ важнѣйшія учрежденія и начала права основывались не на писанномъ законѣ или договорѣ, а на чувствѣ права и на обычаѣ, соотвѣтствующемъ юридическимъ воззрѣніямъ народа. Государственное право среднихъ вѣковъ опиралось преимущественно на преданія и практикѣ. Англійское государственное право отчасти выросло на этой почвѣ. Словомъ, подобныя составныя части публичнаго права находимъ мы вездѣ.

Но обычное право, будучи богатымъ и живымъ источникомъ права, тѣмъ не менѣе обыкновенно ставится ниже права документальнаго, по отношенію къ ясности и точности выраженія. Въ обычаѣ выражается безсознательное чувство «необходимаго», сознательное же желаніе «правильнаго» проявляется преимущественно въ законѣ. За то обычное право менѣе неподвижно, нежели законъ, и удобнѣе примѣняется къ существующимъ отношеніямъ и ихъ незамѣтному из-

мѣненію. Такъ называемая природа вещей, на сколько она считается образующею право, есть не что иное, какъ сила существующихъ реальныхъ отношеній, (физическихъ и психическихъ), соединенная у народа съ чувствомъ того, что отношенія эти должны быть признаны нравственно нормальными и такимъ образомъ имѣютъ юридическое вліяніе и юридическое значеніе.

Право не привходитъ въ вещи, какъ нѣчто чуждое; его нельзя выдѣлять и, такъ сказать, отторгать отъ вещей. Въ сущности право есть опредѣленная форма и направленіе самаго бытія. Государство, какъ оно есть, составляетъ государственное право.

Примѣчанія. 1. Обычное право издавна признавалось вездѣ. Cicero de Invent. 11. 22. «Consuetudinis autem jus esse putatur id, quod voluntate omnium sine lege vetustas comprobavit». Puchta, Gewohnheitsrecht 11. 8. Обычай служитъ для народа, изъ юридическихъ взглядовъ котораго онъ вытекаетъ, какъ бы зеркаломъ, въ которомъ народъ узнаетъ собственное «я».

2. По мнѣнію Montesquieu, Esprit des Lois 1.1, 2. право въ обширнѣйшемъ смыслѣ есть не что иное, какъ необходимыя отношенія, выведенныя изъ природы вещей: «Les lois sont les rapports necessaires, qui dérivent de la nature des choses, et dans ce sens tous les êtres ont leur lois». Право безъ сомнѣнія предполагаетъ первоначальное твореніе, т. е. бытіе различныхъ существъ, которыхъ естественныя отношенія оно познаетъ и сохраняетъ, которыхъ порядокъ оно составляетъ. Schmidthenner (XII Bucher vom State) говоря, что Монтескье поступилъ бы гораздо правильнѣе, если бы написалъ «qui constituent» la nature des choses, извращаетъ дѣйствительную мысль французскаго юриста. Thiers (de la propriété ch. 2), желая поправить мнѣніе Монтескье, выражаетъ тоже самое мнѣніе, но только въ другой формѣ. Вотъ слова его: «Les lois sont la permanence des choses».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Д. Н А У К А.

Назначеніе науки права ближайшимъ образомъ состоитъ не въ образованіи новаго, а въ познаніи уже

существующаго права. Поэтому она въ существенной своей дѣятельности не принадлежитъ къ источникамъ права, а ограничивается заимствованіемъ изъ названныхъ уже источниковъ.

Но кромѣ того наука имѣетъ и продуктивное значеніе, вслѣдствіе котораго сама она становится источникомъ права, и притомъ въ двойномъ отношеніи.

Во первыхъ, наука относится къ другимъ источникамъ права не исключительно рецептивно. Она не только собираетъ юридическій матеріалъ, но перерабатываетъ его, и чрезъ эту переработку иногда расширяетъ существующее право. Напримѣръ, она извлекаетъ изъ законовъ такіе выводы, о которыхъ самъ законодатель, можетъ быть, и не думалъ, которые между тѣмъ не только логически послѣдовательны, но въ тоже время, сообразны съ цѣлою системою права, и имѣютъ какъ внутреннюю основательность, такъ и примѣненіе къ внѣшнему юридическому порядку. Далѣе, въ приложеніи къ обычному праву, она не только приводитъ къ большей ясности его отдѣльныя юридическія предписанія, но и дополняетъ его, составляя переходъ отъ него къ писанному праву.

Еще важнѣе вторая творческая дѣятельность науки, объясняющаяся изъ природы правовыхъ идей. Именно правовыя идеи сами по себѣ не составляютъ дѣйствительнаго права; поэтому познаніе ихъ прежде всего есть дѣло свободной дѣятельности науки, не имѣющей непосредственнаго вліянія на юридическій порядокъ. Правовыя идеи становятся правомъ только тогда, когда онѣ, такъ сказать, воплощаются, т. е. признаются въ государствѣ твердыми правилами и пріобрѣтаютъ положительное значеніе. Будучи признаны національнымъ сознаніемъ за опредѣленные и обязательныя, постоянно прилагаясь въ государствѣ, правовыя идеи чрезъ это самое изъ философскихъ мыслей и моральныхъ предписаній превращаются въ юридическія положенія (*Rechtssätze*). Подобное разширеніе существующаго права производится часто не законодательствомъ, а наукою, и потому наука можетъ быть поставлена наряду съ другими источниками права.

64752

Но при этомъ не нужно смѣшивать науку съ учеными трудами, равнымъ образомъ научную дѣятельность не слѣдуетъ ограничивать литературными трактатами. Государственный человѣкъ, во время публичныхъ преній, выясняющій въ своей рѣчи какой-нибудь принципъ и направляющій слушателей къ принятію его; полководецъ, объявляющій въ дневномъ приказѣ начало, которое онъ считаетъ обязательнымъ для себя и для своей арміи, и такимъ образомъ разрѣшающій сомнѣнія и вызывающій признаніе этихъ началъ; судья, разрѣшающій доказательствами своего приговора споръ о принципѣ; журналистъ, передовою статьею дающій направленіе общественному мнѣнію и склоняющій государство принять за право такое положеніе, которое прежде не приводилось въ ясность, никогда не встрѣчалось въ судебной практикѣ: всѣ эти лица научнымъ путемъ увеличиваютъ наличный капиталъ существующаго права. Но преимущественно принадлежитъ такая научная дѣятельность государственнымъ людямъ. Лучшее отличіе истинныхъ государственныхъ мужей всегда состояло въ томъ, что они обогащали право своего народа не только въ формѣ законодательства, не только подъ печатью правительственнаго авторитета, но и въ свободной формѣ научнаго изложенія.

Научное право сродно съ обычнымъ. Подобно послѣднему, оно отличается отъ права, выражающагося въ законѣ и договорѣ, отсутствіемъ внѣшней формы, освященной высшимъ государственнымъ авторитетомъ. Подобно послѣднему, оно не имѣетъ оффиціального характера, а основывается на свободныхъ проявленіяхъ народной жизни. Поэтому оно также подвижно и измѣнчиво, но и также жизненно, какъ послѣднее. Отличается же научное право отъ обычнаго тѣмъ, что послѣднее основывается преимущественно на существующемъ въ народѣ чувствѣ права, которое выражается въ нравахъ и обычаяхъ, въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ и символахъ, между тѣмъ какъ первое имѣетъ основаніе въ правовомъ сознаніи народа, возбужденномъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Такимъ образомъ обычное право

относится къ научному почти также, какъ къ праву, выражающемуся въ законодательствѣ.

Съ этой точки зрѣнія легко рѣшить споръ о значеніи такъ-называемаго естественнаго или рациональнаго права. Пока такое право есть только произведеніе индивидуальной мысли, какъ, на примѣръ, Платонова республика съ ея стражами, до тѣхъ поръ оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть притязаній на дѣйствительное значеніе. Даже доказанная цѣлесообразность отдѣльныхъ абстрактныхъ мнѣній естественнаго права еще не служитъ свидѣтельствомъ объ ихъ правомѣрности. Одна теорія сама по себѣ нигдѣ не творитъ права. Но какъ скоро въ народѣ явится расположеніе къ признанію положеній естественнаго права, какъ скоро юридическая мысль будетъ воспринята народнымъ сознаніемъ и облечена обязательною силою, тогда она дѣлается правомъ. Нельзя отрицать того, что этотъ творческій моментъ лежитъ въ наукѣ, заслуга которой заключается здѣсь въ воспринятіи народнаго сознанія. Въ римскомъ частномъ правѣ самая значительная часть ученій возникла такимъ научнымъ путемъ. Нѣкоторыя важныя доктрины прямо произошли изъ положеній естественнаго права, пріобрѣтшихъ всеобщее значеніе. На примѣръ, все ученіе о неосторожности (*culpa*) обязано своимъ происхожденіемъ дѣятельности науки, которая изъ наблюденія надъ общею человѣческою природою вывела свои положенія и добила ихъ признанія. Въ государственномъ правѣ такая форма образованія тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ государствѣ, по самой природѣ его, сознаніе нравственной необходимости и соотвѣтственности легко переходитъ въ сознаніе правомѣрности этого необходимаго и соотвѣтственнаго, и что назначеніе государства состоитъ въ сообщеніи появившимся юридическимъ идеямъ внѣшняго значенія. Поэтому великіе государственные люди, когда только позволяло имъ положеніе дѣлъ, опредѣляли свою дѣятельность сообразно требованіямъ естественнаго права.

Примѣчанія: 1. Объ естественномъ правѣ Ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ Римлянамъ 11, 13 15. «Иже являютъ дѣло законное написанное въ сердцахъ ихъ, спослуше-

ствующей имъ совѣсти.» Melanchton (Philos mor.) называетъ положительное право ближайшимъ опредѣленіемъ (determinatio) естественнаго права. Это опредѣленіе естественнаго государственнаго права можетъ совершаться чрезъ законы, государственные договоры, обычай, науку.

2., Опредѣлить въ отдѣльныхъ случаяхъ моментъ зарожденія права и изслѣдовать различныя причины, находившіяся при этомъ въ взаимодействіи, дѣло безъ сомнѣнія не легкое. Здѣсь тѣ же трудности, какъ и при опредѣленіи тѣхъ же пунктовъ въ физическомъ рожденіи. Но какъ скоро право, какъ положительный плодъ государственной жизни, появилось на свѣтъ, то оно дѣлается распознаваемымъ: нуженъ только ясный взглядъ и безпристрастное изслѣдованіе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Государственное право и государственное владѣніе.

Въ частномъ правѣ мы обыкновенно различаемъ собственность и владѣніе: подобно тому можно говорить и о государственномъ владѣніи, въ противоположность государственному праву. Подъ владѣніемъ мы понимаемъ здѣсь фактическій порядокъ общественныхъ отношеній и отличаемъ его отъ порядка юридическаго.

Въ области государственнаго права владѣніе обращаетъ на себя вниманіе въ двухъ отношеніяхъ. Впервыхъ, оно въ силу своего фактическаго состоянія, можетъ требовать себѣ временной защиты противъ насильственныхъ нарушеній, во вторыхъ, оно можетъ служить основаніемъ для образованія новаго права и чрезъ государственную давность стать государственнымъ правомъ. Для публичнаго права владѣніе имѣетъ даже еще большее значеніе, нежели для частнаго. Въ первомъ оно несравненно легче переходитъ въ дѣйствительное право и имѣетъ гораздо большую правообразовательную силу, нежели въ послѣднемъ. Причина подобнаго различія заключается не въ одной виѣшней необходимости, то-есть, въ томъ, что въ сферѣ государства иногда нѣтъ такой высшей власти, которая

могла бы останавливать и прекращать неправомѣрное завладѣніе, касающееся общественныхъ отношеній; между тѣмъ какъ лицо, потерпѣвшее ущербъ въ своемъ частномъ правѣ и несправедливо лишенное владѣнія, всегда можетъ найти въ обыкновенныхъ судахъ защиту противъ нанесеннаго ему правонарушенія. Кромѣ этого есть внутреннее основаніе, коренящееся въ различной природѣ частнаго и государственнаго права.

Конечно, фактическое пользованіе и въ государственномъ правѣ, также какъ и въ частномъ, само по себѣ еще не достаточно для того, чтобы признать за лицомъ право, которымъ оно пользуется. Одно фактическое состояніе и въ области государственнаго права еще не можетъ быть принимаемо за право. И въ государственное право, чтобы оно возникло изъ владѣнія, долженъ привзойти духовно-нравственный элементъ. Но въ частномъ правѣ, кромѣ случая завладѣнія никому непринадлежащими вещами, когда тотчасъ возникаетъ собственность, лицо, самовластно захватывающее владѣніе до тѣхъ поръ не принадлежавшею ему вещь, сталкивается всякій разъ съ другимъ субъектомъ правъ, и такимъ образомъ вторгается въ кругъ другаго чело-вѣка, который, въ качествѣ частнаго лица, стоитъ на одной съ нимъ линіи. Напротивъ, въ открытомъ захватѣ разныхъ публичныхъ правъ весьма часто выражается сила естественныхъ отношеній, а отсутствіе сопротивленія противъ такого захвата заставляетъ предполагать въ то же время согласіе и признаніе со стороны государства, въ собственномъ тѣлѣ котораго произошло измѣненіе.

Это воззрѣніе станетъ еще яснѣе, когда мы сравнимъ его съ двумя крайними мнѣніями, выступающими противъ него съ противоположныхъ сторонъ, и воспользуемся имъ для ихъ провѣрки.

I. Теорія такъ называемыхъ *faits accomplis*. Она удобно принаровляется ко всякому фактическому измѣненію. Она признаетъ за право всякую, во внѣ проявляющуюся силу, не знаетъ никакого права, кромѣ права минутной побѣды, — никакого неправа, кромѣ неправа пораженія. Всякое возмущеніе въ глазахъ ея достойно

наказанія, когда оно не удастся, и справедливо, когда удастся. Всякое похищеніе осуждается ею, если только погибаетъ въ самой попыткѣ къ осуществленію, и немедленно признается, какъ скоро успѣхъ на его сторонѣ. Внѣшнее измѣняющееся явленіе служитъ для нея единственнымъ масштабомъ права. Съ рабскимъ вниманіемъ слѣдитъ она за всякимъ поворотомъ счастья и измѣняетъ свое знамя съ каждымъ его новымъ движеніемъ. Она выдаетъ себя защитницею существующаго порядка, а между тѣмъ подкапываетъ его; она превозносится тѣмъ, что обращаетъ вниманіе на развитіе жизни, а между тѣмъ поклоняется настоящему, каково бы оно ни было. Она не вѣруеть въ нравственную силу права и не понимаетъ его духовной природы. Къ несчастію, опасная для твердости права и безхарактерная доктрина совершившихся фактовъ неоднократно примѣнялась на европейскомъ материкѣ со времени французской революціи, и часто находила сочувствіе въ совершенно противоположныхъ партіяхъ.

Конечно, право должно принимать въ соображеніе внутреннія измѣненія условій жизни, но главная ошибка излагаемаго ученія состоитъ въ односторонности, съ которою оно полагаетъ всю силу въ фактическомъ явленіи и не намѣренно или намѣренно упускаетъ изъ виду нравственный и духовный элементъ права. Только тогда, когда измѣненіе во владѣніи одобряется юридическимъ сознаніемъ государства, когда сознаніе это проявляется въ новыхъ явленіяхъ жизни, — только тогда можетъ развиться такимъ путемъ новое дѣйствительное право. Конечно, во многихъ случаяхъ трудно изслѣдовать, присуще ли фактическому измѣненію это сознаніе, или нѣтъ; но трудность не уничтожаетъ высокаго значенія этого момента, который опредѣлить необходимо. Точками опоры для такого опредѣленія и потому условіями давности въ области государственнаго права служатъ слѣдующіе признаки:

а) Если въ государствѣ происходитъ еще открытая борьба за измѣненіе, то, значитъ, сознаніе правомѣрности новаго состоянія еще не проникло въ общество, хотя бы партія, которая борется за измѣненіе, была сильнѣйшая.

б) Если внутри государства побѣда на сторонѣ измѣненія, но ходъ дѣлъ и расположеніе умовъ еще таковы, что грозятъ возобновленіемъ борьбы, то и въ этомъ случаѣ владѣніе еще не сдѣлалось твердымъ правомъ.

с) Особенно важно или безмолвное допущеніе, или же прямое признаніе измѣнившагося порядка со стороны органовъ государства, имѣющихъ право и обязанность наблюдать за положеніемъ дѣлъ, въ частности со стороны высшихъ государственныхъ властей, или же народа, котораго касается измѣненіе.

д) Наконецъ, рѣшительное значеніе принадлежитъ между народному признанію со стороны державъ, призванныхъ охранять всеобщій миръ и общій всемірный порядокъ. Какъ скоро соблюдены всѣ эти условія, то новое образованіе права кончено, и первоначальная узурпація, освященная временемъ, сдѣлалась дѣйствительнымъ правомъ.

II. Легитимистическая теорія выставляетъ себя защитницею преимущественно духовно-нравственного элемента въ правѣ, въ противоположность фактическимъ явленіямъ, — твердаго права, въ противоположность случайному колебанію внѣшнихъ событій. Дѣйствительно, въ сравненіи съ ученіемъ *des faits accomplis*, она имѣетъ нѣкоторое преимущество. Но въ своей противоположной односторонности она, также какъ и первая теорія, впадаетъ въ противорѣчіе съ существомъ права.

Если подѣ легитимизмомъ разумѣть правомѣрность дѣйствительныхъ отношеній, — пониманіе, согласное съ самымъ названіемъ, — то онъ заслуживаетъ полного нашего уваженія. Но когда подѣ нимъ понимается одна обычная форма права, изъ которой уже исчезъ самый духъ, или издавна появившаяся юридическая идея, которая, отрѣшившись отъ дѣйствительности, потеряла возможность осуществленія, — тогда легитимизмъ становится пустою формулою, бессмысленною фразою. Легитимистическая теорія впадаетъ въ эту ошибку: къ ней вовсе не идетъ имя защитницы духовно-нравственного принципа, потому что духъ носить въ себѣ жизнь, — а она хочетъ удержать мертвую букву. Она думаетъ продолжить жизнь, сохраняя мумію. Ходъ

исторіи, живое слово права, выражающееся въ общественныхъ отношеніяхъ и судьбѣ народовъ, остается для нея непонятнымъ. Обращая взоры исключительно на прошедшее, она не видитъ силы всеизмѣняющаго времени. Съ какою-то ограниченностію она приковываетъ себя къ первообразной формулѣ стараго закона. Не ставя ни во-что естественную силу отношеній, она легко вырождается въ бессильную притязательность; отдѣляясь и отчуждаясь отъ жизни, она сама оцѣпенѣваетъ въ мертвыхъ формулахъ. Она не должна жаловаться на то, что всемірная исторія обгоняетъ ее, несмотря на ея бесплодные протесты. Къ ней примѣняется слово Христа: «Оставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ.»

Нѣтъ ни одного государства, которое могло бы существовать при исключительно - легитимистическомъ взглядѣ. Противъ него говоритъ весь порядокъ міра, и судъ всемірной исторіи уже давно отвергъ его.

Примѣчаніе. 1. Niebuhr. Geschichte der Revolution. 1. стр. 212. «Очевидно давность узурпаціи имѣетъ для государственнаго права такое же значеніе, какое для частнаго давность владѣнія.»

2. Важный и глубоко разумный аргументъ противъ ложнаго легитимизма представили міру папа Захарія и Франкская нація въ половинѣ восьмаго вѣка. Первый призналъ справедливымъ, чтобы имя короля получилъ тотъ, кто исполняетъ обязанности короля и самостоятельно пользуется королевскою властью; послѣдняя же возвысила, на основаніи папскаго слова, герцогскую династію Каролинговъ въ королевскую, и отняла королевскій титулъ у Меровинговъ, которые уже давно были королями только по имени, а не на самомъ дѣлѣ.

3. Австрійскій императоръ Іосифъ II въ знаменитомъ письмѣ къ прусскому королю Фридриху II толкуетъ легитимистическую доктрину въ пользу королей въ такомъ духѣ, который сильно приближается къ теоріи совершившихся фактовъ. «Ваше величество — монархъ, и какъ монархъ, Вы безъ сомнѣнія знаете права королевской власти. Мое предпріятіе противъ османовъ есть ничто иное, какъ легитимная попытка опять овладѣть тѣми областями, которыя съ теченіемъ времени, и вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, были оторваны отъ моей короны. Турки, — и я полагаю не они одни, — придерживаются такого государственнаго правила:

отнимать въ удобное время то, что потеряно въ несчастныхъ обстоятельствахъ.»

4. Болѣе тѣсное пониманіе легитимизма, пущенное въ ходъ княземъ Талейраномъ во время реставраціи 1814 года, выражаегь собою главнымъ образомъ право княжеской крови древнихъ династій, въ противоположность революціонному низложенію и узурпаторскому вытѣсненію ихъ; оно произошло изъ смѣшенія религіозныхъ, патримоніальныхъ элементовъ и семейнаго права. Слѣдовательно самое это понятіе принадлежитъ скорѣе средневѣковому, нежели новому государственному праву. Ср. статью *Legitimität* въ *Deutsches Staatswörterbuch*.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Методы изложенія.

Наука государственнаго права можетъ быть излагаема различнымъ образомъ. Въ частности можно различить два способа изложенія, основанныхъ на самой сущности дѣла, и два извращенныхъ. Первыми способами мы можемъ признать философскій и историческій методы изложенія. Извращенія происходятъ отъ крайняго преувеличенія одной какой нибудь преобладающей стороны указанныхъ методовъ. Такъ изъ философскаго является абстрактно-идеологическій, а изъ историческаго — односторонне-эмпирическій методъ. Противоположность методовъ вытекаетъ отчасти изъ свойствъ самаго права, отчасти изъ различнаго склада ума лицъ, трудившихся надъ наукою права.

Всякое право имѣетъ въ себѣ идеальную сторону, нравственное и духовное содержаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно опирается на реальную почву, и имѣетъ конкретную форму и конкретное значеніе. Эту послѣднюю сторону совершенно упускаетъ изъ виду абстрактная идеологія. Она выдумываетъ абстрактный государственный принципъ и извлекаетъ изъ него рядъ логическихъ выводовъ, не обращая вниманія на дѣйствительное государство и реальныя его отношенія. Даже Платонъ въ своей республикѣ впалъ въ эту ошибку, и потому пришелъ къ такимъ положеніямъ,

которыя прямо противорѣчатъ природѣ и потребностямъ человѣка. Впрочемъ богатство генія и чувство красоты формы предохранили Платона отъ жалкой доктрины полной сухихъ формулъ, — столь часто встрѣчающейся намъ въ ученіяхъ новыхъ писателей по государственному праву. Государство, какъ нравственно-органическое существо не есть продуктъ одной холодной логики; право государства не есть собраніе спекулятивныхъ положеній.

Абстрактно-идеологическій методъ, будучи приложенъ къ научному изслѣдованію, приводитъ къ безплоднымъ результатамъ: переходя же въ практику, онъ ведетъ къ опаснымъ попыткамъ провести въ дѣйствительность любимыя идеи (*ideés fixes*), къ разложенію и разрушенію существующаго права. Во времена революцій, — когда разнузданныя страсти охотно вооружаются такими абстрактными ученіями, надѣясь съ помощію ихъ разорвать узы закона, — въ подобныя времена идеологическія положенія легко пріобрѣтаютъ громадное могущество, и, неспособныя создать новый организмъ, ниспровергаютъ все съ демоническою силою. Французская революція въ фазисахъ наибольшей страстности представила всему міру доказательство истинности этого наблюденія. Наполеонъ не безъ основанія говаривалъ: «метафизики и идеологи погубили Францію.» Идеологическое пониманіе «свободы и равенства» наполнило Францію развалинами и напоило кровью; доктрина «монархическаго начала» подавила политическую свободу Германіи, и препятствовала развитію ея силы; абстрактное проведеніе принципа національности угрожало миру цѣлой Европы. Самыя благотворныя и истинныя идеи становятся гибельными, какъ скоро онѣ понимаются идеологически и осуществляются съ фанатизмомъ тупоумія.

Чисто эмпирический методъ впадаетъ въ противоположную крайность: онъ исключительно держится существующей внѣшней формы, буквы закона, или фактическихъ явленій. Этотъ методъ, оказавшій наукѣ заслугу собираніемъ матеріаловъ, находитъ многочисленныхъ приверженцевъ въ средѣ бюрократически воспитаннаго чиновничества. Рѣдко подвергая прямой опасности весь государственный порядокъ, какъ дѣлаютъ его идеоло-

гическіе антиподы, этотъ методъ какъ бы покрываетъ ржавчиною блестящій мечъ справедливости, опутываетъ общественное благосостояніе всякаго рода препятствіями, причиняетъ множество мелкаго зла, истощаетъ нравственную силу и разслабляетъ здоровье государства до такой степени, что въ критическія минуты спасеніе его трудно и даже иногда невозможно. Если въ практическомъ приложеніи идеологическій методъ приводитъ государство къ лихорадочнымъ симптомамъ и кризисамъ, то исключительно эмпирической методъ имѣетъ слѣдствіемъ хроническую болѣзнь.

Историческій методъ отличается отъ эмпирическаго тѣмъ, что онъ безсознательно и рабски не преклоняется предъ существующимъ закономъ или фактомъ, а старается духовно проникнуть въ внутреннюю связь между прошедшимъ и настоящимъ, изъяснить органическое развитіе народной жизни и проявляющуюся въ исторіи нравственную идею. Правда, и онъ отправляется прежде всего отъ реального явленія, но понимаетъ его какъ живое, а не какъ мертвое.

Съ историческимъ сроденъ истинно философскій методъ. Онъ мыслить не только абстрактно, но и конкретно, и потому связываетъ идею и реальность. Тогда какъ первый полагаетъ въ основаніе историческое явленіе и изслѣдованіе, послѣдній начинаетъ съ познанія человѣческой души, и съ этой точки зрѣнія наблюдаетъ открывающіяся въ исторіи проявленія человѣческаго духа.

Немногимъ посчастливилось соединить эти два способа изслѣдованія. Большая часть ученыхъ, весьма высоко стоящихъ въ научномъ отношеніи, по складу своего ума слѣдовали преимущественно тому или другому направленію. Прежде всего заслуживаетъ нашего удивленія Аристотель. Его ученіе о государствѣ, хотя писанное еще въ тотъ юношескій періодъ исторіи человѣчества, который предшествовалъ зрѣлому государственному развитію, оставалось, однако, въ продолженіе тысячелѣтій самымъ чистымъ источникомъ государственной мудрости. Римлянинъ Цицеронъ, хотя подражалъ въ формѣ аргументаціи и изложенія философскому методу болѣе къ тому способныхъ грековъ, но лучшую

часть содержания своих творений почерпнулъ изъ богатой практики римской политики. Изъ новыхъ мыслителей первыми представителями философско-исторического метода слѣдуетъ признать француза Бодена, итальянца Вико и англичанина Бэкона Веруламскаго. Англичанинъ Боркъ, подобно Цицерону, обладавшій увлекательнымъ, порывистымъ краснорѣчіемъ, занимствовалъ ученіе англійской государственной науки изъ исторіи и изъ жизни своего народа и возвелъ въ блестящую, философскую форму. Итальянецъ Макіавелли, который въ своихъ сочиненіяхъ положилъ богатый жизненный опытъ глубокаго и мудраго знатока людей, и французъ Монтескьё, съ свободнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на міръ, богатый тонкими замѣчаніями и превосходными наблюденіями, — соединяють въ своихъ сочиненіяхъ и тотъ и другой методъ; впрочемъ, первый болѣе склоняется къ историческому, а послѣдній къ философскому взгляду. Напротивъ, швейцарецъ Руссо и англичанинъ Бентамъ, равно какъ и большая часть нѣмцевъ держатся болѣе философскаго направленія и чаще своего великаго прототипа Платона, впадаютъ въ одностороннія идеологическія заблужденія.

Итакъ ясно, что оба метода, историческій и философскій, не исключаютъ одинъ другаго. Напротивъ они взаимно дополняютъ и поправляютъ другъ друга. Безъ сомнѣнія, весьма ограниченъ тотъ историкъ, который думаетъ, что имъ заключается исторія и что послѣ него уже не родится новое право, и тотъ философъ, который полагаетъ, что онъ начало и конецъ всякой истины. Истинный историкъ всегда отдаетъ справедливость философіи, равно какъ истинный философъ непременно посовѣтуется съ исторіею.

Но каждый изъ двухъ указанныхъ методовъ имѣетъ свои особыя преимущества и вмѣстѣ съ тѣмъ особые недостатки и опасности. Главное преимущество историческаго метода есть богатство и положительность его результатовъ, ибо исторія полна живаго разнообразія, и въ то же время совершенно положительна. Что выдумалъ бы ни въ своей головѣ самый плодовитый мыслитель, все это будетъ жалкимъ отрывкомъ въ сравненіи съ мыслями, открывающимися въ исторіи

человѣчества, — и все это притомъ будетъ имѣть лишь неопредѣленный, туманный видъ. Но тутъ-же является и опасность, которая состоитъ въ томъ, что, слѣдуя по историческимъ путямъ, за богатымъ разнообразіемъ легко забыть, и потерять изъ виду единство. Тяжесть матеріала подавляетъ человѣка; его одолеваетъ масса историческихъ опытовъ; но главное, обращаясь и привязываясь къ прошедшему, историкъ часто теряетъ живой взглядъ на настоящее и будущее. Конечно, указанные опасности не суть необходимыя слѣдствія историческаго метода, но сама исторія показываетъ намъ, какъ часто люди, слѣдовавшіе ей, уклонялись на эти ложные пути.

Преимущества философскаго метода суть: чистота, гармонія и единство системы, полное удовлетвореніе человѣческаго стремленія къ совершенству, идеальность. Результаты ея имѣютъ по преимуществу человѣческой характеръ, по преимуществу идеальный отпечатокъ. Съ другой стороны ему грозятъ и особенныя опасности. Философы, стремясь отыскать единую цѣль, которую они часто представляютъ себѣ весьма простою, упускаютъ изъ виду внутреннее разнообразіе природы и богатое содержаніе реального бытія. Слѣдуя за быстрымъ полетомъ свободной мысли, они, вмѣсто открытія дѣйствительныхъ законовъ, нерѣдко изобрѣтаютъ пустыя, безсодержательныя формулы и играютъ ими. Отрицая естественное развитіе, они срываютъ незрѣлые плоды, сажаютъ деревья безъ корня и впадаютъ въ идеологическое безсмысліе. Только немногимъ философскимъ умамъ удалось остаться свободными отъ этихъ заблужденій.

Примѣчаніе. Эти и подобныя мысли я подробнѣе изложилъ въ 1841 году въ сочиненіи: «Новѣйшія школы нѣмецкихъ юристовъ въ отношеніи ихъ къ нѣмецкой наукѣ». Второе изданіе. Цюрихъ 1862 г. Но еще за долго прежде англійскій канцлеръ Бэконъ раскрылъ ошибки естественнаго права и положительной юриспруденціи своего времени, и отъ соединенія исторіи съ философіею ожидалъ реформы юридической науки.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческіе признаки.

Если мы взглянемъ на массу государствъ, представляемыхъ нашимъ глазамъ исторіею, то съ перваго раза замѣтимъ нѣсколько признаковъ, общихъ всѣмъ государствамъ; другіе же признаки откроются при болѣе внимательномъ изслѣдованіи.

1. Прежде всего ясно, что въ каждомъ государствѣ соединяется масса людей. Какъ ни различна бываетъ численность народа въ отдѣльныхъ государствахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ нѣсколько тысячъ, другія же, напротивъ, цѣлые милліоны людей, но несомнѣнно то, что о государствѣ можетъ быть рѣчь только тогда, когда общежитіе переступило сферу простаго семейства, когда соединилось въ одно цѣлое множество людей, семействъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Семейство, родъ, какъ на примѣръ домъ іудейскаго патріарха Іакова, могутъ конечно быть центрами, около которыхъ съ теченіемъ времени собирается множество людей, но образованіе государства возможно лишь тогда, когда такое собираніе совершилось, когда отдѣльное семейство разрослось въ цѣлый рядъ семействъ, родство расширилось до народа. Безъ народа нѣтъ государства.

Нормы для численности народа, составляющаго государство, на примѣръ 10,000, какъ думалъ Руссо, не существуетъ. Въ такихъ малыхъ размѣрахъ государства

могли быть безопасными и существовать съ нѣкоторымъ достоинствомъ только въ средніе вѣка. Новое же время стремится къ образованію большихъ государствъ; потому что съ одной стороны политическія задачи новаго государства требуютъ большей полноты народныхъ силъ, съ другой стороны возрастающее могущество большихъ государствъ становится опаснымъ для независимости и свободы малыхъ.

2. Далѣе, для существованія государства представляется необходимымъ прочное отношеніе народа къ землѣ. Государство требуетъ территоріи; народу нужна страна, гдѣ бы онъ жилъ. Кочевые народы, хотя и имѣютъ во главѣ своей начальниковъ, и руководствуются правомъ, но стоятъ, такъ сказать, лишь въ преддверіи государства. Только осѣдлостью ихъ условливается образованіе государства. Моисей воспиталъ іудейскій народъ для государственной жизни, но Иисуса Навина нужно считать основателемъ іудейскаго государства въ Палестинѣ. Когда во время великаго переселенія народы оставили свои прежнія жилища и стремились завоевать новыя, они находились въ переходномъ состояніи. Прежняго ихъ государства уже не существовало, а новое не сложилось. Личный союзъ продолжался еще нѣкоторое время, но связь съ землею была порвана. Только снова ставъ на твердую почву, новые народы успѣли образовать государство; тѣ же народы, которымъ не удалось завоевать территоріи, погибли. Такъ при Фемистоклѣ аѳиняне спасли на корабляхъ свое государство, потому что послѣ побѣды снова заняли городъ. Кимвры же и тевтоны погибли, потому что ставили свою прежнюю родину, а новой не пріобрѣли. Даже римское государство уничтожилось бы, если бы римляне послѣ пожара Рима переселились въ Вейи.

3. Государство представляетъ собою единство цѣлаго, совмѣстное бытіе народа. (*Zusammengehörigkeit des Volkes*). Внутри государства возможны два различныхъ расчлененія каждое съ значительною долею самостоятельности, какъ, на примѣръ, въ Римѣ патриціанскій народъ (*populus*) и плебеи, въ старой средневѣковой Германіи народное и ленное устройство. Государ-

ство можетъ слагаться и изъ большого числа частей, которыя внутри себя въ свою очередь составляютъ государства, какъ это мы видимъ изъ примѣра союзовъ греческихъ государствъ и древнихъ федерацій, а также союзаго государства сѣвероамериканцевъ. Но если общезитіе, или во внутреннемъ своемъ организмѣ не имѣетъ единой связи, или же въ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ не проявляется однимъ связнымъ цѣлымъ, то здѣсь нѣтъ государства.

4. Во всѣхъ государствахъ, хотя въ весьма разнообразныхъ формахъ, но непремѣнно выступаетъ противоположность между управляющими и управляемыми, или, употребляя старое выраженіе, которое часто неправильно понималось и служило источникомъ злоупотребленій, но тѣмъ не менѣе само по себѣ не возбуждаетъ ненависти и не выражаетъ несвободы, — противоположность между правительствомъ и подданными. Даже въ самой полной демократіи, гдѣ эта противоположность повидимому исчезаетъ, она все таки существуетъ. Народная община аѳинскихъ гражданъ была правительствомъ, а отдѣльные аѳиняне по отношенію къ ней подданными.

Гдѣ нѣтъ облеченнаго авторитетомъ правительства, гдѣ управляемые отказали въ политическомъ повиновеніи, причемъ каждый дѣлаетъ, что хочетъ, словомъ, гдѣ анархія, тамъ прекращается государство. Но анархія, какъ каждое отрицаніе, имѣетъ въ себѣ мало постоянства. Во всякомъ живомъ народѣ скоро выдѣляется изъ нея, хотя въ суровой, и часто грубой формѣ, новое правительство, которое вынуждаетъ себѣ повиновеніе, и такимъ образомъ снова устанавливаетъ неизбежную противоположность правительства и подданныхъ. Коммунисты въ своихъ теоріяхъ отрицаютъ эту противоположность, но тѣмъ самымъ отрицаютъ и государство. Ни въ одномъ народѣ еще не удалось имъ уничтожить государство и ввести свой чисто общественный союзъ. Если бы, впрочемъ, они и успѣли на нѣкоторое время привлечь массы къ себѣ и къ своимъ планамъ, то, основываясь на примѣрѣ религіозныхъ коммунистовъ XVI вѣка, анабаптистовъ, и на внутренней послѣдователь-

ности вещей, можно навѣрное разсчитывать, что они опять установили бы власть, и при томъ самую суровую.

5. Основательное изслѣдованіе государственныхъ явленій показываетъ, что государство есть органическое существо. Признаніе органической природы государства весьма полезно и для практическаго обсужденія государственныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, въ каждомъ государствѣ мы замѣчаемъ для различныхъ родовъ общественной дѣятельности различныя должности, чины, и вѣдомства, устроенныя и назначенныя для того, чтобы въ качествѣ органовъ государства, служить къ отправленію его дѣятельности. Индивидуумъ, вступающій въ публичную должность, перестаетъ быть только частнымъ лицомъ, живущимъ прежде всего для себя; онъ становится публичнымъ лицомъ, на сколько того требуетъ должность. Самая должность, занимаемая имъ, относится къ государству, какъ цѣлому, точно также какъ членъ къ тѣлу. Должность не есть часть машины, ей не принадлежитъ лишь механическая дѣятельность, которая всегда одна и таже, какъ, на примѣръ, у колесъ и веретенъ на фабрикѣ; функціи ея имѣютъ духовный характеръ, и измѣняются въ отдѣльномъ лицѣ, смотря по потребностямъ общественной жизни, для удовлетворенія которыхъ онъ предназначенъ. Служа жизни, онъ самъ въ себѣ жизненъ. Когда въ какой-нибудь должности вымираетъ жизнь, когда она впадаетъ въ чуждый всякой мысли формализмъ, и приближается къ природѣ машины, которая производитъ свое правильное, механическое движеніе на основаніи твердыхъ внѣшнихъ законовъ, безъ всякаго вниманія къ измѣняющимся отношеніямъ; тогда самая должность гибнетъ, а государство, превратившееся въ машину, навѣрное клонится къ своему паденію.

Не только человекъ, дѣйствующій на какой-либо должности, но и самая должность имѣетъ психическое значеніе. Въ каждой должности есть особый характеръ, особый духъ, оказывающій въ свою очередь вліяніе на лицо облеченное ею. Въ римскомъ кон-

судьствѣ заключалось такое величіе и такая полнота силы, что даже незначительный человѣкъ, будучи избранъ въ консулы, возвышался нравственно и увеличивалъ свои естественныя силы. Должность судьи такъ священна и въ такой мѣрѣ посвящена на служеніе справедливости, что эти высокія свойства ея наполняютъ душу даже слабаго человѣка, поставленнаго судьей, и могутъ пробудить въ немъ смѣлость стоять за правду. Конечно, духъ должности не можетъ измѣнить природы должностнаго лица, не можетъ проникнуть въ него настолько, чтобы личное отправленіе должности всегда соответствовало ея назначенію, но должностное лицо всегда чувствуетъ психическое воздѣйствіе должности на его индивидуальный духъ. Если только лицо это имѣетъ достаточно наблюдательности, то непременно замѣтитъ, что въ самой должности есть душа, которая хотя вступаетъ въ тѣсное отношеніе и непосредственное соединеніе съ его индивидуальностью, но отлична отъ послѣдней и переживаетъ личность самаго должностнаго лица.

Такъ какъ всѣ публичныя должности и чины относятся къ государству какъ его члены, то само государство есть органическое цѣлое, которое объединяетъ разнообразіе должностей и приводитъ ихъ къ внутренней гармоніи. Поэтому, цѣлое и его части, государство и его должности, какъ органическія формы, имѣютъ исторію развитія. Такимъ образомъ, съ ними въ сущности повторяется тоже, что и съ другими органическими существами на землѣ. Всѣ онѣ подвержены внутреннимъ преобразованіямъ, и проходятъ различныя фазы, — юности, зрѣлости и старости. Это ясно видно изъ исторіи государствъ и отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій, которыя существуютъ долѣе нежели отдѣльные люди и развитіе которыхъ часто продолжается нѣсколько столѣтій.

Впрочемъ, рядомъ съ этимъ сходствомъ развитія государства съ развитіемъ органическихъ существъ, познаваемыхъ нами въ природѣ, существуетъ и противоположность, которая заслуживаетъ вниманія. Между тѣмъ

какъ развитіе жизни растенія, животнаго и человѣка идетъ правильными періодами и степенями, — ходъ развитія государствъ и государственныхъ учреждений совершается не всегда съ такою правильностью. Вліянія человѣческой свободы или внѣшнихъ обстоятельствъ производятъ часто значительныя отклоненія въ развитіи государственной жизни, внезапно перерываютъ или ускоряютъ и иногда совершенно извращаютъ нормальный его ходъ, смотря потому, великіе ли и сильные люди вмѣшиваются въ развитіе, или дикія страсти народа. Впрочемъ, эти отклоненія нельзя считать ни столь многочисленными, ни столь значительными, чтобы изъза нихъ самое правило теряло свое значеніе. Напротивъ, они гораздо рѣже и по большей части незначительнѣе, нежели какъ полагаютъ люди, руководящіеся въ своихъ мнѣніяхъ непосредственными впечатлѣніями современной жизни. Но все-таки отклоненія довольно важны для того, чтобы доказать односторонность и неудовлетворительность мысли о чисто естественномъ ростѣ (*Naturwüchsigkeit*) государства и предоставить законныя права свободному, индивидуальному дѣйствію.

6. Убѣждая насъ въ органической природѣ государства, исторія въ то же время показываетъ, что государство не стоитъ на одной степени съ низшими организмами растеній и животныхъ, а принадлежитъ къ высшему роду. Она представляетъ государство нравственно-духовнымъ организмомъ, великимъ тѣломъ, которое способно воспринимать чувства и мысли народовъ, высказывать ихъ въ законѣ, осуществлять въ дѣятельности. Она сообщаетъ намъ о моральныхъ свойствахъ, о характерѣ отдѣльныхъ государствъ. Она видитъ въ государствѣ личность, одаренную духомъ, имѣющую тѣло и проявляющую собственную волю.

Слава и честь государства издавна возвышали духъ сыновъ его и располагали ихъ къ жертвамъ. Во все времена и у всѣхъ народовъ благороднѣйшіе и лучшіе люди жертвовали своимъ имуществомъ и жизнью за свободу, самостоятельность и права его. Расширеніе вліянія и могущества государства, увеличеніе его благосостоянія и счастья повсюду считалось одною изъ по-

четнѣйшихъ задачъ талантливыхъ личностей. Въ радостяхъ и страданіяхъ государства всегда принимали участіе всѣ граждане его. Великая идея отечества и любви къ отечеству была бы немислима, если бы ему не принадлежала высокая, нравственно-личная природа.

Признаніе личности государства также существенно для государственнаго права, какъ и для международнаго.

Лицо, въ юридическомъ смыслѣ, есть существо, которому мы приписываемъ правовую волю, которое можетъ пріобрѣтать, творить и имѣть права. Въ области публичнаго права это понятіе также важно, какъ и въ области частнаго. Но государство есть субъектъ государственнаго права въ высшемъ смыслѣ. Все государственное устройство направлено къ тому, чтобы выразить и осуществлять единую государственную волю, которая отлична отъ индивидуальной воли отдѣльныхъ лицъ, и есть нѣчто иное, нежели сумма отдѣльныхъ волей.

Если мы сведемъ къ одному цѣлому результаты представленнаго историческаго анализа, то понятіе государства опредѣлится такимъ образомъ: государство есть совокупность людей, соединенныхъ въ нравственно-органическую личность, на опредѣленной территоріи, въ формѣ правительства и подданныхъ.

Примѣчаніе. Не безъинтересно прослѣдить, какъ различные народы называли государство. Греки называли городъ и государство однимъ и тѣмъ же именемъ (*πόλις*), выражая этимъ, что понятіе ихъ о государствѣ было основано на представленіи города, и ограничивалось кругозоромъ города. И римское *civitas* еще указываетъ на гражданство одного города, какъ на зерно государства, но принимается болѣе въ смыслъ личности, нежели греческое слово, и болѣе способно обнять собою большія народныя массы. Высшее нравственное значеніе государства выражается въ томъ, что слово «цивилизация» заимствовано отъ названія государства, и совпадаетъ практически съ расширеніемъ и осуществленіемъ государства.

Другое римское названіе *res publica* стоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи еще выше; именно, въ основаніи его лежитъ понятіе не только гражданства (городскаго), но и народа (*res*

populi), и кромѣ того въ немъ содержится указаніе на народное благосостояніе. Въ смыслѣ древнихъ, понятіе республики не исключаетъ и монархіи, не прилагаясь только къ деспотически устроеннымъ государствамъ.

Въ новыхъ языкахъ не только у романскихъ народовъ, но и у германцевъ преобладаетъ выраженіе Staat (stato, état, state). Само по себѣ безразличное, (въ первоначальномъ своемъ смыслѣ оно обозначаетъ всякое состояніе, и очевидно прежде дополнялось добавочными словами status rei publicae, чтобы получить ближайшее отношеніе къ государству,) это выраженіе сдѣлалось въ послѣдствіи самымъ общимъ названіемъ государства, не ограниченнымъ ни какими посторонними понятіями и не заключающимъ въ себѣ ни какой двусмысленности. Хотя понятіемъ status выражается нѣчто твердое, устойчивое, но и эта связь была забыта, и теперь это слово обозначаетъ не существующій только государственный порядокъ и государственное устройство (πολιτεία), а государство вообще, которое можетъ пережить даже полную перемену въ образѣ правленія.

Всѣ другія новыя выраженія имѣютъ ограниченное значеніе. Такъ гордое слово Reich прилагается только къ большимъ государствамъ, и притомъ такимъ, которыя организованы монархически и составлены изъ многихъ, относительно самостоятельныхъ странъ; оно похоже на романское слово imperium, empire, въ которомъ сверхъ того содержится указаніе на императорскую власть. Еще тѣснѣе смыслъ слова, страна, (Land), которое прежде всего обозначаетъ внѣшнюю, и притомъ цѣльную государственную территорию, а потомъ уже находящееся на этой территоріи государство. Слово это составляетъ естественную противоположность греческому polis, потому что оно основываетъ государство на земствѣ, между тѣмъ какъ греческое названіе выводило государство изъ города. Еще уже по причинѣ отношенія къ индивидууму, но въ тоже время возвышеннѣе вслѣдствіе указанія на личную связь и преемство кровнаго родства въ странѣ, прекрасное слово «отечество.» Въ немъ отпечатлѣвается вся полнота любви и уваженія отдѣльнаго члена государства къ великому и живому цѣлому, къ которому онъ принадлежитъ тѣлесно, съ бытіемъ котораго срослось и его собственное бытіе, и жертвовать для котораго, чѣмъ можно, есть высочайшая честь человѣка ¹.

---

¹ Эврипидъ въ «Финикіянкахъ» говоритъ: Каждый чувствуетъ себя привязаннымъ къ отечеству. О мать! кто гово-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Человѣческая идея государства.

Всемирное государство.

Достаточно ли для человѣческаго духа то понятіе о государствѣ, какое можно составить изъ историческаго разсмотрѣнія различныхъ государствъ? Историческая школа чувствуетъ себя совершенно удовлетворенною тѣмъ положеніемъ, что государство есть тѣло народнаго общества, (*der Körper der Volksgemeinschaft*). Она выводитъ государство изъ природы и потребности націи и ограничиваетъ его націею.

Но философское познаніе не можетъ такъ легко примириться съ этимъ отвѣтомъ. Изслѣдуя внутреннее основаніе государства, философія въ самой человѣческой природѣ находитъ склонность къ нему и потребность въ немъ. Уже Аристотель высказалъ великую истину: «человѣкъ по самой природѣ есть государственное существо» (*φύσει πολιτικὸν ζῷον*). Не національная исключительность, а общая человѣческая природа, производитъ въ человѣкѣ способность къ государственной жизни и потребность государства. Далѣе, подвергая серьезному изслѣдованію организмъ разныхъ государствъ, мы открываемъ, что у совершенно различныхъ народовъ встрѣчаются одни и тѣ же существенные органы государства. Повсюду можно замѣтить въ нихъ общій человѣческій характеръ, въ отношеніи къ которому отдѣльныя національныя формы являются варіаціями на одну и ту же тему. Наконецъ, самое понятіе народа не есть существующее само для себя, замкнутое понятіе; оно съ внутреннею необходимостью указываетъ на высшее единство, человѣчество, члены котораго — народы. Итакъ, возможно ли основать государство на народѣ, не обращая вниманія на высшую единицу, которой подчиненъ народъ. Притомъ, если человѣчество дѣйствительно есть единое цѣлое, если оно одушевлено од-

---

рится иначе, тотъ только играетъ словами, мысли же его всегда стремятся къ родинѣ.

нимъ общимъ духомъ, то можетъ ли оно не стремиться къ воплощенію собственнаго существа, т. е. къ государству?

Поэтому государства, построенныя исключительно на началѣ національности, имѣютъ только относительную истинность и относительное значеніе. Мыслитель не можетъ видѣть въ нихъ осуществленія высшей идеи государства. Для мыслителя государство есть человѣчскій организмъ, человѣческая личность. Если же оно таково, то человѣчскій духъ, живущій въ немъ, долженъ имѣть и человѣческое тѣло, ибо духъ и тѣло находятся въ неразрывной связи и соединеніе ихъ составляетъ личность; въ нечеловѣчески—организованномъ тѣлѣ не можетъ жить человѣчскій духъ. Потому государственное тѣло должно быть подражаніемъ человѣческому тѣлу. Итакъ, совершенное государство тождественно съ тѣлесно видимымъ человѣчествомъ. Всемирное государство есть идеаль человѣческаго прогресса.

Человѣкъ, какъ отдѣльное лицо, и человѣчество, какъ цѣлое, — вотъ первоначальныя и постоянныя противоположности творенія. На нихъ въ сущности основывается различіе частнаго и государственнаго права. Правда, сознаніе общности человѣчества находилось до сихъ поръ на степени мечты, и неоднократно уклонялось на на ложный путь. Оно еще не пробудилось со всею ясностью и не дошло до единства воли. Поэтому человѣчество еще не въ состояніи было вступить въ періодъ своего органическаго бытія. Только позднѣйшія вѣка будутъ свидѣтелями осуществленія всемірнаго государства. Но стремленіе къ такому организованному, жизненному общенію всѣхъ народовъ уже проявлялось время отъ времени въ исторіи, и цивилизованная Европа уже обращаетъ серьезное вниманіе на эту высокую цѣль.

Справедливо, что всѣ попытки осуществить въ дѣйствительности всемірное государство оканчивались неудачно. Но отсюда вовсе еще не вытекаетъ для государства недостижимость этой цѣли, точно также какъ изъ того, что до сихъ поръ не исполнилась надежда

христіанской церкви обнять собою подобно всемірному государству все человѣчество, не слѣдуетъ заключать о неосуществимости такой надежды. Какъ христіанская церковь не можетъ отказаться отъ вѣры въ то, что сдѣлается всеобщю, такъ и гуманная политика не можетъ отказаться отъ стремленія организовать все человѣчество.

Сама исторія, если только мы съумѣемъ смотрѣть на нее свободнымъ взглядомъ, съ достаточною ясностью укажетъ путь къ этой цѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ предостережетъ отъ заблужденій, въ которыя впадали даже политическіе гени, когда дѣлали смѣлыя попытки прежде времени осуществить идею всемірнаго государства.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Европѣ пробудилось человѣческое сознаніе о государствѣ, каждый періодъ ея жизни представляетъ свою попытку въ этомъ родѣ.

Прежде всего выступаетъ на сцену Александръ Великій. Празднуя сто браковъ въ Сузѣ, Александръ представилъ міру ¹ внѣшній образъ своей идеи. Онъ хотѣлъ сочетать мужескій духъ эллиновъ съ женственностью азіатцевъ. Западъ и Востокъ должны были, по мысли Александра, соединиться и смѣшаться, и изъ смѣшенія ихъ «какъ бы въ одномъ кубкѣ любви» должно было произойти новое человѣчество, которое составило бы одно великое, божественно-человѣческое царство и нашло бы въ немъ свое удовлетвореніе. Александръ опредѣлилъ этимъ культуру слѣдующихъ вѣковъ, и сѣмена греческаго образованія роскошно возрасли на открытой почвѣ Азіи. Но не одной роковой судьбѣ, которая сломила основателя новаго всемірнаго государства въ цвѣтѣ лѣтъ, прежде нежели онъ успѣлъ утвердить свои объединяющія учрежденія и избрать себѣ преемника, — не одной этой судьбѣ нужно приписать то, что первая геніальная попытка основать всемірную имперію не имѣла прочности и безнадежно пала съ смертію Александра. Смѣшеніе противоположностей было въ то же время омраченіемъ истины; сама руководящая идея была еще не ясна.

¹ Rex terrarum omnium ac mundi Justin. XII. 16. Laurent. Hist. de Droit des Gens II. 5.262.

Смѣшеніе перепутало политическія идеи. Свободный, человѣческій взглядъ эллиновъ на государство не могъ соединиться съ религіознымъ понятіемъ персовъ о божественности царской власти. Македонская монархія не могла быть въ то же время азіатскою теократіей. Восточные народы охотно вѣрили, что Александръ есть сынъ высочайшаго Бога, европейцамъ же было противно требованіе оказывать человѣку-владыкѣ божественную честь.

И народы пришли въ замѣшательство. Хотя эллинская наука и культура освободила восточный міръ отъ суровыхъ оковъ религіозно-политической исключительности, но слѣдствіемъ ея было скорѣе разложеніе стараго, нежели созданіе новаго міра. Обоготвореніе человека вытѣснило уваженіе къ древнимъ богамъ; и извратившаяся культура европейцевъ способствовала окончательному истощенію Востока.

Болѣе продолжительный и прочный успѣхъ имѣла попытка римлянъ пріобрѣсти господство надъ всѣмъ міромъ. Римская имперія была имперією всемірною. Римскій народъ чувствовалъ себя призваннымъ распространить по землѣ свою государственную идею и покорить всѣ народы своей власти. Мужество и желѣзная сила римскаго характера преодолѣли многочисленныя націи, осмѣлившіяся противостать ихъ побѣдоносному шествію по земному шару; римское государство съ его гранитными юридическими учрежденіями на прочныхъ основахъ утвердилось въ трехъ частяхъ свѣта. Величайшій римлянинъ Цезарь оставилъ въ наслѣдство послѣдующему міру идею имперіи, и въ лицѣ ея создалъ авторитетъ, выходящій за національные предѣлы и охватывающій цѣлый міръ.

Но и стремленіе римлянъ осуждено всемірною исторіей. Въ основаніи его лежало не смѣшеніе народовъ, какъ въ попыткѣ Александра, а высшая природа одного народа, желавшаго на всемъ человѣчествѣ напечатлѣть свой народный характеръ, романизировать міръ. Въ этомъ состоялъ внутренній недостатокъ попытки римлянъ. Ни одна нація не сильна настолько, чтобы охватить собою все человѣчество и за-

давить въ своихъ рукахъ другія націи. Противодѣйствіе германской націи, обладавшей свѣжими юношескими силами, сокрушило римское всемірное государство. Оно не могло преодолѣть германцевъ и послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы пало подъ ихъ напоромъ.

Со времени римлянъ идея всемірнаго государства уже ни разу съ такимъ блескомъ не свѣтила на политическомъ горизонтѣ, но тѣмъ не менѣе она не исчезла. Романско-германскій средневѣковый міръ опять пытался по-своему осуществить ее. Попытки сначала франкской монархіи, потомъ нѣмецко-римской имперіи хотя предприняты были въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, нежели прежнія, но заключали въ себѣ важныя успѣхи въ познаніи истины. Уже не высказывалось болѣе желаніе создать всемогущее абсолютное государство, которое равномерно обнимало бы всѣ стороны общественной жизни. Къ тому времени христіанство внесло въ міръ великую и богатую результаты для человѣчества противоположность между государствомъ и церковью. Государство отказалось управлять совѣстью посредствомъ своихъ законовъ. Оно сознало, что наряду съ нимъ существуетъ религіозное общество, которое имѣетъ собственный жизненный принципъ и собственное видимое тѣло, отличное отъ бытія государства и совершенно самостоятельное. Этимъ былъ положенъ предѣлъ всемогущему господству государства. Государство вынуждено было предоставить религіозную жизнь руководству церкви. Правда, оно не выяснило вполнѣ своего отношенія къ церкви, но свобода религіозной вѣры и богопочитанія была спасена отъ его произвола, и авторитетъ христіанства не сталъ въ зависимость отъ его авторитета.

Въ то же время явилось сознаніе, что христіанская всемірная имперія должна не поглощать и уничтожать различныя народы, а напротивъ принести всѣмъ имъ миръ и право. Средневѣковой римскій императоръ признавался не абсолютнымъ господиномъ всѣхъ народовъ, а охранителемъ ихъ права и свободы. Такъ очистилась императорская идея, которою могли вдохновиться государственныя челоуѣкъ, подобный Фридриху

II¹ и мыслитель, подобный Данту². Средневѣковая имперія обнимала собою множество въ сущности самостоятельныхъ государствъ, которыя хотя и были соединены въ одинъ общій порядокъ и формально подчинялись императору, но во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ оставались независимыми и жили по собственной волѣ. Въ средніе вѣка съ особенною заботливостью охранялось и поддерживалось разнообразіе народной и племенной жизни. Но эта сторона, сама по себѣ составлявшая шагъ впередъ въ развитіи всемірнаго государства, будучи односторонне развита, повела къ его разложенію. Влеченіе къ обособленію было сильнѣе, нежели стремленіе къ единству. Разрывъ національностей, противоположность языка раздѣлила Францію и Германію, и раздробила всемірную монархію франковъ на двѣ части. Бѣдныя средствами, нѣмецкое королевство и римская имперія не могли воспрепятствовать возвышенію князей и территоріальныхъ владѣльцевъ. Нѣмецкій центральный институтъ не имѣлъ центральной опоры, преимущество осталось за периферіей, и имперія расшаталась. Такимъ образомъ попытки опять не удались, но онѣ въ свою очередь оставили послѣдующимъ поколѣніямъ поучительные примѣры.

Въ настоящемъ столѣтіи императоръ Наполеонъ I вздумалъ было снова вызвать на свѣтъ мысль, долгое время остававшуюся въ забвеніи. Онъ избѣжалъ ошибки среднихъ вѣковъ, и прежде всего позаботился о созданіи прочной, энергической центральной власти, но онъ недостаточно обратилъ вниманіе на то, въ чемъ состоялъ шагъ впередъ, сдѣланный средними вѣками. Онъ слишкомъ мало уважалъ чужія національности, и

---

¹ Frederici Const. Regni Siculi 1. 30. Oportet Caesarem fore justitiae patrem et filium, dominum et ministrum, patrem et dominum in edendo justitiam et editam conservando: sic et in venerando justitiam sit filius et in ipsius copiam ministrando minister.

² Въ сочиненіи его de monarchia прославляется имперія; въ «Божественной комедіи» онъ видитъ въ императорѣ вѣнецъ божественнаго порядка міра. Ср. Wigele Dante's Leben und Werke. Iena 1852.

такимъ образомъ опять вступилъ на ту дорогу, которою до него шли римляне. Онъ хотѣлъ организовать Европу въ великое, сложное международное государство, которое разчленилось бы на отдѣльныя государства. Императорская власть должна была принадлежать французской націи, которая такимъ образомъ сдѣлалась бы главою. Въ одно поколѣніе онъ хотѣлъ сдѣлать то, на что римляне употребили цѣлыя столѣтія. Но Наполеонъ не могъ привести въ исполненіе своихъ плановъ. Нельзя сказать, чтобы планы его сокрушились о сопротивленіе нѣмецкой націи. Хотя нѣмцы неохотно переносили французское владычество, но сомнѣваясь въ своей старой имперіи, и недовольные положеніемъ дѣлъ въ отечествѣ, они были, по видимому, расположены къ наполеоновскимъ реформамъ. Только два великія нѣмецкія государства, — Пруссія, опасавшаяся за свое существованіе и Австрія, сама чувствовавшая себя имперіею, въ постоянныхъ войнахъ старались сокрушить французское владычество. Но обѣ эти державы были побѣждены великимъ государственнымъ человѣкомъ и полководцемъ. Наполеону не удалось только сломить сопротивленіе Англіи, въ которой великое выработанное исторіею національное чувство соединилось съ германскими идеями свободы, съ другой стороны русскіе отступили, но не покорились; французы не устояли противъ соединенной Европы. Впрочемъ, Наполеоновская мысль не была приведена въ исполненіе по тѣмъ же причинамъ, какъ прежде римская. Народы чувствовали, что всеобщая монархія угрожаетъ имъ; они не считали новаго порядка удовлетворительнымъ и безопаснымъ; французскій же народъ съ своей стороны не былъ на столько могущественъ, чтобы подчинить себѣ остальные націи.

Между тѣмъ непобѣдимое время непрерывно работаетъ надъ сближеніемъ народовъ и пробужденіемъ всеобщаго сознанія человѣческаго единства. А такое сознаніе есть уже естественная подготовка къ установленію общаго порядка въ мірѣ. Этой цѣли служатъ открытія послѣдняго времени и многочисленныя средства сообщенія; вся наука новаго времени слѣдуетъ

тому же стремленію, принадлежа прежде всего человѣчеству, а уже за тѣмъ отдѣльнымъ націямъ; препятствія и границы, раздѣлявшія народы, уничтожаются. Уже теперь все европейское человѣчество слѣдитъ за каждымъ бѣдствіемъ, постигающимъ какое-либо отдѣльное государство, и сострадаетъ ему; происшествія на оконечностяхъ Европы возбуждаютъ общій интересъ и въ центрѣ ея. Уже европейскій духъ обращаетъ свои взоры на весь земной шаръ, и арійская раса чувствуетъ себя призванною устроить міръ.

Но мы еще не можемъ заходить такъ далеко. Теперь чувствуется недостатокъ не столько въ волѣ и силѣ, сколько въ духовной зрѣлости. Члены европейской семьи народовъ хорошо знаютъ свое превосходство надъ другими народами, но они еще не разъяснили собственныхъ взаимныхъ отношеній. Окончательный успѣхъ возможенъ только тогда, когда касательно этихъ отношеній и сущности человѣчества высказано будетъ просвѣщающее слово знанія, и народы готовы будутъ выслушать его.

До тѣхъ же поръ всемірное государство останется идеею, къ которой будутъ стремиться многіе, и которую между тѣмъ ни кто не въ состояніи будетъ осуществить. Но наука государственнаго права, не можетъ не обратить на нее вниманія, какъ на идею будущаго. Истинное государство выражается только во всемірномъ государствѣ. Международное право найдетъ въ всемірномъ государствѣ свое окончательное основаніе и прочность. Отдѣльныя государства относятся къ всемірному, какъ народы къ человѣчеству. Отдѣльныя государства суть члены всемірнаго государства, и, какъ члены въ тѣлѣ, находятъ въ немъ свое восполненіе и удовлетвореніе.

Итакъ высшее, до времени еще не осуществившееся понятіе государства будетъ слѣдующее: государство есть организованное человѣчество.

Примѣчаніе 1. Житель Ваадта Винé (Vinet, *l'individualisme et le socialisme*), одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ и приверженныхъ къ истинѣ людей, высказывалъ относительно идеи гуманнаго государства то опасеніе, что это государ-

ство поглотить всю человѣческую жизнь, уничтожить въ самомъ принципѣ индивидуальную свободу и наложить свѣтское владычество на совѣсть отдѣльныхъ лицъ и науку. Такое возраженіе вынуждаетъ сдѣлать болѣе точное опредѣленіе идеи всемірнаго государства.

Прежде всего нужно согласиться съ тѣмъ, что государство не есть единственное человѣческое общеніе, единственная тѣлесная форма человѣчества. Церковь въ ея земномъ видимомъ проявленіи есть также общеніе, тѣло (Leib) человѣчества. Поэтому слѣдуетъ признать, что политическое владычество государства не опредѣляетъ религіозной жизни людей, и что свобода совѣсти и вѣры отдѣльнаго лица не подвергается опасности со стороны государства.

Далѣе, изъ человѣческой природы государства вовсе не слѣдуетъ, что оно имѣетъ полное господство надъ индивидуумомъ. Въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ мы можемъ различать двѣ природы: индивидуальную и общечеловѣческую. Индивидуумъ въ своей жизни не принадлежитъ исключительно ни общенію съ другими индивидуумами, ни землѣ, а слѣдовательно не принадлежитъ исключительно и государству, какъ земному, тѣлесному общенію. Государство основывается на человѣческой природѣ, но не на той, которая въ разнообразныхъ видахъ проявляется въ милліонахъ индивидуумовъ, а на общей природѣ, выражающейся во всемъ человѣчествѣ, въ единомъ существѣ его. Поэтому авторитетъ государства простирается лишь дотолѣ, пока его требуютъ интересы общежитія и совмѣстной жизни людей. Само государство, несправедливо вторгаясь въ свободную индивидуальную область, не имѣетъ силы утвердить тамъ своего господства, ибо оно не въ состояніи сковать духъ и убить душу индивидуума.

Въ послѣднее время и Laurent (*Histoire du Droit des Gens* I. § 39.) высказался противъ идеи всемірнаго государства. Онъ приводитъ слѣдующіе доводы:

а) Всемірное государство должно быть всемірною монархіей, а эта послѣдняя не совмѣстима съ верховною властью отдѣльныхъ государствъ.

б) Индивидуумы, какъ естественныя лица, отличны отъ народовъ, какъ лицъ искусственныхъ. Первые сами по себѣ полны недостатковъ и руководятся злыми страстями, а послѣдніе суть совершенныя и нравственныя существа. Поэтому совмѣстное существованіе первыхъ требуетъ постоянной дѣятельности государственной власти, а совмѣстное существованіе послѣднихъ — дѣятельности временной.

с) Индивидуумъ слабъ и долженъ подчиняться государственной власти; государства же сильны, и потому не захотятъ преклониться предъ высшею властью.

д) Если всемірное государство будетъ такъ могущественно, что подчинить себѣ отдѣльные государства, даже противъ воли послѣднихъ, то такое превосходство силы подавитъ право и свободу, потому что гдѣ невозможно сопротивление, тамъ не можетъ существовать и свобода.

е) Для развитія государства необходимо и совершенно достаточно народное государство. Для благосостоянія индивидуумовъ нѣтъ надобности во всемірномъ государствѣ; оно будетъ опасно для развитія націй.

Всѣ приведенные доводы моего почтеннаго друга не убедили меня. Нужно припомнить слѣдующее:

къ а. Всемірное государство съ монархомъ во главѣ (имперію) можно представить себѣ и въ республиканской формѣ, или какъ директорію (пентархію), или какъ конфедерацію всѣхъ государствъ. Но вовсе нѣтъ надобности представлять власть всемірнаго правительства абсолютною; самое существованіе отдѣльныхъ народныхъ государствъ дѣлаетъ необходимымъ разграниченіе власти между ними и всемірнымъ государствомъ. Нѣтъ надобности расширять область дѣятельности послѣдняго за предѣлы дѣль, общихъ всему міру, каковы въ особенности, — поддержаніе общаго мира, покровительство всемірной торговлѣ, и вообще за предѣлы той области, которую теперь мы называемъ международнымъ правомъ. Образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить форма союзнаго государства (Bundesstaat), въ которомъ для общихъ союзныхъ дѣль существуетъ общая законодательная, исполнительная и судебная власть, а для особенныхъ мѣстныхъ дѣль признается верховная власть отдѣльныхъ государствъ.

къ б. И народы, подобно отдѣльнымъ людямъ, имѣютъ свои недостатки и свои страсти; еслибы не существовало международного права, то слабые и беспомощные народы сдѣдались бы легкою добычей сильныхъ и властолюбивыхъ націй. Тоже начало, на которомъ опирается международное право, служитъ основою и всемірнаго государства.

къ с. Сила народныхъ государствъ, дающая имъ возможность сопротивляться даже всемірному государству, служитъ лучшею гарантіей противъ притѣсненія ихъ со стороны послѣдняго; но даже самое большое государство не можетъ быть такъ сильно, чтобы, защищая неправо дѣло, вступить съ одними собственными силами въ борьбу съ цѣлымъ міромъ. Война возможна только въ томъ случаѣ, когда враж-

дебно выступают другъ противъ друга группы государствъ или партіи. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ война превратится въ исполненіе приговора всемірнаго права. Такъ какъ даже самое лучшее государственное устройство не можетъ вполне охранить насъ отъ гражданской войны, то мы должны довольствоваться тѣмъ, если сильнѣйшая организація международнаго права сдѣлаетъ рѣже войну государствъ. Развивающееся право въ самомъ благопріятномъ случаѣ только приближается къ идеалу, но никогда не достигаетъ его.

къ d. Всемірное государство никогда не можетъ въ такой мѣрѣ превосходить силами народныя государства, въ какой эти послѣднія превосходятъ отдѣльныя лица; между тѣмъ государственный порядокъ не угрожаетъ свободѣ гражданъ, а напротивъ охраняетъ ее.

къ e. Не всѣ индивидуальныя потребности удовлетворяются государствомъ; есть космополитическіе интересы, какъ духовные такъ и матеріальные, (всемірная наука, всемірная литература, всемірная торговля), которые могутъ найти полное удовлетвореніе только во всемірномъ государствѣ; но какъ мало еще обезпечены теперь права цѣлыхъ народовъ, это на каждомъ шагу доказываетъ европейская и американская исторія. Laurent основываетъ международное право на единствѣ человѣческаго рода и другаго основанія мы у него не находимъ. Это единство онъ понимаетъ какъ внутреннее. Но логика и психологія показываютъ, что внутренняя сила выражается обыкновенно и во внѣ. Если челоѣчество внутренне составляетъ одно существо, то въ полномъ своемъ развитіи должно и во внѣ проявляться единымъ лицомъ. Организація же челоѣчества есть всемірное государство.

Я знаю, что большая часть моихъ современниковъ признаютъ идею всемірнаго государства мечтой; но это обстоятельство не можетъ помѣшать мнѣ высказать и доказать мое убѣжденіе. Только позднѣйшія поколѣнія, можетъ быть чрезъ нѣсколько столѣтій, окончательно рѣшатъ этотъ спорный вопросъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія развитія государственной идеи.

I. Античный міръ.

A. Эллинская государственная идея.

Наука о государствѣ въ собственномъ смыслѣ появляется только у эллиновъ. Человѣческое самосознаніе

достигло въ Элладѣ высокаго развитія, какъ въ художественномъ такъ и политическомъ отношеніи.

Какъ ни мала была область эллинскихъ государствъ, какъ ни ограничена ихъ сила, но начала, на которыя опиралась ихъ государственная мысль, были широки и многообъемлющи, а государственная идея, высказанная греческими мыслителями, высока и благородна. Эллинскіе мыслители основывали государство на человѣческой природѣ, и были того мнѣнія, что только въ государствѣ человѣкъ можетъ достигнуть своего совершенства и найти истинное удовлетвореніе. Государство, по мысли ихъ, есть нравственный порядокъ міра, въ которомъ человѣческая природа выполняетъ свое назначеніе.

Платонъ (Rep. V) высказалъ великія слова: «чѣмъ болѣе государство по своей организаціи приближается къ человѣку, тѣмъ оно лучше. Когда одна какая либо часть государственнаго тѣла страдаетъ или же чувствуетъ себя хорошо, то и все государственное тѣло не можетъ не считать этого ощущенія своимъ, не можетъ не страдать отъ него или не ощущать удовольствія». Такимъ образомъ уже Платонъ понялъ органическую, и притомъ человѣчески-органическую природу государства, хотя и не прослѣдилъ этой глубокой мысли во всѣхъ ея выводахъ.

Аристотель, ученію котораго о государствѣ мы удивляемся тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе разсматриваемъ работы его послѣдователей, — признаетъ государство общеніемъ родовъ и мѣстъ (народа и территоріи) для жизни совершенной и самодовольной ¹. Человѣка онъ называетъ по самой природѣ политическимъ существомъ, и такимъ образомъ считаетъ государство продуктомъ человѣческой природы. Государство, говоритъ онъ, основанное прежде всего для безопасности общежитія, въ послѣдствіи осуществляетъ благо общежитія ².

¹ Aristot. Polit. III 5. 14. πόλις δὲ ἡ γενῶν καὶ χωρῶν κοινωνία
ζοῆς τελείας καὶ αὐτάρκους G. III 1. 8.

² Aristot. Polit. I. 1. 8. 9. ἡ πόλις—γινομένη μετ' οὗτοῦ ζῆν ἐνε-
χον, οὕσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν.

Въ этой государственной идеѣ соединяются всѣ стремленія эллиновъ, проявившіяся въ религіи и правѣ, въ нравственности и общественной жизни, въ искусствѣ и наукѣ, въ собственности и хозяйствѣ, въ торговлѣ и промышленности. Только въ государствѣ отдѣльный человѣкъ признается существомъ имѣющимъ права, безъ помощи же государства онъ не находитъ ни безопасности, ни свободы. Варваръ есть естественный врагъ, а покоренные враги становятся рабами, которые исключаются изъ государственнаго общенія и вслѣдствіе того повергаются въ униженное, недостойное человѣка состояніе.

Эллинское государство, какъ и вообще античныя государства, имѣетъ безпредѣльно великую власть; оно считается всемогущимъ. Оно все во всемъ, гражданинъ получаетъ значеніе только какъ членъ государства. Все его существованіе зависитъ отъ государства, подчинено государству. Если аѳиняне обладали свободою духа, то это происходило только оттого, что аѳинское государство вообще высоко цѣнило свободу, а не оттого, что оно признавало человѣческія права. Свободное аѳинское государство осудило на казнь Сократа, съ полною увѣренностью что оно выполняетъ свое право. Семейство, первоначальное воспитаніе и даже супружеская вѣрность не были вполнѣ безопасны отъ вмѣшательства государства; тѣмъ уже болѣе не была свободна отъ такихъ вмѣшательствъ частная собственность гражданъ. Государство вступается во всѣ дѣла, не знаетъ ни нравственныхъ ни юридическихъ границъ своей власти. Оно распоряжается жизнью и даже талантами гражданъ. Оно принуждаетъ къ занятію должностей, также какъ къ военной службѣ. Индивидуумъ долженъ сперва погибнуть въ государствѣ, и за тѣмъ уже государство въ нѣкоторой степени возражаетъ его къ свободной и благородной жизни. Единственные средства, умѣрившія абсолютную власть государства, кромѣ силы древнихъ обычаевъ, состояли во первыхъ въ томъ, что сами граждане принимали участіе въ верховной власти, и опасаясь вредныхъ послѣдствій, которыя могли произойти для нихъ самихъ отъ деспотизма демоса, избѣ-

гали крайнихъ результатовъ государственнаго коммунизма; воторыхъ въ томъ, что при незначительности государственныхъ отношеній, страсти могли имѣть въ своемъ распоряженіи лишь незначительныя средства, и граждане вынуждены были опасаться сосѣдей. Впрочемъ эллинскія государства были сложены только изъ обломковъ эллинской націи, изъ племень и частей племень. Онѣ очень мало возвышались надъ простыми городскими общинами. По этому высокая идея получаетъ здѣсь низкую форму; распространенная на все человечество, она находитъ дѣтское проявленіе въ тѣсной сферѣ горной долины или береговой окраины.

Доведеніе идеи государства до всемогущества и бессиліе въ реальномъ ея выраженіи, суть явленія тѣсно связанныя одно съ другимъ въ греческомъ государствѣ. Явленія эти служатъ главными недостатками эллинскаго понятія о государствѣ, во всемъ остальномъ въ высшей степени великаго, истиннаго и богатаго результатами.

В. Римская государственная идея. Изъ всей классической древности римляне были самымъ геніальнымъ народомъ въ отношеніи развитія права и государства; такого значенія они достигли не столько своимъ духомъ, сколько характеромъ. Поэтому они имѣли на міръ гораздо больше вліянія нежели эллины.

Впрочемъ, римская государственная идея находится въ близкомъ сродствѣ съ греческою. Цицеронъ въ своихъ сочиненіяхъ о государствѣ постоянно имѣетъ передъ глазами аѳинскіе образцы; римскіе юристы въ общихъ объясненіяхъ права и государства, слѣдуютъ греческимъ философамъ.

Такъ Цицеронъ признаетъ государство высшимъ произведеніемъ человѣческой силы (*virtus*), и объясняетъ, «что ни въ чемъ человѣкъ въ такой степени не приближается къ намѣренію боговъ, какъ въ основаніи и поддержаніи государствъ». ¹ При этомъ онъ между про-

---

¹ Cicero de Rep. 111. 25. «Neque est ulla res, in qua propius ad Deorum numen virtus accedat humana, quam civitates aut condere novas aut conservare jam conditas».

чимъ сравниваетъ государство съ человекомъ, а главу государства съ духомъ, властвующимъ надъ тѣломъ ¹.

Но римское понятіе о государствѣ въ нѣкоторыхъ существенныхъ отношеніяхъ отличается отъ эллинской идеи.

1. Первые разграничивъ право съ нравственностію и точно формулировавъ это различіе, римляне гораздо рѣшительнѣе указали на юридическую природу государства. Ограничивъ такимъ образомъ государство, они поставили его на болѣе твердую почву. По ихъ воззрѣнію государство не есть уже этический порядокъ міра, а прежде всего юридическій порядокъ. Римляне очень много предоставляютъ свободному обычаю, религіозности людей. Римская семья поставлена въ болѣе свободное отношеніе къ государству, частное имущество и частное право охранены гораздо лучше, и защищены даже отъ произвола общественныхъ властей. Конечно и у римлянъ государственное право считалось высшимъ закономъ; римское государство распоряжалось богопочтеніемъ; никто не могъ сопротивляться ему, какъ скоро оно изрекало свою волю. Но римское государство ограничиваетъ само себя; оно само опредѣляетъ предѣлы своей власти и своего вліянія.

2. Далѣе, у римлянъ существуетъ понятіе народа, и государственное устройство приводится въ органическую связь съ народомъ. Римляне признаютъ государство «устроеніемъ народа» и волю народную считаютъ источникомъ всякаго права. ² Римское государство уже не есть простая община, оно возвышается до народного государства (*respublica*).

¹ Cicero de Sep. 111. 25. «Sic regum, sic imperatorum, sic magistratum, sic patrum, sic populorum imperia civibus sociis que praesunt, ut corporibus animus.»

² Cicero de Rep. 1. 25. «Est igitur, inquit (Scipio) Africanus, res publica res populi, populus autem non omnis hominum coetus quoque modo aggregatus, sed coetus multitudinis juris consensu et utilitatis communione sociatus 1. 26. Civitas est constitutio populi. Gajus Inst. 1. §. 1.» Nam quod quisque populus ipse sibi jus constituit, id ipsius proprium civitatis est, vocaturque jus civile.

3. Кромѣ того римское государство было способно расширяться до всемірнаго. По всей римской исторіи проходитъ стремленіе къ всемірному господству: въ національномъ *jus civile* уже заключался зародышъ общечеловѣческаго *jus gentium*. Вѣчный городъ, *urbs*, сдѣлался столицею *orbis*; *imperium* римскихъ сановниковъ *imperium mundi*, римскій сенатъ — сенатомъ всѣхъ націй съ ихъ царями. Въ величій императорской власти нашло высшее выраженіе величіе римскаго народа. Исторія Рима, сдѣлалась по гордому выраженію Флера, исторіею человѣчества. Такое стремленіе придало римской государственной идеѣ широту, которой не могли имѣть греческія государства, и величіе, предъ которымъ они должны были склониться. Не пустую игру фантазіи, а живую дѣйствительность представляло собою римское государство, которое обладало всѣмъ античнымъ міромъ и сопротивляться которому отваживались на западѣ только германцы, а на востокѣ персы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

II. СРЕДНІЕ ВѢКА.

Римское всемірное государство было отчасти преобразовано, а отчасти разрушено двумя новыми силами, христіанствомъ и германцами.

А. Христіанство.

Въ противоположность авторитету какъ іудейскаго государства, такъ и римской имперіи, христіанская религія дѣйствовала своею силою на душу. Основатель ея не былъ княземъ міра сего. Древнее государство преслѣдовало его и учениковъ его. Первые христіане были если не прямо враждебны государству, то крайней мѣрѣ заинтересованы инымъ, нежели государственный порядокъ и государственная польза. Когда христіанство заключило миръ съ эллино-романскимъ государствомъ, въ то время религіозное общество, организовавшееся въ церковь, сознало уже свою духов-

ную особенность и поняло, что оно не есть государственное учреждение. Античное государство должно было согласиться на то, чтобы вся религиозная жизнь была если не вполне изъята от государственного надзора и влияния, то по крайней мере в существенных отношениях объявлена независимой от государства. Двойственность церкви и государства, выступившая теперь с полною очевидностью, повела к существенному ограничению послѣдняго. Государство сдѣлалось общеніемъ права и политики, а уже не общеніемъ религіи и культа.

Когда съ теченіемъ времени церковь получила въ лицѣ папы видимую главу, независимую отъ императора, и Римъ сдѣлался ея столицею, тогда она возобновила старинную римскую идею о всемірномъ господствѣ, придавъ ей только новый, духовный видъ. Хотя даже при томъ высокомъ положеніи, какое занимала церковь въ средніе вѣка, ей не удалось унижить государства до степени церковнаго учрежденія и основать одну римскую, духовную, всемірную имперію, но тѣмъ не менѣе государственная идея долгое время была помрачена блестящими проявленіями средневѣковой церкви. Церковь могла сравнить себя съ солнцемъ, а государство съ луною; тѣлесное царство должно было стать позади духовнаго ¹. Но все еще признавалась двойственность государства и церкви, и этимъ была спасена самостоятельность государства. Мечъ императора, также какъ мечъ папы, выводился отъ Бога, какъ высшаго и истиннаго главы міра ².

Подъ влияніемъ церковнаго ученія государственная идея снова получила, какъ прежде на востокѣ, религиозное основаніе, государственная власть сдѣлалась леномъ Божиимъ; духовное же значеніе государства было упущено изъ вниманія. А такъ какъ вся духовная

---

¹ Объ этомъ подробнѣе въ IX книгѣ.

² *Hincmari de Ordine Palatii* S. Duo sunt, quibus principaliter mundus hic regitur: auctoritas sacra Pontificum et Regalis potestas. — *Sachsen Sp.* 1. 1. «Tveisvert lit got in ertrike to bescermene de kristenheit. Deme pavese is gesat dat geistlike, deme kaisere dat wertlike».

жизнь выводилась изъ церкви, то государство, понимаемое какъ нѣчто тѣлесное, стало въ подчиненное отношеніе къ церкви. Расширеніе государственной идеи за предѣлы узкой національности было недостаточнымъ средствомъ противъ такого зла. Новое государство имѣло въ виду устроить и руководить въ внѣшнихъ дѣлахъ не человѣчество, а христіанство. Римская имперія была возстановлена въ средневѣковыхъ формахъ, но самымъ важнымъ отраженіемъ ея была римская церковь; священная же римская имперія нѣмецкой націи имѣла гораздо меньше значенія.

В. Германцы.

Древне - римская всемірная имперія не могла слишкомъ долго сопротивляться германскимъ народамъ. Съ одной стороны воинственные племена силою отрывали отъ римскаго господства одну провинцію за другою; съ другой, германскіе князья съ народными ополченіями были призываемы на помощь римскими провинціалами, и покоряли мирнымъ образомъ. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ на западѣ повсюду господствовали германцы. Они приняли христіанское воспитаніе римской церкви, и поддались вліянію римской культуры. Но они утвердились на тронахъ князей и въ бургахъ аристократіи. Скипетръ и мечъ находились преимущественно въ ихъ рукахъ.

Германцевъ нельзя признать въ преимущественномъ смыслѣ государственною націей, какъ римлянъ. Они неохотно подчиняются большому цѣлому. Ихъ сильный, упорный и своевольный эгоизмъ препятствуетъ сознанію общности, и ослабляетъ это сознаніе. Чтобы образовать государство, они должны были предварительно получить римское воспитаніе. Но не смотря на это, всемірно - историческое развитіе государства многимъ обязано германцамъ. Прежде всего они сломили абсолютизмъ римскаго государства, и внесли въ позднѣйшее государственное построеніе духъ личной, корпоративной и сословной свободы. Монтескье высказалъ истинную мысль, что въ нѣмецкихъ лѣсахъ, между дикими еще не цивилизованными германцами, можно найти сѣмена позднѣйшаго парламентскаго устройства. Въ

древнѣйшихъ формахъ правительственной дѣятельности германскихъ племенныхъ королей, при содѣйствіи съ одной стороны областныхъ князей (Gaufürsten) и другихъ начальниковъ, а съ другой—общины свободныхъ людей, въ томъ видѣ какъ описываетъ намъ эти формы Тацитъ, мы ясно узнаемъ грубые зачатки свободного представительнаго государства, введеннаго позднѣйшими вѣками. Германецъ не выводитъ, или по крайней мѣрѣ почти не выводитъ, права изъ воли народа. Онъ признаетъ врожденное право, которое не творится государствомъ, а только должно охраняться имъ: и это естественное право онъ готовъ защищать противъ цѣлаго свѣта, даже противъ правительства. Онъ съ жаромъ отвергаетъ античную мысль, что государство есть все во всемъ. Онъ понимаетъ это дѣло наоборотъ. Для германца выше всего индивидуальная свобода, онъ рѣшается пожертвовать частью ея для государства только за тѣмъ, чтобы вѣрнѣе сохранить остальную часть.

Необходимымъ слѣдствіемъ такихъ особенностей германскаго характера служитъ то, что германская государственная идея гораздо рѣшительнѣе, нежели римская, признаетъ самостоятельность частнаго права. Свобода лица, семейства и корпоративныхъ союзовъ у германцевъ гораздо прочнѣе, нежели въ старой римской имперіи. Государственное право должно было у нихъ подвергнуться ограниченію со стороны частнаго права.

Второе, важное для публичнаго права послѣдствіе указанныхъ особенностей состоитъ въ томъ, что германскіе народы вообще не знаютъ и не терпятъ никакой абсолютной государственной власти, даже въ общихъ дѣлахъ. Для нихъ чуждо римское понятіе *imperium*. Если хотятъ заставить ихъ повиноваться, то должны спросить у нихъ самихъ совѣта и голоса. Сословія ихъ составляютъ политическую силу, съ которою королевская власть должна войти въ соглашеніе, какъ скоро она приступаетъ къ изданію законовъ. Мысль о государствѣ, какъ единомъ коллективномъ лицѣ, еще далека отъ нихъ и по большей части не понятна имъ. Они разбиваютъ государство на живыя лица или группы лицъ;

ихъ непосредственный взглядъ олицетворяетъ государство въ короляхъ или другихъ начальникахъ, руководящихъ судомъ и народнымъ собраніемъ, въ представителяхъ гау и сотенъ, въ народной общинѣ. Одни лица у нихъ частію подкрѣпляютъ, частію ограничиваютъ другихъ. Такимъ образомъ все устройство общежитія, даже въ самыхъ подробностяхъ его, проникнуто духомъ свободы. Единство сравнительно слабо, но относительная самостоятельность членовъ велика.

Впрочемъ, такія измѣненія государственной идеи, — измѣненія, въ которыхъ мы узнаемъ значительные успѣхи, обнаруживаются болѣе въ практикѣ, нежели въ теоріи. Германскаго ученія о государствѣ вовсе не существовало. Въ средніе вѣка наука сначала находилась подъ господствомъ церкви, а въ послѣдствіи опредѣлялась преданіями римской юриспруденціи и греческой философіи. Уже въ древнихъ народныхъ законахъ мы находимъ эти вліянія. Напримѣръ, въ Вестготскомъ законѣ государственное тѣло, по образцу классической литературы, сравнивается съ человѣкомъ, король съ головою, народъ съ членами тѣла³. Но всѣ эти выраженія суть фразы безъ внутренняго содержанія. Въ нихъ вовсе не выражается сущность средневѣковаго государства

И средневѣковое государство можно назвать правовымъ государствомъ (*Rechtsstat*), но уже въ другомъ смыслѣ, нежели тотъ, какой придавали этому слову римляне. Средневѣковое государство не было чистымъ порядкомъ публичнаго права. Всѣ институты его были проникнуты элементами частнаго права. Верховное право надъ странюю разсматривалось, какъ семейное имущество, какъ племенная собственность; публичныя обязанности считались натуральными повинностями. Такую

---

¹ *Lex Wisigothor.* 11. 1. § 4. «*Bene Deus conditor rerum disponens humani corporis formam, in sublime caput erexit, atque ex illo cunctas membrorum fibras exoriri decrevit. Hinc est et peritorum medicorum praecipua cura, ut ante capiti quam membris incipiunt adhibere medelam. Sic que in statu et negotiis plebium ordinatio dirigenda, ut dum salus competens prospicitur Regum, fida volentibus teneatur salvatio populorum.*»

примѣсь частнаго права испытало все ленное право и всѣ явленія патримоніальнаго государства. У римлянъ государственное право было только фундаментомъ, на которомъ утверждалось общественное благо. Въ средніе же вѣка право являлось существенною цѣлюю тогдашняго государства. Народное благо было оставлено имъ безъ всякаго вниманія.

Мысль о народномъ государствѣ потеряла свою жизненность. Раздробленіе народнаго и государственнаго единства посредствомъ феодализма, противоположности территорій, сословій и династій разрушили это государство. Если что и осталось отъ древняго германскоримскаго всемірнаго государства, то это болѣе идеальное, между-народное, нежели государственно-правовое соединеніе христіанскихъ странъ запада,—соединеніе, поддерживаемое болѣе авторитетомъ папы и римскаго клира, нежели императорскою властію.

Вообще въ средніе вѣка были уже посѣяны сѣмена болѣе свободнаго и правильнаго государственнаго развитія, но самая государственная идея въ значительной степени лишилась той ясности и энергіи, которою отличалась она у римлянъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

III. Государственная идея новаго времени.

Въ средніе вѣка безъ критики, наивно, смѣшивались между собою совершенно несовмѣстимыя вещи. При исходѣ средневѣковаго періода всюду обнаружилось броженіе различныхъ элементовъ, и разрѣшеніе средневѣковаго единства повело къ разложенію того, что было смѣшано. Подготовлялось новое государство.

Все развитіе этого времени можно выразить въ слѣдующемъ одномъ положеніи: государство яснѣе и полнѣе сознаетъ свою природу и свою задачу.

Вслѣдствіе возрастающаго самосознанія, государство прежде всего сбрасываетъ съ себя опеку церкви. Оно перестаетъ быть исключительно религіознымъ обществомъ, и рѣшительнѣе, нежели въ каждомъ изъ преж-

нихъ періодовъ, придаетъ себѣ характеръ юридическаго или политическаго общества. Оно признаетъ двойственность государства и церкви, но твердо отстаиваетъ свою самостоятельность и полномасшіе, и объявляетъ себя независимымъ даже отъ авторитета религіознаго откровенія и церковнаго ученія.

Все, что только оставалось теократическаго въ средневѣковомъ государственномъ устройствѣ, мало-по-малу выбрасывается, и народы научаются придавать государству человѣческія основанія и человѣческіе предѣлы. Снова, какъ въ древности, заявляется требованіе единства государства и полноты государственной власти. Уничтожается феодальное дробленіе, и падаетъ сословная исключительность. Общее право распространяется по всему народу. Публичное и частное право раздѣляются. Публичное право опять ставится публичною обязанностью, къ частному же праву прилагается индивидуальная свобода.

Теперь снова получаетъ всеобщее признаніе античная государственная идея, но промежутокъ, образуемый средними вѣками, не пропалъ безплодно. Хотя въ періодъ отъ конца среднихъ вѣковъ до восемнадцатаго вѣка въ лицѣ абсолютной королевской власти европейскихъ государствъ возобновился, казалось, абсолютизмъ древнеримскихъ императоровъ, но народы скоро снова вспомнили свою естественную свободу. Великая истина, что люди созданы не для одного государства, все глубже укореняется въ сознаніи. Естественное право личности и личная свобода отстаиваются даже противъ государства. Все частное право признается самостоятельнымъ правовымъ порядкомъ, ограничивающимъ государственную власть. Начинается борьба за политическую свободу народа противъ абсолютизма правительствъ. Государство снова становится народнымъ, но въ болѣе благородныхъ формахъ, нежели въ древности. Средневѣковое сословное устройство служитъ преддверіемъ новаго представительнаго государства, въ которомъ весь народъ представляетъ себя въ лицѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ членовъ ¹.

¹. Ср. Bluntschli Artikel: mittelalterliche und moderne Statsidee въ Deutsches Statswörterbuch. T. VI.

Въ такомъ преобразованіи государственной идеи и дѣйствительныхъ государствъ принимала весьма значительное участіе наука о государствѣ. Новая государственная теорія часто предшествовала государственной практикѣ, шла рука объ руку съ измѣненіями, и иногда слѣдовала за ними.

Въ наукѣ государственнаго права новаго времени можно различить слѣдующія фазы развитія:

1. Понятіе о государствѣ Бодена и Гуго Гроція имѣетъ еще близкое сродство съ римскимъ понятіемъ въ томъ видѣ, какъ его высказалъ Цицеронъ. Боденъ видитъ въ государствѣ «правовой порядокъ множества семействъ и общихъ ихъ имуществъ въ формѣ верховной власти»¹. По его взгляду государство основано преимущественно на семействѣ, общемъ имуществѣ и верховной власти; въ античной государственной идеѣ онъ видитъ тотъ недостатокъ, что въ ней слишкомъ много обращено вниманія на счастье и благополучіе. У Гуго Гроція мы находимъ полное отдѣленіе церковнаго общества отъ государственнаго и ясное требованіе свободы. По словамъ его, государство есть «совершенный союзъ свободныхъ людей, заключенный для пользованія правомъ и для цѣлей общаго благосостоянія»². Очевидно, онъ основываетъ государство на человѣческой природѣ, но при этомъ принимаетъ въ соображеніе не столько семейства или цѣлыя націи, сколько отдѣльныя лица. Его положеніе: «*hominis proprium sociale*» представляетъ собою неудачный переводъ Аристотелевскаго: «*ὁ ἀνθρώπος ζῷον πολιτικόν*». Но оно характеристически указываетъ на то, что новый духъ не мыслить, подобно древнему, сначала государство, а потомъ индивида, а напротивъ представляетъ сначала отдѣльныя лица и уже за тѣмъ ихъ соединеніе. Нельзя сказать, чтобы

---

¹ De la Republique 1. 1. République est un droit gouvernement de plusieurs ménages et de ce qui leur est commun avec puissance souveraine.

² Hugo Grotius de J. B. 1. 1. § 14. Est civitas coetus perfectus liberorum hominum juris fruendi et communis utilitatis causa sociatus 1. III. § 7. Proleg. § 16. Cp. Leo. Weltgeschichte IV. Стр. 144.

Гуго Гроцію была неизвѣстна личность государства, но личность эта не составляет преобладающей тенденціи въ его ученіи о государствѣ. Указывая на соглашеніе людей, какъ на главный источникъ даже публичнаго права, онъ тѣмъ самымъ даетъ толчекъ позднѣйшей теоріи договора.

2. Изъ началъ, принятыхъ Гуго Гроціемъ, стало развиваться далѣе новое, спекулятивное и основанное на естественномъ правѣ, ученіе о государствѣ, и притомъ въ направленіи самостоятельномъ и рѣзко отличающемся отъ античнаго. Противоположности философскихъ школъ и политическихъ партій внесли правда и сюда живое разнообразіе мнѣній, такъ что почти не было случаевъ, чтобы одинъ писатель вполне соглашался съ другимъ; но до настоящаго столѣтія въ различныхъ представленіяхъ естественнаго права и общихъ понятіяхъ о государствѣ преобладала та главная мысль, что государство есть общество отдѣльныхъ лицъ, и потому свободное дѣло индивидуальнаго произвола. Абсолютистъ Гоббесъ ¹ согласенъ въ этомъ съ радикаломъ Руссо ², у котораго верховное владычество народа каждую минуту грозитъ прочности всего государственнаго порядка. Талантливый Самуиль Пуффендорфъ ³, хотя и называетъ государство нравственнымъ лицомъ, но также какъ и другіе слагаетъ государствен-

---

¹ *Hobbes de Cive*. Стр. 87. «Civitas ergo est persona una, cujus voluntas ex pactis plurium hominum pro voluntate habenda est ipsorum hominum, ut singulorum viribus et facultatibus uti possit ad pacem et defensionem communem».

² *Rousseau, Contrat Social* с. 6. Найдти форму общественнаго соединенія (ассоціацію), которая совокупными силами защищала и охраняла бы силы каждаго отдѣльнаго члена общества, при которой каждый отдѣльный человекъ соединяясь со всѣми, повиновался бы только себѣ самому и оставался бы также свободенъ какъ прежде, — вотъ глубокая проблема, находящая свое разрѣшеніе въ общественномъ договорѣ.

³ *De jure naturali ac gentium* VII 2 13. «Unde civitatis haec commodissime vitetur definitio, quod sit persona moralis composita, cujus voluntas ex plurium partis implicita et unita pro voluntate omnium habetur, ut singulorum viribus et facultatibus ad pacem et securitatem communem uti possit.

ную волю изъ индивидуальной воли всѣхъ, и съ особенною симпатіею развиваетъ теорію общественнаго договора, объясняющаго государство. Съ подобнымъ же жаромъ Джонъ Локкъ защищаетъ ученіе о договорѣ противъ нападокъ ханжей, и видитъ въ немъ гарантію англійской гражданской свободы. И Кантъ ¹ не идетъ далѣе ученія о договорѣ, хотя уже готовъ перешагнуть за предѣлы его; даже Фихте въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ еще поддается этому взгляду.

Государство въ томъ видѣ, какъ его представляла философія, основанная на естественномъ правѣ, есть въ сущности договорное и общественное. Если древніе философы, сосредоточивая свои взгляды исключительно на государствѣ, мало цѣнили права индивидовъ, то новые философы впали въ противоположную ошибку: устремивъ вниманіе на отдѣльныхъ людей, они упустили изъ виду значеніе государства, какъ цѣлаго.

3. Кантъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ очевидно сѣзали понятіе государства, признавъ его правовымъ (Rechtsstat) въ томъ смыслѣ, что единственною задачей его служить охраненіе безопасности права для каждаго. Фихте впрочемъ расширилъ эти узкія границы; онъ придалъ государству не только юридическое, но и экономическое значеніе, присвоилъ ему въ этомъ послѣднемъ отношеніи большую власть, и при концѣ своей жизни, пробужденный національнымъ проявленіемъ нѣмецкой свободы, приписалъ государству высокія духовныя, жизненныя задачи. Но большая часть нѣмецкихъ философовъ и юристовъ послѣдующаго поколѣнія все еще держались въ своихъ теоріяхъ кантовскихъ понятій.

Понятно, что мысль о правовомъ государствѣ должна была найти сочувствіе въ многочисленномъ классѣ людей, искавшихъ защиты противъ тогдашней раздробленности правительственной власти, противъ полицейскаго и военнаго произвола. Но если «правовое государство», Rechtsstat, часто противопоставлялось «полицей-

---

¹ Werke VII. 197. Соединеніе многихъ для какой-либо цѣли можно встрѣтить во всѣхъ общественныхъ договорахъ; но соединеніе, само для себя составляющее цѣль, встрѣчается только въ такомъ обществѣ, которое составляетъ одно цѣлое.

скому», *Polizeistat*, и замѣненіе послѣдняго первымъ представлялось задачею новаго времени, то такой взглядъ обличаетъ не ясное сознаніе богатой природы государства. Государство не можетъ быть ни исключительно правовымъ, ни исключительно полицейскимъ. Одностороннее развитіе правоваго государства превратило бы его въ простое учрежденіе для отправленія правосудія, въ которомъ законодательная власть устанавливала бы общія начала права, судъ прилагалъ и охранялъ бы его въ отдѣльныхъ случаяхъ, а правительству оставалась бы только дѣятельность судебного слуги или жандарма. Национальные интересы хозяйства, образованія и развитія силъ ослабѣли бы, и о политикѣ въ обширныхъ размѣрахъ не могло бы быть и рѣчи. Съ другой стороны одностороннее развитіе полицейскаго государства повлекло бы за собою пожертвованіе всякимъ личнымъ обезпеченіемъ права и свободою соображеніямъ общественной пользы и невыносимую опеку надъ свободными гражданами.

Поэтому если понимать подъ правовымъ государствомъ

1) ту мысль, что государство есть учрежденіе созданное лишь для охраненія права индивидуумовъ, то очевидно въ такомъ случаѣ все государственное право становится только средствомъ для частнаго права и государство унижается до степени слугителя частнаго лица.

2) Если подъ выраженіемъ «правовое государство» разумѣть.

то мнѣніе, что государство должно приводить въ порядокъ права общежитія и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать признанію индивидуальныхъ правъ, то такое воззрѣніе хотя совершенно правильно, но недостаточно, ибо въ немъ упускается изъ виду самая плодотворная дѣятельность государственнаго чловѣка, забота о матеріальномъ благосостояніи и духовномъ развитіи народа.

3) Если выраженіе «правовое государство» принимать въ томъ смыслѣ, что государство, хотя по содержанію своей дѣятельности, должно содѣйствовать общественному благосостоянію, но по формѣ можетъ прибѣгать

къ принужденію лишь на столько, на сколько требуетъ того юридическая необходимость: то противъ такой мысли трудно что-нибудь возразить. Но въ то же время ясно, что въ этомъ взглядѣ опредѣляется только одна сторона государственной дѣятельности, и вовсе не принимаются въ соображеніе попеченія государства, на примѣръ, о потребностяхъ пропитанія, торговли и культуры, — попеченія, свободно движущіяся въ предѣлахъ права и вовсе не нуждающіяся въ формѣ принужденія.

4) Если наконецъ подъ словомъ «правовое государство» понимать отрицаніе религіозныхъ основъ государства и признаніе того, что начала и границы его нужно отыскивать въ человѣческой природѣ, или

5) отрицаніе той абсолютной власти и патримоніальнаго государства, которое всегда умѣло соединяться съ полицейскимъ произволѣмъ, и признаніе того, что гражданамъ государства должно принадлежать участіе въ публичныхъ правахъ: то хотя такими понятіями выражены характеристическіе признаки новаго государства, но самое выраженіе, для этихъ мыслей выбрано очень неудачно.

Такъ какъ существуютъ двѣ стороны государственнаго бытія, — покой и движеніе, постоянство и развитіе, тѣло и духъ, и такъ какъ въ соотвѣтствіе этой внутренней, органически соединенной противоположности, существуютъ двѣ государственныя науки — государственное право и политика, то существуютъ также два великіе принципа государства, которые, какъ два блестящихъ свѣтила освѣщаютъ и оплодотворяютъ его жизнь, обусловливаютъ его форму и содержаніе: это справедливость (*justitia*) и общественное благо (*salus publica*). Государственные люди преимущественно имѣютъ въ виду послѣднее, а юристы первую. Идея права опредѣляетъ главнымъ образомъ государственное право. Идея блага руководитъ политикою.

Заботы правительства конечно болѣе относятся къ общественному благу, хотя и въ предѣлахъ права. Такъ римляне, народъ весьма далеко ушедшій въ государственной жизни, заботу объ общественномъ благѣ поставля-

ли на видъ высшимъ сановникамъ, какъ верховную ихъ обязанность ¹. Дѣятельность судовъ ограничивается сохраненіемъ юридическаго порядка, но само государство, если только оно хочетъ прочно существовать и преуспѣвать должно постоянно обращать вниманіе, какъ на общественное благо, такъ и на право. Новое государство гораздо болѣе, нежели средневѣковое, смотритъ на потребности и потому ему гораздо труднѣе послѣдняго, принять характеръ исключительно правоваго государства.

4) Одна изъ заслугъ исторической школы состоитъ въ томъ, что она снова привела въ сознаніе органической характеръ государства. Нѣкоторые изъ великихъ государственныхъ людей отличались живымъ пониманіемъ органическаго государства. Такъ Фридрихъ Великій Прусскій въ своемъ Антимакиавелли (г. 9) ясно высказываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: «какъ люди рождаются, потомъ нѣкоторое время живутъ, наконецъ по болѣзни или старости умираютъ: — такъ и государства возникаютъ, процвѣтаютъ нѣсколько столѣтій, и наконецъ погибаютъ.» Но наука такъ мало обратила вниманія на это воззрѣніе, что возобновленіе его историческою школой подѣйствовало, какъ новое открытіе, и сообщило совершенно иное и плодотворное направление развитію науки. Между тѣмъ историческая школа поняла государство въ слишкомъ исключительномъ національномъ смыслѣ, и упустила изъ виду, или даже прямо оспаривала, высокое чловѣческое значеніе его. Такъ Савиньи признавалъ государство «тѣлесною формой духовнаго общенія народа,» «органическимъ проявленіемъ его» ² Но геніальный Англичанинъ Эдмондъ Боркъ, оспаривая революціонную теорію, снова ввелъ историческое государство въ кругъ божественнаго порядка міра. Въ его размышленіяхъ о французской революціи есть слѣдующее мѣсто: «государство не есть общеніе только въ томъ, что нужно для грубаго тѣлеснаго бытія нашей скоропреходящей и непосто-

¹ Cicero, de Regibus III с. 3. о консулахъ: «Ollis Salus Populi Suprema Lex Esto.»

² Savigny. Syst. des rom. Rechts. I стр. 22.

янной природы; оно есть общеніе въ наукѣ, искусствѣ, добродѣтели и совершенствѣ. Такъ какъ подобное общеніе не можетъ достигнуть своей цѣли въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, то оно становится такимъ союзомъ, который связываетъ не только живущихъ, но и умершихъ уже и еще не родившихся. Каждый отдѣльный государственный договоръ есть лишь отдѣльное звено въ великомъ первобытномъ договорѣ вѣчнаго порядка міра. Этотъ первобытный договоръ связываетъ низшія существа съ высшими, соединяетъ между собою видимый и невидимый міръ, и приводитъ эти два міра въ прочное юридическое отношеніе, которое освящается ненарушимою клятвою, удерживающею каждую изъ физическихъ и моральныхъ натуръ на указанномъ ей мѣстѣ.»

Предъ такимъ пониманіемъ государства не могло устоять средневѣковое ученіе, по которому государство относится къ церкви какъ тѣло къ духу.

Но историческая школа отправлялась отъ государства въ томъ видѣ, какъ оно уже сложилось. Обращая взоръ исключительно на прошедшее, приверженцы этой школы были такъ сильно обольщены образами протекшей жизни, что потеряли способность понимать настоящее и стремленіе содѣйствовать улучшенію общественнаго быта. Если большую часть сторонниковъ естественнаго права можно упрекнуть въ томъ, что у нихъ государственная идея служитъ орудіемъ индивидуальнаго произвола, то съ другой стороны историческая школа не можетъ избѣжать упрека въ томъ, что ея государственныя понятія еще связаны съ старинными авторитетами и завѣщанными по преданію предразсудками.

5) Новая философія снова дѣлала попытки глубже понять идею государства.

Между нѣмцами Гегель въ особенности сильно настаивалъ на нравственномъ значеніи государства и, въ противоположность жалкому взгляду, по которому оно есть необходимое зло, восхвалялъ государство какъ высочайшее и прекраснѣйшее осуществленіе идеи права. Но его государство есть логическая абстракція

безъ дѣйствительной жизни, діалектическая игра мысли, фигура слова, но не существо ¹.

6) Фр. І. Шталь перенесъ въ философію права привязанность къ историческому направленію, но въ то же время возобновилъ религіозно—политическое воззрѣніе. Благодаря своей діалектической и практической ловкости, онъ отыскалъ многія новыя точки зрѣнія. Его острый взглядъ, при помощи котораго ему удалось освѣтить нѣкоторыя темныя мѣста, оказалъ много пользы государственной наукѣ. Но за то недостатокъ въ историческомъ образованіи и услужливая софистика, доставившая важнымъ и неважнымъ господамъ новыя формулы для оправданія ихъ романтическихъ привязанностей, причинили много вреда и наукѣ. Шталь называетъ государство «нравственно-интеллектуальнымъ царствомъ», «соединеніемъ множества людей въ одно благоустроенное общежитіе, установленіемъ нравственного авторитета и силы съ ихъ превосходствомъ и величіемъ и подчиненіемъ подданныхъ.» Его идея государства живѣе, нежели идея Гегеля; онъ признаетъ, что власть государства «ограничена состояніемъ общества» и такимъ образомъ избѣгаетъ крайностей античнаго государства. Но по всему его ученію проходитъ черта ветхозавѣтной теократіи, черта, вслѣдствіе которой оно приходится не по вкусу новому европейскому міру. Божественное или не человѣческое величіе государственной власти, проповѣдуемое въ его ученіи, ни какъ не можетъ примириться съ человѣчески-гражданскою свободой.

7) Въ настоящее время еще неразвито пониманіе органическаго или, выражаясь иначе, психологически-человѣческаго существа государства, и немногіе отваживаются признать необходимые результаты этой основной мысли за научные. Но нельзя отрицать того, что наука въ послѣднее время сдѣлала въ этомъ направленіи нѣсколько шаговъ впередъ.

---

¹ Hegel. Rechtsphilosophie § 57. «Государство есть дѣйствительность нравственной идеи, нравственный духъ, какъ откровенная, сама для себя ясная субстанціальная воля, которая мыслить, познаетъ и выполняетъ то, что она познаетъ въ такой степени, въ какой познаетъ. Ср. Werke. IX § 411.

Фр. Шмидтгеннеръ (Schmidthenner) считаетъ государство нравственнымъ организмомъ, назначеннымъ для завѣдыванія общими дѣлами внѣшней жизни, права, благосостоянія и образованія. Онъ одинъ изъ первыхъ проложилъ путь новому направленію науки.

Фольграфъ (Vollgraf) сдѣлалъ замѣчательную попытку основать ученіе о государствѣ на психологіи народовъ¹. Самое сочиненіе его называется «первымъ опытомъ» и, какъ первый опытъ, достойно вниманія. Но оно неспособно внушить уваженіе къ психологическому методу. Неудовлетворительны какъ изложеніе силъ чело-вѣческой души, такъ и оцѣнка различныхъ темпераментовъ. Значительная масса историческихъ замѣтокъ и различныхъ наблюденій слишкомъ мало обработана критически и слишкомъ переполнена пустыми образами фантазіи.

Аренсъ², послѣдователь философа Краузе, предпринялъ написать «органическое ученіе о государствѣ». Но подъ организмомъ государства онъ понимаетъ не столько живое личное общеніе, сколько органическое учрежденіе для общенія права.

Наконецъ Вайцъ³ (Waitz) говоритъ о государствѣ: «государство не есть нѣчто произвольно созданное, возникшее посредствомъ договора людей, посредствомъ силы одного или нѣсколькихъ лицъ. Государство возрастаетъ органически, какъ организмъ, но не по законамъ и не для цѣли естественной жизни. Оно основывается на высшихъ нравственныхъ способностяхъ людей, на ихъ истинныхъ, нравственныхъ идеяхъ. Оно есть неестественный, а этическій организмъ. Государство есть организація народа.»

Примѣчаніе. Въ моемъ сочиненіи «Psychologische Studien über Staat und Kirche. Zürich 1844 г. я сдѣлалъ первую попытку объяснить государство на основаніи психологіи

---

¹ Erster Versuch einer wissenschaftlichen Begründung sowohl der allgemeinen Ethnologie durch die Anthropologie wie auch der Staats- und Rechtsphilosophie durch die Ethnologie oder Nationalität der Völker. III части 1851 — 53.

² H. Ahrens, die organische Staatslehre T. I. Вѣна, 1850.

³ Politika 1862 I. 1.

Фр. Ромера (Rohmer). По ошибкѣ я предположилъ въ читателяхъ нѣкоторое знакомство съ этою наукою, изложенною «въ ученіи о партіяхъ», но убѣдился на опытѣ, что такого знакомства не только не существуетъ, но что даже въ теперешнемъ школьномъ образованіи всякое психологическое мышленіе о государствѣ потерялось и кажется страннымъ. Мои этюды были отвергнуты современниками, какъ непонятная глупость въ другихъ случаяхъ умнаго человѣка. Но плоды этихъ этюдовъ, созрѣвшіе въ послѣдствіи въ предлагаемомъ теперь сочиненіи, были повсюду приняты съ удовольствіемъ и благодарностію. Между тѣмъ приближается время, когда путь, проложенный моими этюдами, уже не будетъ болѣе казаться страннымъ, и когда съ особенною любовію будутъ заниматься органически-психологическимъ познаніемъ государства. Тогда можно будетъ правильно обсудить достоинства или недостатки моихъ этюдовъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

НАРОДЪ И ТЕРРИТОРІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I. Человѣчество, человѣческія расы и семейства народовъ.

Человѣчество еще не достигло всеобщей организаціи во всемірномъ государствѣ. Исторія знаетъ только отдѣльныя государства, ограничивающіяся частями человѣчества. Поэтому современное государственное право прежде всего должно разсмотрѣть эти части и опредѣлить отношеніе народовъ къ человѣчеству и государству.

Вѣра въ единство человѣческаго рода неизбѣжна для просвѣщеннаго религіознаго чувства. Христіанство призвало всѣхъ людей быть сынами Божиими. Цивилизованное государство также предполагаетъ это единство, и видитъ даже въ низшихъ расахъ и племенахъ общую человѣческую природу. Но для государства и государственнаго права наряду съ единствомъ человѣчества имѣетъ великое значеніе и различіе расъ. Ибо въ государствѣ люди являются съ извѣстнымъ устройствомъ, а устройство не мыслимо безъ различія въ составныхъ частяхъ.

Наука еще до сихъ поръ не успѣла приподнять покрывало, скрывающее отъ насъ таинственное происхожденіе главныхъ расъ человѣчества. Основываются ли расы на различныхъ актахъ творенія, при чемъ однѣ возникли прежде, а другія послѣ, или же различіе произошло уже послѣ единого творенія, и если такъ, то

подъ вліяніемъ какихъ естественныхъ силъ, — этого мы не знаемъ. Различіе главныхъ расъ какъ по организаціи и цвѣту, такъ и по духовнымъ способностямъ, существовало, сколько извѣстно, уже въ первыя времена исторіи развитія человѣчества, и до сихъ поръ въ существенныхъ чертахъ осталось однимъ и тѣмъ же. Но ни одна раса не удержалась въ совершенной чистотѣ; различные перевороты, происходившіе въ исторіи, частью оторвали великія составныя части первобытныхъ расъ отъ общенія съ остальными массаами, частью преобразовали въ новые народы. Во всякомъ случаѣ и теперь еще можно различить противоположности бѣлой, черной, желтой и красной расъ, и притомъ не столько въ ихъ часто обманчивыхъ цвѣтахъ, сколько въ исторіи развитія. Нѣкоторые очень талантливые люди отрицаютъ въ теоріи неравенство расъ, но едва ли можно найти человѣка, который не замѣтилъ бы такого неравенства въ практической жизни и дѣятельности. Вся всемірная исторія, отъ одного столѣтія до другаго, постоянно свидѣтельствуетъ о неравномѣрности духовныхъ дарованій различныхъ расъ, и даже о неравенствѣ способностей, пріисшедшихъ изъ нихъ народовъ.

Очень вѣроятно, что черная раса, ночные народы, (*Nachtvölker*) какъ называетъ ихъ Карусъ, — въ доисторическія времена занимала не только Африку, преимущественно для нея предназначенную страну, но покрывала и южныя части Азіи, и даже имѣла свои поселенія на южныхъ оконечностяхъ Европейскаго континента. Относительно глубокой древности этой, можетъ быть, перворожденной расы, не можетъ быть сомнѣнія. Но нигдѣ и никогда черная раса сама по себѣ не дошла до построенія государства, сколько-нибудь, хотя бы и одностороннимъ образомъ, цивилизованнаго. Она во все не имѣетъ истинной исторіи. При всякомъ столкновеніи съ индивидуумами или племенами бѣлой расы она всегда подчинялась ихъ владычеству. Въ какой мѣрѣ разнуздана ея фантазія, въ такой же мѣрѣ недостаточенъ ея разумъ и слаба воля. Дѣтская по самой природѣ, раса эта подлежитъ воспитанію и руководству другихъ высшихъ народовъ.

Но и прочія расы желтыхъ (финнско-монгольскихъ) народовъ, нашедшихъ свое отечество въ Азіи, и красныхъ (индійскихъ), которымъ назначена въ обладаніе Америка, достигли прочнаго государственнаго бытія только съ помощію и подъ руководствомъ арійскихъ народовъ. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что обѣ эти расы отличаются отъ негритянскихъ народовъ, первая большею способностію къ матеріальному удобству внѣшней жизни и талантами управленія, а послѣдняя дикимъ мужествомъ. До какой степени сильно вліяніе расы, какъ постоянно дѣйствующаго историческаго условія, показываетъ уже то обстоятельство, что народы, о которыхъ мы говоримъ, ни для себя, ни для побѣжденныхъ ими народовъ, никогда не создавали свободнаго государства; въ самыхъ благопріятныхъ случаяхъ плодомъ ихъ дѣятельности было только благоустроенное, но отнюдь не свободное государство.

Но надъ всѣми возвышается бѣлая раса такъ называемыхъ кавказскихъ или иранскихъ народовъ, которыхъ Карусъ, въ противоположность ночнымъ и сумерочнымъ (утреннимъ и вечернимъ народамъ, *Nachts- und Dämmerungs- [Morgen- und Abend] Völkern*), называетъ дневными (*Tagvölker*), дѣти солнца и неба, какъ называли ихъ въ древности. Это по преимуществу историческіе народы. Они опредѣляютъ судьбу міра. Всѣ высшія религіи, связывающія людей съ Богомъ, открыты людьми кавказскаго племени. Почти вся философія есть плодъ ихъ духовнаго труда. При столкновеніи съ другими расами кавказская всегда является побѣдительницею и обладательницею. Построеніе всѣхъ высшихъ государственныхъ формъ совершилось подъ ея вліяніемъ и составляетъ ея дѣло. Цивилизаціею и усовершенствованіемъ духовной жизни человѣчества мы обязаны ея труду и энергіи ея воли.

Дневные народы (*Tagvölker*) раздѣляются на два большія семейства—семитическихъ и арійскихъ (индогерманскихъ) народовъ. На долю Семитовъ выпала преимущественно религіозная миссія. Иудейство, христіанство и исламъ распространились прежде всего между семитическими народами на Востокъ. Но относительно

образования государствъ они оказали менѣе способности. Въ приложеніи къ политической исторіи и образованію права высшее мѣсто занимаетъ арійская семья народовъ, самый языкъ которой отличается предъ всѣми другими благородствомъ и полнотою мысли. Она преимущественно нашла отечество въ Европѣ, и развила до полной зрѣлости свой государственный духъ. На этомъ основывается право европейско-арійскихъ народовъ посредствомъ идей и учрежденій руководить въ политическомъ отношеніи другіе народы, находящіеся на землѣ, и такимъ образомъ дать организацію человѣчеству.

Итакъ на различіе расъ мы смотримъ какъ на дѣло творческой природы, а не какъ на произведеніе нашей человѣческой исторіи, и признаемъ расы естественными разновидностями человѣчества. Напротивъ, народы, на которые раздѣляются расы, или которые возникли изъ смѣшенія различныхъ расъ, суть результатъ нашей исторіи. Народы суть историческіе члены человѣчества и своихъ расъ. Правда, намъ извѣстны нѣкоторые первобытные народы, т. е. такіе, которые встрѣчаются уже въ первыя времена нашей исторіи, или которыхъ происхожденіе теряется въ мракъ древности. Но съ другой стороны мы знаемъ множество такихъ народовъ, возникновеніе которыхъ находится въ предѣлахъ нашего историческаго знанія, и имѣемъ не мало основаній предположить, что и первобытные народы образовались тѣмъ же способомъ. Путемъ раздѣленія, смѣшенія или развитія исторія постепенно раздробляла народы и создавала новые. Поэтому народныя особенности обнаруживаются не столько въ ихъ физическихъ проявленіяхъ, сколько въ ихъ духѣ и характерѣ т. е. въ языкѣ и правѣ.

Примѣчанія. 1. Prichard въ своемъ сочиненіи: *Naturgeschichte des Menschengeschlechts* (нѣмецкій переводъ Вагнера. Лейпцигъ 1840. 4 части), рассуждалъ о различіяхъ и сходныхъ чертахъ расъ преимущественно по отношенію къ физиологической организаціи и строенію языка. Напротивъ А. de Gobineau въ своемъ *Essais sur l'inégalité des races humaines*. Paris 1852 — 55 г. старался представить главнымъ образомъ политическія противоположности. Какъ ни интересны

эти изслѣдованія, но и въ томъ и въ другомъ отношеніи еще много нужно сдѣлать, чтобы достигнуть прочныхъ результатовъ. Самое новое и многостороннее сочиненіе касательно этого предмета Th. Waitz, Anthropologie der Naturvölker.

2. На значеніе расы для права и государства долгое время не обращали вниманія въ наукѣ. Сочиненіе Gobineau старается восполнить этотъ недостатокъ, но нерѣдко впадаетъ въ противоположную ошибку: выводитъ все изъ природныхъ особенностей расъ. Кромѣ того Gobineau придаетъ слишкомъ много значенія первородности расъ и вліянію происхожденія и крови. Существуютъ не только природныя расы — конечно самое первоначальное и естественное значеніе породы — но кромѣ того и производныя; ихъ мы замѣчаемъ и въ семействахъ и въ народахъ; онѣ хотя вторичнаго происхожденія и въ большей степени зависятъ отъ человѣческой свободы, но тѣмъ не менѣе оказываютъ значительное вліяніе на образованіе права. Отъ расы нужно отличать индивида, и обращать не менѣе вниманія и на индивидуальное дѣйствіе. Всемирная исторія опредѣляется болѣе индивидами, нежели расами. Вжные выводы, которые сдѣлалъ относительно этой противоположности Friedr. Rohmer въ его *Lehre von den politischen Parteien* (dargestellt von Th. Rohmer Zurich. 1844), еще не рассмотрѣны и не оцѣнены въ той мѣрѣ, какъ заслуживаетъ это сочиненіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

III. Нація и народъ.

Произвольноскопившаяся или собранная масса людей еще не составляетъ націи. Равнымъ образомъ путемъ соглашенія между извѣстнымъ числомъ индивидовъ никогда не возникали ни народъ, ни государство.

Далѣе, семейная связь сама по себѣ не производитъ ни націи, ни народа. Исторія опровергаетъ то положеніе Шлейермахера, по которому «всякая масса семействъ, взаимно соединившаяся и исключившая себя изъ ряда другихъ семействъ посредствомъ *connubium*, представляетъ народное единство.» Въ Римѣ какъ патриціи, такъ и плебеи

были соединены внутри себя посредством *connubium*. Но ни тѣ, ни другіе въ отдѣльности не составляли римскаго народа; притомъ, хотя въ древнѣйшее время эти двѣ части не связывались посредствомъ *connubium*, но тѣмъ не менѣе изъ соединенія ихъ возникъ римскій народъ. Германскіе народы произошли изъ соединенія сословій, изъ которыхъ каждое допускало бракъ только въ предѣлахъ себя, между равными. Наконецъ, въ новое время браки и семейная связь происходятъ и между различными націями, но отсюда вовсе не является новыхъ націй.

Возникновеніе націи предполагаетъ новое раздѣленіе въ предѣлахъ прежнихъ расъ, или прежней, большей націи, — выдѣленіе части, которая пріобрѣтаетъ для себя самостоятельность, или же, посредствомъ смѣшенія съ составными частями другихъ расъ или націй, принимаетъ новый видъ. На образованіе націи самое могущественное вліяніе оказываетъ духъ. Въ древнемъ Востокѣ и отчасти въ средніе вѣка соединеніе единовѣрцевъ въ новую націю и выдѣленіе иновѣрцевъ происходило иногда подъ вліяніемъ религіознаго духа. Но сильнѣе и рѣзче соединяетъ и раздѣляетъ націи духъ языка. Общность языка есть вѣрнѣйшій признакъ національной общности Она выражаетъ единство духовной культуры. Только какъ посредствующія причины сюда присоединяются общеніе нравовъ и права. Но постепенно нація доходитъ до такого единства, которое возвышается надъ индивидами и семействами и объединяетъ всѣхъ. Тогда уже выступаютъ наружу особенности въ физиогноміи націи, въ манерахъ, одеждѣ, жилищахъ, словомъ въ тысячѣ мелкихъ чертъ, которыя легко замѣтить, но не легко описать. Только тогда, когда нація успѣла передать свои особенности нѣсколькимъ поколѣніямъ, является національная раса съ ея достоинствами и недостатками въ духѣ, характерѣ, равно какъ физическихъ качествахъ.

Понятіе «нація» относится къ культурѣ; народъ же есть понятіе государственнаго права. Только въ государствѣ и при посредствѣ государства нація становится народомъ. Государственное общеніе образуетъ на-

родное единство. Но чтобы народъ дошелъ до истиннаго единства, (выраженія нація и народъ не всегда сходятся), нужна болѣе или менѣе продолжительная связь и соединеніе между его членами. Тогда образуется опредѣленный народный духъ и народный характеръ, отличные отъ индивидуальнаго духа и характера, и изъ поколѣнія въ поколѣніе сообщающіеся членамъ народа. Поэтому существуетъ еще народная раса, подобно тому, какъ есть индивидуальная раса, и обѣ эти расы не всегда сходятся.

Нація можетъ быть названа лицомъ только въ естественномъ, а не юридическомъ смыслѣ, потому что въ языкѣ она выражаетъ единство своего духа. Но общеніе ея нѣтъ надобности замыкать юридическими нормами. Нація не есть субъектъ государственнаго права. Напротивъ народъ, нашедшій въ государствѣ общую организацію, дѣлается чрезъ это вмѣстѣ и юридическимъ лицомъ.

Народы суть также органическія существа; поэтому они подчиняются естественнымъ законамъ всякой органической жизни. Въ исторіи развитія народовъ можно различить тѣ же самые возрасты, какъ и въ жизни индивидовъ. Естественныя силы и способности, возрѣнія и потребности народа — инныя во время дѣтства, и инныя во время его старости. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для народовъ средній возрастъ жизни бываетъ обыкновенно временемъ высшаго развитія духа и силы. Но только въ жизни народовъ эти періоды измѣряются столѣтіями, тогда какъ въ жизни индивидовъ они измѣряются десятилѣтіями. Наконецъ безсмертіе не выпало, кажется, и на долю народовъ.

Примѣчаніе 1. Заслуга Савиньи состоитъ въ томъ, что онъ ясно выставилъ значеніе народа какъ органическаго существа и вліяніе его возрастовъ на образованіе права въ Германіи.

2. Въ прежнее время, слѣдуя французскому словоупотребленію, я называлъ естественный народъ «Volk» (peuple), а государственный «Nation». Но этимологія требуетъ обратнаго словоупотребленія, потому что слово natio (отъ nasci) ука-

зываетъ на рожденіе и расу, а народъ Volk (populus, πόλις) на городъ и государство. Духъ нѣмецкаго языка пригомъ слѣдуетъ этому значенію. На этомъ основаніи можно сказать, что въ средніе вѣка нѣмцы составляли націю и народъ, а теперь они только нація, которая стремится опять перейти въ народъ, какъ сдѣлали это швейцарцы, смѣшанные при томъ изъ разныхъ національностей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Національныя права.

Нельзя не видѣть прогресса цивилизаціи въ томъ, что мы начинаемъ говорить о національныхъ правахъ и требовать уваженія къ нимъ. Такъ какъ націи суть части человѣчества и продуктъ великаго всемірно-историческаго процесса развитія, то ихъ существованіе безъ сомнѣнія должно быть уважаемо и защищаемо. Самымъ первымъ, естественнымъ и основнымъ правомъ во всѣ времена было и есть человѣческое бытіе. Но какая изъ формъ человѣческаго бытія имѣетъ больше правъ, какъ не національное общеніе? Оно есть основа и индивидуальнаго бытія и главное условіе развитія человѣчества.

Но это чисто-нравственное требованіе возможно облечь въ соотвѣтственную форму права не иначе, какъ постепенно. Принципъ національности имѣетъ значеніе прежде всего для политики, а не для государственнаго права.

Основными положеніями права національнаго можно признать слѣдующія:

1. Право на національный языкъ.

Языкъ есть неприкосновенная собственность каждой націи; въ языкѣ преимущественно выражаются ея особенности; онъ служитъ самою прочною связью, соединяющею членовъ націи въ одно цивилизованное общество.

Поэтому государство не можетъ запретить націи имѣть свой языкъ, не можетъ препятствовать развитію языка и національной литературы. Напротивъ, государство обя-

зано предоставить свободу культурѣ языка и даже покровительствовать ей, на сколько это не противорѣчитъ общимъ интересамъ образованія ¹. Подавленіе римлянами туземныхъ языковъ въ провинціяхъ было страшнымъ злоупотребленіемъ государственной власти. Запрещеніе вендскаго языка въ предѣлахъ нѣмецкаго ордена, подѣ страхомъ смертной казни, было противнымъ праву варварствомъ.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы невозможно было въ отношеніи къ государственнымъ дѣламъ установить одинъ привилегированный, государственный языкъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не объ одной національной жизни, а о жизни всего государства, то интересъ всего государственнаго народа можетъ требовать единства языка. Такъ въ англійскомъ парламентѣ совершенно законно говорятъ только по-англійски, а не по-ирлански и валлійски; въ французскихъ центральныхъ учрежденіяхъ говорятъ только на французскомъ языкѣ, но отнюдь не на нѣмецкомъ или кельтическомъ. Швейцарія оказываетъ болѣе уваженія различнымъ національностямъ, изъ которыхъ она сложена, соединяя нѣмецкій государственный языкъ съ французскимъ, и по мѣрѣ надобности допуская также итальянскій.

Также точно государству ничто не препятствуетъ заботиться о томъ, чтобы въ школахъ преподавался высшій, развитой языкъ, и дѣти еще необразованной націи принимали участіе въ усвоеніи литературы болѣе цивилизованнаго народа.

2) Нація имѣетъ право держаться своихъ національныхъ обычаевъ, если только они не противорѣчатъ высшему нравственному закону и не нарушаютъ правъ государства. Владычествующіе англичане совершенно въ правѣ не терпѣть, чтобы индѣйскія женщины сожигали себя на кострахъ умершихъ мужей; но запрещеніе безвредныхъ народныхъ развлеченій есть притязаніе государства, котораго ничѣмъ нельзя оправдать.

---

¹ Австрійская констит. 1849. § 5. Всѣ народныя племена имѣютъ одинаковыя права (?) и всякому племени принадлежитъ ненарушимое право на охраненіе и покровительство ея національности и языка.

3. Въ собственно юридической области нація имѣетъ меньшее право на признаніе и защиту со стороны государства, потому что здѣсь, по самой природѣ вещей, принадлежитъ большее значеніе съ одной стороны единству и гармоніи государства, съ другой—интересамъ цивилизованнаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство, обнимающее все населеніе государства и видоизмѣняющее или уничтожающее отдѣльныя народныя права, составляетъ потребность развитаго государства. Нельзя упрекать римлянъ за то, что они стремились ввести римское право во всей имперіи: и если въ Австріи поземельныя отношенія устроятся повсюду одинаковымъ образомъ, и противодѣйствующія національныя права устраняются, какъ на примѣръ въ Венгріи, то въ этомъ можно видѣть общій прогрессъ въ развитіи права, въ томъ конечно случаѣ, когда правительство дѣйствуетъ въ предѣлахъ конституціи. Но крутыя мѣры заслуживаютъ порицанія. Одно изъ самыхъ явныхъ злоупотребленій такого рода сдѣлалъ англійскій парламентъ, когда въ 1773 году онъ хотѣлъ ввести въ Бенгалѣ формы англійскаго судопроизводства и англійскаго права и принудить еще не созрѣвшихъ индійцевъ къ принятію его. Въ Германіи совѣстливое охраненіе стараго хлама, перешедшихъ по преданію, статутарныхъ правъ для небольшихъ частичекъ народа соединялось съ слишкомъ смѣлымъ и радикальнымъ введеніемъ для всей націи чужаго общаго права.

Поэтому въ отношеніи къ развитію права народъ имѣетъ первенство передъ націею; національныя различія должны преклониться предъ единствомъ закона и правосудія; равноправность гражданъ получаетъ перевѣсъ надъ разнообразіемъ національныхъ обычаевъ. Впрочемъ, римлянамъ было гораздо легче романизировать подчиненныя націи въ отношеніи права, нежели латинизировать въ отношеніи языка. Намъ не кажется страннымъ, что французы прилагаютъ свой Code Napoléon къ нѣмецкому Эльзасу и къ древнегальской Бретани. Мы не порицаемъ того, что англійское законодательство устанавливаетъ право ирландцевъ и валлійцевъ. Но припомнимъ, что попытка римлянъ подчинить грубыхъ гер-

манцевъ формамъ римскаго права воспламенила великую германскую борьбу за свободу, и что въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій принципъ германскаго юридическаго убѣжденія состоялъ въ томъ, что каждая нація должна оставаться при своемъ правѣ; каждый человекъ долженъ быть защищаемъ по его врожденному т. е. національному праву. Древнеримское правило, проведенное одностороннимъ образомъ, разрушило какъ всякую національную свободу, такъ и національное право, упорно охранявшіяся древними германцами, и сдѣлало невозможною высшую государственную культуру. Къ счастью для свободы націй и прогресса цивилизаціи, римляне и германцы вступили во взаимно враждебныя отношенія, и ни одинъ изъ двухъ принциповъ не достигъ исключительнаго господства.

4) Если нравственное и духовное бытіе націи подвергается насильственному нападенію, то это можетъ служить для членовъ націи побужденіемъ къ упорному сопротивленію. Нѣтъ болѣе законной къ тому причины какъ защита національности ¹. Такое сопротивленіе можетъ быть противно только легальности.

5) Между націею и народомъ существуетъ естественное взаимодействіе. Одаренныя политическими способностями, націи достигаютъ полнаго развитія своей природы лишь тогда, когда дѣлаются народами, и въ свою очередь народы, смѣшанные изъ различныхъ национальных элементовъ, имѣютъ стремленіе образовать изъ себя одну націю. Политика принимаетъ въ соображеніе эти стремленія, и старается способствовать или препятствовать имъ. Но здѣсь возбуждаются весьма глубокіе юридическіе вопросы.

---

¹ Niebuhr (Preussens Recht gegen den Sächsischen Hof); Общность національности выше, нежели государственныя отношенія, соединяющія или раздѣляющія различные народы одного племени. Посредствомъ грамматики, языка, обычаевъ, преданія и литературы возникаетъ между народами братство, отдѣляющее ихъ отъ чужихъ племенъ и заставляющее смотрѣть на соединеніе съ иноплеменниками противъ своего племени, какъ на предательство.

Попытаемся представить относительно этого предмета нѣсколько положеній права.

а) Не всякая нація имѣетъ право организовать себя въ народъ. Она не имѣетъ этого права, когда у нея нѣтъ духовной и нравственной способности управляться самостоятельно. Не всѣ націи по природѣ своей суть государственные народы. У однихъ народовъ нѣтъ самостоятельной государственной идеи, у другихъ нѣтъ силъ осуществить ее собственными средствами. А безъ способности нѣтъ и права. Поэтому Богъ и исторія предназначили такія націи подчиняться руководству или воспитанію народовъ, одаренныхъ большими способностями и силами.

б) Каждой націи, которая имѣетъ самостоятельную государственную идею и въ тоже время силу и потребность осуществить ее, принадлежитъ право создать національное государство; но при такомъ стремленіи она обязана уважать историческія формы юридическаго быта, конечно въ томъ случаѣ, когда формы эти не производятъ противнаго праву препятствія ея естественному развитію.

в) Созданіе національнаго государства отнюдь не требуетъ соединенія всѣхъ національныхъ составныхъ частей въ одно государственное цѣлое; для этого достаточно взаимодѣйствія національныхъ элементовъ въ такой лишь мѣрѣ, чтобы нація дала собственной государственной идеѣ прочное и удовлетворительное проявленіе.

г) Высшая форма государственнаго построенія не ограничивается отдѣльною національностью, а связываетъ различные національные элементы въ одинъ общій, человѣческой порядокъ.

При несовершенномъ состояніи международнаго права объ этой способности произносить рѣшеніе не человѣческой судъ, а божій, проявляющійся въ исторіи. Только въ борьбѣ, путемъ страданій и подвиговъ, народъ доказываетъ свои права.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Народность государственнаго устройства.

Болѣе правъ, нежели простой естественный народъ, имѣеть народъ государственный. Это живая индивидуальность, пребывающая въ государственномъ тѣлѣ.

Нѣтъ необходимости, чтобы государственный народъ состоялъ изъ одного естественнаго народа; даже полезно, чтобы онъ имѣлъ въ себѣ различныя національныя части. Такое соединеніе двухъ или многихъ націй въ одномъ народѣ можетъ устранить недостатки его и возвысить преимущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ подобное смѣшеніе служитъ къ пробужденію того сознанія, что государство имѣеть не народное только, а и общечеловѣческое назначеніе.

Съ другой стороны, для государственнаго единства весьма благопріятно, когда государственный народъ можетъ опереться на одну главную націю и поставить къ ней прочіе народныя элементы въ подчиненное отношеніе. Примѣромъ такого положенія могутъ служить нѣмцы во Франціи и въ Россіи, славянскія племена въ Пруссіи, евреи въ Германіи, французы въ сѣверной Америкѣ. Гораздо труднѣе утвердить и охранить единство государственнаго народа, когда послѣдній состоитъ изъ многихъ націй, соперничающихъ въ силѣ и значеніи. Эту трудность должна была побѣдить Англія, которая соединяла въ себѣ сначала саксовъ и норманновъ, за тѣмъ англичанъ и шотландцевъ и наконецъ еще ирландцевъ.

Если государство должно быть тѣломъ народа, то ясно, что его законы и учрежденія должны принимать во вниманіе свойства и потребности народа, словомъ, что государство должно быть народнымъ. Государственное устройство, несогласное съ характеромъ народа, не обращающее вниманія на его особенности, не сообразное съ его духомъ и воззрѣніями, есть неестественное и потому негодное тѣло. Если оно навязано чуждою силой, или во время политической лихорадки избра-

но самимъ заблуждающимся и больнымъ народомъ, то оно непременно рушится снова, лишь только ослабнетъ внѣшняя сила, или народъ опять обдумается. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ поврежденіе государственнаго организма бываетъ такъ велико, что можетъ повлечь за собою гибель народа, или по меньшей мѣрѣ разстроить на долгое время его здоровье.

Всякая великая нація, способная сдѣлаться государственнымъ народомъ, имѣетъ самостоятельное политическое воззрѣніе и особенную государственную миссію. Нація исполняетъ это назначеніе, сообщая государству отпечатокъ своего существа. Такимъ образомъ различіе народовъ соотвѣтствуетъ различію націй; въ разнообразіи государственныхъ формъ проявляется разнообразіе, вложенное Богомъ въ природу націй.

Особенность народа не отражается въ государствѣ одинажды навсегда. Народъ переживаетъ различныя фазы развитія, причемъ потребности и взгляды его мѣняются, смотря по періоду жизни, въ которомъ онъ находится, хотя онъ въ существѣ остается однимъ и тѣмъ же. Національное и народное государство сопровождаетъ народъ и въ этомъ развитіи, и производитъ въ своемъ организмѣ соотвѣтственныя преобразованія, не становясь чрезъ то совершенно инымъ. Какъ велико различіе во внѣшнемъ проявленіи римскаго государства въ различные періоды его исторіи, и между тѣмъ какъ ясно высказывается въ немъ всегда національно-римскій характеръ! Царская, республиканская, императорская государственныя формы соотвѣтствуютъ различнымъ возрастамъ жизни римскаго народа, но на всѣхъ ихъ очевидно лежитъ особенно римскій отпечатокъ. Англійская монархія при Тюдорахъ отличается отъ англійской монархіи при Ганноверскомъ домѣ, также какъ степени развитія англійскаго народа въ XVI и XVIII столѣтіяхъ.

Сводя все сказанное въ одно цѣлое мы получимъ слѣдующее положеніе: сообразная съ природою вещей государственная форма соотвѣтствуетъ всегда особенностямъ и періоду развитія народа, живущаго въ государствѣ.

Примѣчаніе. 1. Катонъ у Цицерона de republic. II. 21. «Nec temporis unius nec hominis est constitutio reipublicae.»

2. Фридрихъ Великій (въ Antimacchiav. 12) говоритъ: «характеры индивидовъ различны; тоже различіе природа произвела и въ характерахъ государствъ. Подъ характеромъ государства я разумью его положеніе, пространство, численность и особенный духъ его народовъ, торговлю, обычаи, законы, силы, недостатки, богатство, вспомогательные источники.»

3. De Maistre (1796) говоритъ: «конституція, приспособленная ко всѣмъ націямъ, не годится ни для одной. Она есть чистая абстракція, дѣло школы, годное только для упражненія ума въ идеальныхъ предположеніяхъ, иназначенное для чистаго чловѣка въ тѣхъ воображаемыхъ пространствахъ, гдѣ обитаетъ только одинъ онъ», (qu'il faut adresser a l'homme dans les espaces imaginaires, ou il habite»).

4. Наполеонъ къ швейцарцамъ: (1803 г.) «форма правленія, которая не есть результатъ долгаго ряда событій, неудачъ, усилій и предпріятій народа, не можетъ никогда пустить корни въ народъ.»

5. Sismondi, Опыты объ учрежденіяхъ свободныхъ народовъ. «Государственныя формы въ такой же мѣрѣ, какъ и законы, основываются на обычаяхъ націи, ея склонностяхъ, воспоминаніяхъ и понятіяхъ. Попытка дать народу новое государственное устройство, основывающееся не на свойственномъ ему духѣ и не на собственной его исторіи, а на тѣхъ или другихъ общихъ положеніяхъ, которымъ ошибочно придаютъ громкое имя принциповъ, — такая попытка служить несомнѣннымъ признакомъ въ высшей степени поверхностнаго и къ тоже время ложнаго взгляда на дѣло. Послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, когда появилось столько громкихъ конституцій, причемъ многія произошли путемъ простаго заимствованія, могутъ служить свидѣтельствомъ, что изъ всѣхъ ихъ ни одна не соотвѣтствовала ни ожиданіямъ тѣхъ, кто давалъ ихъ и надеждамъ тѣхъ, кому онѣ давалась.»

6. L. Ranke (Zeitschrift I. 91): «Наше ученіе состоитъ въ томъ, что каждый народъ имѣетъ собственную политику. Что же такое значитъ эта національная независимость, которою проникнуты всѣ умы! То ли только, чтобы въ нашихъ городахъ не было чужаго правителя, чтобы по нашей странѣ не ходило чужое войско? Не въ томъ ли скорѣе состоитъ смыслъ ея, чтобы мы независимо отъ другихъ довели наши духовныя качества до той степени совершенства, къ какой они способны?»

ГЛАВА ПЯТАЯ.

III. П л е м е н а.

Какъ человѣческія расы раздѣляются на различныя націи, такъ послѣднія дѣлятся на племена. Сродство націй видно для наблюдательнаго изслѣдователя въ языкѣ, въ нравахъ, въ правѣ. Но сами націи, принадлежащія къ одной и той же человѣческой расѣ, не понимаютъ себя, онѣ остаются чуждыми одна другой. Напротивъ, различныя племена одной націи, при посредствѣ общаго языка и обычаевъ, чувствуютъ себя связанными въ одинъ союзъ общежитія. Правда, въ племенахъ, сознанію единства національности противопоставляется племенная отдѣльность и различіе племенъ, раздѣляющія то, что являлось соединеннымъ въ высшей сферѣ. Но національный языкъ, для котораго открытъ слухъ всѣхъ племенъ, опять пробуждаетъ чувство народнаго единства и родства. Въ діалектахъ высказывается и то и другое, — и народное единство и племенное различіе. Они относятся къ языку, какъ частныя племенные права къ общему народному праву.

Племена, подобно самимъ націямъ, суть произведеніе исторіи, которая приводитъ къ развитію и проявленію внутреннія противоположности. Они суть такъ сказать обломки націй, т. е. не имѣютъ самостоятельнаго національнаго типа, а составляютъ только своеобразное выраженіе общаго національнаго духа. Такимъ путемъ они продолжаютъ и поддерживаютъ какъ свое особое бытіе, такъ и внутреннія противоположности, воздѣйствующія на природу самой націи. Особность племенъ, благопріятствуя разнообразію и богатству національной жизни, въ то же время становится часто препятствіемъ единству большаго національнаго государства. Внутренняя борьба партій, которая первоначально имѣли свое основаніе въ племенныхъ различіяхъ, сдѣлала Римъ сильнымъ и могущественнымъ; эллины же, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкихъ племенныхъ противоположностей, никогда не могли собраться въ одно прочное государство. Испанцы сумѣли подъ конецъ собрать

свои племена воедино; Италию борьба ихъ раздирала съ самыхъ среднихъ вѣковъ. Во время существованія нѣмецкой римской имперіи племена, хотя имѣли политическую организацію и относительную самостоятельность, но соединялись въ одно великое государство посредствомъ общей королевской власти; но въ позднѣйшей исторіи Германіи соперничество и вражда племенъ принимали значительное участіе въ упадкѣ имперіи, и хотя въ настоящее время смягчились, но все еще продолжаютъ оказывать сильное вліяніе на неурядицу нашего времени.

Исторія показываетъ, что въ племени можетъ заключаться залогъ къ образованію новаго народа. Отрываясь и отдѣляясь отъ народа, къ которому принадлежитъ по природѣ, племя можетъ сдѣлаться новымъ народомъ, притомъ скорѣе новымъ, большею частію малымъ, государственнымъ народомъ, нежели новою націею. Форму націи удастся ему получить только тогда, когда оно смѣшивается съ другими племенами и вслѣдствіе смѣшенія измѣняетъ и языкъ, какъ это сдѣлалось съ германскимъ племенемъ лонгобардовъ въ Италиі, или же съ теченіемъ времени развиваетъ свой діалектъ въ особый языкъ, какъ сдѣлали это голландцы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

IV. К а с т ы.

Можетъ быть древнѣйшее, но во всякомъ случаѣ самое рѣзкое и неподвижное, раздѣленіе различныхъ частей народа представляютъ касты. Система кастъ болѣе всего развившаяся въ Индіи, основывается на слѣдующихъ двухъ принципахъ, на которыхъ лежитъ печать односторонности и, такъ сказать, окаменѣнія: 1) на абсолютномъ значеніи расы¹, въ противоположность индиви-

---

¹ Индійцы называютъ касты — *Varna* цвѣтъ. Чѣмъ выше каста, тѣмъ чище бѣлая раса, чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе она смѣшивается, преимущественно съ кровью черной расы. Только три высшія касты арійскаго происхожденія; въ судрахъ преобладаютъ черные элементы. *Gobineau, de l'inegalité des races humaines. II. стр. 135 и слѣд.*

дуальному разнообразію, т. е. на исключительномъ и постоянномъ преемствѣ крови; 2) на вѣрѣ въ то, что противоположности расы суть созданіе божества ¹.

Эта вѣра, которую Платонъ, при помощи искусственныхъ средствъ, хотѣлъ водворить въ своемъ государствѣ, достигла у индійцевъ полной силы. Египетскія касты суть только подражаніе индійскимъ. Высшая каста брамановъ, въ которой арійская кровь сохранилась всего чище, хотя и не осталась свободною отъ примѣси другихъ составныхъ частей, произошла, по словамъ индійскаго мифа, изъ устъ Бога. Поэтому браманы, подобно слову Бога, служатъ чистѣйшимъ и полнѣйшимъ выраженіемъ божественнаго существа. Имъ принадлежитъ завѣдываніе наукою и религіей. Ихъ вѣдѣнію и попеченію преимущественно ввѣрено право. Самый низкій браманъ, по своему званію, достоинъ большаго уваженія, нежели царь. Они имѣютъ по преимуществу божественную природу, и хотя имъ не запрещено занимать мірскія должности и вмѣшиваться въ земныя дѣла, но воздержаніе отъ всякаго матеріальнаго наслажденія возвышаетъ ихъ чистоту. Кто ударитъ брамана хотя соломинкой, тотъ осуждается на адскія муки.

Вторая каста, кшатріи, изъ которыхъ происходитъ царь, создана изъ руки божіей. Въ нихъ олицетворяется сила и внѣшнее могущество. Они по самому рожденію составляютъ военную, дворянскую касту. Хотя имъ не запрещается вести торговлю, но военныя занятія считаются болѣе приличными для нихъ.

Третья каста, вайсіи, произошла изъ бедръ Бога. Имъ принадлежатъ болѣе благородные гражданскіе промыслы.

---

¹ Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что касты въ Индіи не суть первоначальное учрежденіе, а произошли въ послѣдствіи. Означенное вѣрованіе возникло съ теченіемъ времени, но возникши начало дѣйствовать съ большою силою, ср. über die Geschichte der Kasten. Lassen, Indische Alterthumskunde 1801 и слѣд.

² Законъ Ману II. 162 (изд. A. Loiseleur. Deslongchamps Paris 1833): Браманъ долженъ избѣгать мірской чести, какъ яда, и добиваться презрѣнія людскаго, какъ амброзіи.

Они призваны заниматься скотоводствомъ, земледѣліемъ и торговлею.

Наконецъ четвертая, самая темная каста, судры, произошла изъ ногъ Бога. Это служебное населеніе. Посвященные матеріальнымъ потребностямъ жизни, они не достойны читать священныя книги.

Высшій бракъ предполагаетъ равенство рожденія супруговъ; впрочемъ мужъ высшей касты можетъ имѣть жену изъ низшей ¹, но не наоборотъ. Вслѣдствіе неравенства браковъ, съ теченіемъ времени, произошли низшія, презрѣнныя касты. Переходъ изъ одной касты въ другую возможенъ только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ; общимъ правиломъ считается неподвижная замкнутость.

Весь порядокъ кастъ чрезвычайно неблагоприятенъ для развитія и усовершенствованія государства и отдѣльныхъ лицъ. Замѣчательно при этомъ, что индійскіе народы съ своими кастами никогда не дошли до высшихъ государственныхъ формъ, и не были въ состояніи сохранить свою національную самостоятельность, хотя они и находятся въ племенномъ родствѣ съ европейскими народами, достигшими по преимуществу государственнаго значенія. Сознаніе того, что самъ человекъ и все поколѣніе его, въ настоящемъ и будущемъ ², неизмѣнно привязаны къ кастѣ, подрываетъ силу воли и мужество индивидовъ, стоящихъ низко, а лицъ, занимающихъ высшее положеніе, успокоиваетъ въ гордомъ квіетизмѣ. Все бытіе закрѣплено въ наследственныя формы и развивается однообразно, по преданію. Отдѣльный человекъ занимается только тѣмъ, что составляетъ дѣло его касты. Заключенный въ неизмѣнныя границы, онъ мало трогается величіемъ и благосостояніемъ своего отечества; его мало интересуется вопросъ: кто управляетъ государствомъ и въ какомъ духѣ?

---

¹ Законы Ману, III. 13.

² Только послѣ смерти путемъ возрожденія можно войти въ каждую высшую касту, но браманы восходятъ выше, къ богамъ.

Съ другой стороны кастовое устройство весьма удобно для поддержанія существующей культуры. Неподвижность индійской государственной организаціи, въ сравненіи съ измѣнчивою культурою европейскихъ народовъ, поражаетъ насъ удивленіемъ. Первыя начала браманства относятся далѣе, нежели къ 3000 году до Р. Х.; въ пятнадцатомъ столѣтіи до Христа система кастъ достигла полнаго развитія. Въ послѣдствіи буддизмъ угрожалъ ея существованію, но упорствомъ браманскихъ кастъ былъ опять побѣжденъ и вытѣсненъ; касты продолжаютъ еще и теперь, не смотря на господство сперва магометанъ, а потомъ христіанъ, утвердившееся уже нѣсколько столѣтій тому назадъ. Сила естественнаго наследственнаго права нигдѣ не проявлялась съ такою силою, какъ въ Индіи.

Наслѣдственному праву принадлежитъ въ государствѣ великое значеніе; оно охраняетъ и производитъ связь прошедшаго съ будущимъ, поддерживаетъ неизмѣнность государственнаго тѣла, простирающагося за предѣлы человѣческой жизни. Но гдѣ оно абсолютно и исключительно господствуетъ надъ всѣми отношеніями, тамъ надламываются лучшія силы; политическая жизнь истощается и государство погибаетъ. Правда, его образъ можетъ еще, подобно муміи, существовать въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, но оживляющій духъ уже оставляетъ его.

Въ Индіи сверхъ того слишкомъ высокое положеніе брамановъ служило еще особымъ препятствіемъ къ усовершенствованію государства. Такъ какъ браманы, по своему значенію, всегда возвышались надъ вельможами государства, то какимъ образомъ могли получить здѣсь высокое развитіе героизмъ или политическая мудрость? Гордый браманскій пустынный или нищій, который не обращалъ никакого вниманія на человѣческое общество, потому что имѣлъ дѣло съ богами, считался болѣе высокимъ и благороднымъ существомъ, нежели человѣкъ, жертвовавшій всѣми своими силами благу и чести государства. Если положеніе свѣдущихъ въ правѣ брамановъ и могло быть благотѣльнымъ оплотомъ противъ злоупотребленій физической силою со стороны

властителя, то съ другой стороны оно противорѣчило естественному порядку подчиненія, существующему въ человѣческихъ обществахъ.

Раздѣленіе на касты не примиримо ни съ христіанскою религіею, ни съ гуманною политикою. Первая, пробуждая въ людяхъ чувство того, что всѣ они дѣти одного Бога, не можетъ допустить абсолютнаго существованія кастъ. Гуманная же политика знаетъ, что всѣ люди суть существа, имѣющія права, что способности и свойства ихъ вовсе не зависятъ отъ естественнаго происхожденія, и потому, не отрицая значенія расы, придаетъ важность индивидууму.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У. Сословія.

У европейскихъ народовъ вмѣсто кастъ мы находимъ повсюду сословія. И сословія подобно кастамъ представляютъ собою органическое разчлененіе различныхъ составныхъ частей народа. Но они не такъ неподвижны и неизмѣнны какъ касты; они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что поддаются историческому движенію и подлежатъ развитію. Преимущественно въ Европѣ касты обратились въ сословія, имѣютъ богатую исторію, пережили разнообразныя формы и испытали много переворотовъ.

Древнѣйшая форма сословіи еще сильно напоминаетъ касты. Въ первое время они были обыкновенно наследственны, и свойства, которыя приписывались имъ, указываютъ на внутреннее ихъ родство съ индійскою системою кастъ. Даже миѣическія представленія о божественномъ происхожденіи сословіи совершенно сходны съ индійскимъ представленіемъ о происхожденіи кастъ. По Эддѣ богъ Ригръ во время своихъ странствованій родилъ сначала Трэля, родоначальника зависимаго населенія, потомъ въ лучшемъ домѣ свободнаго Карла, родоначальника свободныхъ крестьянъ, наконецъ благороднаго Ярла, выучилъ его метать копьѣ и пере-

далъ ему тайну священныхъ рунъ. И сословія подобно кастамъ имѣли различный цвѣтъ кожи и различную организацію: благородные были ослѣпительной бѣлизны съ свѣтлыми волосами и рдѣющимъ лицомъ; рабы имѣли безобразное лицо и угловатые члены.

1) Съ кастою брамановъ можно сравнить галльское сословіе друидовъ; ¹ имъ тоже принадлежало жречество, они хранили науку и обладали знаніемъ права. Но друиды, а еще болѣе дохристіанскіе жрецы германцевъ, (имя ихъ *godī* происходитъ отъ *Gott*, подобно тому, какъ браманы отъ Брама), находились по видимому въ болѣе близкомъ родствѣ съ національнымъ родовымъ дворянствомъ нежели браманы съ кшатріями.

2) Древнее дворянство, которое мы встрѣчаемъ повсемѣстно въ Европѣ въ первую эпоху исторіи было исключительно наследственное и соединяло въ своихъ рукахъ важнѣйшія функціи двухъ высшихъ кастъ. Поэтому можетъ статься что такое соединеніе было слѣдствіемъ великихъ потрясеній и переворотовъ въ сословіяхъ въ эпоху, о которой у насъ нѣтъ историческихъ свѣдѣній. О наследственности древнѣйшаго дворянства свидѣтельствуется уже самый языкъ. Эвпатриды грековъ и патриціи римлянъ назывались такъ вслѣдствіе самаго происхожденія отъ благородныхъ отцовъ, адалинги германцевъ получили свое имя отъ рода (*Adal*), кровь котораго текла въ ихъ жилахъ. ² И лукумоны этрусковъ и всадники галловъ составляли наследственное дворянство. Древняя сага особенно любила приписывать происхожденіе высшихъ дворянскихъ родовъ непосредственному рожденію отъ боговъ. Этому древнѣйшему дворянству обыкновенно присвоилось жречество, наука о божественныхъ вещахъ, знаніе права и отправленіе правосудія. Высшія правительственныя должности замѣщались главнымъ образомъ изъ его среды,

---

¹ Caesar de bello Gall. VI, 13: «Illi rebus divinis intersunt, sacrificia publica ac privata procurant, religiones interpretantur. Ad hos magnus adolescentium numerus disciplinae causa concurrat, magnoque ii sunt apud eos honore. Nam fere de omnibus controversiis publicis privatisque constituunt.»

² Объ этомъ предметѣ очень хорошее мѣсто у Шмиттгеннера.

а въ военномъ устройствѣ все оно занимало высокое положеніе. Гражданскіе промыслы напротивъ были для него по большей части недоступны. Обыкновенно оно имѣло подъ своимъ покровительствомъ и въ своей службѣ зависимыхъ людей, а въ частномъ правѣ оно отличалось обыкновенно поземельнымъ владѣніемъ. Оно любило жить на горахъ, а въ городахъ выбирало высокія мѣста.

Эти характеристическія черты повторяются съ незначительными отступленіями почти у всѣхъ европейскихъ народовъ въ эпоху ихъ историческаго дѣтства. Чѣмъ дальше углубляемся мы въ старину, тѣмъ больше сходства находимъ у всѣхъ народовъ относительно этого религіозно-политическаго института.

3) Простые свободные (*Gemeinfreie*) составляли у грековъ, римлянъ и германцевъ существенный элементъ демоса и народа. Имъ принадлежало народное и земское право во всей полнотѣ, они представляли собою главную силу государства. Дворянство возвышалось надъ ними, но не какъ совершенно отличная по существу своему часть народа, что мы видимъ въ индѣйскихъ кастахъ, а какъ сословіе, основанное на одномъ и томъ же народномъ правѣ и связанное съ свободными, хотя и возвышающееся надъ ними. Простыми свободными считались въ древнее время поземельные собственники и земледѣльцы. Таковы были геоморы аѣинскаго государства во времена Тезея, простые спартіаты, римскіе плебеи, свободные всѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ свободное происхожденіе и свободная собственность пользовались особеннымъ уваженіемъ въ юридической жизни. Свободные занимались и торговлею, хотя въ первое время не такъ охотно. Слѣдовательно ихъ можно сравнивать въ образѣ жизни съ вайсіями. Но посредствомъ участія въ военномъ дѣлѣ, — масса пѣхоты состояла прежде всего изъ нихъ, — они пользовались болѣе высокою общественною честью, нежели вайсіи, а въ общинѣ имъ принадлежали, смотря по различному устройству общества, различныя политическія права.

Какъ свободные, они, хотя и подчинялись правительству, но не зависѣло отъ отдѣльнаго господина.

Правда они не пользовались сначала правом патроната, но могли владѣть рабами. И это сословіе было наследственнымъ. Обыкновенно рожденіе дѣлало свободнымъ (*ingenuus*).

4) Наконецъ мы замѣчаемъ нѣкоторые слѣды, правда уже въ эти первыя времена разлагающагося и потому нѣсколько загадочнаго сословія зависимыхъ людей, на долю которыхъ падали, подобно индійскимъ судрамъ, низшія работы. Сюда относятся целаты и теты въ греціи, кліенты у римлянъ, галловъ, бриттовъ, литы у германцевъ. У нихъ былъ опекунъ и покровитель, который у грековъ назывался *prostates*, у римлянъ патронъ. Они принадлежали къ народу и не могутъ быть поставлены наряду съ рабами, но имъ присвоилась меньшая свобода, меньшія права, меньшее достоинство, нежели собственно свободнымъ. Имъ главнымъ образомъ принадлежали промыслы. Вольноотпущенные рабы вступали большею частію въ это сословіе.

Исторія сословій чрезвычайно тѣсно связана съ исторіею отдѣльныхъ государствъ. Измѣненія и перевороты въ государственномъ устройствѣ составляютъ часто ничто иное, какъ слѣдствіе и выраженіе внутренняго преобразования сословныхъ отношеній и понятій. Почти вездѣ сословія изъ наследственныхъ превратились въ состоянія, основанныя на занятіяхъ (*Berufstände*). На нѣкоторыхъ моментахъ ихъ развитія наиболѣе важныхъ и интересныхъ въ политическомъ отношеніи необходимо остановиться въ отдѣльности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

І. Дворянство.

А. Римское дворянство.

Въ Греціи дворянство рано лишилось политическаго значенія. При незначительности государственныхъ отношеній, которыя рѣдко простирались далѣе интересовъ города и его окрестностей, для него не было достаточно простора, чтобы пустить корни въ обществѣ.

Высокое образованіе, общее всѣмъ гражданамъ и могучее проявленіе индивидуальнаго духа въ области искусствъ и наукъ, отличавшее эллиновъ, внушало имъ чувство національнаго благородства въ отношеніи къ варварамъ, но не давало мѣста въ ихъ средѣ привилегированному родовому дворянству. Не только въ демократіяхъ, даже въ олигархіяхъ, у грековъ благородные роды утратили свои обычныя права, прежде чѣмъ достигли полнаго развитія. Исторія римскаго дворянства напротивъ имѣетъ болѣе величественный характеръ и большую продолжительность. Аристократизмъ составлялъ исконное свойство римлянъ и удержался, пока существовало римское могущество, хотя въ разныя времена принималъ различныя формы.

Значеніе древняго наследственнаго патриціата было прежде всего политическое. Самое его происхожденіе связывается съ политическимъ учрежденіемъ, сенатомъ. Патриціями считались потомки первыхъ *patres*¹. Вѣковая борьба патриціевъ съ плебеями велась главнымъ образомъ за политическія права. Въ частномъ правѣ, напротивъ противоположность обоихъ сословіи была незначительна. Масса плебеевъ, постоянно увеличивавшаяся свѣжимъ притокомъ, шагъ за шагомъ должна была завоевывать у древнихъ родовъ высшія политическія права. Съ устраненіемъ царской власти посредствомъ аристократической революціи, плебеи, переселенные въ Римъ большею частію изъ покоренныхъ племенъ, потеряли своего естественнаго патрона, а владычествующій патриціатъ не хотѣлъ раздѣлить съ ними республиканскую власть. Только когда могущество и твердая рѣшимость плебеевъ проявлялись въ серіозной борьбѣ, и лишь на сколько настоятельныя нужды государства требовали уступки, патриціи соглашались предоставить плебеямъ созрѣвшій плодъ времени. Послѣдніе получили мало-помалу особое устройство въ собраніяхъ по трибамъ, особыхъ представителей въ лицѣ трибуновъ, достигли

¹ Ср. Рубино, *Untersuchungen über römische Staatsverfassung*. стр. 185. Правда уже первые сенаторы называются князьями. Cicero, *de Republ.* II. 8. «*In regium consilium delegerat principes qui appellati sunt patres.*»

принятія знатныхъ плебеевъ въ сенатъ, приобрѣли затѣмъ право на занятіе государственныхъ должностей, участіе въ высшей власти сановниковъ (консульскую власть въ 316 году, консульство въ 384, затѣмъ претуру, присвоенную патриціямъ, скоро послѣ того цензуру въ 412), и слѣдовательно косвеннымъ образомъ, болѣе свободный доступъ въ сенатъ. Въ началѣ пятого столѣтія съ основанія города политическая равноправность патриціевъ и плебеевъ была признана, если не въ видѣ отвлеченнаго положенія, за то на дѣлѣ—въ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Долѣ всего сохранилось патриціанское преимущество относительно жреческихъ должностей. Преданія священнаго права и сакральной науки въ продолженіи столѣтій заботливо хранились и поддерживались въ тѣсномъ кругѣ наследственнаго дворянства. Но въ половинѣ пятого вѣка потомки плебеевъ получили доступъ въ коллегіи понтифовъ и авгуровъ. Только немногія жреческія должности остались, какъ бы въ воспоминаніе древней вѣры и первоначальнаго права, исключительно за патриціями.

Но римская аристократія не погибла ни во время этой борьбы, ни вслѣдствіе ея: она приняла только другую форму. Начало преимущества рожденія, которое однакоже и прежде умѣрялось народнымъ избраніемъ, было ослаблено и большею частію сокрушено. Кровь уже не давала исключительнаго права на политическій санъ и власть, а наоборотъ, кому удавалось приобрѣсть довѣріе народа и достигнуть высшихъ должностей республики, тотъ вступалъ тѣмъ самымъ въ высшую римскую аристократію, хотя бы въ его жилахъ текла и плебейская кровь. Наслѣдственное дворянство превратилось такимъ образомъ въ дворянство государственныхъ сановниковъ.

Въ Римѣ было и въ послѣдніе вѣка республики, и во время имперіи высшее государственное дворянство политическаго свойства — сенаторскія фамиліи. Древніе патриціанскіе роды вымерли съ теченіемъ времени, такъ что при Августѣ число патриціанскихъ фамилій уменьшилось до 50, а приращеніе они получали весьма рѣдко (императорскимъ фамиліямъ присвоилось по пра-

ву патриціанское достоинство). Положимъ, что эти роды фактически составляли центръ сенатской аристократіи, такъ какъ старинный блескъ имени, наследственная привычка къ государственнымъ дѣламъ, а часто громадное имущество и личные связи придавали имъ значеніе, благодаря которому они имѣли доступъ въ сенатъ. Но кромѣ этихъ родовъ высшая аристократія постоянно восполнялась и обновлялась людьми, отличившимися въ воинскомъ дѣлѣ, политикѣ, ораторскомъ искусствѣ, юриспруденціи или инымъ образомъ. Во времена республики имъ вручались публичные должности, которыя обуславливали внесеніе въ сенаторскіе списки; позднѣе, при императорахъ, они призывались въ сенатъ. Такимъ образомъ политическія заслуги и національное отличіе сдѣлались началомъ позднѣйшаго римскаго дворянства, въ которомъ, даже во времена порчи и упадка, все еще сохранялся остатокъ старинной свободы и стариннаго достоинства.

Знаменитая рѣчь Мецената о принципатѣ представляетъ превосходное выраженіе основныхъ понятій, которыми руководились римскіе государственные люди въ своемъ взглядѣ на аристократію временъ имперіи. Другъ императора совѣтуетъ ему очистить сенатъ, въ который смуты гражданскихъ войнъ ввели много негодныхъ людей, и пополнить его посредствомъ новаго, осмотрительнаго назначенія. Онъ совѣтуетъ не изгонять изъ сената за бѣдность, а скорѣе людямъ недостаточнымъ, но способнымъ давать имущество. Пусть императоръ, продолжая Меценатъ, при избраніи въ сенаторы, не ограничивается Италією, а имѣетъ въ виду и союзниковъ, даже провинціаловъ, и собравъ вокругъ себя изъ всѣхъ народовъ всемірной имперіи первыхъ людей, стоящихъ во главѣ народа по рожденію, достоинству или богатству, предоставитъ имъ участіе въ государственныхъ заботахъ и господствѣ надъ міромъ. Чѣмъ больше знатныхъ людей соберется такимъ образомъ въ римскомъ сенатѣ, тѣмъ лучше будетъ удовлетворена потребность государства и обеспечена вѣрность провинцій.

Какъ на низшую аристократію, Меценатъ указываетъ на всадничество, которое по его мнѣнію нужно обра-

зовать такимъ же путемъ какъ и сенатъ, но изъ знатныхъ людей втораго достоинства. Для сыновей сенаторовъ, чтобы они могли занять мѣста отцовъ, Меценатъ требуетъ соотвѣтствующаго ихъ состоянію воспитанія въ наукахъ и военномъ искусствѣ ¹.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

В. Французское дворянство.

Исторія французскаго дворянства богата переворотами. Мы можемъ различить въ ней слѣдующіе періоды, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особенный характеръ.

1. Времени Меровинговъ (481 — 752) принадлежитъ начало французскаго дворянства. Замѣчательно, что не осталось ясныхъ слѣдовъ стариннаго родоваго дворянства франковъ. Напротивъ, въ меровингскій періодъ образовалось, на началѣ личной вѣрности, дворянство, которое своимъ происхожденіемъ обязано главнымъ образомъ своему отношенію къ королю. Возможное дѣло, конечно, что и въ этомъ случаѣ было обращено вниманіе на древніе дворянскіе роды. Но наряду съ ними и другіе свободные франки и германцы принимались королемъ въ число его антрустіоновъ, даже лица романскаго происхожденія, дѣлаясь гостями короля (*convivae regis*), получали подобное достоинство. Не совсѣмъ рѣдки и такіе примѣры, что лица изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, прежніе рабы и крѣпостные люди, поднимались до высшихъ должностей въ государствѣ и дѣлались вельможами. Это дворянство образовалось такимъ образомъ изъ весьма смѣшанныхъ элементовъ. По крайней мѣрѣ своимъ большинствомъ оно представляло, по вѣрнымъ указаніямъ Шеффнера ², не наследственное, а личное служилое дворянство, связанное съ королемъ посредствомъ клятвы въ вѣрности. Высшая вира составляетъ признакъ и послѣдствіе

¹ Dio Cass. 52.

² Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs I. стр. 217, слѣд.

высшей чести, которою пользовались его члены. Другихъ преимуществъ въ области частнаго права у него было мало. Политическое его отличіе заключалось съ одной стороны въ соединеніи антрустіонскаго достоинства съ высшими должностями государственными, придворными и церковными, съ другой стороны въ участіи въ совѣтѣ короля и высококомъ положеніи въ національныхъ собраніяхъ и государственныхъ сеймахъ. Романскіе и германскіе элементы перемѣшались въ этомъ институтѣ дворянства, точно также, какъ въ лицахъ, которыя къ нему причислялись.

Однакоже германскій характеръ имѣлъ въ немъ перевѣсъ и получалъ все большее и большее преобладаніе. Къ этому характеру относится съ одной стороны основанная на личной вѣрности связь съ королемъ, переходившая отъ поколѣнія къ поколѣнію посредствомъ семейнаго обычая и согласно семейнымъ интересамъ, съ другой стороны королевскія бенефиціи, состоявшія большею частию изъ земель отдаваемыхъ королемъ магнатамъ. Вотъ два отношенія, въ которыхъ коренится главнымъ образомъ разившійся позднѣе феодализмъ.

2. Періодъ Каролинговъ (752 — 987). Перемѣна королевскихъ династій была по большей части дѣломъ дворянской революціи. Маіордомы изъ Каролинговъ въ качествѣ представителей короля и герцоговъ, сумѣли поставить себя во главѣ могущественнаго и воинственнаго дворянства. Какъ предводители дворянства, они способствовали его стремленію утвердить за собою поземельное владѣніе. Съ его помощію они вытѣснили потомъ выродившихся Меровинговъ, у которыхъ отъ королевской власти оставался одинъ только призракъ.

Это движеніе, какъ замѣтилъ Гизо ¹, нашло себѣ прочную поддержку въ Австразіи, сѣверной части Франціи, въ которой преобладали германцы, и которая называлась «Нѣмецкою Франціею» (*Francia Teutonica*) въ противоположность «Романской Франціи» бывшей на югѣ. Нейстрія, гдѣ дворянство сильнѣе перемѣшалось съ населеніемъ романскаго происхожденія, была увлечена по-

¹ Essais sur l'histoire de France, стр. 52, слѣд.

рывомъ Австразіи. Отсюда опредѣленный германскій типъ, который получило съ этого времени французское дворянство.

Должностное и служилое дворянство становилось болѣе и болѣе феодальнымъ дворянствомъ бароновъ, сеньёровъ и вассаловъ, изъ которыхъ каждый сталъ считать себя самостоятельнымъ господиномъ въ своемъ округѣ. Эпоха Каролинговъ представляетъ время перехода іерархіи королевскаго чиновничества въ господство владѣтельныхъ сеньёровъ (seigneurs). Постепенно устанавливалась и наслѣдственность дворянства вмѣстѣ съ предоставленною ему наслѣдственностью бенефицій.

3. Высшаго развитія и могущества новое феодальное дворянство достигло въ третій періодъ во время Капетинговъ (отъ 987 до Людовика Святаго 1226).

Карлъ Великій успѣлъ еще поддержать единство государства и усилить королевскую власть. Но при его преемникахъ франкская монархія распалась на независимыя одно отъ другаго государства, а въ самомъ французскомъ королевствѣ стала постепенно увеличиваться самостоятельность должностей и леновъ. Карлъ Лысый долженъ былъ признать наслѣдственность графскихъ должностей и непосредственныхъ леновъ въ пользу сыновей вассаловъ и распространить это признаніе на лены посредственные. Въ скоромъ времени было признано право наслѣдованія въ ленахъ и за боковыми родственниками.

Только въ церкви удержалось начало личнаго должностнаго дворянства, въ государствѣ дворянство превратилось въ наслѣдственное, феодальное. По всей Франціи раскинулось въ различныхъ степеняхъ и формахъ господство наслѣдственныхъ сеньёровъ. Одной части изъ нихъ принадлежала въ собственность вся полнота верховной власти во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ; они признавали надъ собою верховную феодальную власть короля только въ чрезвычайно-ограниченныхъ размѣрахъ. Этихъ сеньёровъ можно назвать высшимъ дворянствомъ. Сюда относились герцоги, графы, виконты, бароны: большая часть изъ нихъ были

коронными вассалами, другіе-вассалами герцоговъ и графовъ, очень лишь немногіе аллодіальными владѣльцами своихъ земель. Имъ принадлежалъ верховный судъ, они стояли во главѣ военнаго устройства, которое, будучи теперь лишено своего народнаго характера, превратилось въ феодальную и рыцарскую службу. Помощь, которую они обязывались королю въ войнѣ, была точно опредѣлена. Король могъ издавать законы только съ ихъ согласія, только съ ихъ разрѣшенія взимать налоги. Точно такъ же и они издавали въ своихъ областяхъ земскіе уставы (*Landesordnungen*), и облагали ихъ налогами съ согласія своихъ вассаловъ. Каждый житель ихъ территоріи долженъ былъ приносить имъ клятву въ вѣрности, *fides*, вассаль сверхъ того служебную присягу, *homagium*, (*foy et hommage*) и дѣлался ихъ подданнымъ. Верховная власть государства раздробилась такимъ образомъ на множество смѣшанныхъ съ частными элементами наследственныхъ правъ, лишь весьма слабо связанныхъ между собою. Высшее дворянство не было болѣе высшимъ сословіемъ народа; также мало можно искать его сущность въ вѣрности и службахъ, которыми оно было обязано королю; главное его значеніе состояло напротивъ въ томъ, что оно возвысилось до степени ограниченныхъ феодальныхъ монарховъ съ большими или меньшими территоріями. Оно приобрѣло державныя права ¹.

Тѣже явленія повторились и въ низшихъ степеняхъ дворянства. Низшее дворянство возникло преимущественно изъ двухъ источниковъ: изъ рыцарскаго занятія и придворной службы. Занятія эти возвышали честь тѣхъ, которые посвящали себя имъ и въ качествѣ рыцарей или служителей обязывались господину особенною вѣрностію. Если рыцари были большею частію свободные люди, то между министріалами (придворными служителями) находило мѣсто много и такихъ, которые первоначально состояли въ частной зависимости.

---

¹ Таково старинное словоупотребленіе. *Beaumanoir XXXIV, 41: Cascuns barons est souverains en sa baronnie. Voirs est que li rois est souverains par des or tous.*

Но и это дворянство по занятію сдѣлалось со временемъ наследственнымъ феодальнымъ дворянствомъ. Рыцари получили ленныя владѣнія, которыя стали переходить въ ихъ родъ по наследству; министеріаламъ были дарованы придворные лены. Въ качествѣ землевладѣльцевъ (*riches oms*) они отличались отъ массы населенія (*Roture*), въ качествѣ вассаловъ находились въ близкихъ отношеніяхъ къ своимъ сеньерамъ. Если вассалы искони были собесѣдниками короля (*convivae regis*), то въ средніе вѣка мы встрѣчаемъ основное положеніе феодальнаго права: рыцари суть собесѣдники бароновъ ¹. Ихъ военная и придворная служба соединялась съ помѣстьями, какъ верховныя права сеньеровъ съ поземельнымъ владѣніемъ. И имъ принадлежали, хотя болѣе ограниченныя, територіальныя права. Они въ свою очередь были обыкновенно низшими судьями надъ подданными ихъ леннаго господина, связывавшимися съ послѣднимъ чрезъ ихъ посредство. Ихъ сословіе замыкалось болѣе и болѣе, и если оно первоначально было слѣдствіемъ занятія, то теперь и для рыцарскаго званія обыкновенно предполагалось рыцарское происхожденіе и соотвѣтствующее состоянію воспитаніе. На основаніи происхожденія новыхъ дворянъ стали называть *gentils hommes*. Одно происхожденіе правда не дѣлало рыцаремъ ², но кто не происходилъ отъ отца рыцарскаго званія, — происхожденіе матери не принималось въ расчетъ — тотъ обыкновенно и не могъ сдѣлаться рыцаремъ. Только королю предоставлялось право возводить въ дворянское званіе ³. Между тѣмъ связь этого дворянства съ леннымъ владѣніемъ въ первое время была до такой степени тѣсна, что горожанинъ или крестьянинъ (*roturier*), купившій ленную землю и поселившійся на ней, дѣлался во имя своей

---

¹ Loysel Inst. Coutum. I. 1. 14: «Nul ne doit seoir à la table du Baron s'il n'est Chevalier.»

² Вотъ французская поговорка юридическаго содержанія: «Nul ne nait Chevalier» у Loysel Inst. Coutum. I. 1.

³ Loysel, Inst. Coutum. I. 1. 12. «Nul ne peut anoblir que le Roy, «13.» Le moyen d'être anobli sans Lettres, est d'être fait Chevalier.»

земли *franc homme*, а внукъ его, наслѣдовавшій ему въ землѣ, принадлежалъ во всѣхъ отношеніяхъ къ *gentils hommes*¹. вмѣстѣ съ тѣмъ возникло однакожъ свободное рыцарство безъ леннаго владѣнія, пользующееся рыцарскою честью въ силу рожденія, воспитанія и занятія.

И въ этомъ низшемъ дворянствѣ существовали различныя степени, которыя начинались съ *vavasseurs* или *bas sires* и восходили черезъ *vigiers* (*vicarii*), особенно часто встрѣчавшихся на югѣ и составлявшихъ нерѣдко среднюю судебную инстанцію, далѣе черезъ *châtelains*, изъ которыхъ немногіе приближались по достоинству къ баронамъ, до *vicomtes*, одна часть которыхъ принадлежала къ баронамъ, другая занимала подчиненное положеніе въ ленной службѣ отдѣльных графовъ.

Разнообразіе чиновныхъ степеней и правъ было дѣйствительно крайне велико и запутанно. Но основной ихъ характеръ состоялъ всюду въ феодализмѣ.

4. Въ четвертый періодъ отъ Людовика святаго (1226), до французской революціи совершается окончательное преобразование французскаго дворянства.

Первое время представляетъ намъ борьбу королевской власти съ дворянствомъ за господство. Короли были въ ней представителями національнаго единства, выросшаго съ новою силой и вновь оживленнаго государственнаго сознанія. Въ этой борьбѣ королямъ помогали юристы, выступившіе поборниками римскаго права, которое они стали вводить незадолго до того. Въ королевскомъ судѣ, парламентѣ ихъ ученія получили могущественный органъ. Народъ, преимущественно горожане, поддерживалъ ихъ косвеннымъ образомъ, хотя рѣдко вмѣшивался въ дѣло.

Мало-по-малу была введена новая система королевскаго чиновничества, независимаго отъ ленной связи. Королевская армія, состоящая на жалованьи, стала служить королю безъ стѣсненій и ограниченій для его власти. Большія герцогства и графства

---

¹ Schäfner a. a. O. II. s. 160.

то наслѣдованіемъ, то договоромъ, то военною силою соединялись съ короною, и такимъ образомъ опять собирались въ одинъ центръ утраченныя верховныя права. Такъ рушилось самостоятельное владычество дворянства. Людовикомъ XI (1461 — 1493) окончена эта побѣда королевской власти надъ властію сеньеровъ.

Дворянство спасло для слѣдующихъ вѣковъ только обломки своихъ прежнихъ державныхъ правъ. Лишь въ качествѣ губернаторовъ отдѣльныхъ провинцій, а не въ качествѣ владѣтельныхъ князей могла удерживаться знать. Дворянство сдѣлалось теперь привилегированнымъ сословіемъ подданныхъ. Принадлежавшія ему преимущества принимали болѣе и болѣе характеръ привилегій, которыя часто приходили въ столкновение съ новыми понятіями и мнѣніями и дѣлались ненавистными¹. Вспыхивала правда и послѣ борьба между королемъ и дворянствомъ, но то была борьба совершенно другаго рода. Теперь это была борьба политическихъ и религіозныхъ или просто придворныхъ партій, во главѣ которыхъ обыкновенно стояли дворяне. Если дворянинъ желалъ получить вліяніе и власть, то теперь это было возможно только въ службѣ короля. Участіе дворянства въ національномъ совѣтѣ не имѣло большаго значенія, потому что самъ онъ не получилъ твердой и правильной организациі. Старинное феодальное дворянство превратилось такимъ образомъ въ простое придворное дворянство. Сущность его состояла скорѣе во внѣшнемъ положеніи и почестяхъ, нежели въ политическихъ правахъ.

---

¹ Токвиль (L'Ancien régime) показалъ до какой степени прекращеніе политическихъ правъ дворянства, рядомъ съ продолженіемъ его экономическихъ привилегій, содѣйствовало возбужденію общенародной ненависти противъ этого сословія. Пока бароны и рыцари чинили судъ и расправу и были особенно дѣятельны для общихъ государственныхъ потребностей, до тѣхъ поръ были понятны ихъ освобожденіе отъ государственныхъ налоговъ и право пользованія поземельною и личною податью. Но съ того времени, какъ администрація и правосудіе перешли къ королевскимъ чиновникамъ, а дворяне стали обязаны повиноваться наравнѣ съ горожанами и крестьянами, ихъ экономическія права начали казаться несправедливыми привилегіями.

Выше всѣхъ стояли перы Франціи, которыхъ было первоначально XII: шесть свѣтскихъ коронныхъ вассаловъ и шесть духовныхъ сановниковъ, число позже увеличенное присоединеніемъ королевскихъ принцевъ и нѣкоторыхъ другихъ свѣтскихъ вельможъ. Перія была наследственна. Перы отличались правомъ свободнаго доступа къ королю и входа въ парламентъ въ Парижѣ. Только парламентъ и могъ привлекать ихъ къ отвѣту. При коронованіи королей они держали знаки королевской власти.

За перами слѣдовали въ порядкѣ чиновъ герцоги, маркизы, графы, князья, бароны, виконты, шателэны. Титулы и гербы служили внѣшними признаками чина. За тѣмъ слѣдовало низшее дворянство *esuyers* и простые *gentils hommes*.

Въ старинномъ дворянствѣ первое мѣсто занимало рожденіе, вмѣстѣ съ нимъ имѣло значеніе поземельное владѣніе. Наряду съ старымъ выступило теперь новое дворянство, возникавшее преимущественно посредствомъ королевскаго пожалованія. Къ нему принадлежало прежде всего дворянство, соединенное съ назначеніемъ въ высшія гражданскія и военныя должности, преимущественно дворянство парламентскихъ совѣтниковъ въ верховныхъ судахъ (*noblesse de robe*). Теперь эти мѣста не были соединены съ землями, какъ въ ленномъ порядкѣ, и не составляли наследственныхъ правъ отдѣльныхъ фамилій. Потому это дворянство постоянно получало притокъ новыхъ лицъ. Среднее ему состояніе представляло собою дворянство докторовъ правъ (*milites litterati, legales*), единственное, которое не получалось королевскимъ пожалованіемъ, а основывалось на отличіи въ наукахъ.

Вредный элементъ внесли въ дворянство такія лица, которыя возводились въ это состояніе посредствомъ дворянскихъ грамотъ ¹ (*noblesse par lettres*), что дѣлалось часто только для пошрины, взимавшейся при этомъ, не рѣдко въ вознагражденіе за услуги не всегда почетныя.

---

¹ Ср. Schäfner'a въ привед. мѣстѣ т: II.

5. Краткое, но сопровождавшееся громадными переворотами, время французской революции (1789—1799), уничтожило самый институт дворянства. Революция началась слиянием прежде разобщенных сословий в общемъ національномъ собраніи. Затѣмъ она уничтожила дворянское званіе, какъ отличіе противорѣчащее демократическому началу равенства (*égalité*¹). Наконецъ она старалась истребить дворянъ съ помощію всеуравнивающей гильотины.

6. Когда страсти революціи упились кровію замѣчательнѣйшихъ людей, а революціонная теорія равенства притупила свое остріе о противодѣйствіи, представляемая реальными отношеніями, тогда и во Франціи были сдѣланы различныя попытки возстановить дворянство на покрытомъ развалинами основаніи. Но ни одна изъ этихъ попытокъ не повела къ прочнымъ результатамъ.

Всего замѣчательнѣе попытка Наполеона, который признавалъ въ аристократіи необходимую опору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе монархіи. Въ орденѣ Почетнаго Легіона онъ создалъ нѣкоторымъ образомъ новое рыцарское дворянство, доступное всякому оказавшему высшую услугу государству въ обширномъ смыслѣ, но составлявшее по своему существу личное достоинство. Наполеонъ имѣлъ сверхъ того въ виду основать высшую наследственную аристократію, въ которой оставшіяся въ живыхъ фамиліи древняго историческаго дворянства соединились бы съ потомками новыхъ французскихъ маршаловъ, министровъ и другихъ высшихъ государственныхъ чиновъ и должностныхъ лицъ. Очевидно Наполеонъ думалъ сочетать учрежденія первыхъ временъ римской имперіи

---

¹ Законъ 25 іюня 1790 г. ст. 1. «La noblesse héréditaire est pour toujours abolie; en consequence les titres de prince, de duc, de comte etc. — ne seront pris par qui que ce soit, ni donnés à personne». Сентябрьская конституція 1791: «La constitution garantit comme droits naturels et civils 1) que tous les citoyens sont admissibles aux places et emplois, sans autre distinctions que celle des vertus et des talents; 2) que toutes les contributions seront réparties entre tous les citoyens également en proportions de leur facultés». V. 1793, ст. 3: «L'égalité n'admet aucune distinction de naissance, aucune hérédité de pouvoirs».

съ преданіями французской исторіи. Между тѣмъ едва успѣлъ онъ статутомъ 1 марта 1808 положить первое основаніе этому возобновенію дворянства, какъ его собственное паденіе прервало дальнѣйшій ходъ дѣла¹. Людовикъ XVIII (1815) въ своей періи довольно близко держался образца, представляемаго англійскими учрежденіями. Но ему не удалось упрочить политическое дворянство перовъ. Составныя части древней періи были слишкомъ разрушены революціею. Духъ націи былъ до того настроенъ въ пользу началъ равноправности и свободнаго движенія самой собственности, что всякая попытка возобновить дворянство представлялась ему хищническимъ вторженіемъ въ народныя права. Большая часть стариннаго дворянства участвовала въ войнѣ противъ отечества и его возобновленныя притязанія опирались на побѣжденіе Франціи чужеземными войсками². Старинная ненависть постоянно находила новую пищу, а между тѣмъ нигдѣ не было

---

¹ Наполеонъ говорилъ въ *Memor. de St. Hél.* у *Las Cases*. V. 36, «аристократія составляетъ опору монархической власти и умѣряетъ ее, она возвышаетъ ее и противодѣйствуетъ ей. Государство безъ аристократіи подобно кораблю безъ руля (?), аэростату, гонимому вѣтрами. Но значеніе аристократіи, ея обаяніе заключается въ ея древности, во времени; а это и составляетъ именно то, чего единственно я не могу создать. Разумная демократія довольствуется тѣмъ, что сохраняетъ для всѣхъ равенство стремленій и достижимость цѣли (*à tout l'égalité pour prétendre et obtenir*). Итакъ дѣло состояло въ томъ, чтобы примирить остатки аристократіи съ формами и стремленіями демократіи. Прежде всего требовалось собрать великія древнія фамиліи нашей исторіи. У меня въ портфель лежалъ планъ, по которому каждый потомокъ маршала или министра долженъ былъ имѣть право получить въ свое время герцогское достоинство, представивши доказательства, требуемая цензомъ. Каждый сынъ генерала или губернатора провинціи могъ во всякое время быть признанъ графомъ и такъ далѣе. Такое постановленіе вознаграждало бы однихъ, поддерживало бы надежды другихъ, возбуждало бы у всѣхъ соревнованіе и не уязвляло бы ни чьей гордости». Сравн. также V. 161. *Thiers Histoire du Consul*. VIII. Стр. 116.

² Потому во время ста дней императорскимъ декретомъ отъ 13 марта 1815 г. постановлялось: «*La noblesse est abolie, Les titres féodaux sont supprimés*».

замѣтно новыхъ великихъ заслугъ аристократіи въ пользу народа, которыя могли бы примирить послѣдній съ ея новымъ политическимъ возвышеніемъ.

Іюльская революція 1830 г. уничтожила наследственную перію вмѣстѣ съ маіоратомъ, а февральскія бури 1848 г. прекратили существованіе слѣдовавшей затѣмъ личной и пожизненной періи, которую создалъ король. Въ послѣднее время республика высказалась противъ всякихъ дворянскихъ титуловъ и правъ¹. Новаго преобразования французское дворянство еще не испытало. Задатки его замѣтны въ сенаторскомъ состояніи.

Послѣ того французское дворянство возстановлено опять только въ томъ отношеніи, что снова допущены² и ограждены отъ злоупотребленія старинные титулы. Слѣдовательно въ настоящее время оно имѣетъ значеніе просто титулярнаго дворянства безъ соотвѣтствующихъ правъ, — положеніе крайне несообразное, ибо высокіе титулы постоянно напоминаютъ, что исчезло ихъ содержаніе и осталась только пустая оболочка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

С. Англійское дворянство.

Изъ всѣхъ новыхъ европейскихъ государствъ почти только въ Англии дворянство сохранилось и до настоящаго времени въ видѣ прочнаго и величественнаго національнаго учрежденія. Произведенію такого результата содѣйствовали различныя причины. Изложеніе этихъ причинъ послужитъ и къ тому, чтобы бросить свѣтъ на сущность англійской аристократіи.

1. Англійское дворянство среднихъ вѣковъ, подобно французскому, совмѣщало въ себѣ, какъ составныя части

---

¹ Французская конституція 1848 г. ст. 10: «Sont abolis à toujours tout titre nobiliaire, toute distinction de naissance, de classe ou de caste».

² Декретъ 24 янв. 1852, зак. 28 мая 1858 и декретъ 8 янв. 1859, которымъ устанавливается особое учрежденіе для контроля надъ дворянскими титулами.

двѣ различныя національности, англо-саксонскую и норманскую. Но отношеніе этихъ частей было вовсе не таково, какъ отношеніе знатныхъ франковъ къ знатымъ лицамъ романскаго происхожденія въ французскомъ дворянствѣ. Хотя въ первые вѣка по завоеваніи Англій Вильгельмомъ, герцогомъ нармандскимъ (1066) норманны и сохраняли фактической перевѣсъ надъ саксами, но послѣдніе были съ ними въ ближайшемъ родствѣ, *eorls* составляли старинное національное дворянство саксовъ, которое искони, возвышалось надъ простыми свободными *Seorls*. Саксонскіе дворяне получали такое же воспитаніе, имѣли такой же образъ жизни и мыслей, какъ норманны, а въ своихъ отношеніяхъ къ новымъ королямъ они крѣпко держались за свои старинныя права, признанныя послѣдними. Самое фактическое униженіе саксовъ укрѣпляло въ нихъ чувство свободы и имѣло своимъ слѣдствіемъ стремленіе послѣднихъ ревнивѣе и тверже охранять свои права. Оно сообщило всему дворянству тотъ духъ политической свободы, которому Англія обязана своимъ величіемъ.

2. Съ другой стороны, завоеваніе имѣло своимъ слѣдствіемъ то обстоятельство, что королевская власть, на которой покоится главнымъ образомъ единство и безопасность государства, не была вытѣснена дворянствомъ, какъ во Франціи, и не возникли, какъ тамъ, державныя права великихъ вассаловъ, раздробленныя по отдѣльнымъ функціямъ.

Феодализмъ конечно нашелъ себѣ доступъ въ Англій, какъ и вездѣ въ то время, но развился здѣсь инымъ образомъ. Новыя изслѣдованія доказали, правда, несправедливость прежняго, довольно распространеннаго, мнѣнія, что норманны первые ввели феодализмъ въ Англій, ибо и старинныя саксонскіе таны имѣли ленныя владѣнія, за которыя обязывались королю вѣрностію и военною службой. Но справедливо то, что владычество норманновъ сообщило всему государству феодальный характеръ и феодальныя формы. Феодализмъ былъ болѣе развитъ въ Нормандіи, чѣмъ въ Англій, во время завоеванія послѣдней, и побѣдители перенесли отечественныя представленія въ новопріобрѣтенную страну.

По закону Вильгельма I даже вся частная земля въ Англіи объявлена въ принципѣ (пониманіе нововведенія сдѣлалось общимъ лишь позднѣе, когда возникъ вопросъ о его дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ) — леннымъ владѣніемъ, и выставлено начало верховной собственности короля надъ нею. И прежняя аллодіальная собственность охвачена такимъ образомъ сътыю феодализма, съ другой стороны прежнія, пожизненные бенефиціи обращены въ наследственные лены. Всѣ свободные люди въ государствѣ должны были сверхъ того приносить ленную присягу въ вѣрности королю и обязывались военною службой¹. Эта присяга поставлена выше клятвы въ вѣрности, которую давали мелкіе вассалы своимъ непосредственнымъ леннымъ господамъ. Въ правленіе Вильгельма I насчитываютъ болѣе 60.000 рыцарскихъ леновъ, которые находились отчасти въ непосредственной, а по большей части въ посредственной связи съ королемъ, какъ верховнымъ леннымъ господиномъ и военачальникомъ. Ясно, что короли, взявъ ленныя связи въ собственные руки, стянули ихъ сильнѣе, чѣмъ это было во Франціи, короли которой имѣли надъ герцогомъ Нормандіи, французскимъ вассаломъ, малозначущую, болѣе формальную, нежели реальную верховную власть. Такимъ образомъ норманское и саксонское дворянство, если имѣли по средневѣковому по-

---

¹ Stat. Wilh. c. 52: «Statuimus ut omnes liberi homines foedere et sacramento affirment, quod intra et extra regnum Angliae Wilhelmo suo domino fideles esse velint, terras et honores illius fidelitate ubique servare cum eo, et contra inimicos et alienigenas defendere.» c. 58: «Statuimus etiam, ut omnes barones et milites et servientes et universi liberi homines totius regni nostri praedicti habeant et teneant se semper bene in armis et equis, ut decet et oportet; et quod sint semper prompti et bene parati ad servitium suum integrum nobis explendum et peragendum, cum semper opus fuerit, secundum quod nobis de feodis debent et tenementis de jure facere, et sicut illis statuimus per commune concilium totius regni praedicti, et illis dedimus et concessimus in feodo jure haereditario. Cp. Reeves History of the English law. I. стр. 34, слѣд. Cp. Prilipps englisch, Reichs — u. Rechtsgeschichte II. стр. 42. Gneist das heutige englische Verfassungs—u. Verwaltungsrecht I. стр. 3, слѣд.

рядку многія самостоятельныя права, особенно право суда и расправы и полицейскую власть надъ своими вассалами, состояло однакоже къ королю въ отношеніи дѣйствительнаго подданства. Единство государства не было принесено въ жертву баронамъ.

3. Если англійское дворянство съ одной стороны пользовалось меньшими владѣтельными правами, то съ другой стороны его политически-національныя права были весьма значительны; а на этомъ и основано величіе и удержавшаяся важность англійскаго дворянства.

Эти политически-національныя права получили свое приложеніе на государственныхъ сеймахъ, которые еще въ раннее время носили скромное названіе парламента. Въ парламентѣ ожилъ старинный саксонскій *Witena-gemot* въ новыхъ, усовершенствованныхъ формахъ. Въ немъ одинакіе интересы и судьбы объединили оба племени. Одни изъ этихъ древнѣйшихъ собраній высокихъ вассаловъ имѣли въ виду придать больше блеска и достоинства коронѣ въ праздники Воскресенія Христова, Сошествія Святаго Духа и Рождества Христова. Но другія получили постепенно великое политическое значеніе: на нихъ обсуживались и рѣшались важнѣйшія государственныйя дѣла, первоначально безъ твердыхъ нормъ и строгихъ опредѣленій ихъ юридическаго авторитета. Въ теченіе XIII столѣтія они получили болѣе правильное устройство. Въ 1215 побѣдоносная аристократія, взявшаяся за оружіе въ защиту своихъ правъ, вынудила въ мирномъ договорѣ съ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ великую хартію. Этотъ актъ постановлялъ, что «архіепископы, епископы, аббаты, графы и высшіе бароны будутъ приглашаться въ парламентъ (*commune consilium regni*), лично, посредствомъ королевскихъ писемъ (*singillatim, per litteras nostras*) остальные непосредственные вассалы короля всѣ вмѣстѣ посредствомъ королевскихъ чиновниковъ (*in generali per vicesomites et ballivos nostros*). Великая хартія постановляла далѣе, что только съ ихъ согласія будутъ взиматься новые налоги.

Изъ первой категоріи лицъ призывавшихся въ парламентъ тѣхъ, которыя завѣдывали преимущественно публичны-

ми дѣлами страны, — образовалась съ теченіемъ времени верхняя палата. Вторая категорія вошла въ послѣдствіи въ составъ нижней палаты. Оба класса имѣли первоначально право личнаго участія въ государственномъ собраніи. Первый классъ удержалъ это право. Право второго, въ соединеніи съ другими рыцарями страны и жителями городовъ и мѣстечекъ, обратилось въ послѣдствіи въ политическое право представительства. Только первые, лорды считались послѣ этого высшею аристократіей. Наряду съ низшимъ дворянствомъ — *gentry* стали зажиточные горожане.

При окончательномъ устройствѣ парламента, которое совершилось ¹ въ существенныхъ чертахъ во второй половинѣ XIII и первой половинѣ XIV столѣтій, дворянство получило естественное положеніе въ государствѣ. При Генрихѣ III казалось, что бароны подъ предводительствомъ графа Лейстерскаго угрожаютъ существованію монархіи и намѣрены захватить управление государствомъ въ свои руки. Этотъ захватъ былъ однакоже временный. Скоро послѣ того установилось правило, что аристократіи дѣйствительно принадлежитъ опредѣленное вліяніе на политическія дѣла націи, особенно участіе въ законодательствѣ, но не обладаніе властію въ собственномъ смыслѣ, не государственное управление. Но и со стороны низшихъ сословіи дворянство встрѣтило надлежащее ограниченіе своей власти въ дополненіи парламента представителями населенія городовъ и мѣстечекъ и другихъ свободныхъ людей страны. Первоначально созывалось одно дворянство. Но скоро, въ силу обычая и закона, кромѣ рыцарей, сидѣвшихъ на коронныхъ земляхъ, и остальное посредственное рыцарство и вообще свободные, землевладѣльцы (*milites et omnes libere tenentes*), имѣвшіе доступъ въ суды графствъ, стали собираться по графствамъ, чтобы принимать участіе въ избраніи представителей графствъ. Позднѣе, въ первый разъ въ 1264 г. и важнѣйшимъ городамъ и мѣстеч-

¹ Срав. ниже книгу V, гл. 3.

камъ дано право представительства въ парламентъ посредствомъ знатныхъ горожанъ. Такимъ образомъ политическія права перешли за кругъ дворянства и ленной связи.

Великіе бароны, которые, кромѣ участія въ національномъ парламентѣ, составляли еще особый совѣтъ короля и выдавались изъ массы рыцарей своимъ могуществомъ и знатностію, совѣщались съ первыхъ десятилѣтій XIV столѣтія обыкновенно отдѣльно отъ рыцарей. Изъ нихъ, присоединившагося къ нимъ высшаго духовенства и высшихъ судей, которымъ король даровалъ право личного участія, составила теперь верхняя палата.

Съ другой стороны, представители горожанъ, которые сначала тоже какъ отдѣльная корпорація, имѣли обыкновеніе совѣщаться только между собою, съ 1347 г. стали обыкновенно присоединяться къ уполномоченнымъ рыцарства, подобно имъ избиравшимся, а не созывавшимся лично и имѣвшимъ очевидно въ важнѣйшихъ отношеніяхъ общіе съ ними интересы. Такъ возникла палата общинъ¹. Это общеніе представительства въ парламентъ имѣло и кромѣ того прочное вліяніе на отношеніе сословій. Вслѣдствіе него въ Англіи сдѣлалась невозможною строгая замкнутость низшаго дворянства и большею частію враждебная противоположность между нимъ и горожанами, составляющая характеристическую черту среднихъ вѣковъ на европейскомъ материкѣ, противоположность, которая и въ новое время не мало затрудняетъ и запутываетъ общественныя отношенія.

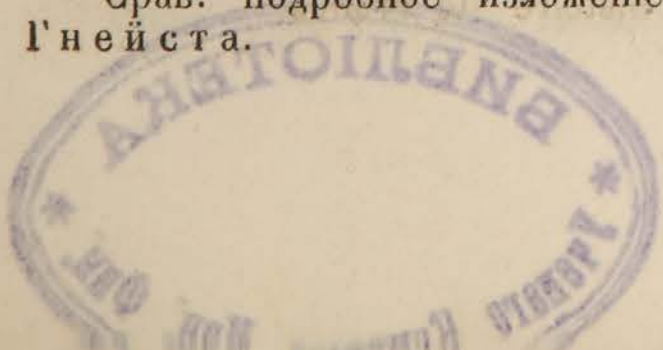
4. Особеннаго вниманія заслуживаетъ дальнѣйшая характеристическая черта, которою англійское дворянство отличалось въ свою пользу отъ французскаго, а частію и отъ нѣмецкаго. Еще въ то время, когда бароны составляли единственную политическую силу въ государствѣ, они имѣли въ виду не себя только и свои собственные права. Они еще рано почувствовали себя

¹ Ср. превосходное изложеніе происхожденія англійскаго парламента у Гизо *Essais sur l'histoire de France*.

національною корпораціею призваною къ тому, чтобы во-имя общественныхъ интересовъ ограждать права народа и охранять его свободу. Magna Charta содержитъ множество въ высшей степени важныхъ опредѣленій имѣющихъ эту цѣль. Политическая свобода англичанъ составляетъ по большей части дѣло аристократіи. Но какъ скоро высшая аристократія получила прочныя основанія, она становилась болѣе и болѣе твердымъ оплотомъ государства отъ наплыва демократическихъ элементовъ. Между тѣмъ какъ прежде она положила основаніе народной свободѣ, теперь она приняла на себя менѣе популярное, но не менѣе полезное дѣло: она поставила своею задачею охраненіе престола и поддерживаніе прочнаго государственнаго порядка. Занимая среднее положеніе между королемъ и народомъ и не будучи на столько могущественна, чтобы властвовать сама по себѣ, ни на столько зависима въ своемъ существованіи, чтобы слѣдовать всякому напору снизу или внушенію сверху, она сохраняетъ свободу и права каждой изъ сторонъ отъ захвата другой и отъ злоупотребленія той или другой. Англійское дворянство являлось всегда дѣятельнымъ въ общественныхъ дѣлахъ, а когда дѣло шло объ исполненіи общественныхъ обязанностей, оно всегда стояло въ первомъ ряду. Самое его воспитаніе проникнуто духомъ политической свободы и направлено на достиженіе личной самостоятельности. Политическія партіи, участіе въ полицейскомъ управленіи мировыхъ судей, содѣйствіе при выборахъ, участіе въ сѣздахъ графствъ и въ судахъ присяжныхъ, обыкновеніе составлять общества съ общепользными цѣлями, добровольные налоги для такихъ цѣлей, налоги, къ которымъ присоединяются государственныя и общинныя повинности, — все это поддерживаетъ связь аристократіи съ народною жизнію. Никто не можетъ упрекнуть ее въ томъ, что она чужеядное растеніе, жадно высасывающее народные соки и уменьшающее плодovitость дерева и его вѣтвей ¹.

¹ Срав. подробное изложеніе въ приведенномъ сочиненіи Гнейста.

5. Начало наследственности правъ английскихъ лордовъ возведено въ правило государственнаго права, однакоже не въ такой абсолютной формѣ, не съ такою исключительностію, какъ на материкѣ.

Въ первое время наследственность и перія находились въ тѣсной связи съ поземельною собственностію или должностями; самая перія носила тогда территоріальный характеръ. Впослѣдствіи эта связь прекратилась, и перія переходила какъ личное достоинство посредствомъ наследованія. Но отъ этой прежней связи съ опредѣленною землею, или замкомъ, или должностію удержалось важное правило наследственнаго права, опредѣляющее, что только одинъ изъ сыновей или родственниковъ умершаго лорда вступаетъ въ парламентъ на его мѣсто. Только старшій сынъ становился, по началу первородства, лордомъ, младшіе получали низшій чинъ и не пользовались правами высшаго дворянства. Не только младшіе сыновья лорда считаются предъ закономъ простыми эсквайрами, но даже старшій при жизни отца называется лордомъ изъ общественной вѣжливости, а не по праву. Такимъ образомъ, съ одной стороны знатность и богатство высокихъ фамилій постоянно сосредоточивались въ лицѣ одного главы семейства, съ другой существовали переходы въ прочія состоянія, которые умѣряли различіе происхожденія ¹.

6. Точно также семейство перовъ неограничивалось дворянскою кровью. Женщина, рожденная горожанкою, если она становится женою лорда, дѣлается тѣмъ самымъ немедленно лэди. Приложеніе этого основнаго правила естественнаго права отнюдь не затмило

---

¹ M a s a u l a y Hist of Engl. стр. 37. «Англійская аристократія отнюдь не имѣла ненавистнаго характера касты. Она постоянно принимала въ себя новыхъ членовъ изъ народа и въ свою очередь непрерывно выдѣляла изъ себя членовъ, которые перемѣшивались съ народомъ. Свободный человѣкъ не былъ расположенъ роптать на санъ, до котораго могли возвыситься его собственные дѣти. Магнатъ немогъ презрительно обращаться съ классомъ, въ который должны были низойти его дѣти».

чести высшаго дворянства, а напротивъ отклонило отъ него справедливыя пререканія несравненно болѣе, нежели кастовый принципъ равенства рожденія (Ebenbürtigkeit), за который съ такимъ опасеніемъ хватается нѣмецкое высшее дворянство.

7. Наконецъ сословіе перовъ восполнялось и обновлялось отъ времени до времени посредствомъ новыхъ назначеній. Право назначать перовъ предоставлялось королю. Онъ считался источникомъ всякой политической чести¹. Поэтому ему только принадлежало право создавать новыхъ членовъ дворянства съ титуломъ ли герцога, маркиза, графа (earl), вице-графа (viscount), или съ болѣе простымъ титуломъ барона и даровать имъ права періи. Понятно, что въ этотъ политически-національный санъ могли возводиться только люди, отличившіеся заслугами особенно въ военномъ дѣлѣ или государственной службѣ и имѣвшіе, или получившіе, сверхъ того такое значительное имущество, что могли удовлетворять требованіямъ высокаго сословія. Англійская аристократія получала такимъ образомъ постоянный притокъ истинно-аристократическихъ силъ и счастливо избавилась отъ опасности оцѣпенѣть и закоснѣть въ замкнутости и неподвижности. А энергическимъ и даровитѣйшимъ людямъ изъ народа открывалась возможность приобрѣсти себѣ и своему семейству, посредствомъ услугъ государству, вѣрный доступъ къ вершинамъ государственной жизни.

Если мы вызовемъ въ своемъ представленіи полное впечатлѣніе, которое производятъ на насъ свойства англійскаго дворянства, то для насъ разрѣшится загадка, отчего одно англійское дворянство сохранило свое существованіе до нашихъ дней неприкосновеннымъ. Оно продолжаетъ занимать благотворное и блистательное положеніе въ государственномъ устройствѣ, между тѣмъ какъ на материкѣ дворянство вездѣ или погибло окончательно, или же влачитъ жалкую жизнь.

---

¹ Blackstone. Commentar. on the Lavss of England. I. 12

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Д. НѢМЕЦКОЕ ДВОРЯНСТВО.

Исторія нѣмецкаго дворянства отличается въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ отъ исторіи французскаго дворянства и англійскаго.

1. До конца XIII вѣка только старинное національное, но посредствомъ принятія новыхъ фамилій постоянно расширявшееся, сословіе князей и бароновъ считалось настоящимъ дворянствомъ нѣмецкой имперіи. Къ нему принадлежали:

а) Духовные князья, хотя очень часто происходившіе отъ дворянскихъ фамилій, но отнюдь не исключительно, не по принципу. Напротивъ христіанская церковь, основатель которой и апостолы не были сами изъ высшаго псалѣдственнаго дворянства, никогда не покидала основнаго правила, по которому лицу всякаго происхожденія былъ открытъ путь къ высшимъ должностямъ іерархіи. Такимъ признаніемъ индивидуальнаго дворянства церковь пріобрѣтала большія силы для борьбы съ государствомъ, привлекая къ себѣ даровитѣйшихъ людей ¹.

б) Свѣтскіе князья (герцоги, маркграфы, пфальцграфы, ландграфы, бургграфы). Они обыкновенно принадлежали къ родовому дворянству и составляли его потомство. Это дворянство рѣдко умножалось посредствомъ пожалованія фанлена (Fahnlehen) за отличіе отдѣльнымъ лицамъ недворянскаго происхожденія.

в) Бароны (die freien Herren), которые не имѣли княжествъ, но владѣли бароніями съ правомъ высшаго суда. Самымъ рожденіемъ они пріобрѣтали способность сдѣлаться владѣтельными князьями и имѣли право являться на имперскіе сеймы.

---

¹ Папа Григорій VII ясно высказалъ этотъ принципъ: «Римъ потому былъ такъ великъ при язычникахъ и христіанахъ, quod non tam generis aut patriae nobilitatem, quam animi et corporis virtutes perpendendas judicaverit». Ср. Laurent Hist. du Droit des Gens. VII, стр. 335.

Это сословіе, названное въ послѣдствіи высшимъ дворянствомъ, (въ Швабскомъ зеркалѣ *Semperfreien sendbar Freie*), отличалось главнымъ образомъ двумя политическими правами: 1) верховнымъ правомъ надъ своими землями, или по крайней мѣрѣ способностью къ нему; 2) участіемъ въ государственныхъ сеймахъ. Но послѣднимъ правомъ оно воспользовалось не для того, чтобы споспѣшествовать общимъ интересамъ націи, поддержать и развить общественныя права и охранить вольности народа, а для того напротивъ, чтобъ укрѣпить и расширить свое собственное владычество, лишить королевскую власть ея единства, расширить свое собственное владычество, разложить государство на части.

Это стремленіе къ господству составляетъ характеристическую черту нѣмецкаго высшаго дворянства и отличаетъ его исторію отъ исторіи англійскихъ лордовъ, которые развили напротивъ свое парламентское значеніе. Это тяжкая вина высшаго дворянства противъ общаго отечества, и оно не можетъ освободиться отъ обязанности загладить ее серьезнымъ, требующимъ жертвъ, трудомъ въ дѣлѣ обновленія Германіи. Гдѣ стремленіе къ господству, какъ въ прежнемъ институтѣ герцоговъ, срослось съ особенностью значительныхъ племенъ, а политическая самостоятельность составляла потребность, тамъ оно имѣло естественную почву и можетъ быть оправдано въ извѣстномъ отношеніи. Нѣмецкій же народъ искони раздѣлялся на особыя племена и въ общей нѣмецкой исторіи была и частная исторія отдѣльных нѣмецкихъ земель. Дѣйствительно, герцогскія фамиліи значительныхъ племенъ сдѣлались съ теченіемъ времени настоящими династіями. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, а именно когда за основаніе верховныхъ правъ принималась должность гауграфа, или баронскія льготы, это направленіе было вовсе неестественно. Тогда оно вело къ національному разложенію, а частію и къ гибели фамилій, которыя, желая держаться этого ложнаго направленія, пренебрегали изъ за него всѣми другими интересами.

Это сословіе было наследственно, но по древнему имперскому праву причислялись къ сословію князей и

имѣли право на третій рангъ (Heerschild) только дѣйствительные имперскіе князья, получившіе княжества въ ленъ. Во второмъ состояли, какъ извѣстно, духовные князья, съ тѣхъ поръ какъ свѣтскіе стали находить выгоду въ принятіи отъ нихъ леновъ. Первый рангъ принадлежалъ королю. Только въ послѣдніе вѣка произошла путаница въ словоупотребленіи, вслѣдствіе которой всѣ сыновья князей и графовъ, не взирая на то, имѣли ли они княжество или графство, стали принимать титулъ отца и передавать его въ своемъ потомствѣ. Это умноженіе титуловъ безъ содержанія, произведенное повидимому для чести фамилій, послужило къ тому, чтобы подорвать ихъ значеніе въ народѣ и ослабить ихъ въ пользу сильнѣйшихъ князей. Итакъ начало неограниченнаго размноженія путемъ наслѣдованія сдѣлалось гибельнымъ для самого высшаго дворянства, установившаго его. Равнымъ образомъ и начало равенства брака, которымъ высшее дворянство отдѣлялось, подобно кастѣ, отъ другихъ сословій, послужило къ тому, чтобы закрыть источники его собственнаго обновленія и лишить его симпатій народа

2. Въ срединѣ между дворянствомъ въ собственномъ смыслѣ и простыми свободными стояли, выходившіе изъ послѣднихъ, *Mittelfreie* (свободные, занимающіе среднее положеніе), какъ ихъ называетъ Швабское зеркало. На югѣ Германіи это сословіе можно прослѣдить отъ нашего времени до франкской монархіи. Только съ четырнадцатаго вѣка явилось словоупотребленіе, по которому эти *Mittelfreie* называются также дворянами и приближаются такимъ образомъ къ аристократіи въ качествѣ низшаго дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче отдѣляются отъ простыхъ свободныхъ.

Вотъ главныя составныя части этого сословія:

а) *Schöffenbar Freie*, лица, имѣвшія изстари большее количество земли (три губы или болѣе),¹ и въ качествѣ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей между свободными, способные къ занятію должностей скабиновъ, (*Schöffen*), которыя, подобно всѣмъ должностямъ въ сред-

¹ *Sachsenspr.* III. § I. I. 2.

ніе вѣка, сдѣлались современемъ наслѣдственными. Эти лица долѣе, нежели масса свободныхъ крестьянъ, могли сохранить свободу отъ имущественныхъ тягостей и остаться въ вѣдѣніи графскихъ судовъ въ противоположность фогтейскимъ. Въ послѣдующіе вѣка они обыкновенно поглощались рыцарскимъ и землевладѣльческимъ сословіями.

b) Вассалы дворянства, съ появленіемъ рыцарства, — рыцари съ рыцарскими ленами.

c) Сюда присоединились въ послѣдствіи рыцари и безъ рыцарскихъ леновъ. Они состояли большею частію изъ потомковъ вассаловъ, получившихъ рыцарское воспитаніе и принятыхъ въ рыцарство, но въ послѣдствіи и изъ другихъ военныхъ людей, возведенныхъ въ рыцарское званіе императоромъ или его уполномоченными къ тому намѣстниками.

d) Многочисленные слуги, министеріалы, оруженосцы, которые въ XIII в. еще рѣзко отличались отъ людей рыцарскаго происхожденія. Зависимые и полусвободные по рожденію, они возвышались посредствомъ придворныхъ должностей и придворной службы, посредствомъ крупнаго поземельнаго владѣнія и аристократическаго образа жизни. Не пользуясь первоначально леннымъ правомъ, а только служебнымъ и дворовымъ (Dienst- und Hofrecht), они постепенно становились наряду съ рыцарями и слились съ ними.

e. Въ нѣкоторыхъ имперскихъ городахъ, рѣже въ земскихъ, роды, патриціи, происходившіе первоначально большею частію отъ знатныхъ членовъ общины (schöffenbar Freie) или отъ рыцарей и отличавшіеся участіемъ въ городской власти.

И въ этихъ классахъ, такъ называемомъ низшемъ дворянствѣ, усиливающійся принципъ личной наслѣдственности вытѣснялъ мало по малу условія поземельнаго владѣнія, рыцарскаго образа жизни, придворной службы. Отсюда большее число дворянъ, которые не имѣли никакого признака дворянства, кромѣ возможности представить многолѣтнюю родословную. И замкнутость этого сословія отъ свободныхъ горожанъ и крестьянъ дѣлалась все рѣзче и рѣзче, въ такое имен-

но время, когда утрачивалось внутреннее значеніе ихъ противоположности. вмѣстѣ съ тѣмъ гоньба за высокими титулами получала обильное удовлетвореніе. Такъ и изъ этого сословія вышли цѣлыя толпы бароновъ, даже графовъ и князей, частію посредствомъ пожалованія, частію просто посредствомъ незаконнаго присвоенія этихъ титуловъ, которымъ впрочемъ не соотвѣтствовала дѣйствительность, ибо съ ними не соединились ни бароніи, ни графства, ни княжества.

Такого дворянства военныхъ и гражданскихъ должностей какъ во Франціи, въ Германіи не развилось. Только ученое дворянство, *doctores juris*, представляло индивидуальное восполненіе сословія за этимъ исключеніемъ наследственнаго. Тѣмъ ревностиѣе подражала Германія Франціи въ образованіи пожалованнаго дворянства, которое умножало и безъ того чрезмѣрное число дворянства титулярнаго.

Это низшее дворянство не имѣло ни державныхъ правъ, ни права участія въ имперскихъ собраніяхъ. Зато оно участвовало въ ленной системѣ и часто пользовалось извѣстными правами относительно благотворительныхъ учрежденій (*Stiftungen*) и приходовъ (*Pfründen*). Сверхъ того, по мѣрѣ распространенія феодальной системы въ средніе вѣка, къ части его членовъ переходила потомственно, хотя только въ связи съ извѣстными землями и имѣніями, земская и вотчинная полиція (*Vogtei- und Grundherrschaft*) и соединенные съ нею судъ и расправа. Наконецъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ территорій, оно участвовало въ земскихъ сеймахъ, и обыкновенно окружало государей въ качествѣ придворнаго дворянства.

3. Уничтоженіе нѣмецкой имперіи и преобразование государственныхъ отношеній сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее существованіе нѣмецкаго имперскаго дворянства въ прежнемъ его видѣ.

Державныя права (*Landeshoheit*) высшаго нѣмецкаго дворянства несовмѣстимы съ принятіемъ начала конституціонной монархіи. Сами государи, какъ монархи, не принадлежатъ болѣе дворянскому сословію, а всему народу. Только ихъ фамиліи, особенно принцы, могутъ быть

причислены къ нему и составляютъ переходъ отъ сословія высшаго дворянства къ престолу¹.

Остальныя фамиліи, принадлежавшія къ сословію имперскаго дворянства, утратили верховныя права. Для нихъ осталась лишь весьма слабая вѣроятность при благопріятныхъ обстоятельствахъ достигнуть въ своихъ потомкахъ престола посредствомъ брачныхъ связей съ царствующими домами. Самыя же верховныя права не только не составляютъ принадлежности высшаго дворянства, а напротивъ недоступны для него, какъ такового.

Дальнѣйшее существованіе политическаго сословія высшаго дворянства едва ли возможно иначе, какъ въ тѣснѣйшей связи съ учрежденіемъ верхнихъ палатъ, не иначе какъ въ качествѣ наслѣдственнаго, или личнаго (пожизненнаго), перства, такъ чтобы дѣйствительнымъ высшимъ дворянствомъ считались перы съ ихъ супругами, пользующіеся своими правами потомственно или лично. Если такое участіе въ государственныхъ дѣлахъ (Standtschaft) снова будетъ признано союзомъ нѣмецкихъ государствъ, то значеніе высшаго имперскаго дворянства получитъ новую силу. Если же перія ограничится отдѣльными государствами союза, то она останется существеннымъ образомъ лишь составною частью высшей земской аристократіи. Но въ обоихъ случаяхъ этотъ институтъ не долженъ быть замкнутъ однажды на всегда. Во избѣжаніе гибели онъ долженъ постоянно восполняться и обновляться принятіемъ новыхъ членовъ. Основаніемъ принятія новыхъ членовъ должна быть сообразная съ природою института правоспособность, то-есть высшее богатство и высшія способности.

Германія насчитываетъ въ настоящее время еще около четырехъ сотъ графскихъ домовъ, которые правда

---

¹ Ключберъ въ своемъ сочиненіи, Deutsches Bundesrecht. § 262. III, не причисляетъ и ихъ къ дворянству; но это не справедливо, потому что они все же подданные монархіи, а не участники верховной власти. Нашемнѣніе подтверждаетъ и союзный актъ 1815 года ст. 14. Однако царствующіе дома составляютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особый классъ, такъ какъ ихъ частныя права измѣняются государственными соображеніями и вліяніемъ международнаго права.

только меньшею частию принадлежатъ къ непосредственно имперскому, главнымъ же образомъ лишь къ земскому, высшему дворянству. Они выдаются большею частию своимъ историческимъ именемъ, высокимъ социальнымъ положеніемъ и громадностью своего имущества. Сообразивши эти обстоятельства нельзя сомнѣваться, что нѣмецкій народъ обладаетъ еще богатымъ наслѣдіемъ старинныхъ аристократическихъ элементовъ, на которыхъ можетъ быть основана новая организація аристократіи.

4. Еще глубже потрясено и нуждается еще болѣе въ новомъ устройствѣ политическое сословіе такъ называемаго низшаго дворянства въ Германіи. Уничтоженіе ленныхъ связей, паденіе феодальныхъ государственныхъ отношеній, преобразование арміи, образование индивидуальнаго сословія чиновничества, возвышеніе городскихъ родовъ и отдѣльныхъ горожанъ, дальнѣйшее развитіе представительства, — вотъ что сокрушило основанія, на которыхъ выросло это сословіе. Различныя нововведенія нашего времени, произведенныя и сверху и снизу, уничтожили привилегіи дворянства, отнимая ихъ одну за другою или всѣ разомъ. И въ Германіи, какъ прежде во Франціи, третье сословіе ничего не хотѣло знать о преимуществахъ дворянства и оспаривало все его существованіе. Посредствомъ безграничнаго распространенія дворянскаго достоинства на всѣ слѣдующія поколѣнія рода, крайнія притязанія дворянства стали въ непримиримое противорѣчіе съ его реальнымъ основаніемъ. Особенно при сравненіи дворянства съ высшимъ городскимъ сословіемъ увеличивается несообразность такого положенія и усиливается неурядица.

Этому дѣлу можно помочь только радикальною реформою, а не неподвижнымъ охраненіемъ настоящихъ развалинъ нѣкогда величественнаго учрежденія, еще менѣе посредствомъ поощренія злоупотребленій и надменныхъ притязаній. Германія нуждается въ такой реформѣ, которая привела бы рыцарство въ гармонію съ отношеніями новой жизни и новаго государства. Пусть она спасетъ отъ гибели и упрочитъ многочисленные здоровые элементы прежняго низшаго дворянства, но и устранить безпощадно всѣ прочія составныя его части, ко-

торыя не имѣютъ въ себѣ самихъ внутренней силы и отличія. Нужно обновленіе, которымъ бы истинно аристократическое старинное дворянство, большею частію богатое землями, пополнилось и усилилось посредствомъ другихъ, существующихъ въ народѣ, аристократическихъ элементовъ новаго происхожденія. Только обновленіе дворянства на основаніи истиннаго отличія, обновленіе, которое удалило бы въ тоже время препятствія, воздвигнутыя духомъ кастъ на европейскомъ материкѣ, и удержало бы дворянство въ живой связи съ примиреннымъ народомъ, — только такое обновленіе можетъ послужить новымъ основаніемъ высшаго политическаго положенія дворянства и дальнѣйшаго развитія аристократическихъ элементовъ народа.

Въ очищенномъ такимъ образомъ среднемъ аристократическомъ сословіи наследственность едвали будетъ имѣть исключительное значеніе и безграничное приложеніе. Ибо съ одной стороны рядомъ съ (наследственною) аристократіею расы существуетъ и индивидуальная аристократія, съ другой стороны и благородная раса, въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, отдѣленная отъ своихъ соціальныхъ основаній, можетъ утратить аристократическія свойства. Между тѣмъ въ настоящее время не предвидится такихъ преобразованій нѣмецкаго дворянства. Время благопріятствовавшее имъ (1852 — 1859) прошло безъ пользы. Малое число и неудача попытокъ показали только незначительность авторитета, которымъ пользуются приверженцы реформы между членами своего сословія, и отвращеніе, чувствуемое большинствомъ его, ко всякой добросовѣстной, дѣйствительной реформѣ. Нѣмецкое дворянство, въ своей цѣлости и совокупности, стало скорѣе въ непріязненное, нежели дружелюбное, отношеніе къ идеямъ времени. Въ стремленіяхъ народа къ единству и свободѣ оно не шло во главѣ его, какъ то прежде было въ Англіи, въ наше же время повторилось въ Италіи; нѣмецкое дворянство напротивъ, за немногими почетными исключеніями, становилось большею частію на сторону противниковъ единства и свободы, умножало и усиливало препятствія, встрѣчаемыя этими стремленіями. При такомъ настроеніи немыслима реформа,

исходящая изнутри сословія, а посредствомъ однихъ законовъ и статутовъ ее нельзя произвести.

Примѣчаніе. 1. Риль въ своемъ сочиненіи «Die bürgerliche Gesellschaft.» (1854) представилъ соціальное значеніе «нѣмецкой аристократіи» въ образахъ полныхъ жизни. Нѣмецкому дворянству принадлежитъ въ настоящее время одно лишь соціальное значеніе, которое важно и само по себѣ, но безъ политической организаци не можетъ ни удержаться долгое время, ни придти въ настоящую силу. Сословія, какъ соціальныя союзы, представляютъ лишь естественный субстратъ органическихъ, и тогда только дѣйствительныхъ, политическихъ сословій. Главное же назначеніе дворянства—быть политическимъ сословіемъ.

2. Во взглядѣ, высказанномъ мною въ Deutsches Staatswörterbuch. I. 5, 30, слѣд. и стр. 58 слѣд., я преимущественно настаиваю на различіи между покоящимся (пассивнымъ) и дѣйствительнымъ (активнымъ) дворянствомъ, и на немъ основываю предложеніе реформы. Первое, приобретаемое самымъ рожденіемъ, содержитъ въ себѣ только возможность сдѣлаться дѣйствительнымъ, но не сообщаетъ преимуществъ; послѣднее предполагаетъ и личное отличіе, посредствомъ котораго осуществляется эта возможность. Въ послѣдствіи я сдѣлалъ не утѣшительное открытіе, состоящее въ томъ, что еще Юстусъ Мёзеръ за два поколѣнія до меня пришолъ къ тойже мысли (Patriotische Phantasien. IV. 248), и что она во все это время оставалась въ полномъ пренебреженіи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Свободные люди и городское состояніе.

Если первоначально простые свободные были почти вездѣ преимущественно свободными землевладѣльцами и земледѣльцами, то въ послѣдствіи ихъ положеніе большею частію измѣнилось. Исходными пунктами образованія древнихъ государствъ были обыкновенно города; большая и политически важнѣйшая часть свободныхъ—жила въ городахъ, занималась городскими промыслами, имѣла городской образъ жизни. Въ правѣ гражданства сословная свобода получила высшее политическое выраженіе.

I. У грековъ, преимущественно въ Аѣинахъ, городское состояніе достигло высшаго развитія и могущества. Здѣсь ему удалось, съ одной стороны, уравнивать съ собою аристократическіе роды, съ другой поднять до своего уровня зависимое населеніе, за исключеніемъ рабовъ. Вся государственная власть сдѣлалась достояніемъ однихъ гражданъ, принципомъ которыхъ была равноправность. Гражданство сдѣлалось естественнымъ основаніемъ аѣинской демократіи.

II. Плебеи въ Римѣ получили, правда, особую политическую организацію въ собраніяхъ по трибамъ, а въ народныхъ трибунахъ особыхъ органовъ частію для выраженія ихъ мнѣнія и воли, частію для представительства и защиты. За тѣмъ они поглотили въ себѣ кліентовъ, имѣвшихъ прежде особое положеніе и пріобрѣли борьбою право восходить до высшихъ магистратуръ.

Ни одно политическое право не осталось для нихъ не доступнымъ, и старая противоположность между *patricii* и *plebs* утратила свой смыслъ.

Однако же между судьбами римскихъ плебеевъ и состояніемъ свободныхъ аѣинскихъ гражданъ есть то различіе, что въ Римѣ надъ всѣми возвышалась новая аристократія оптиматовъ, которая держала въ своихъ рукахъ дѣйствительную государственную власть. Большинство же римскихъ гражданъ пользовалось всею полнотою частнаго права, а въ своей совокупности, правомъ законодательства и выбора въ публичныя должности. За его членами признавалась сверхъ того способность занимать государственныя должности. Въ позднѣйшее время плебеи не испытывали никакого умаленія въ политической правоспособности. Но, по природѣ римскихъ отношеній и учрежденій, сенать и магистратуры гораздо чаще замѣщались аристократіей.

Пока существовала республика, плебеи представляли собою главную составную часть римскихъ гражданъ, а въ то же время источникъ и опору демократическаго правленія, получившаго въ послѣдствіи преобладаніе и въ римскомъ государствѣ. Но когда латины и италійскіе союзники, а при императорахъ и всѣ свободные провинціалы, были объявлены римскими гражданами, граж-

данство потеряло свой специфическій характеръ. Такимъ образомъ возникло общее, обнимающее все свободное населеніе имперіи, политическое гражданство, котораго права политическія поглощались по большей части чрезмѣрною властію императора, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда отдѣльные лица получали высшее положеніе посредствомъ должностей и сановъ.

III. Средніе вѣка не были благопріятны для состоянія простыхъ свободныхъ. Почти повсюду въ Европѣ свободные землевладѣльцы страны не могли противостоятъ усиливавшемуся господству феодальнаго дворянства.

Законодательныя мѣры Карла Великаго, приводимыя въ дѣйствіе могучимъ королемъ, хотя и остановили страшнѣйшія притѣсненія, не могли однако же удержать зло отъ дальнѣйшаго распространенія. Значительная часть крестьянскаго населенія франкской монархіи, принадлежавшая по своему свободному рожденію къ чисто германскимъ племенамъ, поселилась на королевскихъ, церковныхъ или дворянскихъ имѣніяхъ. Воздѣлывая землю, не составлявшую его собственность, или отдавъ свою собственность церквамъ и монастырямъ, изъ религіозныхъ побужденій, или по нуждѣ, и получивъ ее назадъ, какъ оброчное имущество, эта часть населенія попала въ дворовую зависимость (*Hofhörigkeit*), приблизилась такимъ образомъ къ лично зависимымъ крестьянамъ и утратила многія права политической свободы. А позднѣе и тѣ малые участки, которые оставались въ собственности свободныхъ земледѣльцевъ, не могли избѣгнуть подчиненія фогтейскому суду и тягостей, налагаемыхъ на нихъ господствовавшимъ дворянствомъ. Измѣненное военное устройство, основанное сперва на рыцарской и ленной, позднѣе на наемной службѣ, имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что и свободные крестьяне лишились участія въ войнѣ и утратили воинскую честь. Ихъ облагали податями въ различнѣйшихъ формахъ и подъ разнообразными предлогами, часто произвольно. И въ судахъ, а еще болѣе въ политическихъ корпораціяхъ страны, они потеряли участіе и голосъ, предоставляемые имъ древне германскимъ устройствомъ. Свободные земледѣльцы были мало-по-малу, какъ фогтей-

скіе люди уравниены съ крѣпостными. И тѣ и другіе, безъ особеннаго вниманія къ первоначальной свободѣ или даже собственности, были соединены подъ общимъ названіемъ крестьянства. Старинное наследственное сословіе превратилось такимъ образомъ въ состояніе по занятію, и политическія права крестьянскаго сословія испытали большею частію сильное умаленіе. Только часть свободныхъ крестьянъ, преимущественно крупные землевладельцы, вошли въ ново-возникшій классъ рыцарства.

Лишь отдѣльнымъ свободнымъ общинамъ удалось, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, отстоять и свободу своей собственности, и высшія политическія права, отъ угрожавшихъ опасностей среднихъ вѣковъ и перенести ихъ въ новую исторію. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ этого рода представляетъ собою союзъ Швицской марки, давшій первый толчекъ къ свободѣ, названной отъ нея Швейцарскою.

IV. Между тѣмъ какъ въ селеніяхъ подавлялась и погибала старинная свобода, города напротивъ сдѣлались въ средніе вѣка мѣстомъ зарожденія новой гражданской свободы.

Исторія городовъ имѣла рѣшительное вліяніе на развитіе понятія новой свободы и новаго гражданства. Оба понятія были городскія, прежде чѣмъ сдѣлались общими государственными. Нужна была вѣковая борьба и перевороты для того, чтобы городское гражданство достигло полнаго развитія, и только по истеченіи новыхъ вѣковъ оно расширилось до гражданства государственнаго.

Разнообразіе и обособленіе выросшей изъ Романскихъ, а еще болѣе изъ германскихъ элементовъ сословной жизни, которая составляетъ характеристическую черту среднихъ вѣковъ, отражались первоначально и на городахъ. Это разнообразіе проявлялось сначала въ своей пестрѣйшей формѣ именно въ тѣхъ городахъ, которые соединяли въ себѣ большое населеніе на маломъ пространствѣ. Такъ, находились рядомъ другъ съ другомъ окруженные одними и тѣми же рвами и стѣнами, слѣдующіе классы людей:

1. Духовные князья съ своимъ придворнымъ штатомъ и особыми верховными правами, епископы, аббаты.

2. Низшее духовенство различныхъ степеней.

3. Свѣтскіе вельможи изъ высшаго дворянства, напимѣръ, королевскіе графы или иные высокіе бароны, въ Италиі *capitanei*. Эти лица, если не имѣли замковъ въ городахъ, жили въ нихъ только временно, кореннымъ же мѣстомъ жительства имѣли селенія.

4. Рыцарскія фамиліи, часто имѣвшія лены и въ селеніяхъ.

5. Министеріалы духовныхъ и свѣтскихъ господъ.

6. Средніе свободные (*Mittelfreie*). Это были въ романскихъ городахъ нерѣдко потомки фамилій римскихъ декуріоновъ, имѣвшіе поземельную собственность въ городѣ, въ Германіи свободные, поселившіеся въ городѣ на собственной землѣ и отличившіеся своимъ богатствомъ и политическимъ положеніемъ.

7. Простые свободные, но еще имѣвшіе поземельную собственность въ городѣ.

8. Лично свободные, но жившіе на господскихъ земляхъ въ городѣ и потому состоявшіе на дворомъ правѣ, напимѣръ у аббатства.

9. Множество зависимыхъ людей, различныхъ господъ и въ различныхъ степеняхъ зависимости. Одни изъ нихъ жили самостоятельно, въ видѣ ремесленниковъ;

10. другіе находились въ семейной зависимости въ качествѣ слугъ, подмастерьевъ и т. д.

Соединеніе всѣхъ этихъ остатковъ средневѣковыхъ сословій въ одномъ городѣ должно было современемъ сгладить ихъ различіе и произвести новое смѣшеніе. Одинаковая жизнь, общіе интересы, а часто и борьба партій сближали одни составныя части съ другими, или производили новыя противоположности, которыя опредѣлялись не рожденіемъ. Городское устройство вызвало новые союзы и совѣты, въ которыхъ различныя сословія сливались въ новое единство. Хотя въ разныхъ городахъ различіе національности, времени, мѣстныхъ условій и не остались безъ вліянія, однако въ общихъ чертахъ ходъ этого переворота былъ повсюду

одинъ и тотъ же. Здѣсь надо обратить вниманіе главнымъ образомъ на слѣдующіе моменты:

1. Собственно центръ стариннаго городского гражданства составляли прежде всего знатные роды рыцарей, министріаловъ и среднихъ свободныхъ. Образуя совѣты (въ качествѣ консуловъ), они стремились къ самостоятельности и ограничивали власть старыхъ владѣльцевъ городовъ. Этотъ слой городского населенія расширился посредствомъ соединенія съ простыми свободными, и явилась новая противоположность между старинными аристократическими родами и новыми развивающимися союзами свободныхъ горожанъ. Такъ въ Миланѣ еще въ половинѣ одинадцатаго вѣка образовался союзъ «Motta». Онъ состоялъ изъ докторовъ правъ, врачей, банкировъ, оптовыхъ торговцевъ и отдѣльныхъ лицъ рыцарскаго происхожденія, рыцарскихъ дѣтей, которыя не желали продолжать рыцарскаго образа жизни. Этотъ союзъ назывался впоследствии «popolo grasso», Populares, и вступилъ къ дворянскимъ capitanei и valvassores (баронамъ и рыцарямъ) во враждебное отношеніе, затѣмъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ сталъ наряду съ ними въ большомъ совѣтѣ (*consilium generale* ¹), какъ общимъ городскомъ собраніи.

Возникновеніе городской власти въ лицѣ консуловъ было первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ объединенію высшихъ сословій въ городѣ. Вторымъ и третьимъ было обыкновенно образованіе большихъ совѣтовъ и призваніе общинъ къ участію въ городскихъ дѣлахъ. Наконецъ появились цѣхи. Такимъ образомъ, отъ времени до времени, кругъ городского общества расширялся все болѣе и болѣе за узкіе предѣлы старыхъ союзовъ.

Это развитіе проявилось прежде всего въ Ломбардіи, гдѣ германская склонность къ образованію союзовъ и свободной самостоятельности соединялась съ древнероманскими воспоминаніями. Оттуда движеніе перешло

---

¹ Savigny, *Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter* т. II, стр. 108, слѣд.—Leo, *Geschichte von Italien* I, стр. 339. Hegel, *Städteverfassung von Italien*.

въ города южной Франціи, частію еще въ теченіе двѣнадцатаго, частію уже въ тринадцатомъ столѣтіи. Исходною точкой и опорой этого явленія были остатки древняго свободнаго, впрочемъ болѣе упавшаго во Франціи, нежели въ Ломбардіи, муниципальнаго гражданства, которое имѣло выборныхъ представителей въ лицѣ своихъ *prudhommes*.

2. Болѣе рѣшительнымъ демократическимъ направле-ніемъ и корпоративными формами отличались клятвенныя конфедераціи гражданъ въ общинахъ, на сѣверѣ Франціи, ведшія около того же времени часто кровопролитныя войны съ владѣльцами своихъ городовъ. Въ нихъ проявляются уже новые элементы гражданства, прежде всего въ принятіи въ гильдейское общество (*gildonia, conjuratio, fraternitas*)¹, которое одно дѣлало гражданиномъ общины. Вступленіе въ общину соединялось съ клятвеннымъ обязательствомъ подчиняться ея уставамъ. Такимъ образомъ связь гражданской свободы и правъ, частію съ происхожденіемъ отъ свободной расы, частію съ поземельнымъ владѣніемъ была разорвана; главное значеніе получила связь корпоративная. И ленное и древне-германское, сословное начала были сокрушены и дано бытіе новому личному началу.

Затѣмъ устройство общины благопріятствовало распространенію свободы и правъ гражданства на низшіе слои городского населенія. Множество ремесленниковъ, освободившихся отъ частной зависимости, получали входъ въ общинный союзъ. Было введено и прилагалось правило, по которому лице, состоящее въ частной зависимости, пробывъ годъ и день въ городѣ безъ заявленія правъ и преслѣдованія со стороны господина, дѣлалось свободнымъ. Сотни городскихъ статутовъ², доказываютъ вѣрность важнаго положенія— «воздухъ города дѣлаетъ свободнымъ».

¹ Ср. Thierry, письмо XIV sur l'histoire de France u Schäffner, Rechtsgeschichte II. стр. 554, слѣд.

² Относительно Германіи можно найти многочисленныя доказательства въ сочиненіяхъ Гауппа и Генглера, *Deutsche Stadtrechte des Mittelalters*.

Крайности демократіи въ общинахъ вызывали впрочемъ нерѣдко реакціи. Короли, помогавшіе городамъ освободиться отъ владычества сеньеровъ, находили въ этомъ поводъ взять дѣло управленія въ свои руки посредствомъ чиновниковъ и крѣпче притянуть къ себѣ города. Въ ломбардскихъ городахъ образовалось, большею частію изъ низшихъ элементовъ городского населенія, новое гражданство — *popolo*. Подъ предводительствомъ своихъ демократическихъ капитановъ (*capitanei*) оно начало въ XIII вѣкѣ борьбу съ городскимъ дворянствомъ за господство, часто подчиняло себѣ послѣднее и изгоняло его. Въ этой борьбѣ погибло самоуправленіе ломбардскихъ городовъ и власть перешла въ руки отдѣльныхъ князей.

Впрочемъ кромѣ городовъ съ консульскимъ и общиннымъ устройствомъ, во Франціи было тогда еще много городовъ, которые находились въ большой зависимости отъ своихъ господъ и управлялись фогтами (*prévôté*, превоотскіе города) часто съ большимъ произволомъ. Однакоже и въ этихъ городахъ тягости зависимости были отмѣнены или по крайнѣй мѣрѣ облегчены, и здѣсь развилось понятіе буржуазіи, какъ свободнаго сословія, участіе въ правахъ котораго давалось вслѣдствіе поселенія въ городѣ, а также и вслѣдствіе права гражданства, которымъ жаловалъ король ¹.

3. Различный смыслъ нѣмецкаго слова *Bürger* (гражданинъ) указываетъ и для Германіи на различныя степени развитія.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, подобно тому, какъ прежде въ Италіи и во Франціи, былъ и въ Германіи обычай дѣлать различіе между рыцарями (*Ritter, milites*) и горожанами (*Bürger, burgenses*). Подъ послѣдними разумѣлись свободные, принадлежавшіе къ городскому обществу и имѣвшіе доступъ въ совѣтъ, но не ведшіе рыцарскаго образа жизни. Главную составную часть этихъ горожанъ представляли собою свободные домовладѣльцы города, которые, вмѣстѣ съ рыцарскими родами, занимали должности городскихъ скабиновъ и сенаторовъ. Въ

¹ Schäffner, приведен. мѣсто стр. 590.

послѣдствіи соединеніе этихъ двухъ частей городского населенія—къ рыцарямъ присоединялись сверхъ того министеріалы—подъ именемъ полноправныхъ гражданъ города или родовъ, противопоставалось ремесленникамъ и прочимъ городскимъ жителямъ.

Съ половины XIII столѣтія, какъ кажется, и купцы нѣмецкихъ городовъ, если они были лично свободны, хотя бы и не имѣли поземельной собственности, стали причисляться къ гражданамъ и получили представительство въ городскомъ совѣтѣ. — Тѣмъ самымъ понятіе гражданства отдѣлилось отчасти отъ поземельной собственности, а занятію и личной связи дано бѣльшее противъ прежняго значеніе.

Это направленіе усилилось, когда въ первой половинѣ XIV столѣтія и ремесленники, устроенные въ цѣхи, стали присоединяться къ гражданамъ, какъ новая составная часть. Слово гражданинъ получило вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкое значеніе. Оно обозначало съ этихъ поръ обыкновенно всѣхъ участвовавшихъ въ городской жизни и городскихъ корпораціяхъ. Въ предѣлахъ городского гражданства частная зависимость была уничтожена, различіе рожденія существенно видоизмѣнено и смягчено, ленное право вытѣснено общимъ и личнымъ городскимъ правомъ. Всѣ граждане поставлены такимъ образомъ въ непосредственное отношеніе къ городу, къ которому принадлежали.

Это городское гражданство, пользовавшееся правами самовластиа и самоуправления, то въ бѣльшихъ, то въ меньшихъ размѣрахъ, но всегда лично-свободное, не распространялось однако за предѣлы городскихъ интересовъ. Въ отдѣльныхъ же чертахъ, всегда соотвѣтственно значенію и исторіи городовъ, оно представляло собою пестрѣйшее разнообразіе. Но между горожанами, составлявшими въ это время особую часть населенія въ государствѣ, произошло соединеніе. Такъ образовалось общее понятіе городского состоянія, которое, подобно крестьянамъ,—хотя семейныя и наследственныя отношенія постоянно удерживали свое естественное вліяніе—не оставалось однакоже прикованнымъ

къ наслѣдственному праву; главную характеристическую черту его составляла городская жизнь.

4. Это новое развитіе городской жизни нашло себѣ наконецъ выраженіе въ государствѣ — въ устройствѣ законодательныхъ сословій. Съ половины XIII вѣка въ Англіи жители городовъ получили первоначально отдѣльное отъ рыцарей, впоследствии соединенное съ ними, представительство въ національномъ парламентѣ¹. Изъ представителей горожанъ состояло во Франціи третье сословіе (*tiers etat*) государства, которое еще прежде созывалось отъ времени до времени отдѣльно, а съ начала XIV вѣка было призвано къ участию въ общихъ сословныхъ собраніяхъ (*états généraux*). И скамьи городовъ на имперскихъ сеймахъ Германіи, съ возшествія на престолъ Рудольфа Габсбургскаго, составляли, по крайней мѣрѣ отчасти, представительство городского сословія. И на сеймахъ нѣмецкихъ государствъ, рядомъ съ дворянствомъ и духовенствомъ, города, какъ сословная корпорація, получили мѣсто и голосъ.

Наконецъ новыя юридическія идеи, выразившіяся въ городскомъ гражданствѣ, были перенесены на все населеніе государства, и изъ городского гражданства возникъ институтъ государственнаго гражданства, новаго времени.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Третье сословіе въ наше время. Образованный средній классъ.

Аббатъ Сіейсъ (*Sieyès*), котораго знаменитое сочиненіе о третьемъ сословіи руководило и распаляло первую французскую революцію, поставилъ, какъ извѣстно, два слѣдующіе вопроса: что такое третье со-

¹ Объ этомъ развитіи представительства подробнѣе будемъ говорить ниже кн. V.

словіе? и что было оно до сихъ поръ? На первый онъ отвѣчалъ — все, на послѣдній: ничто. Отвѣтъ на первый вопросъ, также преувеличенный, какъ и на второй, усиливая притязанія третьяго сословія, прямо уничтожаетъ самое его понятіе. Если третье сословіе дѣйствительно составляетъ все въ государствѣ, то не можетъ быть кромѣ него ни перваго, ни втораго, ни четвертаго. Тогда оно уже не есть болѣе сословіе, тогда оно весь народъ.

И дѣйствительно, въ первую французскую революцію третье сословіе требовало, чтобы два первыхъ — духовенство и дворянство, соединились съ нимъ въ единомъ національномъ собраніи. Когда эта мѣра была приведена въ исполненіе, оно поглотило въ себѣ тѣ сословія, и какъ единый равный народъ, не имѣющій сословія, разгромило весь прежній государственный порядокъ. Но уже въ то время, несмотря на уравнивающую теорію, естественныя противоположности производили реакцію. Теорія не помогла духовенству и дворянству, включивъ ихъ въ третье сословіе. Они сдѣлались двумя сословіями, преслѣдуемыми кровавымъ насиліемъ, и пали жертвою революціи. Но въ хаотической массѣ, которой принадлежала власть, происходило броженіе двухъ, до тѣхъ поръ не замѣченныхъ, сословныхъ противоположностей. Еще тогда, въ важнѣйшихъ кризисахъ, рѣшеніе принадлежало четвертому сословію, а подъ кровавымъ владычествомъ конвента, образовавшагося главнымъ образомъ изъ предводителей лихорадочно возбужденнаго четвертаго сословія, погибъ въ жирондистахъ гражданскій блескъ третьяго сословія.

Самою попыткой французской революціи осуществить истину приведенныхъ выше положеній Сіейса была разоблачена ихъ несостоятельность и ложность¹. Третье

---

¹ Въ Робеспьерѣ олицетворилась завистливая ненависть ко всѣмъ высшимъ сословіямъ, въ то же время поклоненіе такъ называемому «народу», доходившее до обоготворенія. Въ его объявленіи правъ содержится слѣдующее положеніе: «Toute institution qui ne suppose le Peuple bon et le magistrat corruptible est viciense». Ср. L. Stein, Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich. I, стр. 145.

сословіе, сословіе образованныхъ людей, дѣйствуя какъ представительство народа, отождествило себя съ нимъ. Тогда оно должно было испытать, что существуютъ и кромѣ него великія народныя массы, которыя не чувствуютъ себя удовлетворенными всеобщимъ смѣшеніемъ подъ его руководствомъ.

Духовенство въ наше время большею частию перестало считаться особымъ политическимъ сословіемъ. Высшее духовенство присоединилось, какъ это было прежде въ нѣмецкой имперіи, къ высшему дворянству, низшее духовенство къ городскому состоянію. Существованіе втораго сословія — дворянства, сдѣлалось въ настоящее время весьма непрочнымъ. Но противоположность между третьимъ и четвертымъ сословіями проявилась яснѣе, чѣмъ когда-либо, въ новѣйшемъ политическомъ землетрясеніи, поколебавшемъ Европу. Потому ея нельзя пренебрегать въ государственномъ правѣ и политикѣ.

Въ наше время сословія основаны болѣе на образѣ жизни и занятіяхъ, нежели на происхожденіи. А потому и третье сословіе должно быть понимаемо въ этомъ смыслѣ. Оно занимаетъ средину между дворянствомъ и четвертымъ сословіемъ, слѣдовательно составляетъ по своему существу среднее сословіе. Отъ дворянства оно отличается отсутствіемъ особаго аристократическаго отличія и свойственныхъ дворянству преимуществъ. Отличіе же его отъ четвертаго сословія состоитъ въ томъ, что оно живетъ не отъ физическаго труда, а отъ либеральныхъ занятій, по крайней мѣрѣ существеннымъ образомъ отъ умственной дѣятельности. Это то сословіе, которое въ Германіи обыкновенно называется высшимъ городскимъ состояніемъ, а въ Англій, правда въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, джентльменами ¹.

---

¹ Blackstone, Comment I, 12, одобряетъ приведенное имъ изъ Thom. Smith'a мѣсто, гдѣ джентельменами названы всѣ тѣ, которые получили университетское образованіе, предаются свободнымъ занятіямъ, могутъ пользоваться досугомъ безъ тяжелаго физическаго труда, въ состояніи жить и держать себя какъ джентльмены.

Сюда относятся слѣдующіе классы народонаселенія:

1. Чиновники (включая офицеровъ), въ противоположность низшимъ степенямъ служащихъ людей и высшимъ, полагающимъ основаніе дворянскому званію.

2. Духовенство и учителя причисляются обыкновенно сюда же.

3. Нотариусы, адвокаты, врачи, аптекари, ученые, не занимающіе общественныхъ должностей, писатели.

4. Артисты, инженеры и высшіе техники.

5. Оптовые торговцы и фабриканты.

6. Высшіе ремесленники (ремесло которыхъ приближается къ искусству).

7. Капиталисты, (живущіе доходами съ своихъ капиталовъ).

8. Крупные землевладѣльцы, не возведенные въ дворянское званіе.

Высшее воспитаніе и образованіе составляетъ существенную черту этого сословія, а обыкновенное его свойство — удобное положеніе въ жизни, дающее досугъ для занятія общественными дѣлами. Избраніе въ государственныя должности предполагаетъ обыкновенно высшее образованіе. Это же сословіе обладаетъ высшею способностью принимать участіе въ преніяхъ представительныхъ собраній. Отсюда перевѣсъ его въ національныхъ собраніяхъ и законодательныхъ палатахъ, который обнаруживается въ большей части случаевъ, когда нѣтъ особыхъ законовъ, имѣющихъ въ виду иное.

Въ государственной жизни нашего времени это сословіе пользуется величайшимъ вліяніемъ, и при обыкновенномъ ходѣ публичной жизни оно идетъ впереди. Общественное мнѣніе представляетъ собою обыкновенно мнѣніе этого сословія. Третье сословіе можно сравнить наконецъ съ древнимъ сословіемъ полныхъ свободныхъ или средневѣковымъ среднихъ свободныхъ, хотя принадлежность къ третьему сословію опредѣляется образованіемъ, имуществомъ и занятіемъ, а происхожденіе отъ родителей того же сословія не считается необходимымъ. Подобно тому, какъ полные свободные составляли въ древнемъ государствѣ основаніе народа,

обладавшаго политическими правами, такъ въ современномъ построении государства имѣется въ виду преимущественно третье сословіе. Оно представляетъ собою дѣловую жизнь и прогрессивное движеніе.

Какъ опредѣлить отношеніе третьяго сословія къ низшему дворянству? Низшее дворянство нашего времени вошло большею частію въ составъ высшаго городского состоянія и сравнялось съ нимъ въ образѣ жизни, нравахъ, занятіяхъ, убѣжденіяхъ. Такимъ образомъ изъ обоихъ элементовъ образовалось новое среднее сословіе, или точнѣе средній классъ, подобно тому, какъ въ средніе вѣка изъ сліянія сословій, первоначально различныхъ, произошли городское и крестьянское состояніе. И въ этомъ отношеніи англійское государство опередило своимъ развитіемъ европейскій материкъ. Уже въ XIV вѣкѣ совершилось въ нижней палатѣ то соединеніе рыцарства и представителей городовъ, которое вмѣстѣ съ уважаемымъ обычаемъ сдѣлалось одною изъ крѣпчайшихъ опоръ политической свободы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

III. Зависимые люди и крестьянское сословіе.

Если средніе вѣка не были благопріятны для дальнѣйшаго существованія древнихъ простыхъ свободныхъ, то съ другой стороны они способствовали поднятію и освобожденію крѣпостныхъ людей. Черезъ самое подавленіе первыхъ поднимались послѣдніе, и такимъ образомъ происходило постепенное сближеніе и смѣшеніе обоихъ сословій.

Часть зависимыхъ людей, хотя и малая, возведенная въ званіе низшаго дворянства, становилась даже выше свободныхъ. Министеріялы, сближенные съ князьями посредствомъ придворной службы, отличавшіеся придворнымъ образованіемъ и придворными нравами, получили богатые помѣстья и становились на ряду съ васалами-рыцарями.

Другая многочисленная часть селилась въ городахъ, занималась городскими промыслами, и пріобрѣтала этимъ способомъ имущество. Вмѣстѣ съ тѣмъ она достигла здѣсь личной и гражданской свободы. Честь перваго, общаго и полнаго освобожденія крѣпостныхъ людей своей территоріи принадлежитъ итальянскимъ городамъ. Городъ Болонья, постоянный поборникъ свободы, по предложенію своего подесты Аккурсія де Соррецина, сдѣлалъ въ 1256 г. великодушное постановленіе выкупить всѣхъ крѣпостныхъ людей своей территоріи и объявить, что на будущее время несвободное состояніе не допускается.¹

И занятіе ремесленниковъ, прежде презрѣнное, особенно въ германской Европѣ, и предоставляемое не свободнымъ людямъ, поднялось съ развитіемъ городской жизни. Корпораціи введены вѣроятно прежде всего въ видѣ *scholae* въ Италиі, гдѣ свободные города рано достигли цвѣтущаго состоянія. По примѣру Италиі, подъ вліяніемъ германской склонности къ корпоративнымъ формамъ, онѣ появились во Франціи въ видѣ *ministeria* (*mestiers*) и *gheudes*, наконецъ были занесены въ Германію. Цѣховое начало укрѣпило права членовъ корпораціи и возвысило честь мастеровъ. Заботливое воспитаніе ремесленниковъ и постепенное развитіе ремесла, большая ловкость, большее количество пріобрѣтаемаго имущества, новый родъ военной службы въ городѣ подъ корпораціоннымъ и цеховымъ знаменемъ, постоянная близость ремесленниковъ къ интересамъ и положенію города, — все это пробуждало въ нихъ чувство собственнаго достоинства и вызывало справедливыя притязанія. Если нѣкоторые изъ нихъ и были несвободнаго происхожденія, то они или покупали полное освобожденіе или пріобрѣтали его, возставая массами. Они не могли быть устранены отъ права городского гражданства въ собственномъ смыслѣ.

Большими препятствіями былъ загроможденъ путь, по которому восходили къ свободѣ зависимые люди въ се-

¹ Laurent въ привед. мѣст. VII. 5. 663. Флоренція послѣдовала прекрасному примѣру Болоньи въ 1288 г.

леніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовало даже, противоположное городскому, правило: воздухъ дѣлаетъ несвободнымъ. И дѣйствительно не свободные крестьяне получали полную личную и политическую свободу только въ видѣ исключенія. Однакоже, хотя медленнымъ путемъ, они достигали личной свободы, если и стѣсненной различными тягостями и политически ограниченной, за то юридически обезпеченной и во всякомъ случаѣ съ расширеннымъ содержаніемъ. Они слились съ крестьянами, пользовавшимися первоначально свободою, въ одно равноправное сословіе, основаніемъ котораго сдѣлалось занятіе.

Отношенія зависимости были въ отдѣльныхъ чертахъ чрезвычайно разнообразны, и переходныя ступени отъ холопства къ свободѣ многочисленны. Подобно тому, какъ уничтоженіемъ рабства мы обязаны вліянію церкви, и въ улучшеніи положенія крѣпостныхъ людей инициатива искони исходила отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ церкви и монастыри имѣли поземельную собственность, они подавали другимъ примѣръ въ раздачѣ опредѣленныхъ правъ и предоставленіи значительныхъ вольностей своимъ крѣпостнымъ. Люди дома божія (Gotteshausleute) прежде всего приблизились къ свободнымъ крестьянамъ. Затѣмъ этому примѣру стали слѣдовать и короли. Еще Каролинги дѣйствовали въ этомъ направленіи въ пользу фискалиновъ, а Людовикъ X¹, даруя свободу крѣпостнымъ (serfs) королевскихъ имѣній (1315) объявилъ, что онъ исполняетъ обязанность, лежащую на немъ какъ на королѣ «царства франковъ».

¹ Ordon. I. 583: Comme selon le droit de nature chacun doit naistre franc et par aucuns usages — moult de personnes de nostre commun peuple soient encheües en lieu de servitudes:—Nous considerants que Nostre Royaume est dit et nommé le Royaume de Francs, et voullant que la chose en vérité soit accordant au nom — ordenons, que generaument par tout nostre Royaume de tant comme il peut appartenir à nous — telles servitudes soient ramenées à franchises — à bonnes et convenables conditions — de tant comme il peut toucher nous. Cp. Schäffner, franz. R. G. I. 523. Еще прежде графъ Валуа, братъ короля Филиппа Красиваго, во имя естественной свободы челоувѣка, объявилъ свободными зависимыхъ людей своего графства. Laurent, въ привед. мѣстѣ. VI. 662.

Духъ среднихъ вѣковъ съ одной стороны прикрѣпилъ къ землѣ державныя права, какъ наследственные лены, въ пользу высокихъ бароновъ и даровалъ вассаламъ, въ отношеніи къ ихъ сюзерэнамъ, обезпеченныя, прочныя права на бенефиціи. Съ другой стороны тотъ же духъ укрѣпилъ и утвердилъ права крѣпостныхъ крестьянъ (hofhörig) на предоставленныя имъ участки, выработалъ наследство по дворовому праву (hofrechtliches Erbe) и особенное вотчинное устройство суда, въ которомъ принимали участіе и крестьяне подъ руководствомъ своихъ мэровъ или мейеровъ (villici majores). Самый языкъ указываетъ на то, что французскіе serfs и vassaux находились въ болѣе стѣсненномъ положеніи, нежели нѣмецкіе Hofleute и Grundholden. Но во всякомъ случаѣ между ними не было большаго различія, развитіе же свободы началось въ Германіи позднѣе, нежели во Франціи. Впрочемъ и во Франціи coutumiers и roturiers (между послѣдними ostes, hospites), какъ классы крестьянъ съ высшими правами, были совершенно близки къ простымъ свободнымъ.

Эта крестьянская полусвобода существовала впрочемъ обыкновенно только относительно частнаго права, устройства общины и суда.

Такіе полусвободные вмѣстѣ съ свободными крестьянами, подпавшими подъ наследственную фогтейскую власть и обложенными множествомъ вѣчныхъ тягостей въ пользу «господъ», слились въ одно, такъ называемое, крестьянское сословіе.

Политическимъ сословіемъ въ полномъ смыслѣ слова крестьяне сдѣлались только въ видѣ исключенія въ немногихъ странахъ. На Скандинавскомъ сѣверѣ имъ посчастливилось удержать старинную общинную свободу и устройство. Въ Тиролѣ они призывались государями къ участію въ земскихъ сеймахъ, въ Швейцаріи основали свободныя крестьянскія республики. Въ большей части государствъ крестьяне считались подчиненнымъ сословіемъ, для котораго недоступны политическія права, особенно право представительства, а назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы нести преимущественно государственныя тягости. Они были существеннымъ

образомъ экономическимъ, а не гражданственнымъ сословіемъ (Culturstand), какъ горожане.

Напрасны были усилія крестьянъ въ великой крестьянской войнѣ XVI вѣка сломить насильственнымъ образомъ господство, лежавшее на нихъ тяжелымъ гнетомъ. Извѣстныя XII статей, содержащія требованія крестьянъ, вызвали въ тогдашнихъ образованныхъ людяхъ и господствовавшей аристократіи сильнѣйшее негодование противъ неслыханныхъ притязаній крестьянъ. Читая эти XII статей, мы замѣчаемъ могущественный прогрессъ времени въ томъ, что крестьяне въ нашъ вѣкъ получили повсюду безъ борьбы больше человѣческихъ и гражданскихъ правъ, нежели осмѣливались требовать тогда.

Только мало-по-малу государства стали привыкать къ мысли, что крестьяне не составляютъ лишь послушной массы, (съ которой можно набирать рекрутовъ по произволу и требовать сколько угодно податей). Въ уваженіи народной свободы опять отличилась англійская конституція: йоменамъ, yeomen (probi et legales homines), получающимъ извѣстный невысокій доходъ съ своихъ имѣній, она дала право участвовать въ выборахъ графствъ, производящихся для назначенія членовъ въ нижнюю палату.

Но только новое время сдѣлало полную личную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ способность къ политическимъ правамъ общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ народонаселенія. Философія XVIII вѣка дала толчекъ этому великому прогрессу, придавъ громадное значеніе понятію о естественныхъ правахъ человѣка.

Въ Германіи первый шагъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ прусскому королю Фридриху I, уничтожившему, въ 1702 году, крѣпостное состояніе въ королевскихъ имѣніяхъ. Фридрихъ II способствовалъ освобожденію, распространивъ его своими законами и на остальныхъ крѣпостныхъ. Его примѣру послѣдовалъ въ 1782 г. императоръ Іосифъ II относительно нѣмецкихъ земель Австріи. Однакоже большая часть другихъ нѣмецкихъ государствъ отстали отъ Пруссіи и Австріи; только объявленіе правъ человѣка, сдѣланное въ 1789 г. француз-

скимъ національнымъ собраніемъ произвело рѣшительное дѣйствіе на цивилизованную Европу. Освобожденіе крѣпостныхъ классовъ и холоповъ было признано общею обязанностью и неотразимымъ требованіемъ новаго времени. Въ первой половинѣ XIX столѣтія оно совершилось въ западной, а во второй половинѣ въ восточной Европѣ. Въ то же время, или скоро послѣ того, и право государственнаго гражданства распространилось на крестьянъ также, какъ и на городскихъ жителей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Такъ называемое четвертое сословіе. Народные классы.

Права низшихъ классовъ народа никогда не были признаваемы такъ охотно и въ такой полнотѣ, какъ въ настоящее время. Для новой эпохи міра нѣтъ признака болѣе характеристическаго, нѣтъ явленія болѣе славнаго, чѣмъ это освобожденіе великихъ рабочихъ массъ и признаніе ихъ правъ.

Но этотъ переворотъ, исходя изъ начала индивидуальной свободы, предполагалъ, или произвелъ, разрушеніе и разложеніе старинныхъ корпоративныхъ связей. Движеніе людей стало совершаться теперь разрозненно, по произволу. вмѣсто устроенныхъ, замкнутыхъ корпорацій, явились теперь случайно скученныя массы, вмѣсто организованныхъ членовъ народнаго тѣла — подвижныя, атомистическія толпы. Въ этомъ разстройствѣ, обрушившемся особенно на классы четвертаго сословія, очевидно коренилась великая опасность новаго времени. Неорганизованныя массы легко чувствовали себя недовольными и легко охватывались бурей народныхъ страстей.

Именно низшіе слои четвертаго сословія овладѣвали въ новѣйшее время судьбою европейскихъ государствъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ не представляетъ намъ исторія предшествующихъ періодовъ. Къ удивленію Франціи и всего міра, они низвергли въ фе-

вралъ 1848 г. іюльскій престолъ въ Парижѣ и ввели республику. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они угрожали всему соціальному существованію гражданскаго общества, и только кровопролитною битвой, послѣ бѣшенаго сопротивленія, принуждены были на время покориться. Европейскому государству, церкви, всей нашей культурѣ и цивилизації, всему нашему духовному и нравственному наслѣдію вмѣстѣ съ безопасностью и плодами собственности угрожала гибель. На чемъ основана увѣренность, что эта безпредѣльная опасность не возвратится еще ужаснѣе, что она дѣйствительно устранена?

Опасность коренится отнюдь не въ существованіи четвертаго сословія. Нельзя утверждать, что оно по своей природѣ склонно къ революціи и не способно къ государственной жизни. Въ нормальномъ и здоровомъ состояніи, напротивъ, оно составляетъ прочную основу государственнаго порядка и народнаго благоденствія. Оно постоянно можетъ снабжать государство свѣжими силами; войска новаго времени образуются большею частію изъ него. Между тѣмъ, какъ въ третьемъ сословіи, вслѣдствіе ложнаго направленія образованія и извращеннаго воспитанія, нерѣдко утрачиваются мужскія доблести, — храбрость и дѣятельная сила, и мѣсто гражданской добродѣтели и самопожертвованія заступаетъ боязливый интересъ безъ руководящихъ началъ, въ четвертомъ сословіи нерѣдко встрѣчается больше простоты нравовъ, жизненной свѣжести и неиспорченныхъ естественныхъ силъ. Четвертое сословіе не составляетъ всего народа, но по численности своей и силѣ оно представляетъ собою значительнѣйшую его часть, и потому нерѣдко называется народомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Въ особенности монархія находитъ въ четвертомъ сословіи, подобно тому, какъ вершина пирамиды въ ея основаніи, вѣрнѣйшую и крѣпчайшую опору, когда умѣетъ стать къ нему въ органическое отношеніе ¹, что удавалась большею частію великимъ монархамъ.

¹ Во время самыхъ опасностей 1848 г. эта успокоительная мысль была высказана Фридрихомъ Ромеромъ въ его сочине-

Обзоръ различныхъ составныхъ частей четвертаго сословія показываетъ его важность. Сюда принадлежатъ слѣдующіе классы:

1. Крестьянское сословіе въ своей совокупности, прежде всего сами крестьяне съ своими работниками, многочисленнѣйшая и здоровѣйшая часть четвертаго сословія, довольно значительная, чтобы получить въ свою очередь значеніе отдѣльнаго сословія; затѣмъ пастухи, рыбаки, судорабочіе, рабочіе на горныхъ промыслахъ, вообще рабочіе классы, занятіе которыхъ остается въ постоянной связи съ жизнью природы.

2. Далѣе низшее городское состояніе, живущее въ городахъ или селеніяхъ, прежде всего мелкіе ремесленники съ подмастерьями и мелкіе торговцы, затѣмъ остальные низшіе промышленные классы, наприм., ткачи, рѣзчики.

3. Низшія служащія лица, слуги государства и состоящіе при высшихъ либеральныхъ занятіяхъ въ арміи, отъ унтеръ-офицера до рядоваго, въ канцеляріяхъ писцы, переписчики и т. д.

4. Такъ называемый пролетаріатъ, прислуга, фабричные работники, поденщики и т. д.

Общее свойство всѣхъ этихъ классовъ состоитъ въ томъ, что они занимаются промыслами существеннымъ образомъ матеріальными, которые поглощаютъ ихъ трудъ. Всѣ они предаются труду физическому. Абсолютное различіе между умственнымъ трудомъ и физическимъ конечно не мыслимо, ибо и для послѣдняго требуется обыкновенно умственная дѣятельность и для перваго содѣйствіе рукъ. Но противоположеніе обоихъ родовъ труда не лишено смысла и всегда хорошо понималось народами. Гдѣ преобладаетъ умственная дѣятельность, подразумѣвая здѣсь и отвлеченное мышленіе, тамъ необходимо высокое образованіе,

---

ніе: «Der vierte Stand und die Monarchie.» Нѣсколько лѣтъ спустя, въ восшествіи Людовика Наполеона на императорскій престоль, эта мысль достигла замѣчательнаго, — хотя не чисто органическаго, осуществленія.

тамъ видъ труда и образъ жизни становятся выше. Гдѣ главную роль играетъ матеріальный трудъ, тамъ можно обойтись безъ особеннаго умственнаго развитія, и вся жизнь движется въ болѣе простыхъ и несложныхъ формахъ.

Общее свойство четвертаго сословія составляетъ, съ одной стороны его значеніе, какъ необходимаго субстрата всѣхъ государствъ и всей народной жизни вообще, съ другой стороны его неспособность самому управлять государствомъ. Для этого оно всегда нуждается въ руководителяхъ и представителяхъ. Въ немъ выражается обыкновенно служебная и пассивная сторона публичной жизни. Но увлекаемое страстями, оно возстаетъ съ непреодолимою силой, разрушаетъ преграды внѣшняго порядка и насильственнымъ образомъ осуществляетъ свою волю. Оно не можетъ само управлять государствомъ; когда оно дѣлало въ продолженіи нѣкотораго времени подобную попытку, то походило на человѣка, стоящаго на головѣ.

Съ самаго начала исторіи человѣчества четвертое сословіе никогда еще не достигало такого великаго значенія въ государственной жизни, какъ между европейскими народами нашего времени. Въ первый разъ въ исторіи даже служебные классы въ тѣсномъ смыслѣ возведены въ достоинство свободныхъ людей, и низшіе классы сознаютъ свое участіе въ благоденствіи государства и заявляютъ притязанія на политическія права. Государственный человѣкъ нашего времени принужденъ силою обстоятельствъ обращать свое вниманіе и свои заботы особенно на четвертое сословіе. Теперь уже недостаточно выслушивать и взвѣшивать мнѣніе образованнаго общества. Большее, нежели прежде, вліяніе принадлежитъ теперь массамъ съ ихъ инстинктами, склонностями и страстями. Новое государство, конечно прежде всего между народами европейской, т. е. главнымъ образомъ арійской расы, получило и въ этомъ отношеніи болѣе общее человѣческое значеніе.

Четвертое сословіе такъ велико, что обнимаетъ въ свою очередь цѣлыя сословія и образуетъ ступени съ замѣтными переходами. Въ немъ находятся весьма близ-

ко одни отъ другихъ самыя здоровыя и самыя болѣзненные элементы всего народнаго тѣла нашего времени. Спасеніе и существованіе государства невозможно безъ помощи первыхъ; послѣдніе постоянно угрожаютъ его бытію. Самыя здоровыя составныя части четвертаго сословія представляетъ крестьянское состояніе въ селеніяхъ, хотя и оно безъ новаго духовно-нравственнаго оживленія не въ состояніи долго поддерживать разшатавшійся въ своихъ основаніяхъ государственный порядокъ. Ближе всего къ нимъ жители малыхъ городовъ. И тѣ и другіе устроены еще въ общинахъ. Но для массъ горожанъ, скопившихся въ городахъ, общинное устройство оказывается уже неудовлетворительнымъ, а другія корпоративныя связи подверглись упадку. Органическія отношенія мастеровъ между собою и къ подмастерьямъ, потерявъ повсюду свою исключительность, очевидно разорваны. А отсутствіе политической организаціи пагубно для существованія сословія. Не организованное сословіе представляетъ собою только субстратъ для сословія: дѣйствительное сословіе имѣетъ тѣло. Потеря организаціи, хотя не уничтожаетъ окончательно общенія образованія, интересовъ и духа между различными классами, но возвращаетъ ихъ въ состояніе безпокойства и броженія и открываетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ, не имѣющую ни предѣловъ, ни цѣли. Тогда напрасно принимается за дѣло полиція. Она можетъ остановить или подавить зло только въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, часто же она еще умножаетъ его, прибѣгая къ жестокимъ мѣрамъ тамъ, гдѣ нужны заботы и врачеваніе. Можно ли удивляться, что сѣмя атеистическихъ воззрѣній и коммунистическихъ ученій встрѣтило благопріятную почву именно въ низшихъ слояхъ четвертаго сословія? Можно ли удивляться, что почти вездѣ въ большихъ городахъ, частію даже въ селеніяхъ, выросли роскошныя плевелы, грозящіе заслушить лучшіе поствы прошедшаго?

Пролетаріатъ образуетъ низшую ступень въ четвертомъ сословіи, но его нельзя ставить рядомъ съ четвертымъ сословіемъ, ни считать сословіемъ вообще. Здѣсь на оборотъ, задача государственнаго человѣка со-

стоитъ не въ томъ, чтобы организовать пролетаріатъ и возвести его въ сословіе, а въ томъ напротивъ, чтобы по возможности пристроить его къ остальнымъ сословіямъ или классамъ и воспрепятствовать его отдѣльному возрастанію. Пролетаріатъ состоитъ главнымъ образомъ изъ того, что выдѣляютъ изъ себя другія сословія. Пролетаріатомъ мы называемъ части населенія, неимущія и обособленныя, потому уклоняющіяся отъ сословнаго устройства.

Ложно и для государства въ высшей степени опасно представленіе, по которому раздѣляютъ населеніе чисто математически, по имуществу, на имущихъ и неимущихъ, считаютъ послѣднихъ даже пролетаріатомъ и враждебно противопоставляютъ ихъ первымъ. Еслибъ это неорганическое представленіе, которое слишкомъ много поощрялось, проникло повсюду и сдѣлалось руководящимъ мнѣніемъ, вся наша цивилизація была бы наводнена новымъ варварствомъ и потоптана. Вотъ практическое слѣдствіе этого ученія, лишеннаго смысла. Къ счастью громадное большинство неимущаго населенія состоитъ въ органической связи съ остальными сословіями и въ ней находитъ себѣ удовлетвореніе. Неимущія дѣти не составляютъ пролетаріевъ, потому что пользуются въ семействѣ своихъ родителей уходомъ, воспитаніемъ, содержаніемъ. Имъ сообщается состояніе родителей, и даже для бѣдныхъ сиротъ общинный организмъ восполняетъ и замѣняетъ семейство. Громадное число крестьянскихъ работниковъ и работницъ тоже не составляютъ пролетаріевъ, потому что не стоятъ въ мірѣ изолированно, а находятъ себѣ въ крестьянскомъ дворѣ и семействѣ пріютъ и обеспеченное участіе въ сословной жизни. При лучшей, въ сравненіи съ теперешней, организаціи ремеслъ и подмастерья составляли членовъ семейства мастера, и даже при теперешнемъ разстройствѣ въ нихъ живо чувство своей принадлежности къ сословію ремесленниковъ, чувство, которое возвышаетъ ихъ надъ пролетаріатомъ. И прислуга посредствомъ связи съ хозяевами достигаетъ спокойнаго существованія и принимаетъ участіе въ сословныхъ отношеніяхъ послѣднихъ. Солдатамъ приня-

тіе въ ряды арміи доставляетъ жалованье и честь. Отсутствіе организациі фабричныхъ рабочихъ составляетъ одну изъ самыхъ болѣзненныхъ сторонъ современныхъ сословій. Масса пролетаріевъ чрезмѣрно и грозно возросла въ этомъ классѣ.

Истинная политика состоитъ слѣдовательно въ приисканіи мѣръ, чтобы организованныя сословія выбрасывали возможно меньшее число своихъ членовъ въ пролетаріатъ, по необходимости не организованный, атомическій. Съ другой стороны политика должна стремиться къ тому, чтобы возможно большее число лицъ входило въ организованныя сословія и пріобрѣтало въ нихъ относительно обезпеченныя средства существованія. Пролетаріатъ, уменьшенный такимъ образомъ, не будетъ тогда имѣть нужды въ особой организациі, къ которой онъ неспособенъ; ему нужны будутъ только покровители (патронатъ) которые заботились бы о его интересахъ, говорили и дѣйствовали бы за него.

Что касается до государственнаго устройства, четвертому сословію рѣшительно не достаетъ способности занимать собственно государственныя должности. Но высшіе его классы обыкновенно способны управлять общинными дѣлами, и потому не должны быть исключаемы изъ общихъ должностей.

Въ народномъ представительствѣ четвертому сословію принадлежитъ участіе на ряду съ третьимъ. При одинаковыхъ условіяхъ оно фактически легко можетъ быть совершенно устранено отъ участія въ представительствѣ образованнымъ и болѣе досужнымъ третьимъ сословіемъ. Поэтому государству необходимо обратить особенное вниманіе на то, чтобы обезпечить четвертому сословію это участіе. Однако же члены четвертаго сословія не имѣютъ часто ни досуга, ни достаточной ловкости для того, чтобы самимъ заступать свои интересы. Потому избраніе представителей этого сословія не должно ограничиваться его средою. Право голоса наконецъ принадлежитъ ему пропорціонально его великому значенію. Но будетъ не вѣрно, если ставить на одну линію всѣ составляющія его отдѣльныя лица,

общественное значеніе и способность которыхъ такъ различны ¹.

Собственно пролетаріатъ, во имя своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, имѣеть особенную нужду скорѣе въ покровителяхъ (Schutzherren, Mundherren), нежели въ представителяхъ, которыхъ онъ не можетъ же найти въ своей средѣ. Чѣмъ выше стоялъ бы тогда патронъ по своей знатности и своему вліянію, тѣмъ дѣйствительнѣе охранялись бы интересы пролетаріата.

Примѣчаніе. Къ блистательнѣйшимъ отдѣламъ сочиненіе Риль «Die bürgerliche Gesellschaft» принадлежитъ характеристика крестьянскаго сословія Германіи. Но если Риль понимаетъ пролетаріатъ, какъ сословіе, и называетъ его четвертымъ, то это я считаю заблужденіемъ, отъ котораго его могла бы предохранить послѣдовательность его собственныхъ наблюденій и замѣчаній. Во второмъ изданіи его сочиненія это заблужденіе является только уменьшеннымъ, но не устраненнымъ. Въ вопросахъ такой громадной практической важности не должно дѣлать уступокъ заблужденіямъ, хотя и съ давняго времени распространеннымъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

IV. Р а б ы.

Рабъ вступаетъ первоначально, какъ чуждый чело-вѣкъ, въ семейство и народъ, подъ власть которыхъ подпадаетъ. Какъ ни распространенъ былъ въ древности институтъ рабства, однакоже мнѣ неизвѣстенъ народъ, который бы считалъ его національнымъ состояніемъ. Уже это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что рабство не составляетъ потребности чело-вѣческой природы.

Аристотель (Polit. I. 2) сдѣлалъ правда остроумную попытку, стараясь доказать, что люди по своей природѣ раздѣляются на господъ и рабовъ, но его доводы вѣрны лишь въ томъ смыслѣ, что раскрываютъ необходи-мость служебныхъ классовъ народонаселенія, а не

---

¹ См. ниже книгу V гл. 5 и 6.

потребность въ безправномъ рабствѣ. Дѣйствительно человѣкъ, одаренный высшими способностями, если онъ долженъ исполнить свое назначеніе, имѣетъ нужду для своего служенія въ одушевленныхъ орудіяхъ, какъ называетъ Аристотель рабовъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые отъ природы предназначены къ физической дѣятельности и для правильнаго исполненія своихъ обязанностей имѣютъ такую же нужду въ руководствѣ и повелѣніяхъ господина, какую послѣдній въ ихъ услугахъ. Однакоже изъ этого выходитъ только то, что господа и прислуга, мастеръ и подмастерья, крестьянинъ и работники, фабрикантъ и фабричные взаимно нуждаются другъ въ другѣ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы отношеніе подчиненія, въ которомъ должна состоять служебная часть населенія къ господствующей, должно было равняться отношенію домашнихъ животныхъ къ ихъ хозяину. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы рабочіе, отказавшись совершенно отъ индивидуальной свободы и человѣческой личности, сдѣлались только вещами и орудіями опредѣленнаго господина т. е. рабами. Человѣкъ по природѣ лице, потому онъ не можетъ сдѣлаться вещью, т. е. рабомъ.

Римскіе юристы, въ своей теоріи права, прилагали къ рабамъ съ строгостью, замѣчательною и въ древности, абсолютное понятіе собственности и представляли ихъ совершенно безправными существами, просто вещами. Но они сознавали, что рабство противно природѣ и введено только общимъ обычаемъ народовъ ¹. Потому въ отпущеніи рабовъ на волю они видѣли возстановленіе естественнаго права ². Римская юриспруденція знала это, однакоже долѣе тысячелѣтія поддерживала съ жесткою послѣдовательностью насильствен-

---

¹ Florentinus, L. 4. § 1. de statu hominum: «Servitus est constitutio juris gentium, qua quis domino alieno contra naturam subijcitur» § 2. I. de jure person

² Ulpianus, L. 4 de lust. et jure Manumissio a jure gentium originem sumpsit, ut pote quam jure naturali omnes liberi nascerentur, nec esset nota manumissio, quum servitus esset incognita; sed posteaquam jure gentium servitus invasit, secutum est beneficium manumissionis.»

но введенное право собственности надъ рабами. Императорскія постановленія, запрещавшія господамъ свирѣпствовать противъ рабовъ безъ мѣры и причины¹, ограждали отъ чрезмѣрностей варварской жестокости приблизительно такимъ же образомъ, какъ новые законы, изданные противъ жестокаго обращенія съ животными. Они не произвели никакого измѣненія въ основномъ понятіи. И послѣ нихъ рабъ не только не пользовался правомъ собственности, но ему отказывалось даже въ правахъ брака и кровнаго родства. Подобно тому и нѣмецкое право ясно сознавало, что, по энергическому выраженію автора Саксонскаго зеркала², всякое холопство получило начало отъ принужденія, плѣна, противнаго праву насилія, а въ послѣдствіи стали выдавать за право то, что лишь составляло древній, но несправедливый обычай. Германскіе народы искони признавали относительную правоспособность холоповъ³. Имущественныя и семейныя права ихъ были правда не полны и пользовались въ древнѣйшее время очень неудовлетворительною защитой. Уважать эти права или нѣтъ—зависѣло первоначально, существеннымъ образомъ, отъ воли господина. Но зародышъ позднѣйшаго освобожденія, наступившаго мало-по-малу, не былъ уничтоженъ въ германскихъ правахъ, какъ въ римскомъ; личность нѣмецкаго раба никогда не утрачивалась совершенно, а потому не исключалась и возможность улучшенія его положенія. Уничтоженіе рабства въ западной Евро-

---

¹ Gajus L. 1. § 2. De his qui sui vel alieni.

² *Sachsenspiegel* III. § 3. «An minen sinnen ne kan ik is nicht upgenomen, na der warheit, dat jeman des anderen sole sin, ok ne hebbe wir's nen urkunde. § 6. Na rechter warheit so hevet egenscap begin von gedvange unde von vengnisse unde von unrechter walt. die man von aldere in unrechte wonheit getogen hevet unde nu vore recht heben will.»

³ Уравненіе рабовъ съ животными, встрѣчающееся иногда и въ источникахъ нѣмецкаго права, вовсе не опредѣляетъ существа древнѣйшихъ отношеній, которыя Тацитъ метко сравниваетъ болѣе съ римскимъ колонатомъ, нежели съ римскимъ рабствомъ.

пѣ совершилось еще въ средніе вѣка, большею частію посредствомъ перехода его въ болѣе мягкую форму крѣпостнаго состоянія. Но его послѣдніе остатки, вмѣстѣ съ окончательнымъ упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія, устранены только подъ конецъ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій. И прежде, постепенное, и новое окончательное освобожденіе должно признать отчасти созрѣвшимъ плодомъ христіанства, религіозныя идеи котораго, не вторгаясь насильственно въ положительное право рабства, разлагали его духовно. Собственность одного человѣка надъ другимъ не мирилась съ вѣрою, что все люди дѣти Божіи и братья. Но еще больше эманципація обязана германскому чувству права и свободы и сдѣлавшему успѣхи духу гуманности ¹.

Особый ходъ имѣла исторія русскаго крѣпостнаго состоянія. Въ Россіи искони существовало личное холопство, но еще въ XVI вѣкѣ масса крестьянъ была свободна. На обширныхъ пространствахъ землевладѣльцы имѣли нужду въ многочисленныхъ работникахъ. Такъ какъ крестьяне еще пользовались правомъ свободного перехода, а склонность къ кочевой жизни побуждала ихъ къ постоянной перемѣнѣ мѣста жительства, то помѣщики, чтобы удержать ихъ на своихъ земляхъ, дѣлали имъ различныя снисхожденія. Крестьянское холопство возникло только тогда, когда государство въ видахъ финансовой и военной системы стало больше и больше прикрѣплять крестьянъ къ землѣ и предавать на произволь господина. Семнадцатое столѣтіе и въ другихъ европейскихъ земляхъ оказалось неблагопріятнымъ для крестьянской свободы, но навѣрно нигдѣ больше, какъ въ Россіи. Холопы и крестьяне соединились въ одно общее рабство. Господинъ получилъ почти неограниченное право распоряжаться личностью и имуществомъ крестьянина. Но и въ Россіи новое время принесло крестьянамъ сначала облегченіе тягостей, а въ наши дни освобожденіе. Дѣло эманципація, совершен-

---

¹ Ср. выше стр. 151.

ное императоромъ Александромъ II, положило и въ Рос-
сіи начало новой эпохѣ частной свободы ¹.

Такимъ образомъ Европа мало-по-малу освободилась
отъ первобытнаго проклятiя рабства. Но въ новомъ
свѣтѣ оно получило новую почву и въ нѣкоторыхъ отно-
шенiяхъ еще худшее приложеніе. Какое страшное мще-
ніе приготовило это зло духу гуманности, мы можемъ
видѣть изъ междоусобной войны сѣверной Америки.
Истинная причина этой войны — рабство, побудившее
южные рабовладѣльческіе штаты разорвать союзъ, когда
они потеряли надежду заправлять и свободнымъ сѣ-
веромъ.

Порабощеніе негровъ менѣе недопустимо, нежели
древнее рабство европейскихъ народовъ, въ томъ от-
ношенiи, что первое представляетъ собою владычество
людей бѣлой расы не надъ равными себѣ, какъ въ древ-
немъ рабствѣ, а надъ черною расой, имѣющею отъ
природы низшее значеніе. Но опираясь на этотъ есте-
ственный порядокъ, бѣлые зазнаются въ страстной и
надменной гордости, чувствуютъ менѣе склонности и
понужденiя уважать въ черныхъ общую человѣческую
природу. Такимъ образомъ жестокость обращенiя дѣ-
лается болѣе сильною и болѣе общею, нежели въ древ-
ности. Монтескье (*Espr. d. l. XV. 5*) говоритъ: «нельзя
представить себѣ, чтобы Богъ, существо въ высшей
степени бѣлое, сообщилъ душу, особенно добрую душу
тѣлу совершенно черному.» Эта горькая проницательность,
которою онъ бичуетъ презрѣніе бѣлыхъ господъ къ ихъ
чернымъ рабамъ, не пустая фраза.

Итакъ, американское рабство гораздо жестче, нежели
рабство въ Европѣ. Пощада и забота, которую бѣлые
рабовладѣльцы фактически оказываютъ своимъ цвѣт-
нымъ рабамъ, есть нечто иное, какъ хозяйственная
пощада и уходъ, оказываемый крестьяниномъ своему
рабочему скоту. Нравственное униженіе рабовъ и от-
рицаніе ихъ человѣческихъ правъ высказываются въ
оспариванiи ихъ человѣческаго достоинства, въ неува-

---

¹ Ср. въ *Deutsches Stateswörterbuch*. статью *Leibeigenschaft*
(die russische), написанную профес. Моск. Универ. Б. Чичери-
нымъ.

женіи ихъ брака, въ отсутствіи религіознаго и нравственнаго воспитанія и покровительства права вообще, въ безпрепятственной торговлѣ рабами и нерѣдко въ возмутительной жестокости. Это униженіе, низводя рабовъ на степень животныхъ, представляетъ такимъ образомъ крайнее нарушеніе божественнаго и человѣческаго порядка.

Предложеніе Джефферсона, 4 Юля 1776 г., которое признавало свободу, какъ не отчуждаемое право человѣка, и къ объявленію независимоста присоединило жалобу на допущеніе рабства и покровительство, оказываемое ему со стороны королевскаго правительства, поддерживалось меньшинствомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть несчастія для Америки. Первоначальное намѣреніе устранить рабство мало-по-малу стало встрѣчать менѣе сильную поддержку, нежели стремленіе рабовладѣльцевъ охранить и расширить свою собственность. Въ союзномъ правительствѣ едва удерживалось равновѣсіе между свободными и невольничьими штатами. За одно столѣтіе масса невольничьяго населенія изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ возрасла до многихъ милліоновъ. Быстро развившееся воздѣлываніе хлопчатника и сахарнаго тростника дѣйствовало весьма губельно въ этомъ отношеніи.

Между тѣмъ уничтоженіе рабства стало переходить изъ Европы въ Америку. Впереди всѣхъ шла здѣсь Англія съ громадными средствами. Положимъ, что сюда примѣшивались и не совсѣмъ чистыя побужденія, какъ бываетъ всегда въ человѣческихъ дѣлахъ, но цѣль этого стремленія свята и справедлива. Человѣкъ же, прежде всѣхъ посвятившій свою жизнь освобожденію рабовъ, Вильямъ Вильберфорсъ, энергически и съ успѣхомъ преслѣдовавшій свое дѣло въ парламентѣ и внѣ его, былъ проникнутъ сознаниемъ святости этого дѣла. Уничтоженіе рабства въ англійскихъ колоніяхъ, вознагражденіе такъ называемыхъ собственниковъ и международные трактаты, заключенные для подавленія морской торговли неграми, составляютъ однако, не смотря на отдѣльные промахи, великую услугу, оказанную человечеству.

Не долго будутъ въ состояніи сопротивляться и невольничьи штаты. Конечно одна эманципація негровъ ничего не сдѣлаетъ. Она не даетъ имъ самостоятельнаго положенія, какъ полнымъ свободнымъ людямъ. Напротивъ, чтобы не поддаться природной склонности къ лѣни и чувственнымъ наслажденіямъ и не сдѣлаться рабами своихъ ребячьихъ страстей, они имѣютъ нужду въ дальнѣйшемъ воспитаніи и опекѣ бѣлыхъ. Если бы рабство негровъ замѣнить семейнымъ попечительствомъ и руководствомъ подѣ контролемъ государства, это былъ бы истинный прогрессъ къ свободѣ, къ которой они способны и на которую имѣютъ право въ качествѣ несовершеннолѣтнихъ людей ¹.

Какъ выводы изъ гуманнаго государственнаго начала можно выставить слѣдующія положенія:

1. Государство имѣетъ право и обязанность устранить остатки личнаго рабства, если находитъ ихъ гдѣ-нибудь на своей территоріи. Дѣлая это, оно устраняетъ только старую несправедливость.

2. Государство не должно терпѣть новаго основанія рабства, даже и тогда, когда бы кто-нибудь дѣлался рабомъ добровольно.

3) Справедливость требуетъ, чтобы государство въ предѣлахъ своей территоріи отказывало въ защитѣ права иностранцу, отыскивающему право собственности на своего раба ².

---

¹ Подобныя предложенія относительно эманципаціи крестьянъ дѣлаетъ D-r. Dutlenhofer въ своемъ сочиненіи Ueber die Negeremancipation. Nördlingen. 1855.

² Относ. Англии ср. Blackstone, Com. I. 14. Англійскій законъ 28 августа 1833 г. опредѣляетъ эманципацію въ колоніяхъ и объявляетъ свободнымъ всякаго раба, прибывшаго съ согласія своего господина въ Великобританію или Ирландію. Франція. Еще въ Inst. Coutum. Loysel изъ XVI в. встрѣчается слѣдующее положеніе: «Toutes personnes sont franchises en ce royaume: et sitost qu'un esclave a atteint les marches d'icelui, se faisant baptiser, est affranchi». Французская констит. 1848, 6 L'esclavage ne peut exister sur aucune terre française». Австр. конст. 1849, § 26: «Всякій видъ крѣпостнаго права, всякое подвластное или зависимое отношеніе уничтожается навсегда. Вступленіе на австрійскую территорію или

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

VI. К л а с с ы.

Средневѣковыя сословія находятся повсюду въ разложеніи. Духовенство западное, занимавшее нѣкогда первое мѣсто, вслѣдствіе своихъ притязаній чуть ли не на божественное достоинство, потеряло свое преимущество предъ мірянами и перестало вообще составлять особое политическое сословіе. Новое государственное устройство пристраиваетъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, прелатовъ къ аристократіи, остальное духовенство къ высшему городскому состоянію. Какъ сильно разшатался средневѣковой институтъ дворянства и высшаго и низшаго, и какъ мало оно способно удержать сословную привилегію высшаго самостоятельнаго положенія, это довольно ясно показало разсмотрѣніе новой исторіи. Но и горожане уже не соединены по прежнему въ сословіе. Образованные классы пользуются въ новомъ представительномъ государствѣ инымъ значеніемъ, нежели низшіе горожане. Даже крестьяне, сословіе самое спокойное, придерживающееся по привычкѣ старинныхъ обычаевъ и возрѣній, не могутъ не поддаться движенію времени и избѣгнуть новыхъ моментовъ развитія. Промышленность получила и въ селеніяхъ право гражданства и видоизмѣнила чисто крестьянскій бытъ.

Всѣ попытки перестроить средневѣковыя сословія и подпереть ими государство, до сихъ поръ претерпѣвали крушеніе. Инстинктъ народовъ потерялъ окончательно довѣріе къ такому государству. Народы чувствуютъ, что они переросли сословное государство среднихъ вѣковъ, и не желаютъ его возстановленія, даже пересмотрѣннаго и перестроеннаго.

Однако же понятно, что простое смѣшеніе сословій тоже не удовлетворяетъ государственному значенію про-

---

австрійскій корабль дѣлаетъ всякаго раба свободнымъ. «Art. add. au traité de paix de Paris 1814. Sa Majesté très chrétienne et Sa Majesté Britannique s'engage pour faire prononcer par les puissances de la chrétienté l'abolition de la traite des noirs».

тивоположностей, несомненно существующих между массами народонаселения. Если желательно организовать их соответственно государственному устройству, то для этого не остается иного пути, кроме разделения народа на классы вместо сословий. В новое время под названием сословий мы часто подразумеваем не действительные сословия, а классы. Классы отличаются от сословий тем, что устраиваются государством и для государства, между тем как основание сословий находится прежде всего вне государства. Классы предполагают единство народа, сословия не вводят народного единства. Классы являются национальным и государственным учреждением для политических целей, сословия же группируются в сферах права частного и не имеют политического значения исключительным и главным. Духовенство существует прежде всего для церкви, не для государства, дворянство заботится прежде всего о себе и своих особых социальных интересах; горожанин живет для промысла, крестьянин для земледелия. Государство здесь на втором плане. В сословиях проявляется естественное соединение однородных классов и одинаковой экономики, потому одни группы занятий отделяются от других. Государственные соображения здесь не имеют значения. Классы напротив составляют разумное произведение организующей государственной мудрости. Сословия представляют собою естественный продукт, классы составляют явление цивилизации. Потому систему классов мы встречаем только у образованных народов, обладающих развитым государственным сознанием. Так у греков, особенно в Афинах по конституции Солона, в Риме по конституции Сервия Туллия, у которой мы заимствуем выражение классы; так в новых государствах Европы.

Ничто не мешает, при разделении на классы, принять во внимание существующие сословия, но и ненужно и не желательно, чтобы классы совпадали с сословиями. Когда они совпадают, то сословный порядок возводится в государственный, что мы видели отчасти в средние века, вместе же с тем необхо-

димо полагается основаніе сословной замкнутости и дробленію государства. Сословные интересы и сословные предразсудки, пріобрѣтая политическую силу, легко получаютъ преобладаніе надъ общими народными интересами и лучшими народными убѣжденіями. Напротивъ, когда отдѣльные классы пересѣкаютъ сословія и соединяютъ части различныхъ сословіи, то такой порядокъ представляетъ лучшую гарантію національнаго общенія и высшей политической жизни, которая получаетъ болѣе многостороннее возбужденіе.

Очень часто классы различались по величинѣ имущества. Такое устройство будетъ тимокротія. Но тогда имущество признается высшею политическою силой, и значеніе гражданъ для государства измѣняется по числу монетъ, которыми они располагаютъ, что однакоже очень рѣдко соотвѣтствуетъ истинѣ. И это начало дѣленія опять прежде всего экономическое и частное и только посредственно государственное и политическое. Потому и этому, чисто математическому, надо предпочесть органическое дѣленіе, которое имѣетъ въ виду преимущественно способность и годность для государства и степени ихъ проявленія. Вѣрно узнать способность и правильно опредѣлить годность, вотъ трудная задача государственнаго человѣка.

Въ общихъ чертахъ для новаго государства можно различать главнымъ образомъ слѣдующіе четыре класса:

1. Правительственный классъ: государи и чиновники съ правительственною властію. По своему положенію они возвышаются надъ всѣми другими классами, вслѣдствіе обладанія государственною властію. Они стоятъ во главѣ государства.

2. Аристократическій классъ, который уже не управляетъ, а занимаетъ между правительственнымъ и народнымъ классомъ самостоятельное и видное положеніе.

3. Такъ называемое третье сословіе, т. е. классъ образованнаго и свободнаго государственнаго гражданства, безъ различія города и селенія: средніе классы въ собственномъ смыслѣ.

4. Великіе народныя классы, которые понимаются и подъ названіемъ четвертаго сословія. Эти классы обнимаютъ въ своихъ болѣе обширныхъ кругахъ и низшихъ горожанъ въ городахъ, и крестьянъ, и остальные массы рабочихъ, не находящіяся въ ряду другихъ слоевъ.

Первый классъ представляетъ собою вѣнецъ государства, послѣдній его корень. Народныя классы составляютъ основаніе, правительственный классъ вершину государства. На правильномъ отношеніи этихъ двухъ классовъ основана главнымъ образомъ энергія и прочная сила національнаго государства. Обоимъ среднимъ классамъ принадлежитъ контроль и ограниченіе перваго класса, съ преобладаніемъ ли аристократическаго, или представительно—демократическаго начала. Высшее образованіе и удобное соціальное положеніе даютъ имъ способность, а высшее сознаніе права и чувство свободы служатъ имъ побужденіемъ смотрѣть затѣмъ, чтобы оберегались и уважались условія общенароднаго благоденствія и интересы всей націи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

VII. Отношеніе государства къ семейству.

1. Отношеніе государства къ браку.

Въ древности и въ новое время очень часто высказывалось положеніе: «семейство есть первообразъ государства. Государство есть разросшаяся большая семья.»¹ За тѣмъ сравнивали главу государства съ отцомъ, народъ съ дѣтьми. Между тѣмъ эти положеніе и сравненіе справедливы только въ опредѣленномъ смыслѣ. Они имѣютъ приложеніе только къ патріархальной

---

¹ Cicero de Officiis I. 17 «Prima societas in ipso conjugio est, proxima in liberis, deinde una domus, communia omnia. Id autem est principium urbis et quasi seminarium reipublicae». Это же высказалъ Руссо, хотя вопреки своимъ основнымъ воззрѣніямъ: Contrat social: «Семейство есть первообразъ политическаго общества.»

формѣ государства, но не къ высшему національному и гуманному государству. Потому необходимо обозначить противоположность между семействомъ и государствомъ.

1. Семейство основано на бракѣ и брачномъ рожденіи дѣтей. Члены семейства связаны другъ съ другомъ или какъ супруги, или кровнымъ родствомъ. А эти основанія семейнаго права вовсе не составляютъ основныхъ понятій права государственнаго. Члены государства не соединяются другъ съ другомъ ни бракомъ, ни кровными связями. Общеніе другъ съ другомъ посредствомъ брака не составляетъ для нихъ необходимаго требованія, еще менѣе общее происхожденіе. Поэтому основныя права семейства независимы отъ государства.¹

2. Государство основано на устройствѣ народа и его отношеніи къ странѣ. Эти государственныя понятія въ свою очередь не составляютъ понятій семейнаго права. Народъ состоитъ точно также и еще болѣе изъ отдѣльныхъ лицъ, сословій, классовъ, какъ изъ семействъ. Посредничество въ отношеніяхъ государства къ отдѣльнымъ лицамъ и группамъ принадлежитъ семейству только въ видѣ исключенія, обыкновенно лишь на столько, на сколько того требуютъ интересы семейной жизни, какъ при опекаѣ. Наконецъ семейство не имѣетъ никакого отношенія къ землѣ.

3. Родъ и характеръ организма въ государствѣ и семействѣ различны. Главою семейства является отецъ, который, властвуя надъ дѣтьми, заботится о своей плоти и крови. Здѣсь съ одной стороны взрослый мужчина, съ другой несовершеннолѣтное потомство. Существо его власти — опека. Государь напротивъ является главою народа, въ составъ котораго входятъ классы съ самостоятельными интересами, семейства отдѣльныя отъ княжеской династіи, и отдѣльныя лица, не происходящія отъ государя, подчиняются ему не какъ юныя и несовершеннолѣтнія существа. Принципъ государства есть политическое управленіе.

---

¹ Pomponius L. 8. de Reg. Sur: «Jura sanguinis nullo jure civili dirimi possunt.»

Слѣдовательно семейство не есть первообразъ государства, а во всякомъ случаѣ только опредѣленной, развившейся по типу семейства (патріархальной) ¹ государственной формы. Потому семейное право составляетъ часть права частнаго, а не публичнаго.

Высшее развитіе идеи патріархальнаго государства мы находимъ въ Китайской имперіи. Конечно европейскія государства въ своемъ началѣ срослись съ семействами и родами. Родоначальники у эллиновъ и германцевъ обладали въ первыя времена государственною властью, и народъ являлся совокупностью родственныхъ родовъ. Но полнаго развитія европейское государство достигаетъ лишь съ раздѣленіемъ государства и семейства, какъ двухъ существенно различныхъ организмовъ, и съ возвышеніемъ государства, какъ политическаго существа, надъ семействомъ. Напротивъ, въ Китаѣ въ теченіе тысячелѣтій удержалась фикція, что государь есть отецъ народа, въ буквальномъ значеніи слова. И это государство, по указанію Гобино, заслуживающему довѣрія, имѣло первыми основателями и строителями людей арійскаго племени. Имъ Гобино приписываетъ и первое сообщеніе патріархальной идеи. Но громадная масса народонаселенія великой имперіи, соединенная мало-по-малу въ одно семейство, принадлежитъ къ малайскому племени, преобладающимъ элементомъ котораго является желтая раса, хотя несовершенно чистая, вслѣдствіе смѣшенія съ черною. Это населеніе, отъ природы склонное къ спокойнымъ матеріальнымъ наслажденіямъ, охотно подчиняется отеческому абсолютизму своихъ государей. Его не возбуждаетъ сильное чувство свободы, прирожденное всѣмъ арійскимъ народамъ, а къ высшимъ идеямъ оно не чувствуетъ никакого

---

¹ Gobineau, sur l'inégalité des races humaines II. стр. 270. высказываетъ ту мысль, что патріархальное представленіе, рассматривающее отеческую власть, какъ типъ власти государственной, допускалось арійскими народами искони, только съ большою осторожностью и важными ограниченіями; между тѣмъ это представленіе въ состояніи удовлетворять долгое время китайцевъ, принадлежащихъ въ главныхъ составныхъ частяхъ къ желтой расѣ.

стремленія. Авторитетъ императоровъ, абсолютный въ теоріи, на дѣлѣ встрѣчаетъ множество ограниченій въ миролюбивомъ духѣ всѣхъ классовъ народа, въ схоластической учености мандариновъ, а больше всего въ силѣ семейныхъ преданій и семейныхъ обычаевъ. Для сына неба возможно все съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ желалъ только извѣстнаго и обычнаго.» (Gobineau) Но политическое развитіе и зрѣлость невозможны въ патриархальномъ государствѣ. Люди задерживаются имъ въ состояніи дѣтства, въ которомъ пребываетъ самая государственная форма.

Совершенно иной вопросъ—вліяніе семейной жизни на государственное благосостояніе. Значеніе этого, большею частію посредственнаго, но глубоко проникающаго вліянія не легко можетъ быть преувеличено. Потому государство имѣетъ не только обязанность, какъ относительно остальнаго частнаго права, защищать и поддерживать семейное право, но въ тоже время и высокій интересъ содѣйствовать, по силамъ, здоровой семейной жизни. Конечно его власть здѣсь незначительна — потому именно что семейство не есть государственное учрежденіе — и дѣйствуетъ большею частію только посредственно; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ государство можетъ и непременно должно ограничивать личный произволъ.

I. По отношенію къ браку.

1. Народы, обладающіе высшимъ политическимъ развитіемъ, признаютъ исключительное значеніе за моногамією. Нѣсколько мужей запутываютъ самое происхожденіе дѣтей, нѣсколько женъ вносятъ въ семейство разобщеніе. Полное единство брака возможно только при сочетаніи одного мужчины и одной женщины. Два пола, на которые распадается челоуѣчество, соединяются посредствомъ моногаміи въ единство. Потому полигамія не соотвѣтствуетъ ни природѣ, ни нравственной идеѣ. Слѣдовательно государство не можетъ допустить ее. Епископы Галліи, не перестававшіе ратовать противъ двоеженства государей изъ меровингскаго дома, пока послѣдніе не отказались отъ древней привилегіи германскихъ

королей держать нѣсколько женъ, защищали не только христіанское, но и государственное начало.

2. Не менѣе важно пониманіе юридическаго отношенія супруговъ, соотвѣтствующее его значенію.

Въ этомъ отношеніи римское право отстало отъ идеи римскаго брака. Римляне смотрѣли на бракъ, какъ на тѣсное общеніе жизни между мужемъ и женою, охватывающее всѣ отношенія ¹. Между тѣмъ ихъ древнѣйшее право видѣло въ женѣ дочь и предоставляло мужу абсолютную власть надъ нею, какъ отцу надъ дѣтьми, господину надъ рабами, а позднѣйшее право превратило общеніе въ сожитіе двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга лицъ, безъ прочной связи. Преобладаніе такъ называемаго свободнаго брака шло рука объ руку съ возрастающею испорченностью нравовъ въ послѣдніе дни римской республики и готовило ей гибель.

Нѣмецкое право напротивъ согласно съ идеею, которая всего лучше высказана въ двухъ положеніяхъ, содержащихся въ священнѣхъ книгахъ евреевъ: «мужъ и жена едино тѣло суть» ² и «мужъ есть глава брака» ³.

¹ Modestinus L. 1. De Ritu nuptiarum: «Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, et consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio,» и Justin. Inst. I. 9. § 1. Nuptiae sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio, individuum vitae consuetudinem continens.»

² Книг. Моис. I. 2, 24, и Посланіе апостола Павла къ Эфесеямъ V. 31: «Того ради оставить челоуѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей и будетъ два въ плоть едину.» Тацитъ говоритъ о германскихъ женщинахъ (Germ. 19): «Sic unum accipiunt maritum, quomodo unum corpus unamque vitam.» (Wackle): «Wan die (ein man unde sin wip) reht unde redelichen zer ê chomen sint, da ist niht zweiunge an, sie sind wan ein lip.»

³ Моис. I. 3. 16. Онъ сказалъ женѣ: «Твоя воля да покоряется волѣ мужа, онъ да будетъ твоимъ господиномъ.» Апост. Павелъ къ Ефес. V. 22: «Жены повинуйтея своимъ мужьямъ.» Sachssp. I. 45. § 1: «Al ne si en man sime wive nicht evenburdich, he is doch ire vopmünde, unde se is sin genotinne, unde trit in sin recht, swenne se, in sin bedde gat.» Code Napoléon 213: «Le mari doit protection à sa femme, la femme obéissance à son mari. Австр. улож. ст. 91: «Мужъ представляетъ собою главу семейства.» Цюрихск. улож. § 127: «Мужъ есть глава брачнаго союза.»

По древнему нѣмецкому праву, хотя имущество супруговъ и оставалось раздѣльно, но брачное общеніе и единеніе находило себѣ юридическое выраженіе въ брачной опекѣ мужа. Новое же право признаетъ общеніе имуществъ между мужемъ и женою.

3. Не безразлична самая форма вступленія въ бракъ. Форма, способная представлять и приводить въ сознаніе искренность и святость брачныхъ отношеній, сама по себѣ должна быть предпочитаема другой, представляющей бракъ какъ чисто произвольный продуктъ простаго соглашенія. Потому древне-римское положеніе «*consensus facit nuptias*», имѣетъ свою сомнительную сторону; ибо приводитъ къ представленію, что бракъ есть отношеніе, основанное на простомъ соглашеніи. Поэтому должно уважать христіанскій обычай, придающій великое значеніе вѣнчанію въ церкви. Но еще важнѣе юридическая твердость семейства, которая находитъ себѣ удовлетвореніе въ публичной, документально-засвидѣтельствованной формѣ. Эти интересы права вполнѣ охраняются такъ называемою гражданскою формою. И новое государство могло бы спокойно остановиться на церковной формѣ брака, если бы она не подверглась злоупотребленію со стороны духовенства для того, чтобы препятствовать, признанному государствомъ, свободному вступленію въ бракъ и поставить законодательство въ неприличную зависимость отъ церкви. Эти злоупотребленія съ одной стороны, и противоположность религіозныхъ мнѣній въ современномъ народонаселеніи съ другой, вызвали потребность въ чисто гражданской формѣ брака.

4. Попытка со стороны государства поощрять вступленіе въ бракъ и рожденіе дѣтей была сдѣлана въ большихъ размѣрахъ императоромъ Августомъ. Потребность подобныхъ законовъ предполагаетъ всегда болѣзненные состоянія народа, въ которыхъ естественное побужденіе людей къ соединенію или разнузданно, или воздерживается. Такое зло особенно свойственно жизни въ большихъ городахъ. Легкая возможность удовлетворять половому побужденію и внѣ брака способствуетъ склонности къ распущенной и безпорядочной жизни, а

большая трудность исполнять увеличенныя притязанія городского семейства на развлечения составляет значительное препятствіе для браковъ особенно между высшими классами общества. Въ Римѣ къ причинамъ безбрачія присоединялась и чрезмѣрная свобода завѣщанія, которою пользовался римскій гражданинъ. Богатые холостяки были увѣрены, что найдутъ въ своей старости отъ родственниковъ, ожидающихъ наслѣдства, уходъ и лесть съ услужливою предупредительностью. Августъ справедливо сказалъ: «городъ состоитъ не изъ домовъ, базиликъ и пустыхъ рынковъ, а люди составляютъ городъ. Если между гражданами распространится безбрачіе, то Римъ сдѣлается добычею грековъ или даже варваровъ.»

Средства государства къ поощренію браковъ конечно ограничены и въ своей ограниченности — что испытали законы Августа — они также непріятны для народа, какъ горькое лекарство для больнаго. Прямое принужденіе къ браку не допустимо, потому что бракъ по своему существу предполагаетъ соотвѣтствующее ему настроеніе и свободную волю лицъ. Принужденіе къ вступленію въ бракъ даже въ томъ случаѣ, когда государственныя интересы неотступно требуютъ брака государя, представляетъ такое сильное нарушеніе человѣческой свободы, что предъ этими естественными предѣлами индивидуальнаго права отступаетъ и воля государства. Эту личную свободу монарха, котораго жизнь больше, нежели другая, сростается съ благоденствіемъ государства, успешно защищала англійская королева Елисавета противъ требованія государственныхъ соображеній.

Слѣдовательно государство можетъ содѣйствовать цѣли только посредственно, соединяя съ бракомъ внѣшнія выгоды, а съ безбрачіемъ и бездѣтностью внѣшнія невыгоды, но не угрожая за нихъ, какъ за преступленіе, настоящимъ наказаніемъ. Этимъ путемъ дѣйствительно и шло римское законодательство.

5. Въ новыхъ государствахъ, на оборотъ, чаще встрѣчаются законы, ограничивающіе браки во имя общаго блага. Эти законы точно также предполагаютъ болѣзненное состояніе общества, особенно социальное зло въ

лицъ неимущихъ и непріобрѣтающихъ классовъ населенія. Тогда общіе интересы могутъ сдѣлать необходимымъ требованіе гарантій въ томъ, что лица, желающія вступить въ бракъ и основать новыя семейства, въ состояніи, не обременяя общины и государства, доставить семейству потребное прокормленіе и необходимое содержаніе. Дальнѣйшее запрещеніе брака, особенно предоставленіе на произволъ общинъ разрѣшать его, или нѣтъ, является нарушеніемъ естественнаго права лица, не допускающимъ никакого оправданія.

6. Государство справедливо воздерживается отъ вмѣшательства въ половыя отношенія супруговъ посредствомъ предписаній ¹. Они принадлежатъ преимущественно индивидуальной жизни и свободѣ. Но государство имѣетъ право и основаніе, по жалобѣ оскорбленныхъ супруговъ, угрожать наказаніемъ за очевидную безнравственность, выходящую изъ тѣснаго круга семейной жизни и за нарушеніе супружеской вѣрности. Такимъ образомъ, посредствомъ своего законодательства, государство поддерживаетъ добрые нравы.

Общеніе женъ, которое предлагаетъ Платонъ для стражей своего идеальнаго государства, есть униженіе брака и разрушеніе семейства. Пожертвованіе стыдомъ женщины, поощрявшееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ спартамцами, есть варварство. Въ наши дни радикально - социалистическая школа проповѣдуетъ, какъ новый прогрессъ индивидуальной свободы, эманципацію плоти, право распорядиться своимъ тѣломъ по произволу, и на это право заявляются притязанія въ пользу обоихъ супруговъ. Такая эманципація есть низведеніе нравственной свободы человѣка на степень чувственной свободы животнаго.

---

¹ Въ законахъ Ману встрѣчается слѣдующее: «16 дней и 16 ночей съ появленія очищенія составляютъ естественное время женщинъ. Четыре первыя ночи, а также въ одиннадцатую и тринадцатую онѣ не должны быть посѣщаемы. Во остальные разрѣшается посѣщать ихъ; между этими ночами обозначаемыя четными числами благоприятны для рожденія сыновей, нечетными для дочерей. Иудейское законодательство и каноническое право содержатъ постановленія такого же рода.

7. Наконецъ должно упомянуть о мѣрахъ государства въ пользу продолжительности брака и противъ легкомысленныхъ разводовъ.

Еще въ до - христіанскій періодъ расторженіе брака не вездѣ предоставлялось на произволь того или другаго супруга. Нѣкоторыя законодательства, хотя и разрѣшали мужу отпускать отъ себя жену, но не позволяли женѣ оставлять мужа. И въ первомъ случаѣ изгнаніе жены связывалось часто съ о редѣленными важными причинами, или, какъ въ древнихъ германскихъ правахъ, когда происходило безъ достаточныхъ основаній, влекло за собою важныя невыгоды и для мужа. Въ этихъ ограничивающихъ опредѣленіяхъ права, которыя подкрѣплялись сверхъ того обычаемъ, выражается уваженіе государства къ началу брака, какъ общенія, охватывающаго собою всю жизнь. Слѣдовательно, если позднѣйшее римское право, усвоивая господствовавшее въ Аѳинахъ воззрѣніе, предоставило супругамъ въ свободныхъ бракахъ право односторонняго развода, то это надо считать нарушеніемъ даже древняго нравственнаго порядка. Принятіе этого правила было по большей части слѣдствіемъ охватившей Римъ нравственной порчи и сдѣлалось въ свою очередь источникомъ упадка нравовъ.

Христіанство внесло въ этотъ вопросъ новое и совершеннѣйшее право. Самъ Іисусъ Христосъ, въ противоположность законодательству Моисея, высказался съ такою силой противъ развода, что его слова не могли остаться безъ вліянія на послѣдующее развитіе права въ христіанскихъ государствахъ. Впрочемъ здѣсь онъ не измѣнилъ непосредственно существующаго права и не создалъ новаго, а дѣйствовалъ только на духъ и нравственное настроеніе. Но католическая церковь развила въ послѣдствіи строгую систему брачнаго права. Хотя самъ Христосъ допускалъ разводъ за нарушеніе супружеской вѣрности, католической церкви удалось съ теченіемъ времени запретить вездѣ полное расторженіе и оставить только внѣшнее разлученіе (*separatio a toto et mensa*), но и послѣднее лишь по важнымъ и рѣдко встрѣчающимся причинамъ. Она про-

вела свое воззрѣніе въ христіанскихъ государствахъ среднихъ вѣковъ такъ, что вопросъ о разлученіи и расторженіи сѣумѣла освободить отъ вмѣшательства государства и поставить подъ церковную юрисдикцію.

Между тѣмъ въ послѣднія столѣтія и эту сторону юридическихъ отношеній государство справедливо подчинило своему законодательству и своему суду. Протестантская церковь объявила разводъ съ церковной точки зрѣнія допустимымъ вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности и по другимъ, равнымъ послѣдней, причинамъ. Въ отдѣльныхъ государствахъ законодательство и практика, приверженныя къ новымъ философскимъ ученіямъ, даже опять ослабили бракъ допущеніемъ легкаго развода.

Слѣдующія два правила обыкновенно удерживаются и пользуются всеобщимъ признаніемъ: а) разводъ не можетъ быть предоставленъ ни произволу каждаго изъ супруговъ, ни ихъ взаимному соглашенію, а допускается только при содѣйствіи и съ дозволенія суда.

б) Разводъ предполагаетъ важныя причины. Церковь, вліяя нравственно и духовно и обращаясь къ совѣсти, можетъ дѣйствовать въ пользу начала нерасторжимости, требуемаго идеею брака. Между тѣмъ, когда дѣло идетъ о внѣшнемъ принудительномъ правѣ, государство бываетъ вынуждено, въ противоположность чистой идеѣ, обращать вниманіе на реальныя отношенія и потому расторгать и внѣшнимъ образомъ браки, потерявшіе внутреннюю силу. Но насколько допускаютъ нравы, жизненныя отношенія и индивидуальное развитіе народа, государство должно по возможности придерживаться правила нерасторжимости брака и подвергать серьезному контролю изъятія, допускаемая въ пользу развода.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

2. ЖЕНЩИНЫ.

Женщины могутъ имѣть въ государствѣ только посредственное участіе. Назначеніе женщины не для публичной, политической жизни, а ея свойства не дѣ-

даютъ ее способною къ выполнению трудныхъ задачъ государства ни во время мира, ни во время войны. Конечно государство обнимаетъ своимъ попеченіемъ и властью и женскую половину населенія, охраняетъ и ея права, но женщина исключается изъ прямаго участія въ публичной политической дѣятельности мужчинъ, изъ должностей, изъ совѣтовъ, изъ общинъ.

Это положеніе женщины составляетъ общее правило для всѣхъ народовъ и всѣхъ сословій. Правда, нѣкоторые философы мечтали о политической эманципации женщинъ, но народы и сами женщины всегда признавали, что государственныя занятія не женское дѣло. Они были увѣрены, что женщины потеряютъ не менѣе въ преимуществахъ и прелестяхъ своего пола, нежели государство въ своемъ достоинствѣ, твердости и благоденствіи, если женщины будутъ уравнены и въ политическихъ правахъ съ мужчинами.

Замѣчательно, что нѣкоторые народы допустили важное исключеніе изъ этого правила, открывъ женщинамъ доступъ къ высшей государственной функціи, королевской власти. Но грекамъ и римлянамъ было совершенно чуждо и это изъятіе. Когда одинъ изъ римскихъ императоровъ, женственный Геліогабалъ, ввелъ свою мать въ сенатъ и тѣмъ глубоко оскорбилъ римскіе обычаи, то послѣ умерщвленія императора и матери его, было составлено сенатское рѣшеніе, которымъ предавалась во власть боговъ ада голова того, кто осмѣлится опять ввести въ сенатъ женщину. И большая часть германскихъ народовъ имѣли только мужчинъ своими королями.

Но еще Аристотель (Pol. III, 6, 16) рассказываетъ, что многія иностранныя государства находятся подъ властію женщинъ, а Тацитъ (Agricola 16) упоминаетъ, какъ объ особенностяхъ Бриттовъ, что они допускали и господство женскаго пола. О Лангобардахъ мы знаемъ, что у нихъ королевская власть переходила часто въ руки женщинъ, пользовавшихся правомъ наследованія. Въ позднѣйшемъ государственномъ правѣ Европы женщинамъ часто открывался доступъ къ престолу, а въ послѣднія столѣтія не только въ Англіи, но и въ

Австріи, Россіи, Испаніи, Португаліи и другихъ странахъ, при различныхъ системахъ правленія, мы видимъ женщинъ правительницами.

Если женщины устраниются отъ правильнаго, прямого участія въ государственныхъ дѣлахъ, то нельзя упускать изъ вида ихъ посредственное воздѣйствіе на благоденствіе государства. Всего прекраснѣе и благотворнѣе ихъ вліяніе проявляется въ семействѣ, въ заботахъ о мужѣ, участіи въ его судьбѣ, въ воспитаніи дѣтей, затѣмъ въ общежитіи. Но и въ этой сферѣ вліяніе женщинъ на государство легко извращается, если оно руководствуется политическими мотивами. Чистымъ и благотворнымъ оно является почти только тогда, когда дѣятельность женщинъ опредѣляется религіозными и нравственными побужденіями. Женщины, отличавшіяся въ политикѣ, только вредили государствамъ и своимъ роднымъ. Женскій умъ и мелочная хитрость дѣлается въ области политики опасною интригою. А если политическія страсти, ненависть, месть, честолюбіе однажды проникли въ грудь женщины, онѣ легко воспламеняются до безграничнаго увлеченія и передаются мужьямъ. Это можно сказать не только о любовницахъ государей, но и о многихъ женахъ и матеряхъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ исторіи. Римская исторія не бѣдна такими примѣрами, а французская революція знакома съ ними не менѣе, чѣмъ придворная жизнь французскихъ королей.

Съ другой стороны, женщины приготавливали богатые плоды и государственнымъ людямъ въ скромной дѣятельности, лишь рѣдко замѣченной исторіею. Сколько людей вновь находили въ домашнемъ кругу миръ, который вознаграждалъ ихъ за борьбу и страданія безпокойной жизни внѣ его, и снова укрѣплялъ ихъ для несенія своихъ обязанностей. Какъ часто жены умѣряли жесткость и дикость мужей и предохраняли ихъ отъ необузданности! Какъ часто своею благоразумною осторожностью удерживали ихъ отъ ошибокъ, какъ часто живымъ чувствомъ нравственности воздерживали отъ проступковъ, какъ часто спасали въ нуждѣ!

Преимущественно въ страданіяхъ общества, въ не-

счастіяхъ и опасностяхъ государства проявляется вліяніе женщинъ съ особенною благотворностію. Сильнѣе мужа въ терпѣніи—жена помогаетъ ему выносить неизбежное зло, не попуская его унижить себя; ея готовность къ самопожертвованію возбуждаетъ и въ немъ мужество для принесенія своихъ силъ на жертву отечеству, ея уваженіе къ мужской храбрости, въ которой отказано ей самой, заставляетъ его смѣло дѣйствовать достойно этого уваженія.

Слѣдовательно можно назвать прекрасною ту черту государственнаго права, особенно между германскими народами, что женщина разсматривается, какъ участница въ политической чести и достоинствѣ ея мужа. Въ этомъ содержится признаніе истиннаго, посредственнаго, отношенія женщины къ организму государства, — достойная замѣна того участія въ настоящихъ политическихъ правахъ, въ которомъ ей отказывается.

Примѣчаніе. Цѣлый рядъ меткихъ наблюденій представленъ Рилемъ въ его соціально-политическомъ этюдѣ «Die Frauen (Deutsche Vierteljahrsschrift 1852) и позднѣе въ его сочиненіи «die Familie». Онъ справедливо обращаетъ вниманіе на сословныя различія въ отношеніяхъ между мужемъ и женою. Крестьянка въ образѣ жизни и нравахъ ближе къ крестьянину и больше уравнивается съ нимъ, нежели образованная горожанка высшаго класса съ своимъ мужемъ; но первая болѣе подчинена строгой домашней дисциплинѣ, нежели послѣдняя, которая въ своей сферѣ свободнѣе и самостоятельнѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

VIII. Отношеніе государства къ отдѣльнымъ лицамъ.

1. Граждане и иностранцы.

Существуетъ наконецъ отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ государству, не только какъ членовъ семействъ, сословіи или расъ, но и непосредственное. Въ новомъ уче-

ніи о государствѣ и государственномъ устройствѣ иногда обращается исключительное вниманіе на это отношеніе. На немъ останавливаются по крайней мѣрѣ столько же, сколько обыкновенно пренебрегаютъ косвенными отношеніями лицъ къ государству при посредствѣ семействъ и сословіи:

Здѣсь должно имѣть въ виду слѣдующія противоположности:

1. Между природными жителями, членами народа или подданными и иностранцами.

2. Между политическими гражданами и остальными подданными.

О различныхъ степеняхъ государственнаго гражданства будемъ говорить при ближайшемъ разсмотрѣніи конституціи.

Первая противоположность основана главнымъ образомъ на различіи народныхъ расъ и прежде всего есть личная. Отношеніе лица къ странѣ, какъ родинѣ занимаетъ здѣсь второе мѣсто. Рѣшительное значеніе имѣетъ связь лица съ народомъ, второстепенное вліяніе принадлежитъ его связи съ страной.

Мнѣніе древнихъ народовъ, что права чужеземцевъ не нужно уважать, что поэтому чужеземцы относительно безправныя¹ существа, пока не приняты подъ особое покровительство и не ограждены имъ — это мнѣніе, хотя высказанное эллинами и римлянами, должно считать образцомъ варварства, искажающаго античную цивилизацію. Гуманнѣе было основное правило германцевъ: «Каждый живетъ по своему природному, національному праву.» Въ своемъ новомъ развитіи право признаетъ и въ иностранцѣ человѣка съ правами и оказываетъ ему защиту.

1. Но вопросъ, кого слѣдуетъ разсматривать какъ природнаго гражданина, и какъ пріобрѣтается подданство, разрѣшается различнымъ образомъ. Сооб-

---

¹ Это воззрѣніе, какъ мы его встрѣчаемъ у римлянъ, представляетъ, если и не уравненіе иностранцевъ съ рабами, то беззащитность иностраннаго права въ римскомъ государствѣ. Ср. Jhering, Geist des römischen Rechts I. стр. 219. слѣд. *hostis* значило первоначально гость, иностранецъ и врагъ.

раженія относительно происхожденія и родины допускаютъ различныя комбинаціи. Здѣсь можно различать слѣдующія новыя системы:

а) Англійская система. За правило признается, что рожденіе въ предѣлахъ англійской территоріи даетъ право англійскаго подданства (*natural-born subjects* въ противоположность *aliens*). Это правило прилагается къ англійскимъ кораблямъ, къ жилищамъ англійскихъ посольствъ за границею, и въ томъ случаѣ, когда оба родителя чужеземцы. Прежде въ противоположность подданнымъ по рожденію, дѣти англичанъ, родившіяся за границею, считались иностранцами. Но въ настоящее время и за ними сохраняется право англійскаго подданства. Натурализація иностранцевъ, которая составляетъ исключеніе, совершалась прежде съ тѣмъ ограниченіемъ, что для этого требовался актъ парламента, и натурализованный англичанинъ не могъ засѣдать въ тайномъ совѣтѣ короля и парламентѣ ¹. Въ настоящее время она совершается въ болѣе свободной формѣ: для принятія въ подданство достаточно свидѣтельства отъ государственнаго секретаря ².

б) Французская система. Происхожденіе отъ отца-француза, безъ отношенія къ мѣсту рожденія, составляетъ обыкновенное основаніе французскаго подданства для дѣтей французовъ ³. Сверхъ того *Code Napoléon*, подражая отчасти англійскому праву, предоставилъ лицамъ, рожденнымъ во Франціи отъ иностранца, если они пожелаютъ поселиться тамъ, просить въ первый годъ, по достиженіи совершеннолѣтія, о принятіи во французское подданство ⁴. Подобно тому иностранцы могутъ просить о натурализаціи, послѣ пребыванія во Франціи въ продолженіе десяти лѣтъ. ⁵

¹ *Blachstone*, Comment. I. 10.

² Акт. 7. и 8. *Victoria* с. 55.

³ *Code civil* 10: «*Tout enfant né d'un Français en pays étranger est Français.*»

⁴ *Code civil* 9.

⁵ Консульская конст. 1799. ст. 3: «*Un étranger devient citoyen Français, lorsqu'après avoir atteint l'âge de 21 ans accomplis et avoir déclaré l'intention de se fixer en France, il y a résidé pendant dix années consécutives.*»

с) По испанской системѣ, основаніемъ принадлежности къ государству считается рожденіе отъ чисто испанскихъ родителей. Такимъ образомъ смѣшеніе испанской крови съ африканскою (негритянскою) не полагаетъ основанія подданству дѣтей, а иностранцамъ нуженъ дипломъ отъ кортесовъ, чтобы сдѣлаться гражданами ¹.

д) Швейцарская система имѣетъ двѣ особенности. Она прежде всего строже держится личнаго характера права, а потому, съ одной стороны, не придаетъ значенія рожденію въ предѣлахъ Швейцаріи, съ другою не связываетъ права на натурализацію съ продолжительнымъ пребываніемъ въ странѣ. За тѣмъ она основываетъ право швейцарскаго гражданства на правѣ кантональнаго, (Landrecht), а послѣднее нераздѣльно связываетъ съ правомъ гражданства общиннаго. Принадлежность же къ общинѣ пріобрѣтается обыкновенно происхожденіемъ отъ ея членовъ (а не рожденіемъ на общинной землѣ), и въ видѣ исключенія посредствомъ принятія въ общинный и государственный союзъ ².

е) И нѣмецкая система основана прежде всего на томъ, что индигенатъ пріобрѣтается рожденіемъ ³, но подданство дѣтей опредѣляется обыкновенно мѣстомъ жительства родителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь встрѣчаются и другія формы пріобрѣтенія подданства, частію даже болѣе легкія, нежели во Франціи. По австрійскому уложенію (§ 29 — 30) кромѣ рожденія, основаніемъ подданства считается вступленіе

¹ Конст. 1812. ст. 18. 19.

² Ср. Блюнчли: Швейцар. союзн. право I. стр. 529, по отдѣльнымъ вопросамъ Блюнчли: Исторія цюрихскаго государства и права II. стр. 14. и слѣд., 68. слѣд., 387. Cherbuliez De la democratie en Suisse. I. стр. 187. слѣд. Въ пограничномъ космополитическомъ городѣ Женевѣ натурализація иностранцевъ болѣе легкая.

³ Австр. улож. § 28: «Государственное гражданство (конст. 1849 § 23. говоритъ объ общемъ гражданствѣ австрійской имперіи) присволяется дѣтямъ гражданина австрійскаго государства.» Баварск. эдиктъ объ индигенатѣ 1818 § 2: «Рожденіемъ баварскій индигенатъ присволяется всякому, чей отецъ или мать, во время его рожденія, пользовались правами этого индигената.»

въ государственную службу, занятіе промысломъ, соединеннымъ, съ осѣдлою жизнью, постоянное пребываніе въ странѣ въ теченіе десяти лѣтъ, — при менѣе продолжительномъ пребываніи пожалованіе индигената отъ какаго-либо политическаго учрежденія. Въ Пруссіи приобрѣтеніе подданства предоставляется еще болѣе на произволь иностранцевъ. Лице, поселившееся въ Пруссіи, дѣлается туземцемъ (Inländer), а селиться можетъ безпрепятственно всякій иностранецъ, способный прокормить себя и пользующійся незапятнанною репутациею¹. Строже постановленія баварскаго законодательства, которое значительно затрудняетъ поселеніе иностранцевъ и допускаетъ рядомъ съ нимъ только свободное королевское пожалованіе, какъ способъ приобрѣтенія индигената.

Но и нѣмецкія законодательства не расширяютъ индигената до такой степени, чтобы связывать это право съ поземельною собственностію на государственной территоріи. Напротивъ въ отличіе отъ подданныхъ, лица, имѣющія поземельную собственность въ предѣлахъ государства, считаются Forensen (Iansassiatum minus plenus) они связаны съ государствомъ на столько, на сколько устройство страны основана на поземельной собственности, въ другихъ же отношеніяхъ считаются иностранцами².

2. Приобрѣтенію индигената соотвѣтствуетъ его потеря. Хотя индигенатъ разсматривается въ новомъ государствѣ, какъ личное право, но онъ не утрачивается тотчасъ вслѣдствіе пребыванія, и даже продолжительнаго поселенія въ чужой странѣ. Формою уничтоженія подданства, больше всего соотвѣтствующею природѣ этого права, надо считать скорѣе отреченіе со стороны лица, вмѣстѣ съ увольненіемъ со сто-

¹ Рескрипты министерства внутреннихъ дѣлъ 1828. Ср. Schilling Lehrbuch des Stadt- und Bürgerrechts I, стр. 324.

² Австр. улож. § 31. Прусск. земск. прав. введ. § 36. Бавар. эдиктъ 1818, § 4.

роны государства, такъ какъ въ этой формѣ выражается взаимный разрывъ личной связи. Большая часть новыхъ государствъ считаютъ недостойнымъ себя удерживать лицо, отрекающееся отъ государственной связи, и во имя личной свободы признаютъ начало свободного отреченія. Во многихъ случаяхъ изъ самаго образа дѣйствій лица заключается объ отреченіи, хотя бы и не было положительнаго о немъ заявленія. Это относится особенно къ переселенію, когда въ немъ видно намѣреніе не возвращаться ¹.

Только англійское государственное право, хотя оно можетъ быть первое между новыми правами признало свободу переселенія (свободное движеніе), повидимому дольше всѣхъ держится средневѣковаго воззрѣнія, что подданный не можетъ освободиться отъ ленной вѣрности государю, безъ согласія послѣдняго. Переселеніе не ведетъ за собою прекращенія англійскаго подданства ².

Какъ переселеніе, французское право разсматриваетъ всякую натурализацію въ чужой странѣ а также вступленіе въ иностранную государственную службу безъ разрѣшенія французскаго правительства ³. Такое опредѣленіе шире дѣйствительнаго отреченія, ибо можетъ случиться, что лицо, вступая въ чужое подданство, не желаетъ разрывать свою связь съ прежнимъ государствомъ. Впрочемъ французское право въ та-

---

¹ Code civil: «La qualité de Français se perdra par tout établissement fait en pays étranger sans esprit de retour. Les établissements de commerce ne pourront jamais être considérés comme ayant été faits sans esprit de retour». Баварскій эдиктъ 1818, § 6: «Индигенатъ теряется вслѣдствіе переселенія». Австр. конст. 1849 § 25: «Свобода выхода ограничивается со стороны государства только военною повинностью». Тоже по прусской конст. 1850. § 11. Прусск. земск. прав. II, 17, § 127, было еще строже.

² Великая хартія 1215: «Liceat unicuique exire de regno nostro et redire salvo et secure per terram et per aquam salva fide nostra, nisi tempore guerre per quod breve tempus propter communem utilitatem regni». Blackstone, Commentar. I, 10.

³ Code civil. 17.

кихъ случаяхъ облегчаетъ французу возвращающемуся во Францію, приобрѣтеніе индигената ¹.

Соединеніе подданства двухъ государствъ въ одномъ лицѣ не совсѣмъ невозможно ², а частію обусловливается отношеніями современной жизни. Если изъ этого послѣдуетъ дѣйствительное столкновение обязанностей—явленіе во всякомъ случаѣ рѣдкое, то разрѣшеніе его конечно можетъ сдѣлаться затруднительнымъ. Здѣсь не всегда поможетъ правило, что старая связь съ государствомъ предпочтительнѣе новой, особенно когда старое подданство есть покоящееся право, а новое дѣйствующее, т. е. когда гражданинъ двухъ государствъ живетъ въ новомъ отечествѣ, а не въ старомъ. Въ этихъ случаяхъ, наприм., военная повинность должна быть отбываема въ послѣднемъ ³. Потому государству, сообщающему иностранцу натурализацію, принадлежитъ прежде всего право требовать предварительно выхода его изъ прежняго подданства, или допустить продолженіе послѣдняго ⁴.

¹ Code civil. 18: «Le Français, qui aura perdu sa qualité de Français, pourra toujours la recouvrer en rentrant en France avec l'autorisation du Roi et en déclarant, qu'il veut s'y fixer et qu'il renonce à toute distinction contraire à la loi française».

² Случается даже, что одно лицо принимаетъ участіе въ представительствѣ двухъ государствъ. Есть лица изъ высшаго дворянства, засѣдающія въ верхнихъ палатахъ двухъ и трехъ государствъ, въ которыхъ они владѣютъ землями и съ которыми связаны присягою въ вѣрности. Вѣдь можно же имѣть два мѣстожителства, напримѣръ, одно въ городѣ, другое въ селеніи, или одно какъ купецъ (фирма), другое какъ частный человекъ! Если Баръ (das internationale Privat- und Strafrecht., стр. 85) оспариваетъ возможность всего этого, то одинъ взглядъ на дѣйствительныя отношенія убѣждаетъ, что они разнообразнѣе узкой теоріи. Принадлежностью къ двумъ государствамъ не ограничивается свободное переселеніе, а во всякомъ случаѣ дается возможность сохранить свое природное отечество и соединить съ нимъ новое подданство.

³ Blackstone, въ привед. мѣстѣ. Собственный опытъ научилъ меня, что въ подобныхъ дѣлахъ рѣшаетъ дѣйствительное отечество.

⁴ Бав. эд. § 6. Напротивъ Швейц. союзн. констит. 1848, 43 «ни одинъ кантонъ не можетъ даровать права гражданства иностранцамъ, не вышедшимъ изъ прежняго подданства».

3 Дѣйствіе индигената относится частію къ области частнаго права, частію къ области права публичнаго. Въ частномъ правѣ противоположность между природнымъ жителемъ и иностранцемъ была прежде гораздо значительнѣе, нежели въ настоящее время. Новое время, по своей склонности къ болѣе строгому раздѣленію обѣихъ областей, не придаетъ въ частномъ правѣ особеннаго значенія принадлежности къ государству, — отношенію по своей природѣ политическому. Потому признается за правило уравнивать природныхъ жителей и иностранцевъ относительно частнаго права и признавать за тѣми и другими прежде всего полную правоспособность въ этой области ¹.

Только въ видѣ исключенія удержалось прежнее общее правило, что иностранцы не могутъ пріобрѣтать въ странѣ поземельной собственности ². Чаще они ограничиваются въ занятіи извѣстными промыслами, именно въ самостоятельномъ занятіи ремеслами и въ мелочной лавочной торговлѣ ³. Право же (*jus albinagii*), по которому наслѣдство иностранцевъ принадлежало государю, и пошлина (*gabella hereditaria*), взимаемая съ имуществъ, уходящихъ за-границу, устранены теперь почти вездѣ, какъ несообразныя остатки прошедшаго; теперь свобода движенія и здѣсь признается за правило ⁴.

---

¹ Австр. улож. § 33. «Иностранцамъ принадлежатъ гражданскія права вообще наравнѣ съ подданными, если для пользованія этими правами не требуются непременно качества государственнаго гражданина». *Code civil*. 13. Прусское земск. пр. введ. § 41.

² Отн. Англ. ср. *Blackstone I*, 10. И въ нѣкоторыхъ демократическихъ кантонахъ Швейцаріи еще дѣйствуетъ это запрещеніе.

³ Гдѣ сохранилось цѣховое устройство, тамъ это ограниченіе понятно само по себѣ. Но и гдѣ оно уничтожено, часто только туземцамъ дозволяется заниматься такими промыслами Франц. конст. 1848, ст. 13 «*garantit aux citoyens la liberté du travail et de l'industrie*». Однакоже практика во Франціи благоприятствуетъ въ этомъ отношеніи свободѣ промысловъ и для иностранцевъ.

⁴ Швейцар. союзн. конст. § 52: «Относительно иностран-

Но въ государственномъ правѣ противоположность между природными жителями и иностранцами остается еще въ полной силѣ. Только первымъ, а не послѣднимъ присвоятся слѣдующія права:

а) Право постояннаго пребыванія и поселенія на государственной территоріи ¹, вслѣдствіе котораго подданный не можетъ быть ни выданъ иностранному государству, ни изгнанъ безъ высшихъ государственныхъ причинъ.

б) Право на защиту съ стороны государства, если онъ находится и внѣ государственной территоріи.

в) Способность къ политическому праву голоса и къ приобрѣтенію государственнаго гражданства въ собственномъ смыслѣ.

г) Точно также способность занимать публичныя должности ².

д) Иногда съ подданствомъ связывается пользованіе общими политическими правами, напр. правомъ собраній, или прошеній, или свободой печати ³.

Изъ этого не слѣдуетъ конечно, чтобы иностранцамъ не предоставлялось участія въ политическихъ со-

---

ныхъ государствъ допускается свобода движенія подъ условіемъ взаимнаго признанія». Нѣмецк. союзн. актъ 1815, 18. Постанов. нѣмецк. союз. 1817.

¹ Швейцар. союзн. конст. § 57: «Союзу принадлежитъ право изгонять иностранцевъ, которые угрожаютъ внутренней или внѣшней безопасности союза».

² Баварск. эд 1818, § 7: «Индигенатъ составляетъ существенное условіе, безъ котораго нельзя приобрѣтать должности въ высшихъ коронныхъ судахъ (Kronoberhofämter) и гражданской службѣ, ни высшія военныя, ни церковныя должности или приходы и безъ котораго нельзя пользоваться правомъ политическаго гражданства Баваріи». Франц. конст. 1848, 10: «Tous les citoyens sont admissibles à tous les emplois politiques». Ср. Австр. конст. 1849, § 27 и 28. Прусск. конст. 1850, § 4.

³ Франц. конст. 1848, ст. 8: «Les citoyens ont le droit de s'associer, de s'assembler paisiblement et sans armes, de petitionner, de manifester leurs pensées par la voie de la presse ou autrement». Прусск. конст. 1850, ст. 27, 29, 30 и 32 представляетъ эти права «всѣмъ прусскимъ подданнымъ».

браніяхъ, петиціяхъ и свободѣ печати; но они не имѣютъ на то права, обусловливаемаго ихъ личностію, а участіе ихъ въ этихъ правахъ зависитъ отъ терпимости государства, въ которомъ они живутъ, не составляя его членовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

2. Государственные граждане въ собственномъ смыслѣ.

Высшую категорію подданныхъ составляютъ государственные граждане въ собственномъ смыслѣ. Государственные граждане участвуютъ въ политическихъ правахъ при представительномъ правленіи; они пользуются правомъ голоса при выборахъ народныхъ представителей. Право государственнаго гражданства въ этомъ смыслѣ предполагаетъ подданство, какъ основное условіе, требуя сверхъ того полной политической правоспособности въ государствѣ. Въ немъ преимущественно находятъ себѣ полное выраженіе политическое отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ государству.

Въ древнемъ греческомъ и римскомъ государствѣ политическое гражданство соединялось съ гражданствомъ господствующаго народа, въ первое время среднихъ вѣковъ съ принадлежностью къ сословію полныхъ свободныхъ. Въ новомъ государствѣ оно получило болѣе широкій объемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ весьма близкій къ объему подданства.

Обще - признанныя ограниченія новаго государственнаго права въ пользованіи политическими правами слѣдующія:

1. Исключеніе женскаго пола. Политика составляетъ дѣло мужчины, поэтому политическія права принадлежатъ только мужчинамъ. Ср. выше гл. VI.

2. Исключеніе несовершеннолѣтнихъ. Самостоятельное пользованіе политическими правами требуетъ извѣстной зрѣлости ума. Потому исключаются малолѣтніе и состоящіе подъ опекою.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ новаго времени политическое совершеннолѣтіе отличается отъ гражданскаго. Скорѣе можно оправдать такое постановленіе, по которому первое наступаетъ позднѣе послѣдняго, нежели обратное отношеніе, ибо легче имѣть ясное сужденіе въ дѣлахъ ежедневной жизни, нежели тамъ, гдѣ дѣло идетъ о политическихъ интересахъ и — какъ при выборахъ, объ оцѣнкѣ политическихъ лицъ. Во Франціи, Англіи и сѣверной Америкѣ какъ политическое такъ и гражданское совершеннолѣтіе начинается съ 21 года ¹. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ земляхъ, какъ въ Баваріи, — тоже правило ²; въ Пруссіи, напротивъ, политическое право голоса начинается съ исполнившимся 25 годомъ ³, въ Австріи съ 26 лѣтняго возраста ⁴, въ отдѣльныхъ кантонахъ Швейцаріи политическое совершеннолѣтіе наступаетъ даже ранѣе гражданскаго ⁵.

3. Исключеніе лицъ испытавшихъ умаленіе, или лишеніе, гражданской чести, напр. преступниковъ, людей, объявленныхъ расточителями, обыкновенно и банкротовъ, наконецъ лицъ заслужившихъ общественное презрѣніе.

Во многихъ государствахъ, къ условіямъ политической правоспособности присоединяются еще слѣдующія требованія:

4. Извѣстная степень самостоятельности гражданина во внѣшней жизни. Способы опредѣленія этой самостоятельности, впрочемъ, весьма различны въ различныхъ государствахъ.

Въ духѣ древняго германскаго права эта самостоятельность высказывается преимущественно во владѣ-

---

¹ Франц. конст. 1848, ст. 15. Blackstone, Comment. I, 17.

² Баварское земск. прав. I, 7, 36. Эдиктъ объ индигенатѣ § 8.

³ Конст. 1850, ст. 70.

⁴ Австр. улож. § 21, конст. 1849, § 43.

⁵ Нѣкоторыя новыя конституціи, какъ цюрихская 1831 г., оставили 24-лѣтній возрастъ для совершеннолѣтія гражданскаго, а политическое установили въ 19 лѣтъ.

ніи землею или домомъ («кто имѣетъ собственный дымъ»). Новое нѣмецкое право признаетъ ее скорѣе въ какомъ-нибудь самостоятельномъ занятіи, или принадлежности къ активнымъ гражданамъ общины. Первый взглядъ удержался отчасти до послѣдняго времени въ Англіи и отдѣльныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, послѣдній перешелъ въ новыя нѣмецкія конституціи ¹.

Исключаются слѣдовательно тѣ лица, которыя живутъ по найму въ прислугѣ, или работникахъ, часто исключаются и фабричные работники, по крайней мѣрѣ низшихъ классовъ и большее число ремесленническихъ подмастерьевъ.

Напротивъ другія государства, слѣдуя требованію вообще подачи голсовъ, ослабили въ послѣднее время условіе самостоятельности или совершенно устранили его. Сюда относятся новѣйшія швейцарскія конституціи съ 1830 года, конституція французской республики 1848 г., французской имперіи и отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Очевидно, что извѣстную самостоятельность въ отношеніяхъ частной жизни необходимо считать естественнымъ условіемъ политической зрѣлости и способности, и что отсутствіе такой самостоятельности возбуждаетъ сильное сомнѣніе относительно послѣднихъ. А такъ какъ для каждаго дѣльнаго и дѣятельнаго человѣка представляется возможность путемъ усилій достигнуть такой самостоятельности, если онъ придаетъ ей значеніе, то нѣтъ причины жаловаться на несправедливое устраненіе, когда онъ еще не достигъ ея и потому не получилъ права полного политическаго гражданства,

---

¹ По баварской конституціи 1818 г. для политическаго гражданства требуется, кромѣ индигената: «осѣдность въ королевствѣ или посредствомъ владѣнія положенными въ окладъ землями, рентами или правами, или посредствомъ занятія промыслами, подлежащими налогамъ, или вступленія въ публичную должность». Австр. конст. § 43, и прусск. ст. 70, признаютъ самостоятельность въ принадлежности къ общинному союзу.

5. Менѣе органическимъ учрежденіемъ является поставленіе государственнаго гражданства, сверхъ того, въ зависимость отъ опредѣленнаго размѣра имущества. При распредѣленіи права голоса имущество, какъ важный фактъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть принято въ соображеніе. Но противно идеѣ государства исключать изъ государственнаго гражданства человѣка, нравственно и духовно вполне способнаго къ участию въ политической жизни народа, — исключать только потому, что онъ не обладаетъ требуемымъ имуществомъ. Когда при этомъ принимается въ расчетъ не только капиталъ, но и доходъ, и устанавливается цензъ до того низкій, что не превышаетъ самыхъ скромныхъ средствъ существованія, тогда противъ этого требованія, конечно нечего сказать, тогда оно по своему дѣйствию совпадаетъ приблизительно съ изложеннымъ выше условіемъ самостоятельности. Последняя измѣряется тогда имуществомъ. Постановленіе нѣкоторыхъ конституцій, какъ напр. сѣвероамериканской, баварской 1848 г., частію австрійской и прусской, ставящее политическое право голоса въ зависимость отъ платимыхъ государству прямыхъ податей имѣетъ подобное значеніе.

6. До позднѣйшаго времени въ христіанскихъ государствахъ требовалось исповѣданіе христіанской религіи. Такимъ образомъ приверженцы другой, хотя и терпимой религіи, напр. евреи и магометане, исключались изъ политическаго гражданства. Во все время среднихъ вѣковъ религія и право, церковь и государство находились въ тѣснѣйшей связи и взаимодѣйствіи. Не принимавшіе участія въ религіозномъ общеніи, исключались и изъ политическаго. «Невѣрный» въ самомъ благопріятномъ случаѣ могъ надѣяться на терпимость, и то только въ видѣ исключенія; объ уравненіи въ политическихъ правахъ съ «правовѣрнымъ» нечего было и думать.

Даже въ предѣлахъ христіанской вѣры, когда она распалась на исповѣданія, государственное право придавало большое значеніе опредѣленной церкви. Въ

странахъ преимущественно католическихъ только за католиками, въ протестанскихъ только за протестантами признавалось полное государственное гражданство. Вестфальскій миръ установилъ для Германіи равенство католиковъ и протестантовъ лишь въ частныхъ, но отнюдь не политическихъ правахъ ¹. Только союзный актъ 1815 года уравнивалъ въ Германіи въ этомъ отношеніи религіозныя партіи признанныхъ христіанскихъ церквей — католиковъ, лютеранъ и реформатовъ. Но онъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ, принадлежатъ ли тѣ же права и приверженцамъ другихъ сектъ ².

Въ своемъ позднѣйшемъ развитіи, въ нѣкоторыхъ государствахъ право, рѣшительно стремится къ тому, чтобы признать пользованіе политическими правами независимымъ отъ какаго бы то ни было вѣроисповѣданія. Было бы заблужденіемъ видѣть въ этомъ стремленіи плодъ религіознаго индифферентизма, хотя нельзя отвергать и его участія въ новомъ развитіи этого вопроса. Когда сѣвероамериканскій конгрессъ 1791 года первый воспретилъ «издавать законы, которыми одна вѣра была бы объявлена господствующею», то онъ вовсе не полагалъ, чтобы для блага государства было все равно, убѣждены ли его граждане въ истинѣ и силѣ христіанской вѣры, или нѣтъ, и не желалъ препятствовать государству въ выполненіи его обязанности — защищать и поощрять учрежденія христіанской религіи ³.

---

¹ Instrum. Pac. Osn. V. § 35: «Sive autem Catholici sive Augustanae confessionis fuerint subditi, nullibi ob religionem despiciantur nec a mercatorum, opificum aut tribuum communione, haereditatibus, legatis, hospitalibus, leprosoriis, elemosynis aliisque juribus aut commerciis, multo minus publicis coemeteriis honoreve sepulturae arceantur — sed in his et similibus pari cum concivibus jure habeantur, aequali justitia protectioneque tuti.»

² Актъ нѣмецкаго союза, ст. 16: «Различіе христіанскихъ сектъ въ странахъ нѣмецкаго союза не можетъ служить основаніемъ для различія въ пользованіи гражданскими и политическими правами.» Ср. Klüber, «Acten des Wiener Congresses» II стр. 439.

³ Ср. Story въ приведен. мѣстѣ III. отд. 44.

Напротивъ новѣйшее начало имѣетъ болѣе глубокое основаніе признавая ту идею, что вѣра и вѣроисповѣданіе, по своему существу, должны быть свободны отъ государственнаго принужденія и предоставлены рѣшенію одной совѣсти. Поэтому никакія политическія невыгоды, никакое умаленіе правъ не должны грозить за отступленіе отъ христіанской вѣры. Сюда присоединялась склонность американцевъ строго отдѣлять область государственной жизни отъ церковной и въ одной предоставлять возможную свободу государству, въ другой — церкви. Такимъ образомъ политическія права стали доступны и иновѣрцу, если только онъ былъ способенъ выполнять политическія обязанности.¹

Напротивъ когда французская революція приняла эти начала, то попеченіе о свободѣ совѣсти почти не было опредѣляющимъ мотивомъ. Здѣсь гораздо болѣе дѣйствовалъ, какъ свидѣтельствуется богатая религіозными преслѣдованіями исторія того времени, духъ отрицанія, который отъ прежняго легкомыслія дошелъ до дикой ненависти къ христіанству.

Тоже начало, но еще рѣзче высказанное, признано и въ Германіи послѣ движенія 1848 года. Австрійскія основныя права 1849 г. § 1, также и Прусская конституція 1850 г. согласны съ франкфуртскимъ и берлинскимъ проэктами имперской конституціи въ томъ, что «пользованіе гражданскими и политическими правами не должно зависѣть отъ вѣроисповѣданія.» Но они дѣлаютъ осторожную прибавку, что «государственнымъ обязанностямъ никакое вѣроисповѣданіе не должно дѣлать подрыва.»

Вслѣдствіе такихъ недавно признанныхъ началъ положеніе евреевъ въ этихъ странахъ испытало коренное измѣненіе. Если они прежде въ Германіи большею ча-

---

¹ Новое начало было высказано еще въ первой статьѣ объявленія правъ чловѣка 1791 г. «Les hommes naissent et demeurent libres et égaux en droits. Les distinctions sociales ne peuvent être fondées, que sur l'utilité commune.» Изъ позднѣйшихъ французскихъ конституцій ни одна не связывала правъ гражданина съ опредѣленнымъ исповѣданіемъ.

стію совершенно исключались изъ пользованія правомъ государственнаго гражданства, то въ настоящее время іудейская религія не представляетъ никакого повода къ устраненію ихъ отъ этого права.

Впрочемъ, въ противоположность американской системѣ полнаго раздѣленія церкви и государства, въ Европѣ все еще удерживается, хотя и въ меньшей степени, тѣсная и стѣснительная ихъ связь. Возможно ли и какимъ образомъ привести новое начало и его слѣдствія въ гармонію съ европейскою системою? — это покажетъ будущее.

Новое начало еще не достигло всеобщаго признанія. Въ южныхъ романскихъ государствахъ, Церковной области, Испаніи и Португаліи, въ южной Америкѣ оно не признано; оно не получило признанія въ Норвегіи и Россіи, исключается отчасти еще и въ Швейцарскихъ республикахъ¹. Даже въ Англіи, — хотя прежнее умаленіе въ правахъ диссидентовъ и католиковъ устранено въ этомъ столѣтіи, оно получило еще не полное дѣйствіе и подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ.

При обсужденіи этого вопроса часто смѣшивали индивидуальную свободу совѣсти и права общества. Ограждая первую нельзя нарушать послѣднихъ. Поэтому, если въ народѣ до того преобладаетъ чувство религіознаго общенія, что онъ питаетъ рѣшительное нерасположеніе къ политическому общенію, не соединенному съ религіознымъ, то такой народъ еще не созрѣлъ для признанія свободы исповѣданія. Какъ ни велики права индивида на уваженіе его особенной вѣры, они не уполномочиваютъ его на вступленіе въ политическое общеніе, какъ равноправнаго члена, если этого не желаетъ съ своей стороны существующее общество. Слѣдовательно и въ этомъ вопросѣ надо имѣть въ виду характеръ и образованіе народа.

---

¹ Даже новая союзная конституція 1848 предоставила только швейцарцамъ, принадлежащимъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, право свободнаго поселенія; а многія конституціи, особенно католическихъ кантоновъ, требуютъ общенія вѣроисповѣданія для принятія въ гражданство.

Остается однакоже вѣрнымъ:

1. Что человѣческая природа новаго государства имѣетъ естественное стремленіе принять въ себя какъ различныя составныя части народа, такъ и приверженцевъ различныхъ исповѣданій и соединить ихъ посредствомъ общихъ человѣческихъ учреждений; 2., что духъ гуманности и — мы имѣемъ право сказать это — высокое сознаніе, которое имѣетъ христіанство о своемъ нравственномъ превосходствѣ, не враждебно этому стремленію; 3., что законодательство государства не должно опредѣляться предразсудками народа, а воспитывать его въ высшей нравственности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Т е р р и т о р і я .

1. Народъ составляетъ личную основу государства; территория есть его вещественная сторона. Когда народъ приобрѣлъ землю, когда является территория, тогда только государство получаетъ надлежащую твердость.

Самое пространство, внѣшній объемъ государственной территории имѣютъ великое значеніе для существованія и развитія государства. Эллинское устройство, выросшее изъ городской жизни, непримѣнимо въ большой странѣ; формы новой, представительной монархіи дѣлаются каррикатурою на узкомъ пространствѣ.

Часть земной поверхности, на которой сидитъ народъ и господствуетъ государство, называется страной или территоріею. Величина ея, подобно образованію самаго народа, опредѣляется историческими событіями. Государство расширяетъ свою территорію, когда распространяетъ свою культуру и господство на невоздѣланныя пространства, не принадлежащая никакому государству, или когда приобретаетъ чужія территоріи вполнѣ или частію, посредствомъ договоровъ, или вслѣдствіе

добровольнаго присоединенія, или посредствомъ завоеванія. Послѣдній способъ пріобрѣтенія, пользовавшійся прежде особеннымъ уваженіемъ, теперь утратилъ это значеніе въ цивилизованномъ порядкѣ міра.

Исторія не знаетъ вѣчной, неизмѣнной государственной территоріи. Пространство, занимаемое государствами, зависитъ отъ приращенія, или убыли народныхъ силъ. Но государственная территорія имѣетъ прочный характеръ, и ея предѣлы не подвержены, подобно числу народонаселенія, непрерывнымъ колебаніямъ. Только отъ времени до времени, вслѣдствіе великихъ событій, измѣняется пространство государственной территоріи. Обыкновенно оно заключено въ твердыя границы.

Границы отдѣляютъ государственную территорію отъ чужой территоріи или отъ частей земной поверхности, не принадлежащихъ никакому государству. Въ первомъ случаѣ граница представляется твердою линіей и обозначается, по возможности, пограничными межами, столбами, камнями, рвами, валами и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ надобности въ такой строго проведенной линіи и граница можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, подвинута назадъ или впередъ безъ столкновенія съ другими государствами.

Къ первому классу границъ принадлежатъ:

а) Границы, образуемая большими и малыми рѣками. Иногда середина рѣки, иногда ея русло т. е. обозначаемый теченіемъ фарватеръ, считается собственно границею двухъ государственныхъ территорій. Но такъ какъ для пользованія служитъ преимущественно середина или русло рѣки, то въ интересахъ судоходства и экономическихъ сношеній, пользованіе рѣкою считается общимъ.¹ Но и середина рѣки и русло подвергаются частымъ измѣненіямъ вслѣдствіе наноса, обмыванія береговъ и измѣненія теченія.

---

¹ Такъ напр. пользованіе Рейномъ, насколько онъ составляетъ границу между Германіею и Франціею. Ср. Klüber, *Öffentl. Recht des deutschen Bundes* §§ 88 — 90.

в) Границы, образуемая горами. Цѣпи горъ обыкновенно раздѣляютъ племена и культуру. Взоръ жителей не простирается за горы; сношенія, затрудняемая горами, происходятъ только посредствомъ отдѣльныхъ горныхъ путей. Здѣсь естественною границей считается обыкновенно высокій гребень горъ, который въ то же время дѣлитъ и воды.

Ко второму классу относятся слѣдующія границы:

а) Моря, рѣже большія озера. Эти границы отъ природы изъяты изъ исключительнаго господства отдѣльныхъ государствъ и открыты для общаго пользованія всего свѣта.

б) Пустыни, невоздѣланныя степи, иногда лѣса и дикія горныя пространства. Но развивающаяся культура и постепенное усвоеніе такихъ пространствъ государственною властью дѣлаютъ эти естественныя границы болѣе рѣдкими.

Ближайшія опредѣленія пограничныхъ отношеній принадлежатъ международному праву.

2. Природа страны, подобно характеру народа, имѣетъ великое вліяніе на образованіе государствъ. Правда, человекъ хотя и взятъ отъ земли, но только въ неточномъ смыслѣ можетъ быть названъ «сыномъ страны». Какъ духовное и свободное существо, онъ можетъ противодѣйствовать внѣшнему вліянію страны. Однакоже онъ окруженъ силами природы и не можетъ совершенно устранить вліянія, ежедневно испытываемаго его духомъ и тѣломъ отъ особеннаго характера и формъ его мѣста жительства. Если уже индивидъ не можетъ вполне отстранить это вліяніе, то народъ, который живетъ долѣе и въ теченіе столѣтій подвергается одному и тому же воздѣйствію природы, ощущаетъ его еще сильнѣе, а наконецъ въ другой странѣ и народъ дѣлается другимъ. Оцѣнка вліянія, которое имѣетъ на государственную жизнь природа страны посредствомъ климата, формы, почвы, плодородія и т. д., составляетъ скорѣе задачу политики, нежели государственнаго права.

Но подобно тому какъ истинную основу для совершеннаго государства представляетъ собою человечество, а

не народъ, такъ совершенную государственную территорію составляетъ земля, а не страна. Земля приводитъ разнообразіе странъ въ правильное отношеніе и гармонически соединяетъ ихъ; къ землѣ всѣ противоположности относятся не какъ недостатки, а какъ дополненіе и богатство. Для современнаго государства, еще далеко отстоящаго отъ высшей цѣли, отсюда вытекаетъ слѣдующее практическое, давно испытанное положеніе: всего благопріятнѣе для отдѣльнаго государства страна съ разнообразными формами, съ горами и долинами, рѣками, озерами, морскими берегами и равнинами. Благопріятное вліяніе такой страны зависитъ не отъ большаго ея плодородія, ибо повышеніе и пониженіе поверхности дѣлаютъ часть ея неспособною къ воздѣлыванію, а отъ того, что она всесторонне возбуждаетъ разнообразныя способности жителей и увеличиваетъ человѣческія силы. Всего неудобнѣе, съ другой стороны, дикія степи, лежащія среди материка; они искони составляютъ почву, на которой кочуютъ номады, не знающіе государства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Территоріальное право. (Такъ называемая государственная собственность).

Верховное право государства надъ всею государственною территоріею часто называютъ государственною собственностію. Это названіе было относительно вѣрно въ средневѣковомъ феодальномъ государствѣ, также какъ въ абсолютныхъ государствахъ Азіи въ прежнія времена. Но къ новому понятію о государствѣ оно не можетъ быть приложено ни въ какомъ отношеніи. «Собственность» есть понятіе права частнаго, а не государственнаго. Соединеніе и смѣшеніе частной собственности съ верховнымъ правомъ государства составляло естественную основу для понятія о государственной собственности до тѣхъ поръ, пока го-

сударство, или его глава, какъ въ древне-іудейскомъ государствѣ Богъ, въ Египтѣ фараоны, считались единственными собственниками земли, а отдѣльнымъ лицамъ предоставлялось только право временнаго пользованія ихъ участками. Понятіе государственной собственности естественно и въ римскомъ государствѣ, гдѣ земля, по крайней мѣрѣ въ завоеванныхъ провинціяхъ состояла въ формальной собственности римскаго народа или императора, а провинціаламъ принадлежало только меньшее, хотя реальное право собственности (*in bonis*) на ихъ участки. Это смѣшеніе государственнаго права съ частнымъ понятно и въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ государствахъ напр. въ Англіи, гдѣ послѣ норманскаго завоеванія король разсматривался, какъ верховный собственникъ и ленный господинъ всей земли, а подданные владѣли земельными участками только на ленномъ правѣ. Но съ отдѣленіемъ частнаго права отъ государственнаго, понятіе государственной собственности надъ всею территоріей сдѣлалось несостоятельнымъ.

Верховное право государства надъ территоріею, территоріальное право (*imperium*) должно слѣдовательно отличать отъ собственности (*dominium*) государства. Последняя заимствуетъ свое содержаніе изъ частнаго права, несмотря на то, что субъектомъ права здѣсь государство, казна; первое, напротивъ, имѣетъ существенно политическій характеръ и по своей природѣ можетъ принадлежать только государству (при извѣстныхъ обстоятельствахъ главѣ государства).¹

Территоріальное право имѣетъ прежде всего своимъ положительнымъ содержаніемъ полноту государственной власти надъ всею территоріею. На всемъ

---

¹ Это различіе было извѣстно въ древности. Вотъ мѣста, которыя приводитъ Гуго Гроцій (*de jure belli ac pac.* II. 3) изъ древнихъ писателей Сенека (*de benef.* VII. 4): *Ad reges potestas omnium pertinet, ad singulos proprietates*; и Діонъ Хризостомъ. *Orat.*: «страна принадлежитъ государству (*ἡ γῶρα τῆς πόλεως*); но тѣмъ не менѣе каждый отдѣльный человекъ полный господинъ своихъ прибрѣтенныхъ имуществъ.»

ея пространствѣ государство имѣеть право требовать признанія своего законодательства, приводить въ исполненіе свои правительственныя постановленія, чинить судъ и расправу. Государство имѣеть власть не только надъ лицами, но и надъ страной и надъ вещами въ ней находящимися.

Но эта власть государственная, а не частная. Слѣдовательно должно считать заблужденіемъ, вытекающимъ изъ ложнаго представленія государственной собственности, ученіе, которое признаетъ естественное право собственности государства на вещи его территоріи, никому не принадлежащія, которое исключаетъ иностранцевъ изъ завладѣнія такими вещами и предоставляетъ ихъ исключительно самому государству или его подданнымъ. Завладѣніе есть способъ пріобрѣтенія, относящійся къ частному праву, а не проявленіе государственной власти. Съ другой стороны обстоятельство, что есть вещи не находящіяся въ частномъ владѣніи или собственности, но способныя сдѣлаться объектами этихъ правъ—это обстоятельство есть отношеніе права частнаго, а не государственнаго.

Вотъ почему римскому праву было чуждо это ложное возрѣніе. На *res nullius*, въ собственномъ смѣслѣ, государство имѣло также мало правъ, какъ и всякое частное лицо. Кто бы ими ни завладѣвалъ, иностранецъ или римскій гражданинъ, становился собственникомъ вслѣдствіе завладѣнія.¹ Въ средніе вѣка, напротивъ, идеи верховнаго леннаго господства и вотчиннаго государства способствовали распространенію владычества государства и на предметы частнаго права. Это прежнее возрѣніе, по большей части, сохранилось и въ нѣкоторыхъ новыхъ правахъ.

---

¹ Gajus L. 3. pr. de acquirendo rerum dominio: «Quod enim nullius est, id ratione naturali occupanti conceditur.» Ср. L. 1. pr. eod. Klüber, Öffentliches Recht des deutschen Bundes, § 137. Онъ первый выставилъ теорію, по которой иностранцы не могутъ завладѣвать въ предѣлахъ территоріи такъ называемыми *adespota* т. е. безхозяйными вещами. Но почему бы иностранцу имѣть меньшее право, нежели природному жителю, на птицу, влетѣвшую въ его комнату и пойманную имъ?

Сюда относятся слѣдующія права:

1. Прусское земское право. Относительно нѣкоторыхъ видовъ вещей оно присвоаетъ государству преимущество въ завладѣнїи, вслѣдствїе чего никто не можетъ завладѣвать ими безъ согласїя государства. Къ такимъ вещамъ принадлежатъ особенно недвижимыя имущества, наслѣдства, полезныя животныя, если на нихъ никто не получилъ особеннаго права, или если они оставлены прежнимъ хозяиномъ. Относительно другихъ безхозяйныхъ вещей и Прусское земское право признаетъ свободу завладѣнїя.¹

2. Англійское право и здѣсь строже придерживается средневѣковаго воззрѣнїя, присвоая обыкновенно королю право собственности на вещи никому не принадлежащія.² Только въ видѣ исключенїя оно признаетъ право свободнаго завладѣнїя относительно нѣкоторыхъ движимыхъ вещей³.

3. Французское право сходно съ англійскимъ. Оно выставляетъ общимъ началомъ—что «вещи безхозяйныя составляютъ собственность государства.⁴»

4. Австрійскій законъ, напротивъ, приближается къ вѣрному римскому воззрѣнїю. Онъ признаетъ обратное правило, что «вещи никому не принадлежащія (онъ называетъ ихъ «*freistehende Sachen*») предоставляются свободному «присвоенїю.⁵»

Но когда въ новѣйшихъ законодательствахъ встрѣчается такое расширенное право государства, то его надобно разсматривать не какъ слѣдствїе территорїальнаго права, а какъ приложенїе права регалїй, представляющаго собою смѣшенїе государственныхъ соображенїй съ элементами частнаго права.

Отрицательное содержанїе территорїальнаго права состоитъ въ правѣ государства исключать всякое другое

---

¹ Прусск. земск. пр. II. § 1 слѣд.

² Blackstone I. 8 приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Брактона «*Haec quae nullius in bonis sunt et olim fuerunt inventoris de jure naturali, jam efficiuntur principis de jure gentium.*»

³ Blackstone, II. 16. 26.

⁴ Code civil § 713: «*Les biens qui n'ont pas de maître appartiennent à l'Etat.*» Ср. §§ 539, 723, 768.

⁵ § 381 слѣд.

государство или вообще всякую другую власть изъ государственнаго господства въ предѣлахъ своей территоріи и воздерживать отъ всякаго въ ней захвата. Если новое государство не допускаетъ, чтобы судъ или полицейская власть въ его странѣ принадлежала другому государству, или если оно не признаетъ такой власти чужаго государства и на основаніи частнаго права, то это нечто иное, какъ простое слѣдствіе начала исключительнаго территоріальнаго господства.

Наконецъ съ публичнымъ характеромъ территоріальнаго права несовмѣстимо отчужденіе территоріи, или ея части, въ формахъ и по понятіямъ частнаго права. Такое отчужденіе совершалось князьями въ средніе вѣка, какъ обыкновенное дѣло; они продавали свои государства, какъ поземельные участки, закладывали ихъ, часто дѣлили¹. По новому государственному праву, напротивъ, начало неотчуждаемости и нераздѣльности территоріи считается правиломъ². Но въ видѣ исключенія допускается отчужденіе по формѣ публичнаго права на основаніи закона, или вслѣдствіе международныхъ трактатовъ³.

При отчужденіи части государственной территоріи Гуго Гроцій требуетъ сверхъ того, по естественному праву, согласія не только всего государственнаго тѣла, но и жителей этой части территоріи. Это требованіе справедливо, ибо здѣсь дѣло идетъ о всемъ государственномъ бытіи этихъ жителей, законодательство же

---

¹ Подобные факты встрѣчаются и въ древности, но только въ такихъ государствахъ, которыхъ государи имѣли абсолютную власть надъ страной и подданными. Ср. примѣры у Гуго Гроція I. 3. 12.

² Франц. конст. 1791 I § 11: »Le royaume est un et indivisible.« Австр. конст. § 2: «Эти коронныя земли составляютъ свободную, самостоятельную, нераздѣльную и неразрывную, конституціонную, наследственную австрійскую монархію.» Доказательства относительно отдѣльныхъ государствъ Германіи у Zachariö, Deutsches Staats- und Bundesrecht. I. § 83.

³ Прусск. конституц. 1850 г. ст. 2: «Предѣлы государственной территоріи могутъ быть измѣнены только закономъ».

государства не можетъ быть ихъ вѣрнымъ представительствомъ въ такой моментъ, когда оно склонно къ разрыву своего общенія съ ними. Но въ большей части подобныхъ случаевъ требованія обстоятельствъ всегда будутъ сильнѣе этого положенія естественнаго права ¹.

Ограниченія територіальнаго права въ пользу другихъ государствъ (повинности государственнаго права) возможны, а именно по аналогіи съ сервитутами частнаго права. Но чтобы получить признаніе отъ государственнаго права и эти ограниченія требуютъ каждый разъ государственнаго или между-народнаго основанія, должны черпать свое содержаніе изъ государственнаго права. Такъ, на примѣръ, государственнымъ договоромъ сосѣднему государству предоставляется пользованіе военною дорогою, пролегающею чрезъ государственную территорію; или, по желанію сосѣдняго государства, какой-нибудь городъ объявляется вольною гаванью; или почтовая регалія отдается чужому почтовому управленію. Но какъ въ частномъ правѣ сомнительные случаи толкуются въ пользу свободы имущества и объемъ повинностей по возможности ограничивается, такъ еще въ большей мѣрѣ въ государственномъ правѣ свобода территоріи должна быть охраняема отъ подобныхъ ограниченій. Ибо гармонія и единство государственнаго организма, также какъ потребность свободнаго преобразования государственныхъ учрежденій соотвѣтственно требованію общественнаго блага, легко встрѣчаютъ препятствія и стѣсненія отъ продолжительныхъ ограниченій и задержекъ извнѣ ².

Примѣчанія. 1. Перемѣна титула французскихъ королей изъ *Roi de France* въ *Roi des Francais*, совершившая

---

¹ Гуго Гроцій II. 6. § 4. слѣд. Ср. Окончательный вѣнскій актъ 1828: ст. 6. «Добровольная уступка верховныхъ правъ на часть союзной территоріи безъ согласія (всего союза) можетъ быть сдѣлана только въ пользу одного изъ членовъ союза».

² Schmitthener Staatsrecht стр. 409: «Частная собственность чужаго государства, или государя, на государственной территоріи не заключаетъ въ себѣ ограниченія государственной власти».

ся вслѣдствіе революціи, была протестомъ противъ прежняго воззрѣнія, по которому Франція считалась *patrimonium regis*.—Въ этомъ отношеніи она выражаетъ собою прогрессъ государственнаго духа. Однако же, какъ скоро территоріальное право понимается въ его истинномъ значеніи, то нѣтъ болѣе причины считать названіе короля по странѣ болѣе опаснымъ, нежели названіе по народу. Но Шталь заходитъ слишкомъ далеко (*Statslehre II. § 38*), упрекая послѣднее въ томъ, что оно вызываетъ картину варварства. Римскіе и нѣмецкіе императоры предпочитали въ своихъ титулахъ имя народа имени страны. Кто будетъ обвинять ихъ за это въ варварствѣ? Названіе по народу даже выше названія по странѣ, потому что народъ выше страны.

2 Одна повѣрка границъ не подходитъ подъ понятіе отчужденія территоріи. Ею не отчуждается часть, а ближе опредѣляется объемъ дѣйствительной территоріи государства. Но когда для округленія территоріи отдѣляются и мѣняются цѣлыя пространства, да еще населенныя, которыя до тѣхъ поръ несомнѣнно принадлежали государству, то это не есть уже повѣрка границъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣленіе территоріи.

Государственная территорія бываетъ обыкновенно такъ обширна, что для политическаго управленія въ ней принимаются различныя подраздѣленія. Въ нихъ можно различать четыре главныхъ вида:

1. Области.

Провинціи римской имперіи были первоначально самостоятельными территоріями, которыя подчинялись господству римскаго государства. И новое дѣленіе на области объясняется часто прежнимъ обособленіемъ странъ, соединившихся позднѣе въ одно большое цѣлое. Иногда новыя провинціи создавались государствомъ, къ которому принадлежать, но стольже часто, какъ въ нѣмецкой имперіи, изъ областей (герцогствъ) образовались новыя государства.

Характеристическую черту этой высшей степени государственнаго дѣленія составляетъ во всякомъ случаѣ

относительное государственное обособление этих частей. Вслѣдствіе такого обособленія онѣ имѣютъ относительно самостоятельное областное управленіе, которое хотя и подчиняется общему управленію, но пользуется во имя особеннаго значенія области широкими правами. Сверхъ того при представительномъ правленіи области имѣютъ свое областное законодательство, областныя собранія, ограничивающіяся правда особыми интересами области.

Единство новаго государства не благопріятствуетъ этому дѣленію. Во Франціи, Испаніи, Англии, въ настоящее время и въ Пруссіи уничтожена законодательная особенность областей, въ Австріи въ такъ называемыхъ коронныхъ земляхъ она ограничивается главнымъ образомъ интересами просвѣщенія и хозяйства. Но какъ ни великъ интересъ государства въ полномъ и рѣшительномъ единствѣ организма, однако же совершенное уничтоженіе областной свободы разрушаетъ много естественныхъ особенностей и потребностей; преувеличенное однообразіе легко можетъ повредить народной жизни въ ея здоровыхъ и плодотворныхъ частяхъ.

2. Округи (kreise).

Округи представляютъ собою еще болѣе крупныя дѣленія государства: но они составляютъ лишь части территоріи, не имѣя притязаній быть въ тоже время подобно областямъ отдѣльными странами. Въ старомъ франкскомъ и нѣмецкомъ государственномъ устройствѣ герцогства и княжества имѣли характеръ областей, *Gau* были округами.

Къ округамъ же надо причислить англійскія и сѣвероамериканскія графства, французскіе департаменты, нѣмецкіе *Kreise*.

Истинное основаніе этого дѣленія лежитъ не въ особенности страны или племени народа, а въ самомъ государственномъ управленіи, которое имѣетъ политическую потребность устроить свою дѣятельность по степенямъ. Слѣдовательно это дѣленіе составляетъ по большей части продуктъ государственнаго организма, хотя въ частности необходимо принимать въ соображеніе историческую связь населенія округа и его есте-

ственное тяготѣніе. Если области можно сравнить съ различными домами, принадлежащими къ замку, то округа уподобляются скорѣе различнымъ этажамъ дома.

Въ округахъ сосредоточивается обыкновенно управление и высшій судъ.

3. Дистрикты или уѣзды (Bezirke).

Они составляютъ обыкновенно подраздѣленіе округовъ и имѣютъ въ такомъ случаѣ особое управление, подчиненное окружному, и среднюю инстанцію суда.

Сюда относятся сотни, Centenen, Huntari древняго германскаго устройства, Landgerichte и Oberamteien въ Германіи, кантоны во Франціи. Избирательные округа для выбора народныхъ представителей не относятся сюда, такъ какъ они существуютъ для временной политической цѣли. Отсутствие постоянныхъ общихъ учреждений въ такихъ округахъ свидѣтельствуешь, впрочемъ, о несообразности такого дѣленія.

4. Общины городскія и сельскія съ принадлежащими къ нимъ землями (Bann).

Составляя низшую ступень дѣленія государственной территоріи, онѣ имѣютъ высокое жизненное значеніе, представляющее нѣкоторую аналогію съ территоріею самого государства. Личная (корпоративная) община находится въ такомъ же отношеніи къ своей землѣ, въ какомъ политически-организованный народъ къ своей странѣ. Она наполняетъ свою землю своею общею жизнью. Конечно, эта жизнь не есть высшая политическая, какъ жизнь народа, а обращена прежде всего на общіе интересы культуры и хозяйства.

Измѣненія въ политическомъ дѣленіи территоріи составляютъ дѣло закона. Государство должно на всѣхъ степеняхъ дѣленія охранять и свои общіе интересы и гармонію своего организма. Но чѣмъ выше ступень дѣленія, тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствуютъ общественные интересы, тѣмъ болѣе простора для государства въ опредѣленіи границъ. Напротивъ, низшая ступень, община, находится по своей цѣли въ такихъ разнообразныхъ и тѣсныхъ отношеніяхъ къ существующимъ общиннымъ корпораціямъ, что здѣсь должна быть принимаема въ соображеніе преимущественно ихъ воля Глав-

ныя соображенія, которыми должно руководствоваться государство при своихъ дѣленіяхъ, слѣдующія: а) политическая цѣлесообразность дѣленія; б) естественныя связи и противоположности, — напр. рѣчныя области и долины, составляющія одно цѣлое; в) историческія отношенія населенія; г) экономическое тяготѣніе — напр. къ городу какъ центру. Чисто математическія соображенія, основанныя на одномъ вычисленіи, имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Отношеніе государства къ частной собственности.

Частная собственность, т. е. власть лица надъ вещью, современна самому человѣку. Когда первые люди рвали плоды, которые представляли имъ для пищи деревья, они сознательно прилагали къ нимъ свою власть, т. е. обращали ихъ въ свою собственность. А когда они выбирали себѣ пещеру и приготовляли тамъ прочное, хотя временное ложе, то дѣлали и его своею собственностью. Когда они прикрывали вѣтвями свою наготу и покрывали свое тѣло звѣриными шкурами, они опять приобрѣтали собственность.

Собственность не есть созданіе государства. Въ своей первой, конечно несовершенной, еще мало обезпеченной формѣ, она есть дѣло индивидуальной жизни, такъ сказать разширеніе физическаго бытія индивидовъ. Индивидъ завладѣваетъ вокругъ себя вещами, на которыя простирается его власть, обращаетъ ихъ въ свое служеніе и пользованіе, присвоиваетъ ихъ себѣ. Когда къ владѣнію присоединяется сознаніе права лица надъ вещью, устанавливается собственность. Даже кочевникъ, не состоящій ни въ какой прочной государственной связи, имѣетъ собственность въ своей одеждѣ, своемъ оружіи, своихъ ста-

дахъ и своей утвари. И Робинсонъ, потерпѣвшій крушеніе, расширилъ свою собственность на пустынномъ островѣ.

Слѣдовательно коммунизмъ, отрицающій право частной собственности и объявляющій ее «воровствомъ»¹ у общества, противорѣчитъ индивидуальной природѣ человѣка. Богъ, создавъ человѣка, далъ ему «власть надъ рыбами морскими, и птицами небесными и звѣрьми и скотами и всею землею» (Моис. 1.26). Коммунизмъ впадаетъ также въ противорѣчіе и со всею исторіею человѣчества, которая признаетъ собственность у всѣхъ народовъ во всѣ времена, и въ своемъ движеніи очевидно стремится къ полному развитію права собственности. Слѣдствіемъ уничтоженія собственности въ смыслѣ коммунизма была бы гибель всякой индивидуальной свободы, разрушеніе культуры, разложеніе семейства, однимъ словомъ такое варварство, какого небывало даже въ самомъ дикомъ состояніи человѣческаго общества².

Ученіе соціалистовъ, повидимому болѣе умѣренное и гуманное, также извращенно и еще болѣе непоследовательно. Представителемъ этого воззрѣнія можно считать Фребеля, который признаетъ собственность только какъ «ленъ государственнаго общества, находящійся въ рукахъ владѣльца. «Право отдѣльныхъ лицъ онъ считаетъ только слѣдствіемъ общей воли многихъ лицъ, составляющихъ державное общество»³. Это ученіе не менѣе коммунизма опускаетъ изъ вида индивидуальную природу и свободу человѣка. Признавая только производное и временное владѣніе, оно предлагаетъ намъ преувеличенную карикатуру средневѣковаго феодализма въ замѣнъ свободной собственности, которой посчастливилось установить высшій нравственный порядокъ. Это таже самая, только обвѣшанная демократическими фразами теорія рабства, которая въ темныя времена исторіи учила пресмыкаться передъ деспотами.

---

¹ Proudhon, «La propriété c'est le vol.»

² Ср. Thiers de la propriété Liv. II. Онъ превосходно критикуетъ коммунистическія и соціалистическія системы, но его философскій выводъ понятія собственности (изъ труда) неудаченъ.

³ Fröbel, Sociale Politik II. стр. 392 и 400.

Итакъ государству вовсе не принадлежитъ абсолютная власть надъ частною собственностью. Напротивъ, собственность, какъ частное право, находится внѣ сферы права государственнаго. Государство не создаетъ собственности, потому и не можетъ отнимать ее. Оно охраняетъ ее, какъ охраняетъ всѣ индивидуальныя права вообще. Вотъ два главные правила, опредѣляющія отношеніе государства къ частной собственности:

1. Государство обезпечиваетъ свободу и неприкосновенность собственности¹.

2. Государству не принадлежитъ произвольное распоряженіе собственностью.

Однакоже частная собственность подвергается ограниченіямъ вслѣдствіе соображеній, расширяющихъ въ тоже время право государства.

1. Такія ограниченія вытекаютъ изъ самой природы вещей.

Извѣстныя вещи въ силу своихъ природныхъ свойствъ изъемяются изъ исключительнаго частнаго владѣнія и частной собственности и открываются для общаго пользованія. Это публичныя вещи (*res publicae*), такъ общественныя рѣки, гавани, дороги².

---

¹ Цѣлый рядъ конституцій прямо высказываютъ это положеніе. Еще Великая хартія англійскаго короля Генриха III, 1225 г., содержитъ нѣсколько отдѣльных постановленій этого рода. И конституція французской республики 1848. ст. 11, подобно хартіи 1814, (8) выставляетъ слѣдующее положеніе: «*Toutes les propriétés sont inviolables*». Тоже устанавливаетъ и прусская конституція 1850 г. ст. 9»: собственность неприкосновенна.

² *Marcianus L. § 1. de div. Rer: «Flumina paene omnia et portus publica sunt».* *Ulpianus L. 1, § 3, eod. «Publicum flumen esse Cassius definit quod perenne sit».* Уже понятіе публичной рѣки по *Code Napoléon § 538: «Les chemins, routes et rues à la charge de l'Etat, les fleuves et rivières navigables ou flottables, les rivages, lais et relais de la mer, les ports, les hâvres, les rades et généralement toutes les portions du territoire français, qui ne sont susceptibles d'une propriété privée, sont considérées comme des dépendances du domaine public».* Точно также и *Sachsenspiegel I, 28, § 4.* считаетъ публичными рѣками повидимому только большія

Другія вещи, хотя по своей природѣ и способны быть предметомъ частной собственности, но по духу новаго права присвояются государству, потому что близко касаются общаго блага, или потому что ихъ разработка требуетъ хозяйства, выходящаго за предѣлы обыкновенной, частной собственности. Сюда относятся горное дѣло, соляное и другія регалии.

2. Есть ограниченія, которыя являются вслѣдствіе (политическаго) верховнаго господства государства надъ страню и людьми и вытекаютъ изъ его обязанности охранять интересы настоящихъ и будущихъ поколѣній. Сюда относятся подати и всѣ полицейскія ограниченія частной собственности.

3. Вслѣдствіе права экспроприаціи. Обыкновенно полагаютъ, что римляне не признавали зтого права, что, напротивъ, свобода собственности безусловно охранялась — и тогда, когда государство нуждалось въ уступкѣ имущества для общепользныхъ предпріятій. Однакоже извѣстно только то, что римляне не допускали общаго права экспроприаціи. Ихъ громадныя каналы, ихъ прямыя военныя дороги, ихъ укрѣпленія были бы необъяснимы, еслибы государство не имѣло власти принуждать землевладѣльцевъ въ отдѣльныхъ случаяхъ къ уступкѣ. Когда являлась потребность экспроприаціи, римляне поступали вѣроятно такъ, какъ поступаютъ до новѣйшаго времени англичане, т. е. они издавали спеціальныя законы на извѣстный случай¹. И въ настоящее время въ Англіи необходимъ актъ парламента, чтобы пригласить собственниковъ къ уступкѣ имущества для общественнаго предпріятія. На европейскомъ материкѣ, напротивъ, право экспроприаціи получило въ новѣйшее время всеобщее признаніе и

рѣки: «Svelk water Strames obüt, dat is gemene to varene unde to vischenes inne». Прусск. зем. пр. II, 15, § 38, 42, ограничивая понятіе публичной рѣки «судоходными» рѣками, говоритъ о частныхъ рѣкахъ способныхъ къ сплаvkъ плотовъ. Сходно съ нимъ и Австр. ул. § 407.

¹ Ср. Blackstone I, 1, и цѣлый рядъ новыхъ законовъ о каналахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Примѣры можно найти въ «Neuester Expropriationscodex». Nürnberg. 1837.

общее опредѣленіе. Многія новыя конституціи признають право государства принуждать во имя общаго блага къ уступкѣ имущества за полное вознагражденіе ¹.

Это начало получаетъ полное оправданіе, если принять въ соображеніе, что при столкновеніи индивидуальных интересовъ съ общими, публичными, послѣднимъ принадлежитъ преимущество, но не въ большей степени, нежели сколько того требуетъ разрѣшеніе столкновенія. Общій интересъ охраняется правомъ государства на экспроприацію, индивидуальный правомъ частнаго лица на полное вознагражденіе.

Ислѣдованіе общественнаго интереса въ отдѣльномъ случаѣ, т. е. рѣшеніе вопроса—требуетъ ли общественная нужда экспроприаціи, относится по своей природѣ къ публичному праву. Потому этотъ вопросъ рѣшается не гражданскимъ судомъ, а органами государственной власти въ собственномъ смыслѣ: или самъ законодатель, какъ въ Англіи и сѣверной Америкѣ, объявляетъ предпріятіе необходимымъ, или же, какъ бываетъ обыкновенно въ Германіи, это право принадлежитъ правительственнымъ учрежденіямъ. Послѣдній способъ правильнѣе, потому что предписывать въ опредѣленномъ случаѣ то, чего требуетъ общее благо—есть дѣло правительства. Ему же свойственна въ высшей степени способность обсуждать цѣлесообразность средствъ. Но во всякомъ случаѣ способъ дѣйствія долженъ гарантировать частное право отъ произвольныхъ захватовъ ².

¹ Бав. зем. пр. 1756, IV, 3, § 2. Прусск. зем. пр. I, 2, § 4, 7. Code Napoléon § 545: «Nul ne peut être contraint de céder sa propriété, si ce n'est pour cause d'utilité publique et moyennant une préalable indemnité». Австр. улож. § 365: «когда того требуетъ общее благо, членъ государства обязанъ уступить даже полную собственность надъ вещью за соответствующее вознагражденіе». Франц. конст. 1848, § 11. согласна съ хартіею 1814, § 9, и съ Кодексомъ—Бельг. конст. 1831, § 11, неаполитан. 1848, § 26, также Австр. 1849, § 29, сходны съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ Австр. улож. Прусск. конст. 1850, ст. 9: «собственность неприкосновенна, но въ случаѣ нужды можетъ быть ограничена или взята за предварительное вознагражденіе, установленное по опредѣленію закона».

² Баварск. зак. 1837 г. ср. статью Трейхлера «über die

Право государственной экспроприации принадлежит прежде всего только государству, а въ тѣсномъ кругѣ общинныхъ интересовъ—и общинѣ, но не частнымъ лицамъ. Однако же, въ видѣ исключенія, государство можетъ предоставить частнымъ лицамъ право экспроприации для извѣстной цѣли, подобно тому, какъ во имя общихъ интересовъ, оно предоставляетъ частнымъ лицамъ, отдѣльнымъ индивидамъ или товариществамъ — веденіе отдѣльныхъ предпріятій. Даже въ Англии и сѣверной Америкѣ законодательное собраніе часто переносило это право на акціонерныя общества, напр. на общества желѣзныхъ дорогъ.

Многія законодательства ограничиваютъ экспроприацию, съ одной стороны, недвижимымъ имуществомъ, съ другой отдѣльными поименованными цѣлями. Но начало экспроприации въ своей чистотѣ противится этимъ ограниченіямъ. Тѣже самыя основанія, которыя оправдываютъ узкое приложеніе этого начала, годны и для экспроприации движимаго и другаго имущества и для цѣлей, которыя являются вслѣдствіе новыхъ открытій и расширенныхъ потребностей культуры уже послѣ исчисленія, сдѣланнаго законодателемъ.

Вопросъ объ опредѣленіи вознагражденія, слѣдующаго собственнику, вполне носитъ характеръ частнаго права. Слѣдовательно если онъ не разрѣшится добровольнымъ соглашеніемъ, то долженъ быть рѣшенъ путемъ гражданскаго процесса. Во всякомъ случаѣ государство обязано дать полное вознагражденіе.

Частный человекъ не долженъ быть осужденъ на потерю, которая падаетъ на него одного. Поэтому необходимо вознаградить его при экспроприации не только за обыкновенную, мѣновую стоимость вещи, но и за особую стоимость, которую она имѣетъ для него лично, не только за непосредственный, но и за посредственный интересъ. Съ другой стороны нѣтъ надобности вознаграждать за воображаемую, а также и за субъективную стоимость, которую собственникъ дѣйствительно придаетъ вещи, или показываетъ, что придаетъ.

Zwangsabtretung» въ Zeitschrift für deutsches Recht Безелера. Рейшера и Вильда, Т. XII. отд. 1.

Нѣкоторыя законодательства дозволяютъ, если не при вычисленіи непосредственнаго убытка, — онъ вознаграждается во всякомъ случаѣ — то при оцѣнкѣ убытка косвеннаго вычитать, какъ вознагражденіе, ту косвенную выгоду, которую доставляетъ собственнику предпріятіе ¹. Другія права напротивъ не принимаютъ въ соображеніе выгодъ, которыя доставляетъ предпріятіе хозяину имущества, подвергшагося экспроприаціи ². Въ ограниченіяхъ, постановленныхъ Цюрихскимъ закономъ, выражается первый взглядъ, безъ сомнѣнія болѣе вѣрный, потому что онъ болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ стоимости и убытка.

---

¹ Франц. зак. 1841. ст. 51. Цюрихскій зак. 1838. § 7. «При вычисленіи косвеннаго убытка, который наносится остальной части имущества, подвергшагося экспроприаціи, каждый разъ принимается въ соображеніе выгода, приносимая хозяину имущества предпріятіемъ.» Напримѣръ, улицею прорѣзывается садъ. Оставшаяся сторона теряетъ въ стоимости, какъ садъ, но какъ мѣсто подъ постройку, выигрываетъ болѣе, нежели потеряла въ первомъ отношеніи. Здѣсь было бы несправедливо требовать отъ государства вознагражденія ущерба.

² Бавар. зак. 1837. 6.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И ПАДЕНИИ ГОСУДАРСТВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введение.

Историческая наука не наблюдала за возникновениемъ перваго государства и не оставила объ немъ никакихъ свѣдѣній. Научное сознаніе началось тогда, когда на землѣ существовало уже нѣсколько государствъ. Даже глубоко древнія священныя книги Іудеевъ, свидѣтельствующія о возникновеніи Іудейскаго государства, упоминаютъ о древнѣйшемъ Египетскомъ, не говоря ни слова объ его происхожденіи. Вѣроятно первообразомъ Египетскаго государства было Индійское, но и священныя книги Индовъ, не освѣщаютъ для насъ его возникновенія.

Позднѣе, исторія наблюдала за началомъ и концемъ очень многихъ государствъ, и доставляетъ намъ болѣе обильныя данныя о возникновеніи и паденіи государствъ, нежели чистое умозрѣніе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ. Всѣ древнія государства въ Европѣ, въ Азіи почти всѣ вымерли уже нѣсколько столѣтій назадъ, происхожденіе большей части нынѣ существующихъ государствъ относится къ исторически извѣстному времени. Нѣкоторыя изъ нихъ еще очень недавни. Предварительныя условія ихъ возникновенія, равно какъ и тѣ моменты, чрезъ воздѣйствіе которыхъ оно совершалось,

отнюдь не скрыты отъ нашего взора, хотя сама творческая сила какъ бы покрыта божественною тайною, какъ во всѣхъ духовныхъ и физическихъ твореніяхъ.

Образъ возникновенія государствъ не есть только феноменъ, представляющій величайшій психологическій и историческій интересъ. Онъ оказываетъ вліяніе на всю послѣдующую жизнь государства и, по большей части, опредѣляетъ его отношеніе къ другимъ государствамъ ¹.

Поэтому изслѣдованіе различныхъ формъ возникновенія государствъ представляетъ болѣе интереса для государственнаго права, нежели изслѣдованіе нѣкоторыхъ формъ приобрѣтенія собственности для права частнаго, хотя въ новое время первое почти совсѣмъ опущено изъ вниманія, между тѣмъ какъ послѣднее постоянно и внимательно было изучаемо. И въ государственномъ правѣ мы можемъ отличать первообразныя (*originarii*) формы возникновенія отъ производныхъ (*derivativi*) смотря по тому, получило ли государство начало въ самомъ народѣ, который сложился и возвысился до него, или же обязано своимъ бытіемъ другому, какъ это мы видимъ въ новыхъ государствахъ.

Образованіе государства, о которомъ здѣсь только и говорится не должно смѣшивать съ измѣненіемъ его устройства, — съ преобразованиемъ; различіе между тѣмъ и другимъ справедливо замѣтилъ еще Боденъ ². Съ переходомъ древне-римскаго царства въ республику не явилось новаго государства, равно какъ и съ переходомъ республики въ имперію. Эти измѣненія въ формѣ правленія означаютъ различные періоды и состоянія одного и того же государства, но никакъ не начало новыхъ.

---

¹ Toqueville De la democratie. en Amerique 1, s. 46. Les peuples se ressentent toujours de leur origine. Les circonstances, qui ont accompagné leur naissance et servi à leur développement influent sur tout le reste de leur carrière.»

² Bodinus. De Republica. IV. c. I. Послѣднее онъ называетъ *conversio*. Conversionem civitatis appello, cum status ipsius convertitur ac omnino mutatur; id autem fit, cum imperium popolare ad unum aut paucorum potestas ad omnes cives defertur contraque.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первоначальныя формы возникновенія.

Самую своеобразную форму возникновенія государства представляет сага объ основаніи Рима. Здѣсь все ново, начиная съ народа, который, сложившись изъ обломковъ различныхъ племенъ, соединяется около общихъ предводителей и становится римскимъ народомъ, и кончая не воздѣланной, безхозяйной страной, которая поступаетъ въ обладаніе этого народа и назначается мѣстомъ для вѣчнаго города. Въ этой сагѣ лежитъ мысль о совершенно новомъ твореніи. Организация толпы людей въ государственный народъ ни минуты не предшествуетъ утвержденію его на государственной территоріи; отношеніе къ городу точно также первобытно. Оба момента сливаются въ одинъ, и основаніе новаго государства, съ одной стороны, освящается благословеніемъ боговъ, съ другой утверждается закономъ, даннымъ новымъ царемъ устроившемуся народу и одобреннымъ послѣднимъ. Творческій духъ царя и государственная воля народа соединяются въ государственномъ законѣ¹, какъ въ учредительномъ актѣ особаго рода, государство является здѣсь свободнымъ произведеніемъ сознательной народной воли.

Существовала ли когда дѣйствительно такая форма творческаго государственнаго акта, какъ о немъ можно выразиться, это конечно подлежитъ сомнѣнію, но во всякомъ случаѣ эта форма вполне соответствуетъ государственной идеѣ, которая въ ней представляется вступающею въ жизнь со всею своею полнотою, какъ Афина изъ головы Зевса.

---

¹ Leo Weltgeschichte, 1.373, считаетъ «договоръ» характеристическимъ моментомъ основанія Рима. Въ самомъ дѣлѣ, старая форма римскаго законодательства напоминаетъ обыкновенную форму облигаціонныхъ договоровъ — *stipulatio*. Но, не смотря на это, римскій законъ съ точки зрѣнія его сущности, не есть договоръ двухъ самостоятельныхъ лицъ, а произведеніе единого римскаго народа.

II. Территорія уже существуетъ, но народъ только гораздо позже приходитъ къ сознанию государства. Здѣсь образующій государство моментъ лежитъ въ организаціи народа. Въ древнихъ сагахъ мы находимъ знаменитый примѣръ и этого способа образованія государства. Аѣиняне — дѣти аттической страны (автохтоны) обрабатывали ее въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, прежде чѣмъ основали государство Аѣины. Считать ли основателемъ его Кекропса, который первый распространилъ между грубыми туземцами богопочитаніе, истинныя понятія о семейномъ правѣ, земледѣліе и масличныя деревья, раздѣлилъ весь народъ на племена, сходныя съ кастами, подчинилъ управленію и суду, или все это приписывать Тезею, который соединилъ разсѣянныя общины страны въ одно цѣлое и сосредоточилъ управленіе въ Аѣинахъ¹: и въ томъ и другомъ случаѣ возникновеніе государства зависитъ отъ организаціи народа, которому принадлежитъ территорія.

Исторически изслѣдованное возникновеніе государства изъ организаціи народа въ извѣстной территоріи представляетъ республика Исландія въ 930 г. по Р. Х. Сначала здѣсь являются отдѣльныя поселенія многочисленныхъ вождей (Goden) и разъединенныя владѣнія самостоятельныхъ Годордъ (Godorde) съ храмами и пристанями. Но потомъ, по предложенію Ульфліота, съ согласія Годовъ, для всего населенія былъ составленъ общій аллдингъ, и такимъ образомъ для законодательства и суда учрежденъ общій органъ, которому были подчинены всѣ Годорды. Вслѣдствіе этого населеніе острова превратилось въ государственный народъ.

Точно также возникновеніе государства Калифорніи, совершившееся на глазахъ нашихъ современниковъ, представляется свободнымъ устроеніемъ новаго народа на

---

¹ Это соединеніе общинъ въ государство Аѣиняне называли ξυνοίκησις. Ср. 1, трактатъ В. Фишера «Über die Bildung von Staaten und Bünden im alten Griechenland, Basel. 1849.

территоріи, принадлежавшей Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Жажда золота со всего свѣта привлекла сюда толпы людей всякаго рода. 1 сентября 1849 года были выбраны депутаты для составленія конституціи, а 13 октября проэктъ конституціи новаго государства предложенъ на утвержденіе новому народу. Трудно найти въ исторіи другой примѣръ которымъ, бы легче было доказать возможность образованія государства изъ свободнаго согласія участвующихъ лицъ; однако при болѣе точномъ разсмотрѣніи событія нельзя не видѣть, что и здѣсь не договоръ всѣхъ индивидовъ, а постановленія и воля большинства рѣшили дѣло и что при этомъ предполагалось, какъ нѣчто необходимое, единство общества. Слѣдовательно конституція создана не волею отдѣльныхъ индивидовъ, но общею волею всего населенія.

III. Чаше случается, что образованіе народа предшествуетъ завладѣнію страной, второму необходимому элементу для бытія государства. Эту форму мы можемъ назвать приобрѣтеніемъ территоріи. Оно представляется или въ видѣ заселенія еще необитаемой страны—случай весьма рѣдкій въ исторіи, встрѣчающійся при возникновеніи государствъ на островахъ, — или въ видѣ завоеванія уже заселенной страны. Послѣдній способъ встрѣчается очень часто. Образованіе государства іудейскаго, значительной части греческихъ (дорійскихъ) и основаніе государствъ германскими народами на римскихъ провинціальныхъ и славянскихъ земляхъ носятъ этотъ характеръ. Здѣсь проявляется превосходство военной силы народа покоряющаго въ сравненіи съ покоренными, и если война съ одной стороны дѣйствуетъ разрушительно, то съ другой въ ней обнаруживается положительная сила, такъ сказать, рождающая государства. Подчиненіе и мужественное господство — эти свойства государственности — возрастаютъ во время войны, и народъ побѣдитель становится особенно способнымъ основать новое государство на покоренной территоріи. Государства возникшія такимъ образомъ, въ первую пору своего существованія, должны баротся съ величайшими внутрен-

ними затрудненіями, не говоря уже о внѣшнихъ отношеніяхъ. Если борьба оружіемъ и не возобновляется, за то начинается борьба другаго рода, борьба духа и культуры между народомъ побѣдителемъ и побѣжденнымъ, и продолжается до тѣхъ поръ, пока не установится полное политическое единство смѣшанныхъ націй.

Чтобы спасти народъ отъ этой опасной борьбы, Моисей вмѣняетъ Іудеямъ въ обязанность огнемъ и мечемъ истреблять жителей священной земли, данной имъ отъ Бога. Многіе народы побѣдители не избѣжали опасности этой внутренней борьбы; ихъ скоро побѣждала высшая культура побѣжденныхъ.

Завоеваніе, хотя оно есть насиліе, считалось у всѣхъ народовъ источникомъ государственнаго права, и слова Александра Великаго ¹ «побѣдитель даетъ законъ, побѣжденный его принимаетъ» имѣютъ значеніе еще и въ наше время. І. Христосъ призналъ право завоеванія въ своемъ изреченіи: воздадите убо Кесарево Кесареви.

Конечно состояніе, въ которомъ находится право, еще весьма не совершенно, если внѣшняя сила оказываетъ такое неотразимое вліяніе на возникновеніе новыхъ и разрушеніе существующихъ правъ. Но какъ бы ни была груба форма завоеванія, въ немъ скрывается духовный элементъ, изъ котораго объясняется его юридическое значеніе. Древніе, особенно германскіе народы, смотрѣли на войну, какъ на великій процессъ народовъ, и на побѣду, которую обыкновенно приписывали богамъ, какъ на божественный приговоръ въ пользу побѣдителя ². Такимъ образомъ въ завоеваніи представлялось не одно физическое превосходство, но и превосходство нравственное, которое даетъ право на

---

¹ Curtius Rufus, vita Alexand. lib. 4. Справ. Гуго Гроція: De jure belli ac pacis. III. c. 8. Онъ приводитъ слова германскаго короля Аріовиста, обращенные къ Цезарю: «въ этомъ и состоитъ право войны, чтобы побѣдитель располагалъ побѣжденными, какъ ему угодно.»

² Bluntscihli Studien s. 202.

господство въ государствѣ. На этомъ же основывается и политическое сознание новаго времени, которое смотритъ на государство съ человѣческой точки зрѣнія. Оно не станетъ въ каждой побѣдѣ находить подтвержденіе права, и въ каждомъ пораженіи знакъ не права; успѣхи оружія оно не приметъ за юридическій титулъ; но результатъ великаго историческаго развитія, которое, отъ времени до времени, приводитъ къ покою борющіяся силы націй, оно будетъ считать за сообразное съ природой и временемъ окончаніе процесса народовъ и государствъ и, такъ какъ здѣсь дѣйствуютъ нравственные моменты, припишетъ ему значеніе всемірно-историческаго приговора: «всеми́рная исторія есть всемірный судъ.»

IV. Соединеніе многихъ государствъ въ одно новое цѣлое, — конфедерація. Здѣсь не договоръ индивидовъ, но государство полагаетъ основаніе новому, сложному государству. Оно осуществляется чрезъ дѣйствительную организацію общества. Таковы были греческія конфедераціи Беотійскихъ земель, неудавшаяся попытка Эпаминонда соединить аркадцевъ, Симмахія, надъ которой Спарта имѣла гегемонію, Этолійское и Ахайское союзныя государства. Такого рода были въ Италиі союзы Самнитянъ, подъ конецъ среднихъ вѣковъ союзъ нѣмецкихъ Ганзейскихъ городовъ, Швейцарскихъ кантоновъ, Нидерландскихъ штатовъ

Эта форма производитъ всегда сложныя не простыя государства, такъ какъ она не уничтожаетъ союзныхъ государствъ, но объединяетъ ихъ только въ новомъ политическомъ союзѣ. Основываясь болѣе на государственномъ договорѣ, нежели на государственномъ законѣ, она передаетъ какъ наслѣдство слѣдующимъ поколѣніямъ противоположность государствъ, изъ которыхъ многія въ существенныхъ отношеніяхъ самостоятельны, но въ другихъ, не менѣе существенныхъ, зависятъ отъ цѣлаго, и вмѣстѣ съ этой противоположностью постоянное взаимодействіе, а часто и борьбу мѣстнаго государственнаго духа съ общимъ.

На этой противоположности основываются двѣ главныя формы государственнаго соединенія: союзъ государствъ и союзное государство. Оба суть сложныя государственныя тѣла и этимъ отличаются отъ простыхъ союзовъ, которые образуютъ новаго государства.

1. Многія государства соединяются въ одинъ союзъ, который по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны представляетъ цѣльное государство и является субъектомъ международнаго права. Въ немъ не образуется центральнаго государства, отличнаго отъ другихъ, но общее управленіе предоставляется или одному государству, какъ гегемону, или собранію пословъ и представителей всѣхъ соединенныхъ государствъ.

Перваго рода союзы государствъ были греческіе подъ гегемоніей Спарты и Аѳинъ, а послѣдняго Швейцарскій союзъ до 1848 г. и германскій съ 1815 г.

2. Въ союзномъ государствѣ заключаются не только вполнѣ организованныя отдѣльныя государства, но также и одно самостоятельно организованное, сложное, центральное государство. Союзная власть не принадлежитъ ни одному изъ отдѣльныхъ государствъ, ни совокупности ихъ. Но оно имѣетъ свои союзныя или національныя органы, которые принадлежатъ только цѣлому. Такимъ союзнымъ государствомъ былъ Ахейскій союзъ, съ общимъ народнымъ собраніемъ, откуда исходили законы, съ союзнымъ стратегомъ, какъ главою союза, съ союзнымъ совѣтомъ и судомъ. Тоже должно сказать о Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки съ 1787 г. и о Швейцаріи съ 1848 г.

Обѣ формы государствъ болѣе удобны для республики, нежели для монархіи.

V. Съ союзнымъ государствомъ имѣетъ сродство соединеніе двухъ, или многихъ, государствъ подъ властію одного государя, или соединеніе ихъ въ одно новое государство, унія. Здѣсь можно различать различныя степени и способы соединенія. Во всѣхъ отношеніяхъ самое несовершенное соединеніе представляется:

1. Въ видѣ простаго личнаго соединенія. Оно можетъ быть только временное, преходящее, если наслѣдство престола двухъ различныхъ государствъ случайно достается одному и тому же лицу и прекращается, какъ скоро вступаютъ на престолъ два различныя лица. Таково было соединеніе Германской Имперіи и Испанскаго государства подъ властію Карла V, соединеніе Польши и Саксоніи подъ властію Августа, Англіи и Ганновера подъ властью Георга IV, Шлезвигъ-Голштейна и Даніи по договору 1621 г. Эта форма уніи, самая непрочная изъ всѣхъ, не производитъ новаго соединеннаго государства, а ограничивается тѣмъ только, что ставитъ два самостоятельныя государства въ чисто внѣшнія отношенія къ одному и тому же государю, какъ главѣ государства.

Кромѣ этого существуетъ еще и другое постоянное личное соединеніе, когда престолы принадлежатъ одной династіи на основаніи однихъ и тѣхъ же законовъ престолонаслѣдія. Примѣры этого рода суть Прагматическая санкція 1413 для государствъ, соединенныхъ подъ австрійскимъ скипетромъ, принятая въ 1722 г. и венгерскимъ сеймомъ для Венгерскаго королевства, приобрѣтеніе княжества Невшателя Прусской короной 1707 г., соединеніе Швеціи и Норвегіи съ 1814 года.

Если такое продолжительное соединеніе и можетъ повести къ возникновенію новаго сложнаго государства, то все-таки единство въ немъ далеко не совершенно, и является съ рѣшительнымъ практическимъ значеніемъ только въ томъ случаѣ, когда въ лицѣ государя дѣйствительно сосредоточена абсолютная власть. При всѣхъ другихъ условіяхъ непримиримое внутреннее противорѣчіе различныхъ государствъ съ противоположными интересами и стремленіями и съ общимъ государемъ будетъ весьма ощутительно; вслѣдствіе этого къ государю могутъ обращаться съ неразумнымъ требованіемъ, чтобы онъ, будучи главою одного государства, вступалъ въ непріязненныя отношенія къ другому, во главѣ котораго онъ точно также находится. По этому съ представительнымъ устройствомъ форму личной уніи согласить нельзя.

3. Болѣе высшее единеніе представляетъ такъ называемая реальная унія. Здѣсь объединяется не только личность государя, но законодательство и администрація. Это соединеніе, правда, допускаетъ относительную самостоятельность соединенныхъ государствъ, которыя, до извѣстныхъ предѣловъ, могутъ имѣть свое частное, мѣстное законодательство и управление, но все государство организовано, какъ нѣчто единое, и высшіе, общіе государственные интересы сосредоточены въ общихъ органахъ. Примѣромъ реальной унії является соединеніе Норвегіи съ Даніею по закону 1536 года, соединеніе Кастилии и Арагоніи, если и не съ самаго начала т.-е. съ 1474 года, то по крайней мѣрѣ подъ властію Австрійскихъ государей, но въ особенности Австрійская монархія по основному закону 1849 года и февральской конституціи 1861 г.

Наконецъ полная унія уничтожаетъ особность соединенныхъ государствъ и образуетъ не сложное, но уже одно простое государство. Такой характеръ имѣетъ соединеніе въ 1707 году, Англіи и Шотландіи связанныхъ первоначально посредствомъ личной унії, и позднѣйшее соединеніе Великобританіи и Ирландіи въ 1800 году, причемъ отдѣльные парламенты были уничтожены и для всего государства установленъ одинъ общій. Новѣйшимъ примѣромъ полной унії можетъ служить введеніе Гогенцоллерскихъ княжествъ въ составъ Пруссіи въ 1849 году, соединеніе итальянскихъ герцогствъ, Неаполитанскаго и Піэмонтскаго королевствъ въ одно новое Итальянское королевство.

Древнее государственное право обыкновенно смотрѣло на эти соединенія исключительно съ династической точки зрѣнія, какъ будто бы дѣло шло о пріобрѣтеніи и соединеніи нѣсколькихъ поземельныхъ владѣній частными лицами, поэтому здѣсь допускались формы частнаго права — отчужденія, завѣщанія и т. д. Новѣйшее государственное право должно оставить это воззрѣніе, противорѣчащее современному понятію о государствѣ; народъ и государство не составляютъ наслѣдства, которымъ отдѣльный человѣкъ можетъ распоряжаться по усмотрѣнію.

VI. Противоположность соединенію представляетъ раздѣленіе или распаденіе большаго государства на два или болѣе новыхъ государствъ.

Это явленіе преимущественно замѣчается тамъ, гдѣ различные народы, раздѣленные прежде даже по мѣсту жительства, сомкнуты въ новое государство, не сдѣлавшись въ сущности единымъ народомъ. Какъ скоро исчезаетъ та сила, которая до сихъ поръ связывала ихъ, выступаютъ естественныя противоположности, и начинается великій процессъ разложенія, который цѣлое до толѣ государство разрѣшаетъ на нѣсколько новыхъ, самостоятельныхъ. Такъ мгновенно распалась всемірная монархія по смерти Александра Великаго, созданная его геніемъ. Въ IX вѣкѣ Франкская монархія распалась по національностямъ, конечно, не безъ существеннаго содѣйствія династическихъ противоположностей. Распаденіе Наполеоновой имперіи съ ея созданіями, подчиненными ленными королевствами, по большей части, объясняется тѣмъ же. Отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи въ 1830 г. имѣетъ также этотъ характеръ.

Въ средніе вѣка было и другаго рода дѣленіе, дѣленіе государства, какъ наслѣдства между многими наслѣдниками, или между сыновьями умершаго государя. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока подобный способъ дѣйствія свойственный только частному праву, и совершенно не согласный ни съ правомъ тѣсно сплоченнаго народа ни съ благосостояніемъ государства, не былъ вытѣсненъ въ Европѣ политическимъ принципомъ нераздѣльности.

VII. Такуюже форму представляетъ отдѣленіе одной части государства и преобразование ея въ новое самостоятельное государство.

По правилу часть, какъ таковая, не имѣетъ права возстать противъ цѣлаго и насильственно отложиться отъ него. Исторія представляетъ много примѣровъ бѣдственныхъ и не оправдавшихся попытокъ отложенія такого рода; но въ ней, можно найти и такіе факты отложенія, которые достигли полнаго признанія, и во внутренней правотѣ которыхъ нельзя нисколько сомнѣваться. Вспомнимъ отдѣленіе Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ

отъ Испаніи въ 1589 году, объявленіе независимости Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ 1776 г., и освобожденіе Греціи отъ Турецкаго ига.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Производныя формы возникновенія государствъ.

1. Колонизація.

Колонизація, производившаяся эллинскими государствами, и покрывавшая новыми городами и государствами берега Средиземнаго моря, въ Малой Азіи, Италиі Сициліи, и острова Архипелага, была нечто иное, какъ сознательное образованіе новыхъ государствъ. Колонія отдѣлялась отъ митрополи, подобно сыну, который выходитъ изъ семейства отца, чтобы основать свое собственное хозяйство. Тотчасъ же она дѣлалась новымъ самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ митрополи, но связывалась съ ней происхожденіемъ, обычаями, правомъ и религіею. Изъ Пританея митрополи колонія брала священный огонь, и боги родины слѣдовали за переселенцами въ ихъ новыя жилища¹. Эллины не могли образовать и сплотить большаго государства, но за то они эллинизировали Востокъ посредствомъ своихъ разбросанныхъ колоній.

Совсѣмъ другое дѣло римскія колоніи. Цѣль ихъ была охранять и утверждать римское владычество, и потому онѣ находились въ строгой зависимости отъ митрополи. Здѣсь дѣло шло не объ основаніи новыхъ государствъ, но объ расширеніи уже существующаго.

Новѣйшая колонизація является опять въ другомъ родѣ. Если мы посмотримъ на возникновеніе новыхъ колоній, въ особенности основанныхъ европейскими государствами въ Америкѣ, то увидимъ, что онѣ являлись

---

¹ Справ. Hermann griechische Staatsalterthümer Cap. IV.

вовсе не съ цѣлю основать новыя государства, но для распространенія владычества и культуры ихъ европейской родины, или изъ экономическихъ видовъ, иногда впрочемъ и для защиты переселенцевъ, гонимыхъ въ ихъ отечествѣ. На югѣ зависимость колоній отъ романскихъ государствъ Европы была гораздо значительнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ германская склонность къ корпораціямъ, и германское чувство свободы способствовали колоніямъ пріобрѣсти по крайней мѣрѣ относительную самостоятельность.

Однако въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и исторіи, эти колоніи по большей части, сдѣлались самостоятельными, и потому, какъ новыя государства, обособлялись и отлагались отъ подчиненія европейскимъ. Эту колонизацію можно сравнить съ рожденіемъ ребенка, который увеличиваетъ сначала отцовскую семью, какъ зависимый членъ ея; но потомъ, достигнувъ физической и духовной зрѣлости, отдѣляется отъ нея и основываетъ новую, собственную семью.

II. Другое производное образованіе государствъ встрѣчалось въ средніе вѣка часто въ видѣ дарованія державныхъ правъ какой-нибудь составной части государства. Цѣлый рядъ областей, въ особенности нѣмецкихъ княжествъ, владѣній, имперскихъ городовъ, стали самостоятельными государствами. Получивъ отъ короля нѣкоторыя верховныя права, они увеличивали объемъ этихъ правъ до такой степени, что наконецъ за королемъ оставался одинъ только призракъ власти, а вся реальная государственная власть была въ ихъ рукахъ. Такъ въ теченіе столѣтій прежнія части одного государства достигали самостоятельности. Съ внѣшней стороны это дарованіе верховныхъ правъ часто являлось въ формѣ покупки или залога по частному праву, и въ этомъ смыслѣ оно не соотвѣтствуетъ новой государственной жизни. Впрочемъ это не было существеннымъ и въ средніе вѣка, а потому и въ наше время мы можемъ вполне допустить практическую возможность того, что какое-нибудь государство сознательно дастъ самостоятельность и государственныя верховныя права одной изъ своихъ областей.

III. Наконецъ послѣднюю форму составляетъ учрежденіе государства чужеземнымъ государемъ особенно завоевателемъ, по властному слову котораго падаютъ старыя государства и возникаютъ новыя. Во время Наполеонова владычества Европа видѣла, какъ падалъ цѣлый рядъ государствъ, и по волѣ Французскаго Императора образовались новыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была свидѣтельницей и того, что эти произвольныя созданія минутнаго величія не имѣли внутренней силы, и едва только получили существованіе, какъ снова вымерли или были разрушены. Въ этомъ нельзя не видѣть яснаго доказательства, что подобная форма возникновенія государствъ есть одна изъ самыхъ несовершенныхъ и представляетъ менѣе всего гарантій для дальнѣйшаго ихъ существованія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Паденіе государствъ.

Земля покрыта развалинами погибшихъ государствъ: всемірно-историческій опытъ говоритъ противъ безсмертія государствъ. Причины и формы разрушенія ихъ также разнообразны, какъ смертные случаи среди людей. Но изъ того, что всѣ государства падаютъ, мы смѣло можемъ заключать объ общей причинѣ ихъ паденія. Она лежитъ не въ безнравственности народовъ; ибо безнравственность не есть явленіе необходимое; съ другой стороны исторія доказываетъ, что и безнравственные народы могутъ очень долго существовать, такъ же какъ и безнравственные люди достигаютъ глубокой старости. Причина паденія не заключается и въ дурномъ правленіи: не одно государство вынесло уже нѣсколько поколѣній дурныхъ правителей. Точно также причина не въ смѣшеніи и вырожденіи народныхъ племенъ, какъ недавно утверждалъ Гобино. Многія государства обязаны своимъ величіемъ, силою и живучестію именно смѣшенію племенъ, хотя чрезъ это народная раса и переродилась; вспомнимъ Римъ, Англію, сѣверную Амери-

ку. Настоящая причина разрушенія лежитъ въ великомъ законѣ всякой земной органической жизни, которая развивается и потребляется исторіей. Жизнь народовъ и государствъ постепенно раскрывается и проявляетъ то, что сокрыто въ ней, исполняетъ тѣмъ свое назначеніе, и потомъ вымираетъ, опереженная неустанно идущимъ временемъ, за которымъ она болѣе успѣть не въ силахъ.

Такъ развивающееся человѣчество какъ будто поглощаетъ тѣ ограниченныя отдѣльныя государства, въ которыхъ оно не находитъ полного удовлетворенія. Если когда нибудь на землѣ сложится всемірное государство, то мы можемъ надѣяться, что оно будетъ также долго жить, какъ само человѣчество, и погибнетъ не ранѣе его.

Различныя формы паденія государствъ болѣею частію соотвѣтствуютъ формамъ возникновенія, и не рѣдко старыя государства разрушаются, когда основываются новыя. Смерти одного государства часто сопутствуетъ рожденіе другаго.

Г. Противоположность организациі народовъ представляетъ дезорганизациа-разложеніе ихъ. Особенный видъ ея есть анархія. Когда господство и подчиненіе несоблюдаются болѣе въ народѣ, когда никто не признаетъ надъ собою высшей власти, и каждый дастъ полный просторъ своимъ страстямъ, не заботясь о цѣломъ, и ни чѣмъ не жертвуя обществу; тогда государство перестаетъ существовать, и дотолѣ организованный народъ превращается въ хаотическую толпу. Анархія разрушаетъ государство въ самомъ принципѣ, а не въ той или другой его формѣ. Но въ исторіи народовъ такая полная и продолжительная анархію, которая всегда влечетъ за собой смерть государства встрѣчается довольно рѣдко. Гораздо чаще анархическія состоянія суть преходящія, минутныя лихорадочныя кризисы, которые хотя и грозятъ опасностью государственной жизни, но часто только готовятъ другой порядокъ въ государственномъ устройствѣ. Во время сильныхъ революціонныхъ волненій всего замѣтнѣе проявляется государственная природа Аріи-

скихъ племенъ. Въ то самое мгновеніе, когда они съ бѣшеной ненавистью опрокидываютъ государственный порядокъ, они подчиняются необходимымъ формамъ государственнаго бытія и въ то время, какъ среди броженія идей, бредятъ анархіей, слѣпо повинуются самымъ дикимъ и суровымъ вождямъ; тотчасъ вслѣдъ за триумфальнымъ шествіемъ восторженной толпы, жаждущей свободы, выступаютъ холодныя, желѣзныя черты диктаторовъ, и на развалинахъ разрушеннаго государственнаго зданія народъ строить новое, можетъ быть даже и худшее. Не безсмертна и великая семья Арійскихъ народовъ; но пока она будетъ существовать государственная форма бытія также необходима ей, какъ вода рыбѣ или воздухъ птицѣ. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы арійскій народъ долго чуждался государства, или чтобы онъ когда-нибудь возвратился къ кочевому быту. Въ XVI столѣтіи Анабаптисты совершенно отвергли государственную идею, подобно коммунистамъ нашего времени. Но какъ скоро обстоятельства позволили имъ сдѣлать опытъ—осуществить на самомъ дѣлѣ свои негосударственныя общины, они все-таки устроили государство, хотя и въ каррикатурной формѣ.

II. Переселеніе народа изъ родины, какъ напр. гелвеціевъ въ эпоху Цезаря, или вытѣсненіе одного народа другимъ, часто случавшееся въ Европѣ при переселеніи народовъ, уничтожаютъ прежнее государство; при этомъ обыкновенно не извѣстно удастся ли переселяющемуся народу подчинить другую страну прочному владычеству, чрезъ то основать новое государство.

III. Завоеваніе страны и подчиненіе дотолѣ самостоятельнаго народа чуждой силѣ скорѣе есть разрушеніе стараго, нежели основаніе новаго государства, такъ какъ слѣдствіемъ этого бываетъ по большей части только расширеніе побѣдившаго государства. Такъ нѣкогда Римъ поглотилъ цѣлый рядъ государствъ, и распространилъ свое господство на ихъ населеніе и территорію. Сдача (*deditio*) слабѣйшаго народа хотя и носитъ видъ добровольнаго подчиненія, но въ дѣйствительности это есть дѣло необходимости и внѣшняго принужденія, а потому совпадаетъ съ покореніемъ.

IV. Полная унія влечетъ за собой уничтоженіе соединившихся государствъ; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой уніи заключается возникновеніе новаго большаго государства, котораго народъ состоитъ изъ народовъ уничтожившихся государствъ, то здѣсь скорѣе мыслимо добровольное отреченіе отъ прежней политической особы.

V. Въ противоположность поглощенію небольшихъ государствъ однимъ большимъ и сложнымъ бываетъ иногда распаденіе одного государства на нѣсколько, или раздѣленіе его между другими большими государствами. Первое можетъ совершиться безъ внѣшняго насилія, чисто-органическимъ образомъ, какъ скоро составныя части государства рѣзко проявляютъ свою особность, и вслѣдствіе ея отдѣляются; но второе есть обыкновенно результатъ чужаго преобладанія.

VI. Какъ вслѣдствіе дарованія верховныхъ правъ отдѣльнымъ областямъ онѣ становятся особыми государствами, такъ чрезъ отнятіе или уступку этихъ правъ самостоятельныя государства могутъ мало-по-малу утратить свое отдѣльное политическое бытіе. Для такой формы возникновенія государствъ особенно поучительна исторія Германіи, а для этого вида ихъ уничтоженія — исторія Франціи. Французскмя централизація особенно съ Людовика XI постепенно уничтожила множество мелкихъ независимыхъ владѣній, на которыя дробилась эта страна. Ея примѣру послѣдовала Германія со времени революціи посредствомъ медиатизаціи маленькихъ государствъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Спекулятивныя теоріи: I, такъ называемое естественное состояніе.

Философская спекуляція любитъ изобрѣтать первобытное состояніе, когда люди жили безъ государства, и пытается представить тотъ путь, которымъ человѣчество

должно было идти, чтобы достигнуть его. Народная фантазія часто украшала это первобытное состояніе свѣтлыми картинами невинности и щедрыхъ даровъ природы, и мечтала о золотомъ райскомъ времени, когда не было зла и неправды, и всѣ наслаждались полною свободой, счастіемъ и радостію. Въ эту первобытную пору не было никакой собственности; ибо природа съ избыткомъ удовлетворяла безискусственнымъ, неиспорченнымъ потребностямъ человѣка; не было различія сословіи, и призваній, всѣ были равны; не было ни правительства, ни подданныхъ, ни чиновниковъ, ни судей, ни войскъ, ни податей¹.

Понятно, что сравнительно съ такимъ идеаломъ позднѣйшій государственный бытъ людей долженъ былъ казаться временемъ вырожденія и упадка. Только когда человѣка постигли невѣдомыя прежде страданія, когда пробудились въ его душѣ страсти, и вызвали новыя бѣдствія, когда грѣхъ возмутилъ миръ души, только съ этихъ поръ людямъ потребовалась сила, устрашающая и наказывающая злыхъ и охраняющая общее благо. Такимъ образомъ государство если не всегда представилось какъ необходимое зло, то всегда какъ принудительное учрежденіе для избѣжанія большихъ бѣдствій.

Въ противоположность этому дѣтски-свѣтлomu представленію о земномъ раѣ, другіе мрачные философы смотрѣли на состояніе перваго не государственнаго человѣка, какъ на самое губительное. Ихъ пугливое воображеніе вмѣсто божественнаго мира рисовало имъ неукротимую вражду и борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, и если и для нихъ государство казалось зломъ, то все-таки это зло было легче и сноснѣе первобытнаго естественнаго состоянія, въ которомъ люди походили на дикихъ звѣрей въ лѣсу.

Оба эти представленія упускаютъ изъ виду государственную природу людей. Въ нихъ нѣтъ и

---

¹ Шекспиръ съ блестящею ироніей изображаетъ это естественное состояніе въ своей «Бурѣ» въ словахъ Ронзало.

тѣни той истины¹, которую такъ вѣрно высказалъ Аристотель, что человѣкъ есть «существо государственное». Какимъ бы ни представляли себѣ состояніе людей, предшествовавшее государству, оно не удовлетворяетъ всѣмъ высшимъ ихъ потребностямъ²; то было неизмѣримо великимъ шагомъ въ исторіи развитія человѣка, когда врожденная его склонность къ государственности стала развиваться и наконецъ проявилась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

II. Государство, какъ божественное учреждение.

Въ древности, равно какъ и въ средніе вѣка, вѣра въ божественное учреждение государства была гораздо распространѣннѣе и сильнѣе нежели въ наше время. Но и тогда еще божественное устройство государства принималось въ различномъ смыслѣ:

1. Одни видѣли въ государствѣ непосредственное созданіе Божіе, прямое проявленіе на землѣ Божественнаго владычества.

Это представленіе лежало въ основаніи іудейской теократіи. При полной послѣдовательности оно приводитъ къ теократической формѣ государства, которая одна только ему соотвѣтствуетъ. Если Богъ

---

¹ И Rousseau (Disc: sur l'inégalité des conditions parmi les hommes), думаетъ, что человѣкъ въ естественномъ состояніи имѣетъ отвращеніе къ обществу. На это ему превосходно возразилъ Мирабо: Non seulement l'homme semble fait pour la société, mais on peut dire, qu'il n'est vraiment homme, c'est à—dire un être réfléchissant et capable de vertu, que lorsqu'elle commence à s'organiser. Les hommes n'ont rien voulu ni dû sacrifier en se réunissant en société, ils ont voulu et dû étendre leurs jouissancej et l'usage de la liberté par les secours et la garantie reciproque».

² Платонъ de republica 11, 369, объяснялъ происхожденіе государства тѣмъ, что отдѣльный человѣкъ недоволенъ самимъ собою и отъ природы имѣетъ потребность въ обществѣ.

непосредственно создалъ государство, то естественно, чтобы Онъ Самъ непосредственно охранялъ его, и управлялъ.

2. Напротивъ, по другому представлению, Богъ посредственно создалъ государство, и косвенно управляетъ имъ¹. Такой взглядъ раздѣляли и греки и римляне, хотя форма государства у нихъ вовсе не была теократической, но носила вполнѣ человѣческой характеръ. Ни одно значительное государственное дѣло въ древности не совершалось безъ молитвы или жертвы, а въ государственномъ правѣ римлянъ играли важную роль ауспиціи, чрезъ которыя узнавалась воля боговъ. Съ сознаниемъ человѣческой свободы и самоопредѣленія они соединяли вѣру въ божественное управленіе человѣческими дѣлами и если въ судьбахъ отдѣльнаго индивида они усматривали божественную силу, то тѣмъ яснѣе казалось имъ ея присутствіе въ судьбахъ того великаго нравственнаго общенія жизни, которое мы называемъ государством².

Само собою разумѣется, что христіанство не мыслить государства внѣ божественнаго порядка и правленія міра,

---

¹ Въ этомъ смыслѣ Нибуръ, *Gesch. der Zeit der Revolution*. 234 р. называетъ государство божественнымъ учрежденіемъ, которое также необходимо для человѣческаго существа, какъ бракъ и семейныя отношенія. Это учрежденіе не можетъ быть совершеннымъ на землѣ. То, что въ дѣйствительности видимъ въ государствѣ, есть только тѣнь его божественной идеи.

² Плутархъ въ одномъ мѣстѣ, приводимомъ Галлеромъ (*Restaur. 1. s. 424*) говоритъ: «По моему мнѣнію скорѣе городъ можетъ быть построенъ безъ земли, нежели государство возникнуть или существовать безъ вѣры въ Бога.» Въ новое время Вашингтонъ, въ своей рѣчи къ конгрессу въ 1789 году, высказалъ такую же вѣру: «При этомъ первомъ официальном дѣйствіи я не забуду обратиться съ молитвою къ тому божественному существу, которое все устрояетъ по своей волѣ, управляетъ судьбами народовъ и поддерживаетъ слабыхъ. Да будетъ его благословленіе надъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, устроившихся для своего благоденствія. Ни одинъ народъ не видѣлъ столь безчисленныхъ и очевидныхъ изъясленій милости Провидѣнія. Его Божественная рука управляла всѣми стремленіями, обезпечившими нашу независимость».

и для христіанскаго пониманія весьма значительны тѣ слова, съ которыми апостоль Павелъ обратился къ римлянамъ, когда Неронъ преслѣдовалъ христіанство: всяка душа властемъ предержащимъ да повируется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Римл. 13, 1.

По этому не удивительно, что въ средніе вѣка во всѣхъ христіанскихъ государствахъ верховную власть производили отъ Бога, и притомъ высшую власть императора прямо отъ Бога, безъ всякаго посредства ¹.

Какъ ни возвышенъ этотъ взглядъ на возникновеніе и судьбы государства, который приводитъ его въ связь съ божественнымъ владычествомъ надъ міромъ, какъ ни высоко его нравственное значеніе; но надобно сознаться, что въ сущности это взглядъ религіозный, а не политическій, и что какъ скоро онъ возводится въ политическій принципъ государства и разсматривается, какъ юридическое положеніе, то легко можетъ дать поводъ къ заблужденіямъ и злоупотребленіямъ.

1. Богъ, хотя и создалъ человѣка существомъ государственнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ему свободу осуществлять положенную въ него идею государства посредствомъ собственной дѣятельности, и прежде всего по своему усмотрѣнію и въ той формѣ, которая ему кажется лучшею.

Было бы грубымъ заблужденіемъ отвергать нѣкоторыя формы государства, напримѣръ, республиканскую на томъ основаніи, что Богъ правитъ міромъ, какъ монархъ.

---

¹ Таковъ смыслъ конституціи Людовика Баварскаго 1335 года. *Declaramus, quod imperialis dignitas et potestas est immediate a solo Deo (т. е. не mediate-чрезъ папу) statim ex sola electione (чрезъ курфирстовъ) est rex verus et imperator Romanorum censendus.* Аугсбургское Исповѣданіе 1530 года въ артик. 16. учитъ: «всякое правительство въ мірѣ, управленіе, законы и добрый порядокъ созданы и установлены Богомъ». Такимъ образомъ весь юридическій порядокъ (*Rechtsordnung*) оно выводило изъ воли Божіей.

2. Правительственная власть хотя въ своей идеѣ и проявленіи происходитъ отъ Бога, но не въ томъ смыслѣ, что Богъ отдѣльныхъ избранныхъ людей возвышаетъ надъ ограниченностью человѣческой природы, приближаетъ ихъ къ себѣ и ставитъ на земли полубогами, также и не въ томъ смыслѣ, что человѣческихъ правителей Богъ дѣлаетъ своими личными и, и на всемъ пространствѣ ихъ власти, тождественными съ нимъ его намѣстниками, облакая ихъ своею силою¹. Подобныя теократическія представленія опровергаетъ человѣческая природа тѣхъ, кому ввѣрено управленіе государствами. Въ хвастливыхъ словахъ Людовика XIV: «мы государи живые образы того, кто святъ и всемогущъ,» — звучитъ хула на Бога и недостойное презрѣніе къ подданнымъ².

3. Нѣкоторые считаютъ самую государственную власть, отдѣльно отъ ея носителей, политически — божественною и вышечеловѣческой. Шталь, на примѣръ, говоритъ, что государственная власть происходитъ отъ Бога не въ общемъ смыслѣ вмѣстѣ съ другими правами—собственностію, бракомъ, родительскою властью, но именно въ специфическомъ, т. е. что это есть дѣло Бога, которое онъ самъ исполняетъ. Государь властвуетъ не только въ силу божественнаго полномочія, какъ отецъ надъ своими дѣтьми, но онъ властвуетъ во имя Божіе.

Но это опять объективная теократія, которая практически приводитъ къ отвергаемому Шталемъ представительству Бога, и открываетъ свободный путь злоупотре-

---

¹ Срав. Stahl. Staatslehre II. p. 48. По понятію среднихъ вѣковъ правленіе христіанскихъ правителей есть правленіе самого Бога. Правители (папа, императоръ и короли), какъ представители Бога, носятъ въ своемъ лицѣ всю полноту его величія.

² Oeuvres de Louis XIV. II. S. 317. и т. д. встрѣчаемъ такое мѣсто: «тотъ, кто далъ людямъ царей, хотѣлъ, чтобы они уважали ихъ, какъ его намѣстниковъ; ибо Онъ только себѣ предоставилъ право цѣнить ихъ дѣйствія и поступки. Его воля состоитъ въ томъ, чтобы безпрекословно повиновался тотъ, кто рожденъ быть подданнымъ.»

бленіямъ и несправедливостямъ. Христосъ въ своемъ изреченіи: «воздадите Кесарево Кесареви а Божіе Богови» рѣшительно указалъ на человѣческую природу государства и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнулъ всякое отождествленіе государственной власти съ специфически-божественнымъ могуществомъ. Свѣтское государственное право хорошо дѣлаетъ, обсуждая бытіе и устройство государствъ съ чисто-человѣческой точки зрѣнія.

4. Не рѣдко измѣненіе существующаго государственнаго устройства и порядка отвергалось на томъ основаніи, что власть правительства учреждена Богомъ. Но эта неизмѣняемость внѣшнихъ формъ и личностей не есть одно изъ необходимыхъ свойствъ божественнаго міроустройства и правленія, — это доказываетъ вся всемірная исторія. Мысль о божественномъ установленіи власти въ XVII столѣтіи заставляла сильно призадуматься набожныхъ Англичанъ о томъ, законно ли противодѣйствіе тиранніи Іакова II-го и можетъ ли быть оправдано низверженіе короля. Но послѣ того, какъ Вильгельмъ Оранскій былъ признанъ королемъ націей и парламентомъ, робкіе въ религіозномъ отношеніи торіи признали въ немъ отъ Бога поставленное правительство.

5. Тоже должно сказать и объ отвѣтственности. Что государственные люди, которымъ многое ввѣрено, и правители, въ рукахъ которыхъ власть, отвѣтствуютъ только предъ Богомъ за то, что сдѣлали или допустили, — это прямо слѣдуетъ изъ вышеупомянутаго принципа; но имъ не рѣшается важнѣйшій спорный вопросъ, — должны ли они отвѣчать предъ человѣческимъ судомъ. Неподсудность верховной власти человѣческому суду основывается не на томъ, что она специфически божественна, но на томъ, что она есть самая высшая.

Равнымъ образомъ государственный человѣкъ, вѣруя, что Богъ опредѣляетъ судьбы людей и государствъ и управляетъ ими ко благу, не долженъ искушать Бога и снимать съ себя отвѣтственность, возлагая ее на Него. Тогда только онъ будетъ свободенъ отъ отвѣтствен-

ности, когда возложенную на него задачу исполнилъ совершенно, насколько достеть его силъ ¹.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

III. Теорія силы.

«Государство есть произведеніе насильственнаго подчиненія. Оно основано на правѣ сильнаго.» Это утверждаютъ нѣкоторые философы, но еще чаще сильные властелины ².

Эта доктрина благопріятствуетъ деспотизму, потому что оправдываетъ всякое насиліе, но не менѣе она благопріятна и для революціи, какъ скоро послѣдняя достаточно сильна, чтобы дѣйствовать открыто. Обыкновенно она употребляется, какъ оружіе тамъ, гдѣ переступлены границы истиннаго права, и гдѣ господствуетъ грубый перевѣсъ силы. Это софизмъ, заманчивый для сильныхъ, скорѣе уничтожающій, нежели обманывающій слабыхъ, придуманный болѣе для самообольщенія, нежели для обольщенія другихъ.

Говорятъ, что исторія оправдываетъ истину этого положенія. Дѣйствительно изъ исторіи видно, что сила имѣетъ большее значеніе при основаніи государствъ, чѣмъ договоръ; но рѣдко случается, чтобы одна грубая сила создавала по своему произволу государства, особенно великія и долговременныя. Если насильственные событія, какъ на примѣръ, война, имѣли вліяніе на возникновеніе государства; то насиліе служило здѣсь только средствомъ для дѣйствительныхъ юридическихъ притязаній. Она не была источникомъ права, но только устраняла препятствія, преграждавшія ему дорогу. Она

---

¹ Lamartine Revolution de 1848. прекрасно излагаетъ эту мысль, говоря о себѣ: il tentait Dieu et le peuple Lamartine: se reprocha depuis severément cette faute, c'est un tort grave de renvoyer a Dieu ce, que Dieu a laissé a l'homme d'Etat, la responsabilité; il y avait la un defi a la Providence.»

² Плутархъ, въ жизни Камилла, влагаетъ эту теорію въ уста гальскаго короля Бренна.

не творила право, но поддерживала его и вынуждала ему признаніе. Когда же въ исторіи сила выступала одна съ своею варварскою грубостью, тогда она проявляла не творческое дѣйствіе, а скорѣе была орудіемъ разрушенія и смерти.

Это ученіе находится въ непримиримомъ противорѣчій съ понятіемъ органической свободы. Оно признаетъ только господъ и рабовъ; подъ свободными (*liberi*) оно разумѣетъ только вольноотпущенныхъ (*libertini*). Оно рѣзко противорѣчитъ и идеѣ права, потому что право имѣетъ духовно-нравственное содержаніе, между тѣмъ какъ это ученіе воцаряетъ грубое превосходство физической силы. Сила, назначенная служить праву, если служить самой себѣ, возмущается противъ права¹.

Но, при всѣхъ заблужденіяхъ, въ этой теоріи есть доля правды. Она признаетъ силу, какъ необходимый моментъ для государства, и настолько заслуживаетъ оправданія, насколько противорѣчитъ другой теоріи, которая основываетъ государство на произволѣ индивидовъ, и ведетъ въ своихъ послѣдствіяхъ къ совершенно безсильной государственной власти. Она опирается на реальныхъ явленій на дѣйствительномъ могуществѣ и предостерегаетъ отъ тщетныхъ попытокъ осуществить грезы чистаго умозрѣнія и стремленія отвлеченныхъ доктринъ. Безъ силы государство не можетъ ни образоваться, ни устоять. Государство нуждается въ силѣ какъ внутри себя, такъ и во внѣ. Гдѣ сила государственная прочна и непоколебима, тамъ она стремится къ соединенію съ правомъ, и достигаетъ его, т.-е. признанія, очищенія и освященія посредствомъ права.

¹ Schmitthenner Staatswissenschaft 1. S. 13. цитуетъ слѣдующее мѣсто изъ Rousseau Contr. Social 1. 3: «сильный не будетъ на столько силенъ, чтобы утвердить свою власть, если не умѣетъ свое господство обратить въ право, а повиновеніе поданныхъ въ обязанность».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Теорія договора.

Ученіе о томъ, что государство «есть свободное произведеніе договора, соглашенія его гражданъ», — особенно со временъ Руссо было весьма распространено, и пользовалось большою популярностію. Оно льстило самолюбію, потому что каждая отдѣльная личность могла считать себя основателемъ государства; съ другой стороны оно удовлетворяло желанію каждаго, ибо всякій разъ могло принять сообразное съ нимъ содержаніе. Особенно во время французской революціи эта теорія имѣла страшный авторитетъ: съ помощію ея была разрушена старая форма государства, и дѣлались разнообразныя неудачныя попытки на развалинахъ стараго порядка воздвигнуть новое государственное зданіе. Но если эта теорія была, такъ сказать, правою рукою для революціи, то часто ею защищалась и правомѣрность абсолютной власти.

По этой теоріи возникновеніе всѣхъ государствъ и въ извѣстномъ отношеніи ихъ дальнѣйшее существованіе основывается на договорѣ. Исторія, сообщающая намъ богатые данныя относительно образованія государствъ, не указываетъ намъ ни одного примѣра, гдѣ бы дѣйствительно государство было, такъ сказать условлено по договору индивидовъ. Она указываетъ намъ на нѣкоторые случаи договоровъ двухъ или болѣе государствъ, вслѣдствіе которыхъ основывалось новое государство, а также и на такіе рода случаи, когда государи или предводители войскъ по соглашенію съ отдѣльными классами или сословіями вводили новую политическую форму; но въ исторіи нѣтъ такого случая, когда бы государство возникло подобно торговому или страховому обществу, открытому равными гражданами. Также мало подкрѣпляется исторіей и то мнѣніе, что продолжительное существованіе государства зависитъ отъ постояннаго возобновленія договора индивидовъ. Напротивъ, она указываетъ намъ на то обсто-

ятельство, что индивидъ, рожденный и воспитанный какъ членъ государства, принимаетъ отпечатокъ той націи и страны, которой онъ принадлежитъ, прежде нежели будетъ въ состояніи имѣть и обнаруживать свою самостоятельную волю.

Такимъ образомъ свидѣтельство исторіи противъ этой теоріи совершенно уничтожаетъ ее. Даже въ то время, когда это ученіе о всеобщемъ договорѣ было сильно, и имѣло многочисленныхъ приверженцевъ, оно никогда не могло осилить дѣйствительности. Хотя народъ и раздѣлялся на равныхъ и одинаково свободныхъ гражданъ, но меньшинство даже въ древнихъ народныхъ собраніяхъ не вступало въ соглашеніе съ большинствомъ, которое свою волю считало высшей, придавало только ей значеніе. Хотя «учредительное» собраніе являлось представителемъ всѣхъ гражданъ, и его задача состояла въ соглашеніи относительно государственнаго устройства, но и здѣсь была только односторонняя форма, форма рѣшенія, а не многосторонняя — договора. Воображали себѣ договоръ тамъ, гдѣ его на самомъ дѣлѣ не было, и обманывали себя и другихъ, воображая общее свободное соглашеніе тамъ, гдѣ господствовало большинство и притомъ самымъ невыносимымъ образомъ.

Если несправедливость этой теоріи доказывается исторіею, то съ другой стороны она доказывается и критикой разума. Эта теорія отправляется отъ свободы и равенства индивидовъ, заключающихъ договоръ. Но политическая свобода, предполагаемая здѣсь, мыслима только въ государствѣ, а не внѣ его. Человѣкъ имѣетъ стремленіе къ свободѣ, также какъ стремленіе къ государству и потребность въ немъ; но свобода эта дѣйствительно можетъ осуществиться только въ обществѣ организованнаго государства. Далѣе, если бы индивиды были равны, они не могли бы создать государства; ибо оно какъ необходимую основу предполагаетъ (политическое) неравенство, безъ котораго не было бы ни правителей, ни управляемыхъ.

Основная ошибка этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что оно представляетъ себѣ индивидовъ контрагентами.

Какъ скоро индивидъ заключаетъ договоръ, является частное, а не государственное право. То, что принадлежитъ индивидомъ, какъ такимъ, есть ихъ частное имущество — частное добро. Имъ-то они могутъ распоряжаться и заключать относительно его договоры. Но политическое содержаніе эти договоры могутъ имѣть только тогда, когда участвуетъ цѣлое общество; ибо такое содержаніе касается не частнаго блага индивидовъ но блага цѣлаго общества.

Посредствомъ договора не можетъ образоваться ни государство, ни народъ. Сколько ни соединяйте отдѣльныхъ частныхъ желаній, изъ этого не образуется общая воля, равно какъ сколько ни уступайте частныхъ правъ, изъ этого не выйдетъ государственное право.

Для политики это ученіе въ высшей степени опасно. Оно дѣлаетъ государство и его правовой порядокъ продуктомъ индивидуальнаго произвола и допускаетъ измѣненія по желанію личностей, существующихъ въ данное время въ государствѣ; оно возбуждаетъ въ гражданахъ грозный для государства произволь и вноситъ въ него беспорядокъ и броженіе. Скорѣе это — теорія анархіи, а не государственное ученіе.

Впрочемъ и въ немъ есть нѣкоторая частица правды. Именно — вопреки теоріи, которая видитъ въ государствѣ только чистый продуктъ природы, оно выставляетъ ту истину, что человѣческая воля имѣетъ опредѣляющее значеніе въ образованіи государства, и въ противоположность бессмысленной эмпириі оно защищаетъ право человѣческой свободы и сознаніе разумности государства.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ФОРМЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣленіе, сдѣланное Аристотелемъ.

Слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ, Аристотель выставилъ дѣленіе государственныхъ формъ, которое и теперь должно считать господствующимъ. При этомъ дѣленіи исходною точкою Аристотеля была исполнительная, или, лучше сказать, верховная правительственная власть въ государствѣ. Въ каждомъ государствѣ есть высшій, въ извѣстномъ смыслѣ владычествующій органъ ¹, который представляетъ собою средоточіе верховной правительственной власти. По отношенію къ нему всѣ остальные отдѣльные органы имѣютъ подчиненное положеніе и второстепенное значеніе. Способъ устройства этого органа, налагаетъ на государство особенный отпечатокъ. Поэтому вполне естественно и удобно опредѣлять различные роды государственныхъ формъ на основаніи этого способа.

Правомѣрными государственными формами, Аристотель считаетъ всѣ тѣ, которыя имѣютъ въ виду благо общества; извращенными (*παρεκβάσεις*) всѣ тѣ напротивъ, которыя преслѣдуютъ только благо правительства ².

Отправляясь отъ этихъ положеній, онъ находитъ три правильныхъ основныхъ формъ государства и противопоставляетъ имъ три извращенныхъ. «Верховная правительственная власть», говоритъ онъ, «можетъ принадлежать

¹ Aristotel. Pol. III, 4, 4.

² Тамъ же III, 4, 7.

или одному, или немногимъ (меньшинству), или большинству». Отсюда слѣдующія правильныя государственныя формы:

1. Монархія (*Βασιλεία*), господство одного.
2. Аристократія, господство лучшаго меньшинства.

3. Господство большинства, массы, онъ назвалъ политіею ¹. Такъ какъ въ его время демократія греческихъ городовъ, и прежде всѣхъ аѳинская, находилась въ упадкѣ, то онъ не хотѣлъ названіемъ демократіи обозначить правильную форму господства массы, а предпочелъ назвать такъ соотвѣтствующую ей извращенную. Но позднѣе слово демократія опять вошло въ употребленіе для третьей государственной формы, а потому и мы удержимъ это названіе.

Три извращенныя формы по Аристотелю слѣдующія:

1. Тираниія или деспотія — единовластіе, имѣющее въ виду главнымъ образомъ личныя выгоды монарха.

2. Олигархія — владычество богатыхъ, направленное къ ихъ пользѣ.

3. Демократія ², какъ называетъ ее Аристотель. Мы называемъ ее охлократіею. Это произвольное господство бѣдной (и, можно прибавить, грубой) толпы.

Повидимому Аристотель при этомъ дѣленіи основывался главнымъ образомъ на числѣ лицъ, участвующихъ въ правительственной власти, подобно тому, какъ напр., по системѣ Линнея, числомъ тычинокъ опредѣляются породы растений. Но въ сущности это противорѣчило бы его собственному основному принципу, который состоитъ не въ количествѣ, а въ качествѣ владычествуя-

¹ Aristot. Pol. III, 5, 1, 2.

² Тамъ же I. 5, 4, 5. Cicero de Republ. 1. 26. такъ выражаетъ мысль Аристотеля: «Quum penes unum est omnium summa rerum, regem illum unum vocamus, et regnum ejus reipublicae statum. Quam autem est penes delectos, tum illa civitas optimatum arbitrio regi dicitur. Illa autem est civitas popularis in qua in populo sunt omnia. По Цицерону три извращенныя формы являются когда ex rege dominus, ex optimatibus factio, ex populo turba et confusio» I. 45.

шаго органа. Еще самъ Аристотель ¹ признавалъ опасность такого заблужденія, и потому указывалъ на естественную связь между числомъ правителей и характеромъ правленія, говоря, что вообще надо болѣе имѣть въ виду послѣдній, нежели первое. Но Аристотель высказалъ начало качества еще безъ достаточной определенности.

Но и въ другомъ отношеніи дѣленіе Аристотеля требуетъ улучшенія, оно неполно. Въ исторіи встрѣчается много государствъ, которыя не подходятъ ни подъ одну изъ его трехъ основныхъ формъ. По всѣмъ тремъ формамъ верховная власть въ государствѣ принадлежитъ людямъ, одному ли лицу, или лучшимъ, или народу. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ государства, въ которыхъ не признавалась человѣческая власть, а истиннымъ и настоящимъ государемъ почитался или самъ Богъ, или сверхъестественный духъ, или идея. Лица, въ рукахъ которыхъ была власть, не считались въ этихъ государствахъ ея обладателями, а только слугами и намѣстниками государя, невидимо царствующаго надъ подданными и свободнаго отъ слабостей ихъ человѣческой природы.

Этотъ четвертый родъ государственныхъ формъ мы обозначимъ общимъ именемъ идеократіи (теократіи) — когда онѣ служатъ ко благу подданныхъ; ихъ извращеніе можно назвать идолократіею.

Примѣчаніе. Шлейермахеръ доказываетъ ², что античныя формы монархіи, аристократіи и демократіи заключали въ себѣ «постоянный переходъ отъ одной къ другой», такъ что часто и въ демократіи предводители народа являются аристократіею, а отдѣльныя лица, какъ на примѣръ Периклъ, иногда монархами. Тоже самое въ обратномъ отношеніи можно сказать объ монархіи, и Мирабо ³ справедливо говоритъ, что республики имѣютъ въ извѣстномъ смыслѣ монархическій характеръ, монархіи республиканскій.

¹ Тамъ же I. 5, 7. Введенный въ заблужденіе нѣкоторыми новыми публицистами, я упустилъ это прежде изъ вида («*Studien*») и потому сдѣлалъ несправедливый упрекъ великому публицисту.

² *Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissensch.* 1814. Ueber die Begriffe der verschied. Statsformen.

³ Рѣчь 1790 г. въ его *Oeuvres* VIII. 139.

Тѣмъ не менѣе выше приведенное различіе государственныхъ формъ нисколько не лишнее. Совершенно справедливо, что родъ верховнаго органа государства кладетъ особенный отпечатокъ на все государственное устройство, и что въ тѣснѣйшей связи съ нимъ находятся важнѣйшіе политическіе принципы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Такъ называемая смѣшанная государственная форма.

Еще въ древности пытались къ тремъ государственнымъ формамъ Аристотеля присоединить четвертую, которую называли смѣшанною. Цицеронъ, видѣвшій въ римскомъ государствѣ образецъ этой четвертой формы, составленной изъ монархіи, аристократіи и демократіи, объявляетъ ее лучшею изъ всѣхъ четырехъ¹.

Если подъ смѣшаннымъ государствомъ понимать монархію или аристократію или демократію, только умѣряемая или ограничиваемая другими государственными элементами, напримѣръ монархію, ограниченную аристократическимъ сенатомъ или верхнею палатою и демократическимъ собраніемъ или представительствомъ, то нельзя не согласиться, что такое разнообразное государственное устройство лучше односторонняго и безпредѣльнаго господства одного или нѣсколькихъ или массы. Но въ такомъ случаѣ смѣшеніе не произведетъ новаго рода государствъ, ибо высшая правительственная власть все таки остается сосредоточенной рукахъ монарха или аристократіи или народа.

Если же смѣшеніе понимать какъ раздѣленіе самой верховной правительственной власти между монархомъ,

---

¹ Cicero de Rep. I 29: «Quartum quoddam genus reipublicae maxime probandum esse censeo, quod est ex his, quae prima dixi, moderatum et permixtum tribus,» и I. 45: «Placet enim, esse quiddam in republica praestans et regale, esse aliud auctoritati principum partitum ac tributum, esse quasdam res servatas iudicio voluntatique multitudinis.»

аристократією и демократією, какъ совмѣстное существованіе двухъ или нѣсколькихъ верховныхъ властей, одна отъ другой независимыхъ, признаваемыхъ верховными каждая въ своей сферѣ, то должно согласиться съ Тацитомъ, который отвергаетъ идею смѣшаннаго государства, утверждая, что оно не встрѣчается въ дѣйствительности или по крайней мѣрѣ недолговѣчно ¹.

Въ новѣйшее время была высказана мысль, что Англія есть такое государство, гдѣ господство дѣлится между тремя верховными властями — королемъ, верхнею и нижнею палатами, и что въ этомъ-то и состоитъ превосходство англійскаго устройства, осуществившаго идеаль четвертой, смѣшанной государственной формы. Но англійское устройство возникло не изъ раздѣленія верховной правительственной власти. Напротивъ монархическая власть, придававшая государству въ прежнее время его особенную форму, лишь постепенно ограничивалась и умѣрялась могущественною аристократією, а позднѣе появленіемъ демократическихъ элементовъ. Внѣшняя форма государства остается постоянно монархическою, и англійское государственное право присваиваетъ королю не только верховную правительственную власть, но и высшее мѣсто въ сложномъ законодательномъ организмѣ парламента ².

Сверхъ того обыкновенно упускается изъ вида, что дѣленіе Аристотеля основано не на устройствѣ законодательной власти, которая при полномъ ея развитіи отражаетъ въ себѣ цѣлое государство со всѣми его составными частями. Напротивъ оно имѣетъ основаніемъ противоположность между правительствомъ и подданными и рѣшеніе вопроса, кому принадлежитъ верховная правительственная власть. А послѣдняя не допускаетъ дѣленія, на примѣръ между королемъ и министра-

---

¹ Tacitus Annal. IV. 33. «Cunctas nationes et urbes aut populus aut primores aut singuli regunt: delecta ex his et consociata reipublicae forma laudari facilius quam evenire; vel si evenit, haud diuturna esse potest.»

² Не сдѣлался ли политическій духъ англійскаго устройства болѣе аристократическимъ нежели монархическимъ — это иной вопросъ. Ср. Blackstone I. 2.

ми. Такая діархія или тріархія противорѣчитъ существу государства, которое, какъ живой организмъ, требуетъ единства. Во всякомъ живомъ существѣ мы находимъ разнообразіе силъ и органовъ, но въ этомъ разнообразіи, есть единство, взаимное подчиненіе органовъ, одинъ верховный руководящій органъ. Голова и тѣло не имѣютъ раздѣльной жизни сами по-себѣ, но и неравны между собою. Такъ и въ государствѣ необходимое условіе жизни есть верховный органъ, который не можетъ быть раздробленъ, если государство сохраняетъ свою цѣлость.

Итакъ новаго вида государствъ, который мы могли бы назвать смѣшаннымъ, не существуетъ. А на сколько смѣшеніе, возможно, оно достаточно объясняется при разсмотрѣніи приведенныхъ выше чистыхъ государственныхъ формъ.

Примѣчаніе. Въ наше время много говорили о «демократической монархіи», указывая на нее, какъ на задачу новаго времени. Если въ этомъ выражается мысль, что монархія нашего времени необходимо должна опираться болѣе на великія народныя массы (демосъ), то это вѣрно. Но въ такомъ случаѣ рѣчь идетъ не о смѣшанной, а чистой монархіи. Если далѣе подъ демократическою монархіею понимать такую, которая ограничивается и умѣряется демократическими учрежденіями, или, какъ въ іюльской конституціи Франціи 1830 г., монархію, «обставленную республиканскими учрежденіями», то это выраженіе еще имѣетъ смыслъ, хотя и здѣсь, какъ показала исторія, довольно близка опасность столкновения между началами тѣхъ и другихъ учреждений и низверженія монархій возрастающей демократіей или республикой. Но если подъ этимъ выраженіемъ понимать смѣшеніе и дѣленіе самой верховной правительственной власти, такъ чтобъ она была на половину монархическая, на половину демократическая, то выраженіе не будетъ имѣть никакого разумнаго смысла, и существованіе государства съ такимъ устройствомъ невозможно. Французское учредительное собраніе 1789 г. вѣрило вмѣстѣ съ Руссо въ такое дѣленіе верховной власти на двѣ равныя власти, съ предоставленіемъ одной изъ нихъ королю, а другой народу. Но какъ скоро конституція стала переходить въ дѣйствительность, ея внутреннее противорѣчіе и несостоятельность выступили наружу. Пинейро-Феррейра (*Principes du droit public*, §. 475.) называетъ демо-

кратической такую монархію, въ которой нѣтъ привилегій, но распространяетъ понятіе привилегій на всякую аристократію. Итакъ онъ относитъ сюда такую монархію, гдѣ вовсе нѣтъ аристократическихъ организмовъ, а только одни демократическіе то есть, такъ сказать, неоконченное государство, въ которомъ аристократическіе элементы оставлены безъ значенія или подавлены. Ср. ниже главу 20 пятой книги.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Позднѣйшее развитіе теоріи.

1. Монтескьё, держался въ сущности дѣленія, Аристотеля, но подвинулъ науку тѣмъ, что, независимо отъ числа лицъ, которымъ принадлежитъ превленіе, искалъ для трехъ государственныхъ формъ, монархіи, аристократіи и демократіи трехъ духовныхъ или нравственныхъ принциповъ жизни. Нашелъ ли онъ ихъ — возведши въ принципъ демократіи добродѣтель, аристократіи умѣренность, монархіи честь, деспотіи — страхъ, это другой вопросъ. Затѣмъ онъ прибавилъ, какъ четвертую форму — деспотію, которую Аристотель справедливо считалъ извращеніемъ и противопоставалъ тремъ правильнымъ государственнымъ формамъ.

2. Весьма замѣчательна попытка Шлейермахера¹ различать государства по степени развитія, государственнаго сознанія. Государство возникаетъ, когда въ народѣ пробуждается сознаніе необходимой «противоположности между правительствомъ и подданными.» Первая ступень есть та, на которой это сознаніе является въ небольшой народности, причемъ обыкновенно «вся масса, зрѣлая для государственной жизни, проникается имъ однообразно». Тогда эта противоположность между правительствомъ и подданными развивается во всѣхъ. Они соединяются чтобъ представлять собою правительство, а когда расходятся, являются подданными. Это демократія, въ которой противоположность между ду-

---

¹ Schleiermacher: Ueber die Begriffe der versch. Staatsf. вѣ Abhandl. der. Berl. Akademie 1814 г.

хомъ общенія и частнымъ интересомъ проявляется слабо. Но государственное сознание можетъ также неодинаково коснуться массы, зрѣлой для образованія государства; оно можетъ развиваться прежде въ одномъ или многихъ лицахъ и произвести такимъ образомъ неравенство, которое ведетъ къ монархіи или аристократіи. На этой ступени развитія еще, меньшаго, государства всѣ три формы легко смѣняются одна другою и сохраняютъ еще сходство между собою. Но естественная склонность на этой ступени всегда въ пользу демократіи: ибо и въ двухъ послѣднихъ случаяхъ одинъ или многіе только опережаютъ массу въ политическомъ сознаниі.

Вторая ступень охватываетъ нѣсколько народностей. Она представляетъ собою переходную ступень къ высшей третьей, на которой сознание народнаго единства находитъ себѣ полное выраженіе. На второй ступени высшая народность властвуетъ надъ другими подчиненными ей племенами. Потому эта переходная форма государства есть въ сущности аристократическая, такъ какъ форма низшаго разряда существенно демократическая. Быть демократическимъ государство здѣсь не можетъ, потому что большинство племенъ подчинены господствующему племени, слѣдовательно неравны ему. Оно можетъ, конечно, принять внѣшній видъ монархіи, но въ такомъ случаѣ царь принадлежитъ къ господствующему племени, и есть слѣдовательно, только аристократическій царь.

Только на высшей ступени, въ формахъ государства чисто и ясно выражается единство всего великаго народа. — Демократическая природа первой ступени не можетъ ни вполне развить государственную противоположность, ни достигнуть размѣровъ большаго народа. Въ аристократіи второй ступени господствующее племя еще имѣетъ свой частный интересъ, и единство народа еще не составляетъ жизненнаго принципа государства. Только на третьей заканчивается настоящая монархія, въ которой монархъ безъ всякой примѣси частныхъ интересовъ представляетъ въ полной силѣ единство государства и управленія.

Такимъ образомъ теорія Шлейермахера даетъ тремъ

извѣстнымъ формамъ государства духовное основаніе и ставить ихъ въ отношеніе къ ступенямъ развитія политической идеи, притомъ въ такомъ порядкѣ, что демократія является низшею формою, монархія высшею. Если этимъ ученіемъ и не дано новаго начала для дѣленія, то сообщенъ наукѣ болѣе глубокой взглядъ на духъ различныхъ государственныхъ формъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Принципъ четырехъ основныхъ формъ.

Специфическое различіе государственныхъ формъ состоитъ, какъ признавалъ Аристотель, въ способѣ представленія противоположности между правительствомъ и подданными, и особенно въ качествѣ (а не въ количествѣ) правителя.

I. Первою формою была идеократія, которой высшій типъ составляетъ теократія. Здѣсь народъ представляетъ себѣ государя, какъ существо, которое по самой природѣ выше его, видитъ въ немъ болѣе, нежели человѣка, считаетъ самаго Бога истиннымъ правителемъ государства.

II. Самую рѣзкую противоположность идеократіи, гдѣ народъ подчиняется чуждой силѣ, стоящей внѣ и выше его, составляетъ та государственная форма, при которой онъ самъ управляетъ собою, то есть въ цѣломъ является правительствомъ, въ отдѣльныхъ гражданахъ — подданными. Это есть демократія, народовластіе.

III. Государственное различіе между правительствомъ и подданными хотя остается въ предѣлахъ народа, притомъ человѣческимъ, но устроивается такъ, что высшій классъ или высшее племя народа образуетъ правителей, остальные же классы и племена подданныхъ. Последніе составляютъ тогда только подданныхъ, а не правительство, первые хотя прежде всего правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подданные въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ. Такое устройство есть аристократія.

IV. Противоположность между правительствомъ и подданными есть полная, но въ такомъ человѣческомъ развитіи, что управленіе сосредоточено въ рукахъ одного индивида, который есть только правитель, а не подданный и такимъ образомъ принадлежитъ вполнѣ государству и до нѣкоторой степени олицетворяетъ единство народнаго общенія. Это монархія.

Для каждой изъ четырехъ основныхъ формъ существуетъ прототипъ, который въ ней отражается.

Теократія стремится осуществить господство Бога надъ міромъ, но еще какъ непосредственное господство, и можно сказать въ грубой и деспотической формѣ.

Монархія выражаетъ единство человечества въ «человѣкѣ», какъ отдѣльномъ лицѣ, которое въ качествѣ государя представляетъ собою олицетворенное единство народа.

Демократія выражаетъ идею общенія народа или всѣхъ индивидовъ и изображаетъ общину въ государствѣ.

Аристократія воплощаетъ въ себѣ противоположность между благороднѣйшими и обыкновенными составными частями народа и даетъ первымъ господство надъ послѣдними. Какъ типъ демократіи есть община, такъ типъ аристократіи есть дворянство высшей расы.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сопоставить съ одной олороны теократію и монархію, съ другой аристократію и демократію. Въ двухъ первыхъ правительство сосредоточено въ такомъ высокомъ полномъ властии и величии, что правитель не есть въ то же время подданный и представляя государственный интересъ онъ не представляетъ въ то же время частныхъ. Но въ теократіи это величіе государственной власти божественное, и потому абсолютное, въ монархіи оно человѣческое, и потому относительное. Двѣ послѣднія основныя формы составляютъ другую группу, которая обозначается общимъ названіемъ республики. Онѣ сходятся въ томъ, что противоположность между правительствомъ и подданными не выступаетъ въ нихъ такъ рѣзко, а предполагаетъ нѣкоторое смѣшеніе, такъ что одни и тѣ же лица

разсматриваютъ и проявляютъ себя то какъ правительство, то какъ подданныхъ и вмѣстѣ съ общественными имѣютъ и свои частные интересы. Въ демократіи это смѣшеніе распространяется на весь народъ, въ аристократіи оно ограничивается господствующимъ классомъ, который хотя и является государемъ относительно другихъ составныхъ частей народа, но внутри себя имѣетъ демократическое устройство, и такимъ образомъ въ одно и тоже время есть и государь и подданный. Въ этомъ смыслѣ конечно можно видѣть въ аристократіи посредствующую ступень между демократіею и монархіею.

Въ другомъ отношеніи можно сопоставлять монархію съ аристократіею и противопоставлять ихъ теократіи и демократіи. Въ двухъ первыхъ противоположность между правительствомъ и управляемыми носить человѣческой характеръ и притомъ такой, что правители имѣютъ самостоятельную жизнь, самостоятельно принимаютъ почести отъ народа, проявляютъ власть отъ своего имени и по самостоятельному праву. Эта организація конечно совершеннѣе въ монархіи, нежели въ аристократіи. Что касается до двухъ послѣднихъ формъ, то царствующій Богъ всегда, а державный народъ въ большей части случаевъ нуждается въ представительствѣ и органахъ, которыми бываютъ жрецы или чиновники. Принадлежа лично къ управляемымъ, они дѣйствуютъ за государя только какъ слуги Бога или народа, по ихъ порученію и отъ ихъ имени. Жрецы и чиновники не могутъ считать самихъ себя правителями, они только управляютъ за настоящаго правителя, и принуждены постоянно опираться на другую силу. Ссылаясь на высшую силу, господствующую и надъ ними, они находятъ тотъ авторитетъ, котораго не имѣютъ сами.

Примѣчаніе 1. Соотвѣтственно четыремъ государственнымъ формамъ можно различать государства по ихъ политическому характеру, независимо отъ формы. Бываютъ государства съ теократическимъ характеромъ (*theokratisirende Staten*), хотя въ нихъ управленіе принадлежитъ не богу, а духовному государю, или жреческой аристократіи, или народу, руководимому религіозными постано-

вленіями. Подобно тому бываютъ государства и съ аристократическимъ характеромъ (*aristokratisirende Staten*), не будучи аристократіями, съ демократическимъ не будучи демократіями; государства бываютъ даже проникнуты монархическимъ духомъ, не будучи монархіями. Это дѣленіе государствъ относится не къ государственному праву, а къ политикѣ.

2. Также и Ромерово дѣленіе государствъ (*F. Rohmer, Lehre von den polit. Parteien. 219 слѣд.*) по четыремъ возрастамъ челоуѣка имѣетъ въ виду ближайшимъ образомъ не государственную форму, а политическій духъ, живущій въ государствѣ. Потому его классификація относится не къ государственному праву, а къ политикѣ и отлична отъ той, которую мы выставили выше, хотя и не противорѣчитъ ей. Она признаетъ радикальный государственный духъ въ идолократіи, либеральный въ индивидуальномъ государствѣ, консервативный въ племенномъ, абсолютистическій въ формальномъ. Монархія напри мѣръ можетъ постепенно пройти всѣ эти фазы политическаго духа. Если Р. Моль (*Statswissenschaft I. стр. 262*) возражаетъ, что народъ не бываетъ ни молодъ ни старъ, потому что каждый народъ совмѣщаетъ въ себѣ стариковъ и дѣтей, то такое возраженіе объясняется невѣрнымъ пониманіемъ ученія, которое онъ опровергаетъ. Что государства какъ органическія существа имѣютъ свои возрасты, подобные юности и старости отдѣльныхъ индивидовъ, это знали еще древніе, а Савиньи выяснилъ эту истину германскому юридическому міру. Но независимо отъ послѣдовательнаго движенія времени, которое повторяется въ исторіи каждаго народа, должно обращать вниманіе и на природный характеръ народа. Какъ иногда люди съ дѣтскимъ, можно сказать, ребяческимъ характеромъ не отрѣшаются отъ этой основной черты своей природы даже въ зрѣломъ и старческомъ возрастахъ, а съ другой стороны бываютъ и такіе, которые еще въ ранней юности обнаруживаютъ старческія наклонности, такъ бываютъ отъ природы дѣтскія и старческія государства. Это видно всего лучше въ великихъ расахъ. Народы негритянской расы суть тысячелѣтнія дѣти, тогда какъ красные Индійцы въ продолженіе столѣтій упорно сохраняютъ старческій характеръ. Въ Европѣ — части свѣта, населенной народами по преимуществу мужескаго характера, природа испанцевъ независимо отъ періода жизни, въ которомъ они находятся, соотвѣтствуетъ по видимому всего болѣе старческому, природа германскихъ народовъ, юному возра-

сту. Какъ сами народы бываютъ или по природѣ, и потому всегда, или по возрасту, и потому періодически, юны или стары, такъ они придають тотъ же характеръ и государству, къ которомъ живутъ. Потому на Гаити, у ребяческаго народа, конституціонная форма монархіи, соответствующая зрѣлому возрасту мужчины, становится дѣтскою игрою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Принципъ четырехъ второстепенныхъ формъ.

Форма верховной власти государства имѣетъ безъ сомнѣнія рѣшительное значеніе для формы всего государственнаго тѣла. Но вслѣдъ за нимъ получаетъ значеніе право управляемыхъ, которое даетъ государственнымъ формамъ ихъ второстепенныя опредѣленія. Аристотелево дѣленіе содержитъ въ себѣ надлежащее дополненіе въ этомъ отношеніи, если принять во вниманіе другую сторону основной противоположности, существующей во всякой государственной формѣ.

Тогда какъ на сторонѣ правительства рѣшаетъ верховный господствующій органъ, на сторонѣ управляемыхъ, совокупность которыхъ мы называемъ народомъ въ тѣсномъ смыслѣ, или скорѣе страной, рѣшающимъ моментомъ является контроль надъ правительствомъ и участіе въ законодательствѣ:

Классифицируя различныя государственныя формы по этому признаку, мы получимъ слѣдующія три (или четыре) второстепенныя формы.

I. Управляемые въ своей совокупности разсматриваются только какъ пассивная масса, безусловно подвластная правительству, съ обязанностью абсолютнаго повиновенія, не имѣютъ ни права контроля, ни участія въ законодательствѣ. Это государства съ абсолютнымъ образомъ правленія, которыя поэтому можно назвать несвободными государствами (несвободными народами). Они бываютъ деспотіи, когда подчиняются произволу деспота, и абсолютіи, когда частному праву и частной свободѣ оказывается защита.

II. Одна часть управляемыхъ, высшіе ихъ классы, пользуются правомъ контроля и участія въ государственныхъ дѣлахъ и ограничиваютъ такимъ образомъ власть правительства. Но остальная масса, особенно низшіе классы народа, находятся еще въ состояніи политической несвободы и не имѣютъ политическихъ правъ. Эти государства можно назвать полусвободными. Къ нимъ относятся средневѣковыя феодальныя и сословныя государства.

III. Всѣ классы народа пользуются политическими правами. Вся страна участвуетъ въ контролѣ и воздѣйствуетъ на законодательство. Такія государства называются свободными республиками въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ихъ можно назвать также народными государствами.

Контроль бываетъ въ нихъ двоякій:

A. Непосредственный, когда принадлежитъ собранію гражданъ, какъ это было преимущественно въ древности (античныя республики), или

B. Посредственный, когда принадлежитъ выборнымъ или представителямъ, какъ въ новое время (представительныя государства новаго времени). Если приложить эту новую классификацію къ старому дѣленію, то получатся слѣдующіе результаты.

I. Теократія склоняется по принципу къ классу несвободныхъ государствъ. Но она не есть необходима деспотія, потому что и царствующій богъ или вдохновенное имъ жречество можетъ признавать и уважать государственный законъ. Потому теократія способна приблизиться къ второму и третьему классу государствъ, посредствомъ предоставленія аристократическимъ классамъ, или даже народному собранію, участія въ проявленіи божественной власти. Въ этомъ смыслѣ теократія евреевъ была республиканская.

II. Аристократія тяготеетъ ко второму классу, къ полусвободнымъ государствамъ. Но она возможна и какъ несвободное государство, именно когда демось является политически безправнымъ. Съ другой стороны она поднимается до третьяго класса, до свободныхъ

государствъ, когда предоставляетъ народу истинно-народное представительство.

III. Демократія имѣетъ внутреннее стремленіе къ классу свободныхъ государствъ. Но она можетъ сдѣлаться деспотіею для меньшинства, или же абсолютіею для отдѣльныхъ гражданъ. Она возможна и какъ полусвободное государство, именно по отношенію къ подвластному классу (рабы и илоты въ древности, цвѣтныя расы Америки въ настоящее время).

IV. Монархія, которая вообще способна принимать разнообразнѣйшія формы, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три класса въ многочисленныхъ видахъ. Деспотіи востока, абсолютныя монархіи запада очевидно несвободныя государства. Средневѣковыя королевства и княжества, ограниченныя духовенствомъ и свѣтскою аристократіею, были полусвободныя государства. Примѣрами непосредственнаго воздѣйствія народа на государственныя дѣла и въ свободныхъ монархіяхъ могутъ служить римское государство по конституціи Суллы, старая франкская монархія и норвежское королевство, предоставляющее народному собранію извѣстное участіе въ государственномъ управленіи. Наконецъ высшаго развитія, какое только было до сихъ поръ, государственная форма достигла въ конституціонной монархіи новаго времени, составляющей свободное государство съ представительнымъ устройствомъ.

Если Аристотелево дѣленіе, которое справедливо отправляется сверху, дополнить такимъ образомъ снизу, тогда падутъ важнѣйшія изъ направленныхъ противъ него возраженій. Въ особенности устранится возраженіе, что Аристотелева теорія не проводитъ достаточно рѣзкихъ чертъ между государственными формами и не въ состояніи объяснить ни ихъ родства, на примѣръ родства современной представительной демократіи съ представительною монархіею, ни ихъ различія, на примѣръ различія между абсолютною и сословною монархіями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Идеократія (теократія).

Теократическая форма государства принадлежит преимущественно дѣтству человѣческаго рода. Мѣсто перваго государственнаго рзвитія суть Азія и сѣверная Африка, и тамъ появляются прежде всего теократическія государства.

Въ первыя времена, когда юное человѣчество искало точки опоры на землѣ, чувство зависимости отъ божественныхъ существъ и непонятныхъ силъ природы было еще чрезвычайно живо, а воздѣйствіе Бога и природы на жизнь людей сильнѣе и непосредственнѣе, нежели въ послѣдствіи. По всѣмъ древнимъ сказаніямъ и мифамъ Богъ и боги вступали въ личное общеніе съ людьми. О первобытномъ состояніи эллинскихъ народовъ Платонъ повѣтствуетъ, что Кроносъ, видя слабость и неспособность людей въ то время, «ставилъ царями и князьями въ государствахъ не людей, а демоновъ, существа болѣе высокаго, божественнаго происхожденія. Эта легенда согласна, съ вѣрованіемъ всѣхъ народовъ. Самъ Платонъ былъ лично приверженъ къ теократическому представленію. Въ своемъ ученіи о государствѣ онъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ искусственному обману для того, чтобъ его развитые современники увѣрвали что не люди, а самъ Богъ управляетъ государствомъ.

Если такимъ образомъ истиннымъ государемъ почитался Богъ или боги и демоны ¹, то съ этою вѣрою неразрывно связывалось преобладающее вліяніе жрецовъ, ибо они были избранные смертные, которые посвяща-

---

¹ О замѣчательномъ демонократическомъ государствѣ нашего времени разказываетъ А. Н. L a u a r d, прославившійся открытіемъ ниневійскихъ древностей (Нинивія и ея остатки §. 144. слѣд). Въ горахъ Месопотаміи обитаютъ е з и д ы, состоящіе подъ властію духовнаго главы, великаго шейка и въ особеннсти поклоняющіяся сатанѣ. Они полагаютъ, что сатана со временемъ снова будетъ принятъ въ число высокихъ чиновъ небесной іерархіи.

ли себя преимущественно на служеніе богамъ, познавали ихъ волю, понимали ихъ языкъ. Потому въ теократическихъ государствахъ, жрецы пользуются высшимъ значеніемъ. Въ однихъ изъ этихъ государствъ имъ непосредственно принадлежитъ государственное управленіе во имя Бога или боговъ, въ другихъ хотя во главѣ правленія и стоятъ короли, но и они управляютъ не отъ своего имени, а какъ представители и органы боговъ, состоятъ во многихъ отношеніяхъ подъ руководствомъ жрецовъ и подвергаются разнымъ ограниченіямъ съ ихъ стороны. Первый родъ государствъ мы можемъ назвать, по примѣру Лео, чистыми, второй преломленными іерархіями. Въ послѣднихъ замѣтенъ переходъ отъ теократіи къ монархіи.

Такимъ жреческимъ государствомъ было эѳіопское царство въ Мероэ. Царь принадлежалъ къ жреческой кастѣ. Жрецы назначали изъ своей среды нѣсколько лучшихъ людей, изъ которыхъ въ торжественной процессіи богъ избиралъ одного. По совершеніи божественнаго выбора, народъ преклонялъ предъ избранникомъ колѣна и почиталъ въ немъ представителя бога. Но власть царя ограничивалась во всѣхъ отношеніяхъ божественными законами и постояннымъ откровеніемъ воли божіей въ оракулахъ чрезъ посредство жрецовъ. Каждый его шагъ опредѣлялся строгимъ церемоніаломъ, и для свободной человѣческой дѣятельности ему не оставалось никакого поприща. Жрецы сопровождали его повсюду и принимали участіе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, самое его существованіе было нисколько небезопасно. Когда онъ навлекалъ на себя негодованіе бога, послѣдній открывалъ жрецамъ свою немилость. Жрецы извѣщали царя о гнѣвѣ божіемъ, и тогда ему ничего не оставалось, кромѣ добровольной смерти для примиренія съ разгнѣваннымъ богомъ¹.

Преломленную форму іерархіи мы встрѣчаемъ въ Египтѣ. По народному сказанію и тамъ царствовали первоначально сами боги въ продолженіи многихъ вѣковъ. Но въ

---

¹ Diodorus Sic. Hist. III. 5. 6. ср. Lео: Weltgeschichte I. Стр. 79.

послѣдствіи стали управлять люди, которые однакоже ограничивались священнымъ закономъ, строгимъ этикетомъ и вліяніемъ высшей касты жрецовъ. Божественныя предписанія содержали такія подробныя опредѣленія, что царь, хотя онъ въ Египтѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ независимъ и выше жрецовъ, не могъ даже выбирать блюда для своего нероскошнаго стола, установленнаго однажды навсегда.¹ Правда, при его жизни жрецы уже не смѣли судить его отъ имени боговъ, но когда онъ умиралъ, они публично совершали надъ нимъ великій посмертный судъ. Ихъ приговоромъ опредѣлялась честь его имени въ глазахъ потомства, принятіе души его въ подземномъ мірѣ и его возрожденіе. Среди народа, который вѣровалъ въ загробную жизнь, заботливо предохранялъ самый трупъ отъ тлѣнія и устраивалъ для мертвыхъ богатыя жилища, со всѣми житейскими удобствами — среди такого народа, отъ этого торжественнаго суда, зависѣли всѣ надежды и опасенія, и онъ былъ страшною силою въ рукахъ жрецовъ.

Въ родствѣ съ эіопскимъ и египетскимъ государствами находится древнее индійское царство. Оно было въ сильной степени идеократическое. Въ порядкѣ кастъ царь стоялъ ниже брамановъ. Браманъ гнушался бракомъ своей дочери съ царемъ, неравный бракъ покрывъ бы ее позоромъ. Съ другой стороны санъ царя былъ такъ высокъ, что ему приписывалась особая святость. По законамъ Ману составныя части его тѣла пріемлютъ свое начало отъ восьми божественныхъ стражей міра, потому оно чисто и свято. «Подобно солнцу онъ ослѣпляетъ глаза и сердца, и никто на землѣ не можетъ смотрѣть ему въ лицо. Богъ создалъ его для охраненія всѣхъ существъ. Даже во время его дѣтства никто не долженъ презирать его, говоря самъ себѣ: онъ простой смертный; ибо въ немъ обитаетъ божественная сила»².

Индійскій царь былъ также окруженъ жрецами. Его

---

¹ Diodorus Sic. Hist. I. 71, 72.

² Manava — Dharma — Sastra. Lois de Manou, par Loiseleur. Paris 1833 V. 96, 97. VII, 3 — 8.

семь или восемь министровъ, которыхъ онъ выслушивалъ во всѣхъ дѣлахъ, каждаго порознь и всѣхъ вмѣстѣ, прежде всякаго рѣшенія, были браманы. По крайней мѣрѣ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ долженъ былъ руководствоваться мнѣніемъ брамана, своего духовника. И индійскому царю предписывался строгій церемоніаль, а законы Ману напоминали ему въ строгихъ словахъ объ ответственности, хотя и неопредѣленной. «Безразсудный монархъ, притѣсняющій подданныхъ своею несправедливостію, а равно все его семейство, лишится въ скоромъ времени царства и жизни»¹.

Впрочемъ индійское государство, въ большей степени арійское, имѣло сравнительно болѣе свѣтлый и свободный видъ. Царское достоинство и царская власть развились въ немъ сильнѣе и пріобрѣли болѣе государственный характеръ, нежели въ мрачныхъ іерархіяхъ Мероэ и Египта. Но во всѣхъ трехъ государствахъ мы встрѣчаемъ жесткую и неподвижную систему кастъ и значительныя привилегіи жреческой касты. Она соединяла въ своихъ рукахъ и замыкала въ себѣ всю духовную жизнь, обладая въ тоже время значительными матеріальными богатствами. Въ Египтѣ жрецамъ принадлежала третья часть страны², а индійскій законъ говоритъ: «если бы царь умиралъ даже съ голоду, онъ не долженъ брать налоговъ съ брамана, начитаннаго въ священныхъ книгахъ, и никогда не долженъ терпѣть, чтобы такой браманъ испытывалъ голодъ въ его владѣніяхъ»³. Далѣе, мы встрѣчаемъ здѣсь порабощеніе низшихъ классовъ, позорное положеніе которыхъ не смягчалось и для отдѣльных ихъ членовъ никакою надеждою на выходъ. Египетскіе крестьяне были вполнѣ крѣпостными людьми, воздѣлывавшими земли жрецовъ, короля или воиновъ. Пастухи и ремесленники, наследственно прикрѣпленные къ своимъ промысламъ, подвергались произвольнымъ налогамъ и не принимали никакого дѣятельнаго участія въ государственныхъ учрежде-

¹ Тамъ же VII. 54 слѣд. 111.

² Diodorus Sic. I. 72.

³ Lois de Manou. VII. 133.

ніяхъ. Въ этихъ странахъ было множество повинностей всякаго рода.

Теократическій характеръ государства удержался въ Азіи въ продолженіе многихъ столѣтій и замѣтенъ даже и позднѣе въ восточной монархіи. Владычество жрецовъ надъ государями, рѣшительнѣе принимавшими свѣтскій характеръ, ослабѣвало и отступало на задній планъ предъ могуществомъ царей, которое возрастало и развивалось въ обширныхъ государствахъ, пріобрѣтенныхъ завоеваніемъ и сдерживавшихся военною силою. Но тогда самихъ государей стали почитать, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ боговъ. Государственная форма оставалась теократическою, она только видоизмѣнилась. Сначала богъ пребывалъ въ лицѣ государя и имѣлъ жрецовъ органами своей власти. Затѣмъ господство бога, дѣлаясь болѣе и болѣе внѣшнимъ, стало господствомъ жрецовъ, сначала съ жреческимъ, потомъ съ воинскимъ царемъ во главѣ, наконецъ самъ царь обоготворялся, и возникло сверхчеловѣческое «деспотическое государство». Сюда относятся позднѣйшее персидское царство и даже новѣйшія царства магометанскихъ султановъ и китайская имперія. Еще Гуштасбъ, царь Ирана, при которомъ явился пророкомъ Зороастръ, называлъ себя «жреческимъ царемъ», а въ священныхъ книгахъ (Зендъ-Авестѣ), персидскій царь причисляется не къ кастѣ воиновъ, какъ въ Индіи, а къ кастѣ жрецовъ («законовѣдовъ и богослововъ») ¹. Вся государственная система Ирана была въ то же время религіозною, право не отдѣлялось отъ нравственности, связь невидимаго міра, добрыхъ и злыхъ духовъ съ видимымъ человѣческимъ міромъ признавалась во всѣхъ отношеніяхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ власть перешла къ царямъ нежреческаго, персидскаго рода, персидское государство стало принимать характеръ деспотіи, и вліяніе маговъ значительно ослабѣло, какъ ни велико оставалось оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Властвовать сталъ царь, по принципу всемогущій, какъ богъ. Дворъ его изображалъ небесный

---

¹ Fragmente über die Religion des Zoroaster von Vuller. Bonn 1831 стр. 33. 69.

штатъ добраго міроваго духа Ормузда. Ему оказывали почести сходныя съ поклоненіемъ божеству. Передъ его высокимъ трономъ, на которомъ онъ возсѣдаетъ въ богатыхъ украшеніяхъ, съ короной на головѣ, блистая какъ солнце на блестящемъ небосклонѣ, «даже иноземные послы падаютъ ницъ, какъ рабы передъ господиномъ, или молящіеся передъ богомъ». Какъ богу приносятся жертвы, такъ тотъ, кто приближается къ престолу царя, подноситъ ему дары. Послѣ смерти онъ переселяется въ великолѣпный дворецъ мертвыхъ въ Персеполь, гдѣ живетъ жизнью блаженныхъ. Для почета его окружаетъ торжественный церемоніаль съ разнообразными символами¹. На длѣ самый этотъ церемоніаль былъ оковами для его воли, опутывалъ его какъ золотая сѣть, составляя насмѣшку надъ мнимымъ всемогуществомъ, которое приписывалось ему въ идеѣ.

Но въ этомъ поворотѣ собственно-жреческаго государства къ формѣ восточной деспотіи, есть несомнѣнный прогрессъ. Неподвижное господство мнимаго божественнаго откровенія, проявлявшагося въ движеніи и сочетаніи небесныхъ свѣтилъ — откровенія, на основаніи котораго жрецы управляли государствомъ, однообразіе и неизмѣнность политической жизни, опредѣленной однажды на всегда божескими законами, все это было нарушено, хотя и въ мрачныхъ формахъ деспотіи, свободная человѣческая воля уже проявилась и могла принимать въ соображеніе естественныя измѣненія въ государственномъ бытѣ и различныя новыя потребности народовъ. Въ персидскомъ государствѣ рано расторглась и ледяная кора кастовой системы.

Совершеннѣйшимъ государствомъ этого рода была теократія іудеевъ по законодательству Моисея. Чистота моисеевой религіи, живая вѣра въ Бога, Творца и хранителя міра, были прочными основаніями іудейскаго государства, охраняя его отъ многихъ золъ и недостатковъ неизбѣжныхъ при нечистой вѣрѣ, если во имя ея жрецы направляютъ политику.

---

¹ Превосходный очеркъ этой государственной формы можно найти у L e o, Weltgeschichte I. Стр. 420 слѣд.

Самъ Богъ, Іегова, почитался царемъ іудеевъ. Онъ есть безсмертный владыка смертнаго, но избраннаго народа. Онъ даетъ законъ, онъ управляетъ народомъ. Все обширное законодательство, называемое Моисеевымъ, является откровениемъ Бога, съ которымъ Моисей говорилъ въ одиночествѣ горной вершины, котораго волю онъ позналъ со страхомъ и трепетомъ, и вѣрный повелѣніямъ Господнимъ, повѣдалъ народу. Громъ и молнія возвѣстили всему народу присутствіе Бога на горѣ Синайской.

Это божественное владычество подняло весь народъ. Въ Египтѣ онъ былъ еще въ презрѣніи, и всякій египтянинъ одной изъ высшихъ кастъ считалъ евреевъ отверженцами, общеніе съ которыми осквернило бы его. Теперь же у евреевъ пробудилось высокое сознаніе о томъ, что они избранники высшаго Бога. Хотя и они раздѣлялись на наслѣдственные племена, хотя и у нихъ былъ особый жреческій родъ (колѣно левіино), однако же всѣ колѣна составляли потомство праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, а съ другой стороны весь народъ считался «жреческимъ народомъ». Такимъ образомъ жесткій кастовый порядокъ разрушился здѣсь до основанія, и въ принципъ возведено братство колѣнъ.

Божественный законъ хранился въ золотомъ кивотѣ, надъ которымъ возвышался престолъ милосердія, сдѣланный изъ золота, охраняемый двумя херувимами и почитаемый какъ вмѣстилище божественнаго откровенія. Въ Скиніи, какъ жилищѣ Бога, охраняемомъ жрецами, кивотъ завѣта и престолъ хранились за занавѣсомъ въ мѣстѣ, которое называлось святая святыхъ. Здѣсь первосвященникъ принималъ и провозглашалъ повелѣнія Бога. Первосвященникъ изъ рода Аарона, брата Моисея, былъ законнымъ органомъ божественной воли, и представителемъ народа передъ Господомъ. По временамъ, въ тяжелыя минуты, Богъ воздвигалъ пророковъ, которые возстановляли забытый Божій законъ, изобличали народъ въ отпаденіи отъ Бога, увѣщевали его обратиться и возвѣщали его грядущую судьбу. Судьи, чинившіе судъ и расправу во главѣ различныхъ племенъ, дѣйствовали также отъ имени Бога, ибо «судъ

есть дѣло божіе » Потому имъ предписывается «не взирать при судѣ на лица, выслушивать сильнаго и слабаго и не страшиться никого.» Когда же дѣло для нихъ трудно, они должны обратиться къ скинии и узнать рѣшеніе самаго Бога черезъ уста священниковъ. Этотъ приговоръ они должны исполнить, или «смертію да умрутъ»¹.

Какъ самъ народъ подчинялся строгой, но благотворной власти Іеговы, такъ и вся земля обѣтованной страны составляла собственность Бога. Она дѣлилась между семействами только въ пользованіе, а не въ полную собственность съ правомъ свободнаго распоряженія. Поэтому, въ знакъ признанія верховной собственности Бога, въ скинию отдавалась на содержаніе жрецовъ десятина отъ всѣхъ плодовъ земли и отъ приплода животныхъ. Какъ для человѣка седьмой день недѣли составлялъ день покоя и праздника, такъ и для земли каждый седьмой годъ считался годомъ покоя, и тогда она не воздѣлывалась. Черезъ семью семь лѣтъ, въ юбилейный годъ, производился передѣлъ полей, обѣднѣвшія семейства получали свои участки назадъ, а разбогатѣвшія возвращали то, что у нихъ было лишняго. Между самими евреями рабство не допускалось; юбилейный годъ освобождалъ и тѣхъ, которые сами отдавались въ неволю; только иностранцевъ можно было покупать въ рабство и держать въ неволѣ².

Когда евреи пожелали въ послѣдствіи царя, «чтобы быть и имъ какъ другіе народы», Іегова изъявилъ свое согласіе устами верховнаго судіи, стараго Самуила, но утѣшилъ его слѣдующими словами: «повинуйся голосу народа во всемъ, что онъ сказалъ тебѣ; ибо онъ отвергъ не тебя, а меня, дабы я не былъ его царемъ.»³ Такимъ образомъ форма чистой теократіи перешла въ форму монархіи, которая однако все еще была ограничена и видоизмѣнена теократическими учрежденіями, религіозною натурой и призваніемъ іудейскаго народа.

---

¹ V. Моис. 1, 17. и 17, 8 слѣд.

² III. Моис. глав. 25. V Моис. глав. 4. и 5.

³ I. Самуил 8, 7. слѣд.

Въ Европѣ можно замѣтить одни слабые отголоски теократіи. Если римскій императоръ Калигула появлялся публично съ золотою бородою и молніею какъ Юпитеръ, или Геліогабалъ считалъ себя жрецомъ царствующаго солнца, или по швейцарскому преданію, на мѣстникъ Гесслеръ требовалъ отъ свободныхъ горцевъ, поклоненія шляпѣ императора, то это были каррикатурныя подражанія погибшей государственной формѣ. Однакоже въ обычаѣ римлянъ временъ имперіи воздвигать императорамъ статуи и храмы при жизни, а послѣ смерти почитать ихъ какъ *divi*, замѣтно еще присутствіе теократическаго элемента; оно видно и позднѣе въ торжественномъ церемоніалѣ византійскихъ императоровъ.

И христіанскія государства получили въ средніе вѣка теократическій оттѣнокъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ духовенства, которое искони обнаруживало привязанность къ теократическимъ ученіямъ. Теократическій оттѣнокъ замѣтенъ правда, болѣе въ духовныхъ нежели свѣтскихъ княжествахъ; но и послѣднія не остались чисты отъ него. Даже императоръ долженъ былъ принимать священническое посвященіе. Но какъ ни любила эпоха среднихъ вѣковъ производить всякое право и всякую власть отъ Бога, однако же въ обладателяхъ власти она видѣла людей и сильно заботилась объ установленіи человѣческихъ предѣловъ ихъ могущества.

Только устройство христіанской церкви, церковная іерархія послѣдовала теократическому направленію. Свѣтскимъ князьямъ и властямъ католическая церковь сама часто напоминала объ ихъ человѣческомъ происхожденіи. Основной характеръ средневѣковыхъ государственныхъ формъ въ Европѣ былъ скорѣе аристократическій и монархическій, нежели теократическій.

Напротивъ, магометанскія государства, возникшія также въ средніе вѣка, можно скорѣе назвать теократіями. Конечно, магометанскій міръ не вѣруеть, что управленіе исходитъ отъ Бога непосредственно и обыкновеннымъ путемъ: іудейская теократія не принята Магометомъ. Но, по ученію Корана, Богъ даетъ власть кому хочетъ, а человѣкъ, стоящій во главѣ государства, есть

намѣстникъ и вассалъ Бога. Въ калифатѣ, идеальнѣйшей формѣ проявленія магометанской государственной системы, соединялись качества первосвященника и верховнаго монарха. Калифъ былъ въ одно и то же время папа и императоръ. Въ магометанскихъ государствахъ не дѣлается достаточнаго различія между религіею и правомъ, богословіемъ и юриспруденціею. Богословы въ то же время и юристы. Исламъ мирится съ теократіею гораздо болѣе, чѣмъ христіанство¹.

Наконецъ новое время чувствуетъ рѣшительное нерасположеніе къ теократической формѣ государства и ко всему, что ее напоминаетъ. Его стремленія обращены напротивъ къ человѣческому политическому порядку. Упраздненіе всѣхъ духовныхъ княжествъ съ единственнымъ исключеніемъ господства папы въ церковной области, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этомъ направленіи вѣка², которому недолго будетъ сопротивляться и оставшееся исключеніе.

Теократическія государства представляютъ слѣдующія характеристическія черты, общія имъ всѣмъ:

1. Въ нихъ смѣшивается религія съ правомъ, церковныя учрежденія и ученія—съ государственными. При томъ это смѣшеніе таково, что религіозные элементы преобладаютъ надъ политическими.

2. Начало авторитета возводится на сверхчеловѣческую высоту. Отъ него зависитъ вся гражданская и публичная жизнь, онъ является абсолютнымъ по своей природѣ. Подданные не находятся въ человѣческихъ отношеніяхъ къ главѣ государства, какъ сыновья къ отцу, или члены одного и того же рода и народа между собою. Государь стоитъ надъ подданными, на недосыгаемой высотѣ и считается всемогущимъ повелителемъ.

---

¹ Относительно другихъ государствъ теократическаго характера ср. Bluntschli, Deutsches Statswörterbuch, ст. Ideokratie, том. V. Mohl Encyclopädie der Statswis, § 14.

² Даже устройство Черногоріи, имѣвшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, военно-духовнаго начальника въ лицѣ владыки, приблизилось послѣ того къ европейскимъ государствамъ чрезъ отдѣленіе духовнаго сана отъ верховной правительственной власти.

3. Божественный авторитетъ, провозглашенный съ незапамятныхъ временъ въ видѣ послѣдняго слова откровеннаго, божественнаго законодательства, какъ у евреевъ книги Моисея, у магометанъ Коранъ, устанавливаетъ прочный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнный порядокъ.

Когда съ измѣненіемъ судебъ народной жизни, надо было рѣшить вопросъ о потребностяхъ времени, издавать новые законы и заповѣди, тогда представители божественной власти имѣли только два пути для узнанія воли Божіей: или существовали учрежденія, назначеніемъ которыхъ было изслѣдованіе воли бога; или нужно было полагаться на внутреннее вдохновеніе. Что касается до перваго пути, то будетъ ли это гаданіе по свѣтиламъ небеснымъ, какъ у халдеевъ, или выжиданіе пламеннаго восхода солнца, какъ у евреевъ, или наблюденіе полета птицъ и изслѣдованіе внутренностей жертвенныхъ животныхъ, какъ дѣлали римскіе авгуры и гаруспексы, или вопрошеніе оракуловъ по примѣру грековъ, или бросаніе жребія по германскому обычаю, — всѣ подобныя средства ведутъ прямо къ суевѣрію и обману. Второй путь, путь вдохновенія, подверженъ обману тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше человекъ напрягаетъ силы собственнаго духа, чѣмъ пассивнѣе онъ относится къ дѣлу и чѣмъ страстнѣе предается ожидаемому вдохновенію.

Такимъ образомъ необходимые органы государственной воли, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи, представляются въ теократіи весьма невыработанными и ненадежными.

4. Жрецы считаютъ себя ближе къ богу и обладаютъ превосходствомъ силъ по отношенію къ свѣтскимъ чинамъ. Когда жрецы отправляютъ правительственныя функціи непосредственно, тогда іерархія бываетъ открытая; когда же рядомъ съ ними существуетъ и свѣтское правительство, тогда ихъ преобладаніе дѣйствуетъ тайно, и государство будетъ скрытою іерархіей.

Но такъ какъ въ жречествѣ есть что-то женственное, то и въ жреческомъ государствѣ женскія качества ставятся выше мужскихъ. Чувству собственнаго до-

стоинства и человѣческой свободѣ не дается простора. Съ владычествомъ жрецовъ неразрывно связаны униженіе и подавленіе человѣческаго духа.

5. Характеристическую черту теократіи составляетъ далѣе жестокость уголовнаго правосудія и жестокость наказаній. Въ человѣческой справедливости здѣсь проявляется гнѣвъ божій; свободное движеніе индивидуальнаго духа осуждается, какъ безбожное дѣло, и легкій проступокъ наказывается какъ оскорбленіе величія божія.

6. Воспитаніе юношества и народа находится въ рукахъ жрецовъ. Школа и образованіе вполнѣ подчиняются руководству церкви и находятся къ ней въ служебномъ отношеніи. Всѣ науки, искусства и знанія поощряются лишь на столько, на сколько они служатъ религіознымъ цѣлямъ. За этимъ исключеніемъ, они встрѣчаютъ недоверіе и пренебреженіе, а когда отъ нихъ грозитъ опасность обычному, религіозному авторитету, тогда они подвергаются преслѣдованію и подавляются.

Наука и искусство имѣютъ здѣсь значеніе не сами по себѣ, а только для религіи; они считаются не свободнымъ произведеніемъ человѣческаго духа, а рабынями церкви.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

II. Демократическія формы государства.

А. Непосредственная (античная) демократія.

Въ древности демократія понималась иначе, нежели въ новое время. Древніе демократы отправлялись отъ государства и искали свободы всѣхъ въ политически-равномъ владычествѣ всѣхъ. Новые демократы отправляются отъ индивидуальной свободы отдѣльныхъ лицъ, и стараются какъ можно менѣе уступить ее цѣлому, какъ можно менѣе повиноваться. Далѣе, древняя демократія была постоянно непосредственная, будь она абсолютная или умѣренная; напротивъ, новая демократія

всегда представительная. Ясно, что первая возможна лишь на небольшой территории, послѣдняя же приложима къ народу и территории большаго размѣра.

Изъ древнихъ народовъ въ особенности греки, раздробленные на множество небольшихъ государствъ, искали и находили въ демократической формѣ удовлетвореніе своихъ политическихъ стремленій. Нельзя отрицать, что даже древнія монархическія государства, и такъ называемыя аристократіи грековъ, имѣли въ себѣ нѣчто демократическое, — признакъ существенно отличающій ихъ какъ отъ новой монархіи, такъ и отъ римской аристократіи. Замѣчательно также, что величайшіе мыслители изъ греческихъ философовъ, хотя вовсе неблагоклонно смотрѣли на аѣинскую абсолютную демократію¹, но тѣмъ не менѣе, умѣренную демократію считали идеаломъ, и преимущественно эту государственную форму называли политіею.

Для изслѣдованія природы демократіи нѣтъ государства болѣе поучительнаго, чѣмъ аѣинское. Въ аѣинской конституціи демократія достигла своего самаго послѣдовательнаго выраженія. Господство принадлежало тамъ цѣлому народу въ невиданномъ съ тѣхъ поръ объемѣ. Почти всѣ важнѣйшія государственныя дѣла обсуждались въ народномъ собраніи (*εκκλησία*), которое публично собиралось на площади одинъ разъ въ недѣлю, — обстоятельство объяснимое только тѣмъ, что обыкновенныя житейскія работы возложены были на многочисленныхъ рабовъ, а не на свободныхъ гражданъ.

Въ народномъ собраніи многоголовый демосъ нашелъ свое видимое выраженіе. Оно было соединеніемъ всѣхъ честныхъ аѣинскихъ гражданъ, которые съ достиженіемъ двадцати лѣтъ получали туда доступъ и право голоса. Въ немъ аѣиняне чувствовали себя владыками государства, и каждый отдѣльный гражданинъ частью верховной власти. Характерическій признакъ демократическаго порядка, — господство большинства и участіе всѣхъ гражданъ въ правительствѣ, — былъ здѣсь вполне выработанъ. Каждому предоставлялось право говорить народу.

---

¹ Ксенофонтъ, Платонъ и Аристотель.

Во времена Солона, опытная старость давала еще нѣкоторое преимущество, но и это ограниченіе демократическаго равенства, подобно прочимъ, было найдено обременительнымъ и отринуто. Краснорѣчію предоставлялось свободное поприще, и сила живой рѣчи безгранично электризовала и двигала массы. То было счастье, когда ихъ мнѣніе направляли, въ качествѣ ораторовъ, такіе великіе государственные люди, какъ Периклъ, но по большей части овладѣвали умами хитрые и честолюбивые демагоги, которые, искусно возбуждая страсти собранія и льстя его эгоизму, цоцеремѣнно управляли массою. Въ новомъ государствѣ уже нельзя найти ни одного вполнѣ сходнаго примѣра такого сильнаго дѣйствія рѣчи. Она овладѣвала большимъ числомъ слушателей, и дѣйствовала на нихъ сильнѣе, нежели печать на разсѣянныхъ читателей; впечатлѣніе было непосредственнѣе и живѣе. Голосъ оратора, блескъ его глазъ, его движенія усиливали значеніе и впечатлѣніе слова, возбужденное настроеніе массы прислушивающейся къ каждому слову и сознающей свою силу, давало совѣщанію какой-то грандіозный, могучій характеръ. Даже устные совѣщанія и рѣчи въ нашихъ парламентахъ не имѣютъ такого вліянія, отчасти потому, что сами собранія малочисленнѣе и избраннѣе, а отчасти потому, что ихъ политическая власть гораздо ограниченнѣе.

Права народныхъ собраній были весьма обширны. Они обнимали всю государственную жизнь. Правда, Солонъ ограничилъ ихъ выборомъ должностныхъ лицъ (сановниковъ), надзоромъ за правительствомъ и совѣщаніемъ о законахъ. Но въ сознаніи своей силы, демось, руководимый ораторами, выступилъ за границы Солоновой конституціи. Рѣшенія народнаго собранія (*φησίματα*) получили перевѣсъ, и демось, какъ абсолютный деспотъ, постановлялъ все что хотѣлъ, даже вопреки законамъ.

Законодательство въ собственномъ смыслѣ принадлежало не самому народному собранію, а номотетамъ; но на рѣшеніе послѣднихъ имѣли сильное вліяніе совѣщанія и взгляды перваго, тѣмъ болѣе, что сами номотеты были не что иное, какъ многочисленное, избираемое для каж-

даго особаго случая отдѣленіе народнаго собранія. Напротивъ въ вѣдѣніи самого народнаго собранія находились важнѣйшія правительственныя дѣла. Оно выслушивало посланниковъ другихъ государствъ, назначало своихъ, обсуждало и опредѣляло ихъ инструкціи. Оно произносило рѣшеніе о войнѣ и мирѣ, назначало полководцевъ, опредѣляло жалованье и даже самый способъ веденія войны. Участъ покоренныхъ городовъ и странъ зависѣла отъ него. Оно распоряжалось принятіемъ и признаніемъ новыхъ боговъ, религіозными празднествами, новыми жреческими должностями. Оно давало права гражданства и привилегію. Въ каждую пританіи (черезъ 35 или 36 дней) ему отдавался отчетъ о состояніи финансовъ, о доходахъ и расходахъ республики. Оно налагало подати, опредѣляло налогъ съ метѣковъ за покровительство, оказываемое имъ государствомъ, завѣдывало монетною системою, приглашало къ добровольнымъ пожертвованіямъ. Постройки храмовъ, публичныхъ зданій, дорогъ, стѣнъ и т. д., равно какъ важнѣйшія дѣла по части кораблестроенія, предпринимались съ его утвержденія и часто по его иниціативѣ. Оно употребляло государственныя средства даже на удовольствія отдѣльныхъ гражданъ, внося за нихъ плату за посѣщеніе театровъ. Обыкновенный уголовный судъ, хотя не принадлежалъ народному собранію, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ особенности когда преступленіе не было предусмотрено закономъ, или же отягчающія обстоятельства вызывали особыя мѣры, — уголовные процессы производились предъ нимъ, причемъ оно опредѣляло наказаніе, а часто даже произносило приговоръ о виновности. Упадокъ, послѣдовавшій вскорѣ за эпохой процвѣтанія демократіи, вызвалъ въ этой народной юрисдикціи сильныя злоупотребленія.

Въ народномъ собраніи рѣшеніе постановлялось большинствомъ присутствующихъ гражданъ. Но даже въ Аѣинахъ, гдѣ духовное развитіе самыхъ низшихъ слоевъ свободныхъ гражданъ стояло выше, нежели въ какомъ бы то ни было позднѣйшемъ государствѣ, — въ народѣ, который умѣлъ цѣнить трагедіи Эсхила и Софокла, предъ которымъ держалъ рѣчи Демосѣенъ, — да-

же въ Аѣинахъ, гдѣ вслѣдствіе торговли и политическаго преобладанія скопились значительныя богатства, — гдѣ всякій трудъ щедро вознаграждался, — даже тамъ большинство было неспособно противиться проискамъ демагоговъ и нерасположено къ справедливости. Меньшинство болѣе богатыхъ и благородныхъ гражданъ подвергалось притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ со стороны большинства; Ксенофонтъ, при взглядѣ на собственное отечество, Аѣины, имѣлъ полное право признать необходимымъ слѣдствіемъ демократіи то, что въ ней дурнымъ людямъ живется лучше нежели хорошимъ ¹.

По Солоновой конституціи, всемогущее народное собраніе было отчасти ограничено, отчасти поставлено подъ руководство особаго учрежденія, — совѣта. Въ основаніи этого совѣта Солонъ положилъ аристократическое раздѣленіе народа на четыре колѣна. Распредѣливъ гражданъ по имуществу на четыре класса, и предоставивъ высшимъ и богатѣйшимъ большія обязанности и большія права въ государствѣ, Солонъ пытался дать въ совѣтѣ перевѣсъ богатству и образованію надъ массою. Но со времени Клисѣена (510 до Р. Х.) и совѣтъ попалъ въ руки массы. Совѣтъ пятисотъ былъ самъ малое народное собраніе, выдѣленное изъ толпы гражданъ внѣ всякаго соображенія богатства и образованія, и притомъ составленное не путемъ выбора, а по жребію, по жребію же раздѣленное и на десять комитетовъ (пританій) изъ 50 совѣтниковъ, которые каждые 36 дней чередовались въ управленіи дѣлами. Конечно не могло быть и рѣчи о самостоятельности такого совѣта относительно демоса, изъ котораго онъ подобно летящей вверхъ пѣнѣ шампанскаго, попеременно поднимался и въ который опять обращался послѣ короткаго

---

¹ Ксенофонтъ объ Аѣинахъ. 1. 4. Тамъ же (11. 19) увѣряетъ, «что народъ аѣинскій хорошо умѣетъ отличать хорошихъ гражданъ, отъ дурныхъ. Но онъ предпочитаетъ дурныхъ гражданъ, подчиняющихся ему, и ненавидитъ хорошихъ; ибо убѣжденъ, что добродѣтель отдѣльныхъ лицъ клонится не къ благу массы, а ко вреду ея. Народъ заботится не о томъ, чтобы государство было благоустроено, а о томъ, чтобы въ рукахъ массы находилась свобода и власть» (1. 8).

срока. Совѣтъ служилъ лишь для того, чтобы облегчить внѣшнія заботы и веденіе дѣлъ для массы, и сдѣлать возможнымъ ея самоуправленіе.

Архонты, въ древнія времена высокіе сановники, первоначально эвпатриды, по Солоновой конституціи избирались изъ класса богатѣйшихъ (пентокосіомедимновъ). Когда демократія достигла полнаго развитія, они стали назначаться по жребію, къ которому допускался каждый гражданинъ, безъ всякаго вниманія къ происхожденію, имуществу и образованію, и упали до степени простыхъ слугителей демоса и безсильныхъ президентовъ многочисленныхъ судилищъ. Послѣднія замѣщались также чисто демократически и въ свою очередь имѣли видъ народнаго собранія. Въ судебныхъ дѣлахъ принимало участіе до 6000 присяжныхъ. Судя по важности процессовъ, произносили приговоръ сотни и тысячи присяжныхъ. Стремленіе воспользоваться судейскимъ жалованьемъ и властью, осмѣянное Аристофаномъ въ «Осахъ», сдѣлалось хронической болѣзнію Аѣинъ. На этой почвѣ разрослось позорное ремесло сикофантовъ. Подобные суды смотрѣли на себя какъ на защитниковъ народнаго господства, и заботились болѣе о борьбѣ и интересахъ политическихъ партій, нежели о безпристрастномъ отправленіи правосудія. Такимъ образомъ они сдѣлались ареною публичныхъ и частныхъ страстей; подкупность сикофантовъ и самыхъ судей была очевидна, и подъ формою права скрывался крайній произволь и деспотизмъ толпы ¹.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разборъ непосредственной демократіи.

Въ даровитой натурѣ аѣинянъ и въ блестящей исторіи ихъ города отразились для всѣхъ временъ особенности непосредственной демократіи, ея достоинства и недостатки.

---

¹ О конституціи аѣинской нужно сравнить прекрасное сочиненіе К. Fr. Hermann, Griech. Statsalterthümer.

Демократія больше любитъ свободу, нежели авторитетъ. Эта-то любовь афинянъ къ свободѣ вызвала богатое развитіе вѣчно-юныхъ и вѣчно-прекрасныхъ произведеній науки и искусства, — произведеній, возбуждающихъ удивленіе потомства. Но демократическая свобода всѣхъ понимается какъ владычество большинства. Граждане хотятъ управлять лично, т. е. посредствомъ большихъ народныхъ собраній. А эти послѣднія возможны лишь въ небольшихъ государствахъ и въ такомъ народѣ, который имѣетъ досугъ, чтобы правильно заниматься государственными дѣлами, слѣдовательно только въ томъ случаѣ, когда или жизненныя отношенія народа крайне просты и государственная дѣла незначительны, какъ это бываетъ иногда въ общинахъ замкнутыхъ горныхъ долинъ, или же когда масса ежедневной работы производится лицами, непринадлежащими къ числу гражданъ. Поэтому у образованнаго народа чистая демократія есть всегда нелѣпость, такъ какъ она предполагаетъ служебное, несвободное населеніе.

Но кромѣ того въ великихъ народныхъ собраніяхъ легко развивается духъ неограниченной власти, которая въ свою очередь ведетъ народъ къ злоупотребленіямъ всякаго рода и капризный произволъ легко ставитъ на мѣсто права. Отдѣльный, самъ-по-себѣ честный и разсудительный человѣкъ, становясь въ собраніи незамѣтнымъ членомъ многочленной и страшной толпы, увлекается духомъ и страстями массы и приходитъ къ такимъ изъявленіямъ воли, которыя онъ незадолго предъ тѣмъ рѣшительно отвергалъ. Какъ скоро ораторы, которые, чтобъ произвести впечатлѣніе, вынуждены затрогивать струны народныхъ страстей, разъ привели массу въ движеніе, то даже и стыдъ перестаетъ сдерживать народъ: онъ обрываетъ всѣ задержки и выходитъ изъ всякихъ границъ ¹.

---

¹ Эдмундъ Боркъ прекрасно выразилъ это: «гдѣ авторитетъ народа абсолютенъ и безграниченъ, тамъ народъ имѣетъ безконечно бѣльшее и болѣе основательное довѣріе къ своей силѣ. Въ случаѣ важныхъ мѣръ онъ самъ есть собственное орудіе

Поэтому демократія можетъ быть хорошимъ образомъ правленія только тогда, когда большинство гражданъ обладаетъ способностью къ политической дѣятельности, т. е. когда масса достаточно развита и имѣетъ сверхъ того превосходный характеръ. Но уже то заставляетъ смотрѣть съ опасеніемъ на эту государственную форму, что даже въ аѳинскомъ народѣ, столь высоко образованномъ въ умственномъ отношеніи, доказавшемъ въ несчастіи и опасностяхъ свой великій характеръ, — даже въ этомъ народѣ чистая демократія только на весьма короткое время удержалась отъ вырожденія и упадка. Даже въ періодъ высшаго процвѣтанія величіе ея основывалось главнымъ образомъ на томъ, что народъ не самъ опредѣлялъ свою волю, а напротивъ вполне довѣрялся авторитету и руководству какаго нибудь великаго государственнаго человѣка, который фактически одинъ управлялъ массою. Фукидидъ говоритъ о временахъ Перикла: «на словахъ Аѳины были въ это время демократіею, но въ дѣйствительности государство находилось подъ властью перваго человѣка.»

Въ массѣ, упоенной властью, добродѣтель не можетъ устоять. Пока еще живетъ въ народѣ религіозный страхъ предъ божественнымъ правосудіемъ, пока обычай и законъ держатъ народъ въ границахъ, и еще есть въ немъ уваженіе къ авторитету лучшихъ гражданъ, — до тѣхъ поръ конечно можетъ существовать и демократическая форма власти. Нельзя отрицать, что въ это время масса демократическаго народа, вслѣдствіе занятія политическими дѣлами, даже замѣтно возвышается и отличается отъ гражданъ другихъ государствъ

между тѣмъ какъ государь ничего не можетъ сдѣлать безъ помощи другихъ. Народъ ближе къ предмету своего господства. Поэтому онъ менѣе подлежитъ отвѣтственности предъ великою контролирующею силою на землѣ — судомъ доброй славы и чести. Боязнь стыда, отъ которой несвободенъ ни одинъ отдѣльный человѣкъ, какъ скоро онъ берется за общественныя дѣла, для народа почти не существуетъ, потому что самостоятельность общественнаго мнѣнія находится въ обратномъ отношеніи къ числу лицъ, злоупотребляющихъ властью. Поэтому полная демократія есть самая безстыдная вещь на свѣтѣ.

болѣе богатымъ и сознательнымъ развитіемъ своихъ дарованій. Участвуя въ общественной власти, каждый отдѣльный человѣкъ вынужденъ простирать взоры за узкіе предѣлы своего занятія, — знакомиться съ великими законами исторіи и общею жизнію народовъ. Его политическія способности развиваются, силы возрастаютъ, и при сношеніяхъ съ людьми подобныхъ же классовъ иначе управляемыхъ народовъ, онъ оказывается во многихъ отношеніяхъ болѣе развитымъ. Но скоро упомянутый страхъ и уваженіе пропадаютъ, и — такъ какъ здѣсь не существуетъ благодѣтельной двойственности, правительства и управляемыхъ, этой принадлежностъ другихъ государственныхъ формъ, то, — возрастаютъ чувство, силы, несдерживаемой никакими внѣшними границами, и злоупотребленія этою силою. Тогда дурныя свойства массы неудержимо приходятъ къ развитію. Лучшее и благороднѣйшее меньшинство, самое существованіе котораго служитъ для низшихъ классовъ какъ бы упрекомъ, — протестомъ противъ ея власти, подвергается зависти, ненависти и притѣсненіямъ. Надменность, капризность, неумѣренность, стремленіе къ частымъ и суетнымъ нововведеніямъ, произволъ, грубость возрастаютъ въ демосѣ, и чѣмъ менѣе онъ владѣетъ собою, тѣмъ тягостнѣе его владычество для другихъ. Образуются партіи, въ которыхъ взаимная ненависть сильнѣе любви къ общему отечеству, и которыя, борясь между собою на жизнь и смерть, раздираютъ отечество. Государство разшатывается въ невѣрныхъ и опасныхъ колебаніяхъ, и погибаетъ отъ избытка подвижности. Такъ цвѣтущее время аѳинской демократіи было чрезвычайно блестяще, но весьма непродолжительно; по пятамъ за нимъ слѣдовалъ долгій упадокъ, изъ котораго государство уже не поднималось болѣе ¹.

Характеристическая черта всякой демократіи состоитъ въ привязанности къ началу равенства. Политическое

---

¹ Блестящій періодъ начинается съ Клисѳена въ 510 г. до Р. Х., который ввелъ впервые чистую демократію, и оканчивается смертью Перикла въ 428 г. Слѣдовательно онъ продолжался около 82 лѣтъ.

равенство гражданъ проводилось въ Аѳинахъ съ такою одностороннею послѣдовательностію, какъ ни въ одной изъ позднѣйшихъ демократій. Гдѣ только была возможность, дѣйствовала сама масса равноправныхъ гражданъ, потому что представительство посредствомъ отдѣльныхъ выборныхъ обуславливаетъ преимущество и предпочтеніе послѣднихъ. Если же гдѣ необходимо было назначать отдѣльныхъ чиновниковъ и совѣтниковъ, тамъ аѳиняне, вмѣсто выбора, который выдѣляетъ людей, признаваемыхъ за лучшихъ, допускали слѣпой жребій, падающей на всѣхъ и извлекающей то того, то другаго, не обращая вниманія на умъ, ни на добродѣтель. Такъ какъ, далѣе, преимущество должности, ежели она прочна, можетъ возвысить должностное лицо надъ массою, то этой опасности избѣгали частою смѣною избираемыхъ по жребію должностныхъ лицъ. Самое существованіе чиновниковъ, требующихъ повиновенія, противно демократическому началу равенства всѣхъ гражданъ. Если уже оно неизбѣжно, то такое неравенство должно быть уменьшено жребіемъ и смѣною. Равенство, на которомъ основывается демократія, есть числительное (ариѳметическое). Формула его не «каждому по его отношеніямъ», а «одинъ какъ другой»².

Второй результатъ демократической равноправности есть остракизмъ, который у грековъ производился въ открытой, частію даже честной формѣ, а въ новыхъ демократіяхъ хотя формально не признается, но часто прилагается, и притомъ иногда въ самомъ позорномъ видѣ. Каждое учрежденіе, если оно желаетъ быть прочнымъ, должно имѣть возможность выбрасывать элементы, несовмѣстимые съ его сущностью. Поэтому нельзя порицать чистую демократію за то, что она изгоняетъ отдѣльныхъ гражданъ, которые личнымъ превосходствомъ подвергаютъ опасности общее равенство, какъ аѳиняне изгоняли ихъ первыхъ людей и благодѣтелей. Но во всякомъ случаѣ не въ пользу демократичес-

---

² Аристот. обознач. эту противоположность. Pol. V. 1. 7. и VI. 1. 6. «Τό ἴσον κατ'ἀριθμὸν ἀλλὰ μὴ κατ'ἀξίαν.»

кой государственной формы говорить то, что она скорѣе выносить испорченность массъ, нежели величіе отдѣльных индивидовъ.

Сведемъ къ одному итогу результатъ этого изслѣдованія. Непосредственная демократія въ томъ видѣ, какъ она проявилась преимущественно въ греческихъ государствахъ, приложима прежде всего къ небольшимъ народамъ, сохраняющимъ простую жизнь и древніе благочестивые нравы и занимающимся земледѣліемъ и скотоводствомъ ¹. Въ приложеніи къ высшимъ цивилизованнымъ народамъ и болѣе богатымъ жизненнымъ отношеніямъ она является такою формою, которая на минуту возбуждаетъ націю, но потомъ въ скоромъ времени становится гибельною и неудовлетворительною. Въ первомъ случаѣ она бываетъ и естественнѣе и умѣреннѣе, во второмъ же ведетъ къ преувеличенію и безграничности власти. Свобода, которую обѣщаетъ демократія, легко переходитъ тогда въ несправедливое притѣсненіе самыхъ благородныхъ элементовъ, въ грубое властолюбіе и необузданность массы; равенство же, на которомъ она основывается, становится очевидною ложью и величайшею несправедливостью, какъ скоро развитіе жизни вызываетъ въ народѣ различія и противоположности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

В. Представительная (новая) демократія.

Непосредственная демократія удержалась и въ новомъ мірѣ, но какъ исключеніе, возможное при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ, и притомъ, въ сравненіи съ аѳинскою формою, въ весьма умѣренномъ и смягченномъ видѣ. Она сохранилась въ горныхъ швейцарскихъ кантонахъ, гдѣ еще до сихъ поръ ежегодно схо-

---

¹ Аристот. Pol. VI, 2, 1. и слѣд. подробнѣе развиваетъ эту мысль, которая подтвердилась опытомъ сначала Греціи, а потомъ Швейцаріи.

дится земская община всѣхъ свободныхъ людей, причемъ посредствомъ торжественнаго поднятiя руки избираются высшіе чины и должности республики, обыкновенно изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ фамилій, и утверждаются законы, предварительно приготовленные совѣтами. Эти простыя демократіи, до сихъ поръ мало тронутыя потокомъ европейской жизни, достойны уваженія по своему болѣе нежели пятисотлѣтнему существованію, по своей исторіи богатой чертами мужества, мало запятнанной насиліемъ и наконецъ по сохранившейся въ нихъ простотѣ нравовъ и мирной счастливой жизни. Но даже здѣсь въ новое время явилось направленіе, стремящееся преобразовать непосредственную демократію въ представительную. Демократіи прочихъ швейцарскихъ кантоновъ, также какъ демократія сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, — имѣютъ характеръ представительныхъ. Если гдѣ и шевелятся теперь демократическія партіи, то всѣ онѣ стремятся къ представительной формѣ демократіи, какъ къ своему идеалу. Демократически настроенная Франція 1793 и 1848 годовъ избрала эту же форму. На этихъ основаніяхъ представительную демократію можно признать новою формою демократическаго государства.

1. Новая демократія имѣетъ постоянно болѣе широкую основу, нежели античная, и потому именно большее количество степеней политической правоспособности. Четвертое сословіе было въ древности обыкновенно рабскимъ населеніемъ; въ новое же время и оно причислено къ демократическому народу. На этомъ основаніи всѣхъ гражданъ нельзя признать одинаково способными къ занятію государственными дѣлами. Если въ представительной демократіи и открытъ для всѣхъ гражданъ всѣхъ классовъ доступъ къ государственнымъ должностямъ и чинамъ, то повсюду отвергнутъ жребій, какъ средство назначенія должностныхъ лицъ и чиновниковъ и замѣненъ аристократическимъ началомъ выбора. Я съ намѣреніемъ, по примѣру древнихъ, называю форму выбора «аристократическою», потому что она предполагаетъ отличіе лучшихъ и способнѣйшихъ людей отъ массы, преимущественно, слѣдовательно неравенство.

Такимъ образомъ представительная демократія всегда умѣряется аристократическимъ элементомъ избраннаго меньшинства, выборною аристократіею, которая хотя признаетъ народъ высшимъ и владычествующимъ, но вообще отъ имени его владычествуетъ надъ массою,

Кромѣ этого меньшинства, выдѣляющагося изъ равноправнаго народа посредствомъ повторяющихся выборовъ, ни въ одномъ изъ демократическихъ государствъ не признается никакой иной аристократіи. Патриціаты въ швейцарскихъ кантонахъ Бернѣ, Фрейбургѣ, Солотурнѣ и Люцернѣ, составлявшіе въ послѣднія столѣтія замкнутое и наследственное владычествующее сословіе, со времени гельветійской революціи 1798 года лишены своихъ старинныхъ правъ и уничтожены. Съ этого же времени земскіе граждане (Landbürger), какъ полноправные государственные граждане, стали на ряду съ городскими гражданами (Stadtbürger), которые въ другихъ кантонахъ, — Цюрихѣ, Базелѣ, Шафгаузенѣ составляли прежде замкнутыя корпораціи и управляли синьоріями, приобрѣтенными большею частью посредствомъ покупки, и земскими муниципальными городами. Эти два переворота обусловливались измѣненіемъ какъ отношеній, такъ и юридическихъ понятій¹.

Въ сѣверной Америкѣ самыя первыя европейскія поселенія имѣли демократическій характеръ. Небольшое число лицъ, принадлежавшихъ къ англійскому дворянству, были незамѣтны въ массѣ переселенцевъ городского и крестьянскаго состоянія, которые колонизировали обширныя страны и приобрѣтали собственность. Демократическое общинное устройство и общинная свобода служили основаніемъ политическихъ учрежденій новыхъ штатовъ. Только въ южныхъ колоніяхъ ввозъ негровъ положилъ основаніе противоположности расъ, и послѣдніе, какъ рабы, были лишены всѣхъ политическихъ правъ. Правда, и здѣсь впоследствии обозначились противопо-

---

¹ Актъ Медиатизаціи 1803 года XX. 3: Il n'y a plus en Suisse ni pays sujets, ni privile ges de lieux, de naissance, de personnes ou de familles. Bluntschli Schweizerisches Bundesrecht. 1 стр. 474. Bundesverf. von 1848. § 4.

ложности богатства и бѣдности, образованія и необразованности, но онѣ умѣрялись частою переменною, въ семействахъ и лицахъ. Равенство отношеній осталось до сихъ поръ преобладающею характеристическою чертою сѣвероамериканскаго народа. Впрочемъ самые чистые республиканцы, какъ на примѣръ Вашингтонъ, при замѣщеніи должностей, обращали большое вниманіе на качества джентльмена, и такимъ образомъ фактически принимали въ соображеніе естественные аристократическіе элементы новаго міра¹.

Въ демократической Франціи аристократическія составныя части, какъ перешедшія по преданію изстари, такъ и вновь возникшія, должны были пасть предъ революціонной ненавистью и всемогущею идеею равенства, проникнувшею не столько въ нравы, сколько въ понятія французскаго народа.

2. Впрочемъ и въ представительной демократіи нѣкоторыя важныя дѣла поручаются обыкновенно не представителямъ народа, а непосредственной дѣятельности самихъ гражданъ. Сюда относятся:

1. Установленіе основныхъ законовъ. Въ Швейцаріи съ 1830 года почти повсюду признано за правило, что основные законы должны быть утверждены большинствомъ всѣхъ гражданъ, причемъ впрочемъ не считаются тѣ, которые не присутствовали при вотированіи². Напротивъ въ сѣвероамериканскихъ республикахъ, основные законы утверждаются не всѣми гражданами, посредствомъ избираемаго для этой цѣли, особенно многочисленнаго народнаго представительства (учредительнаго собранія *Verfassungsrath*).

2. Иногда гражданамъ предоставляется вотированіе и прочихъ законовъ, притомъ или въ положительной формѣ санкціи, такъ что законы вступаютъ въ дѣйствіе

---

¹ Toqueville, *De la démocratie en Amérique*. Tom. I.

² Цюрихская конституція § 93: «Если проэктъ (измѣненія конституціи послѣ многократныхъ совѣщаній) будетъ принятъ (большимъ совѣтомъ), то такой законъ долженъ быть предложенъ полному собранію гражданъ кантона для утвержденія или отверженія.»

только по принятии со стороны гражданъ, или же въ отрицательной формѣ veto, такъ что гражданамъ предоставляется право своими голосами отвергнуть законы, проэктированные представительнымъ собраніемъ. Гдѣ существуетъ послѣдняя форма, тамъ считаются только отрицательные голоса, и ежели число ихъ болѣе половины числа всѣхъ гражданъ, законъ отвергается. Гдѣ же существуетъ первая форма, тамъ считаются только вотирующіе граждане, и большинствомъ ихъ опредѣляется, принять законъ или отвергнуть. Оба эти учрежденія заимствованы изъ чистой демократіи. Оба они представляютъ опасности, когда дѣло идетъ о потребностяхъ высшей культуры, мало понятныхъ для массъ, и легко могутъ дать поводъ къ волненіямъ. Они употреблены въ отдѣльныхъ представительныхъ демократіяхъ Швейцаріи.

3. Гражданамъ предоставляется выборъ членовъ законодательнаго собранія. По большей части въ основаніи этихъ выборовъ лежитъ математическій принципъ равныхъ избирательныхъ округовъ и поголовнаго числа, и рѣдко органическія расчлененія, напримѣръ общины. Поэтому представительство бываетъ обыкновенно неполно и искажается духомъ партій. Впрочемъ, этотъ недостатокъ не находится въ необходимой связи съ представительною демократіею и свойственъ не одной ей. Выборъ палатъ новой конституціонной монархіи страдаетъ большею частью тѣмъ же недостаткомъ.

3. Постоянное отправленіе высшей государственной власти вручается обыкновенно большимъ представительнымъ собраніямъ, которыя такимъ образомъ въ преимущественно и въ обширномъ смыслѣ заступаютъ мѣсто самодержавнаго народа.

Въ средніе вѣка большіе совѣты въ швейцарскихъ городскихъ кантонахъ и земскіе совѣты (Landrätthe) въ земскихъ представляли собою лишь разширеніе обыкновенныхъ совѣтовъ въ которыхъ сосредоточивалось управленіе города или страны. Расширеніе это происходило посредствомъ присоединенія комитетовъ изъ горожанъ и земскихъ людей для важнѣйшихъ дѣлъ, — въ городахъ даже для законодательства. Но въ новое время большіе

совѣты отдѣляются отъ правительствъ, ставятся выше ихъ и считаются въ собственномъ смыслѣ представителями верховныхъ правъ ¹ государства. Подобное положеніе въ швейцарской союзной конституціи занимаетъ относительно союзаго правительства союзное собраніе, состоящее изъ двухъ совѣтовъ ².

Въ Сѣверной Америкѣ національный конгрессъ и законодательные корпусы отдѣльныхъ государствъ состоятъ изъ двухъпалатъ, еще рѣзче отдѣленныхъ отъ правительства и въ своемъ соединеніи составляющихъ законодательную власть.

4. Собственно въ управленіи народъ не принимаетъ въ новое время непосредственнаго участія даже тамъ, гдѣ для законодательства удержана чистая демократія. Во всѣхъ новыхъ демократіяхъ управленіе завѣдывается не самимъ народомъ, а во имя народа избранными имъ представителями. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ народъ предоставилъ себѣ выборъ главы правительства. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ губернаторы штатовъ избираются обыкновенно всѣми гражданами; также избираются государственные совѣтники (Staatsräthe) въ Женевѣ ³. Въ другихъ государствахъ, напротивъ, выборъ поручается законодательному корпусу, который, слѣдовательно, представляетъ народъ и съ той стороны, что замѣщаетъ высшія должности. Последней системы держится большая часть швейцарскихъ республикъ, въ которыхъ правительственныя

¹ Цюрихск. конст. 1831 г. § 38. «Отправленіе верховной власти, по предписанію конституціи, ввѣряется большому совѣту. Ему принадлежитъ законодательство и верховный надзоръ надъ управленіемъ страны. Онъ служитъ представителемъ кантона во внѣшнихъ сношеніяхъ. Cherbuliez, de la démocratie en Suisse. 11 идо 35.»

² Союзная конституція 1848 § 60: «Верховная власть союза отправляется союзнымъ собраніемъ, которое состоитъ изъ двухъ отдѣленій: а) изъ національнаго совѣта, б) изъ совѣта кантоновъ.»

³ Также по французской конституціи 1848 г. Art. 33. «Le peuple français délègue le pouvoir exécutif à un citoyen, qui reçoit le titre de président de la République» Toqueville, De la démocratie en Amérique, tom. I.

и высшія судебныя должности замѣщаются по назначенію большаго совѣта. Сюда же относятся нѣкоторыя отдѣльныя штаты Сѣверной Америки. При первой системѣ правительственная власть очевидно бываетъ самостоятельнѣе и могущественнѣе, въ особенности по отношенію къ законодательной власти, потому что тогда представители правительственной власти имѣютъ на своей сторонѣ никакъ не меньшую, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже большую степень личнаго довѣрія народа, нежели представители законодательной власти. При послѣдней системѣ, напротивъ, правительство становится въ зависимость отъ законодательнаго корпуса, которому обязано своимъ бытіемъ. Поэтому взаимное ограниченіе одного народнаго представительства другимъ легче устроить по первой системѣ, нежели по второй.

5. Правосудіе хотя и отправляется во имя народа, но судьи, — званіе, для котораго требуется особая научная подготовка, — назначаются обыкновенно не самимъ народомъ, а или правительствомъ, какъ въ сѣверной Америкѣ и демократической Франціи, или большими совѣтами, какъ въ Швейцаріи. Непосредственное участіе народа въ отправленіи правосудія встрѣчается въ учрежденіи присяжныхъ, причемъ присяжные назначаются по жребію изъ массы гражданъ.

6. Во всѣхъ представительныхъ демократіяхъ особенно важное значеніе имѣетъ общинное устройство. Оно образуетъ твердую опору всего государственнаго порядка. Въ общинахъ граждане пріучаются къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, къ самоуправленію и гражданской свободѣ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ небольшихъ, и преимущественно въ сельскихъ общинахъ, возможно соединеніе гражданъ въ общинныя собранія. Въ большихъ же общинахъ, преимущественно въ городскихъ, является также вмѣсто общиннаго собранія представительство гражданъ. Какъ швейцарскія, такъ и американскія республики имѣютъ историческое основаніе въ свободномъ общинномъ устройствѣ; и если нельзя сказать того же о Франціи, то это служитъ признакомъ что французское государство имѣетъ въ себѣ мало задатковъ для республиканскаго устройства.

Итакъ, независимо отъ непосредственнаго народо-властїа, являющагося здѣсь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, общимъ правиломъ представительной демократїи надобно признать то, что въ ней народъ управляетъ посредствомъ избранныхъ чиновниковъ, а посредствомъ представителей издаетъ законы и контролируетъ управленіе государства. Поэтому новая демократїа значительно приближается къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ выяснилась противоположность между правителями и управляемыми.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Разборъ представительной демократїи.

Извѣстно, что Монтескье призналъ добродѣтель принципомъ демократїи. Но добродѣтель, какъ политическій принципъ, предполагаетъ не всеобщее равенство, а нравственную оцѣнку господствующихъ. Между тѣмъ ни въ одной демократїи мы не находимъ признанїа нравственной оцѣнки. Вѣрно только то, что извѣстная степень добродѣтели въ народной массѣ составляетъ неизбежное практическое требованіе хорошей демократїи, — такое требованіе, — отсутствїе котораго влечетъ за собою упадокъ этой государственной формы. Скорѣе можно утверждать, что добродѣтель составляетъ политическій принципъ именно представительной демократїи, потому что дѣйствительно принципъ выборнаго представительства не только умѣряетъ, но и облагораживаетъ демократїю; посредствомъ представительства она усваиваетъ преимущества даже аристократической формы.

Принципъ представительной демократїи таковъ: лучшіе люди изъ народа должны управлять отъ его имени и по его порученїю. Но всего труднѣе организовать выборъ такъ чтобы представителями народовластїа были дѣйствительно лучшіе люди по своимъ душевнымъ качествамъ и умственнымъ способностямъ.

Въ наше время существуетъ обыкновенїе при распределенїи выборовъ принимать въ соображенїе одно по-

головное число избирателей. Обыкновеніе это соотвѣтствуетъ демократическому характеру времени; ибо дѣйствительно демократія придаетъ всего болѣе важности равенству всѣхъ, и, стремясь установить его, въ своихъ учрежденіяхъ легко приходитъ къ математическимъ нормамъ. Она перечисляетъ равноправныхъ гражданъ, и одинаковому числу ихъ старается дать одинаковыя права.

Но организація выборовъ, основанная на численности избирателей, очевидно удобнѣе прилагается къ непосредственной демократіи, которая отправление власти распространяетъ равномерно на всѣхъ гражданъ, нежели къ представительной, дѣлающей различіе между гражданами, сообразно большимъ или меньшимъ достоинствамъ ихъ, и только лучшимъ изъ нихъ ввѣряющей управленіе общественными дѣлами. Представительная демократія обращаетъ вниманіе на качество избирателей; потому ей вовсе неестественно, при распредѣленіи избирательныхъ округовъ, принимать въ соображеніе одно количество. Недостатки той системы выборовъ, о которой у насъ идетъ рѣчь, очевидны во всякой государственной формѣ, въ представительной демократіи увеличиваются еще вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ. Когда въ непосредственной демократіи всѣ граждане собираются въ одно мѣсто, то собраніе это въ сущности не есть только сумма отдѣльныхъ равноправныхъ индивидовъ, напротивъ оно подчиняется авторитету вліятельнѣйшихъ лицъ; сановники, ораторы, возвышающіеся надъ уровнемъ массы, могутъ своимъ вліяніемъ образовать въ большинствѣ такое мнѣніе, которое соотвѣтствуетъ истинной природѣ народа, какъ цѣлаго. Въ представительной демократіи напротивъ нѣтъ такого соединенія; граждане раздѣлены на большія или меньшія части, которыя по числу лицъ совершенно равны, но, по своимъ свойствамъ, находятся въ весьма различномъ отношеніи къ цѣлому, слѣдовательно суть неравныя части народа. Кто признаетъ дѣйствительно равными сельскіе округа Бретани и фабричныя округа Эльзаса съ избирательнымъ округомъ Парижа, въ которомъ, какъ нигдѣ во Франціи, неестественнымъ образомъ, безъ всякаго единства перемѣшаны — и самыя

богатыя и образованныя части населенія, и многочисленныя слои простыхъ гражданъ (мелкіе торговцы, ремесленники), далѣе работники и наконецъ масса черни?— Но разнообразіе избирательныхъ округовъ логически требуетъ различнаго значенія права голоса. Гарантією въ правильномъ представительствѣ народа служитъ только такой распорядокъ и распредѣленіе выборовъ, въ которомъ каждой изъ составныхъ частей, каждому интересу народа дается представительство, сообразное съ его отношеніемъ къ цѣлому. Численность, конечно, имѣетъ здѣсь значеніе, но обращать вниманіе на одно число недостаточно. Если ставить задачею то, чтобы представителями всего народа были лучшіе люди, то необходимо принять въ соображеніе и прочія свойства,—именно имущество, образованіе, образъ занятій, образъ жизни. Всего лучше, когда, независимо отъ этихъ условій, распредѣленіе опирается на органическія дѣленія народа, а не на произвольно скопившіяся массы.

Поэтому для представительной демократіи мы можемъ выставить два принципа:

1. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ въ ней вся совокупность гражданъ, на примѣръ при подачѣ голосовъ всѣмъ народомъ, достаточно этого простаго счета вотирующихъ гражданъ, также какъ и въ непосредственной демократіи.

2. Напротивъ, гдѣ дѣйствуетъ не совокупность, а только части ея, гдѣ лучшіе граждане избираются представителями цѣлаго, тамъ принципъ поголовнаго исчисленія недостаточенъ. Здѣсь нужно обращать вниманіе и на качество, нужно производить дѣленіе на части такимъ образомъ, чтобы былъ гарантированъ выборъ лучшихъ членовъ, и притомъ въ правильной пропорціи съ духовными, нравственными и матеріальными потребностями жизни.

Характеристическая черта представительной демократіи состоитъ въ томъ, что власть въ государствѣ вручается собственно большинству, а приложеніе этой власти меньшинству. Чтобы меньшинство дѣйствительно могло управлять въ духѣ большинства, послѣднее удерживаетъ за собою право произносить рѣшеніе о

лицахъ, долженствующихъ дѣйствовать отъ его имени. Для этой цѣли выборы представителей чрезъ извѣстные періоды возобновляются.

Демократическая конституція признаетъ, что большинство гражданъ не имѣетъ на столько способности и досуга, чтобы фактически прилагать къ дѣлу самоуправленіе, считающееся его естественнымъ правомъ. Но большинство все-таки считается на столько заинтересованнымъ въ благѣ государства и на столько понимающимъ дѣло, что за нимъ сохраняется участіе въ выборахъ и ему приписывается умѣнье найти для представительства достойныхъ людей.

Конституція представительной демократіи, въ сравненіи съ непосредственной, ограничиваетъ свои требованія отъ гражданъ, но увеличиваетъ требованія отъ представителей. Она опирается на самосознаніе свободныхъ и въ сущности равныхъ гражданъ, но въ тоже время вѣритъ, что послѣдніе рѣшатся избрать лучшихъ изъ своей среды, и что всѣ будутъ охотно подчиняться управленію избранныхъ представителей, конечно только до тѣхъ поръ, пока они будутъ оправдывать довѣріе большинства избирателей.

Вслѣдствіе прямыхъ выборовъ управляющіе становятся въ зависимость отъ управляемыхъ. Между тѣмъ послѣдніе должны оказывать первымъ повиновеніе. Поэтому здѣсь авторитетъ правительства относительно слабъ, свобода же управляемыхъ велика. Высшіе сановники разсматриваются не какъ главы республики, а напротивъ какъ служители массы. Хотя, по выраженію Гизо, каждое государство можетъ быть управляемо только сверху внизъ, а не снизу вверхъ, но та государственная форма, о которой идетъ дѣло, доказываетъ, повидимому, что управленіе можетъ идти и снизу вверхъ. Поэтому дѣятельность правительства легко получаетъ характеръ управленія въ строгомъ смыслѣ, а государство оттѣнокъ расширеннаго хозяйства, или большой-общины.

Правительственные органы—являются здѣсь въ скромной, гражданской формѣ. Представительная демократія чуждается того блеска величія и высшаго достоинства,

какимъ окружаетъ себя монархія и аристократія. Для придворной дипломатіи съ ея тонкостями эта натуральная почва не особенно благоприятна. Ея мѣсто заступаетъ здѣсь простое представительство дипломатическихъ агентовъ и консуловъ. Значительная постоянная армія несовмѣстима съ представительною демократіей. Ея существованіе постоянно грозило бы народной безопасности и свободѣ. Представительная демократія требуетъ значительнаго и способнаго, народнаго и земскаго ополченія. Сосредоточенность всѣхъ силъ въ ней менѣе развита нежели самоопредѣленіе и свободное движеніе всѣхъ частей.

Всѣ учрежденія, предназначенныя для народа, организованы здѣсь хорошо, часто даже превосходно. Мы находимъ въ демократіяхъ многочисленныя и общепользныя учрежденія — хорошія дороги и средства сообщенія, многочисленныя народныя школы, веселые народные праздники и т. д. и въ то же время менѣе бюрократическихъ золъ, нежели въ другой какой-либо государственной формѣ.

Съ другой стороны, чтобы государство заботилось о высшихъ потребностяхъ науки и знанія, при демократіи нужно болѣе усилій, нежели при другомъ устройствѣ: какъ скоро и народъ удовлетворяетъ такимъ потребностямъ, которыя сознаются далеко не всѣми, то это есть уже признакъ высокой ступени цивилизаціи, до которой возвысился народъ; только развитой взглядъ можетъ понять, какое значеніе для всеобщаго народнаго благоденствія имѣетъ это попеченіе о духовныхъ благахъ.

Сознаніе свободы, которое создало всю конституцію демократіи и нашло въ ней свое выраженіе, возвышаетъ многочисленныя средніе классы, на которые преимущественно она опирается, увеличиваетъ духовное развитіе вслѣдствіе участія въ государственныхъ дѣлахъ — посредственнаго или непосредственнаго — и укрѣпляетъ характеръ гражданъ. Всеобщее чувство любви къ отечеству имѣетъ здѣсь самую прочную основу и широкое прище; во время кризисовъ, свободные граждане обнаруживаютъ готовность на величайшія пожертво-

ванія. Менѣе благопріятствуетъ демократическая конституція свободному развитію аристократическихъ натуръ и народъ относится къ нимъ недовѣрчиво и враждебно. Но они могутъ пріобрѣсти уваженіе, если не оскорбляютъ чувства равноправности и въ дѣлѣ всеобщаго блага соревнуютъ съ лучшими демократами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

III. Аристократія

А. Эллинская форма. Спарта.

Если Аѳины въ древности считались высшимъ выраженіемъ демократіи, то на Спарту эллины смотрѣли, какъ на самое полное проявленіе аристократіи. Вообще народный характеръ эллиновъ болѣе склонялся къ демократической формѣ государства, нежели къ аристократической; только въ отношеніи къ чужеземнымъ варварамъ эллины любили считать себя природными аристократами. Но дорійское племя, къ которому принадлежали спартиаты, предпочитало аристократическія начала и формы и для своихъ внутреннихъ государственныхъ учрежденій.

Всякая аристократія въ своемъ идеальномъ принципѣ предполагаетъ господство благородной части населенія надъ подчиненнымъ большинствомъ. Но способъ, которымъ опредѣляется эта благородная часть населенія и и возвышается надъ остальными, не одинаковъ въ различныхъ государствахъ этого рода. Въ Спартѣ господствовало племя спартиатовъ, которое покорило страну оружіемъ. Ему были подчинены періэки, лакедемоняне, прежніе покоренные обитатели страны. Такимъ образомъ принадлежность къ владычеству или неподчиненному племени опредѣлялась рожденіемъ. Первые завоеватели страны утвердили въ ней свою власть, которую пріобрѣли силою оружія и чрезъ всѣ послѣдующія поколѣнія передавали какъ наслѣдство, своимъ потомкамъ.

Политическое право наследованія — эта характеристическая черта всѣхъ древнихъ аристократій—естественнымъ образомъ возникло изъ стремленія къ сохраненію власти и сдѣлалось основнымъ принципомъ всего государства.

Это наследственное господство спартиатовъ, какъ благороднѣйшаго племени, не умѣрялась переходами его. Между спартиатами и мѣтеками оставалась рѣзкая грань, съ кастовымъ характеромъ, недопускавшая общенія посредствомъ браковъ. Чрезвычайно рѣдко кто-либо изъ послѣднихъ получалъ полное гражданство первыхъ. Такимъ образомъ владычествующее племя не обновлялось посредствомъ новыхъ семействъ; подчиненное не могло утѣшать себя надеждой, что когда-нибудь лучшіе изъ его сыновъ, своими заслугами, станутъ во главѣ государства. Такая исключительность кажется тѣмъ болѣе странной и тягостной, что въ другихъ случаяхъ спартиаты были слишкомъ равнодушны къ чистотѣ крови; ради выгоды государства, чтобы пріобрѣсти спартанскихъ дѣтей, они отдавали въ объятія илотовъ спартанскихъ женщинъ, которыхъ мужья пали на войнѣ.

Тѣмъ болѣе однако вниманія обращалось на воспитаніе. Оно должно было восполнить превосходство происхожденія и въ совокупности съ нимъ поддерживать преимущество спартиатовъ. Забота государства о политическомъ и военномъ воспитаніи юношества доходила до крайнихъ предѣловъ, такъ что изъ этого разрушались семейныя связи и приносилась въ жертву частная свобода семейства. Нигдѣ индивидуальная жизнь не была до такой степени подчинена государственной, нигдѣ всемогущество государства не достигало такихъ предѣловъ, какъ въ Спартѣ: какъ будто въ самомъ дѣлѣ человекъ существуетъ въ мірѣ только для государства.

Между собою спартиаты пользовались совершенно равными правами и демократическое равенство господствовало въ средѣ аристократіи до такой степени, что имущественное равенство всѣхъ спартанскихъ фамилій были основною чертой Ликурговой конституціи. Каждое семейство получало одинаковый участокъ (*κλῆρος*) земли въ частное владѣніе, и этотъ участокъ ника-

кимъ образомъ не могъ быть отчуждаемъ. Чтобы движимыя имущества не скоплялись въ отдѣльныхъ рукахъ и чтобы не явилось различія между богатыми и бѣдными, было запрещено всякое употребленіе золота и серебра. Илоты, которые обрабатывали поземельные участки спартіатовъ, не считались собственностію отдѣльныхъ господъ, но какъ самые участки составляли собственность государства; и натуральная подать, которую они взимали, законно и равномерно падала и на мужчинъ и на женщинъ каждаго семейства; даже столъ былъ одинаковый для всѣхъ мужчинъ, собиравшихся въ застольныхъ товариществахъ. Такимъ образомъ равенство житейскихъ отношеній было болѣе развито, между аристократическими спартіатами нежели демократическими аѳинянами.

Не смотря на это, племя спартіатовъ проявляло свою власть не въ демократической формѣ. Это противорѣчило бы характеру государства и народа. Правда и въ Спартѣ было народное собраніе *Εκκλησία*, но дѣйствительная сила принадлежала не ей, а герусіи. Она обыкновенно обсуживала и рѣшала государственныя дѣла и только въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ вносило свои рѣшенія въ народное собраніе, которое принимало ихъ или отвергало. Право рѣчи предоставлено было царямъ, геронтамъ, эфорамъ, а право голоса лицамъ зрѣлаго возраста (не моложе 30 лѣтъ), но не молодымъ людямъ.

При назначеніи въ сенатъ, — герусію, требовались слѣдующія аристократическія условія:

1) Родъ. 9000 спартіатскихъ участковъ и полноправныхъ отцевъ семействъ были раздѣлены на 30 объ, которыя можно сравнить съ римскими куріями. Одинъ изъ каждой объ избирался въ геронты. Оба царя принадлежали къ двумъ царскимъ обамъ, а 28 остальныхъ геронтовъ, которые вмѣстѣ съ ними составляли сенатъ, были въ родѣ ихъ перовъ, — князей¹. Это условіе имѣло отрицательное дѣйствіе относительно

---

¹ Гомеръ называетъ царскій совѣтъ «βασιλείς».

преобладанія отдѣльныхъ родовъ, и положительное касательно достоинства и представительства различныхъ семействъ.

2) Возрастъ. Къ глубокой старости спартиаты относились съ величайшимъ уваженіемъ. Въ ней они чтили условіе житейской мудрости. За исключеніемъ царей, геронты должны были имѣть по крайней мѣрѣ 60 лѣтъ. Но это требованіе было повидимому преувеличено, потому что и дряхлость есть тоже обыкновенный спутникъ старости, а государство для своего управленія требуетъ не одной только старческой опытности въ людяхъ, но еще болѣе полной энергіи и свѣжести духа.

3) Избраніе, которсе послѣ предварительнаго предложенія кандидатовъ совершалось народнымъ собраніемъ посредствомъ громкихъ криковъ одобренія. Предлагая себя въ кандидаты на высокую должность геронта, старики высказывали этимъ, что могутъ еще служить государству и что остатокъ дней своихъ желаютъ посвятить ему; а въ согласіи народнаго собранія на такое предложеніе открывалось довѣріе къ нимъ народа.

4) Срокъ. Должности были пожизненны. Если это съ одной стороны предохраняло ихъ отъ колебаній народнаго расположенія, то съ другой такое закрѣпленіе должностей за однимъ лицомъ угрожало имъ ослабленіемъ.

Аристократія герусіи умѣрялась частію царскою властію, возвышавшеюся надъ ней и представлявшею собою единство и величіе государства, частію демократическою должностію эфоровъ, контролировавшихъ, въ качествѣ смѣняемыхъ органовъ народа, дѣйствія царей и сената и имѣвшихъ обширную судебную власть въ государственныхъ дѣлахъ.

Спартанская конституція производитъ такое же впечатлѣніе, какъ всякое искусственное произведеніе; подобно Платоновой республикѣ она пріятно дѣйствуетъ на чувство своими благородными формами, внѣшнею красотою и гармоніей, но въ то же время поражаетъ внутреннею неестественностію и скорѣе отталкиваетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ. Когда въ нее всматриваешься

то невольно удивляешься ея архитектурѣ, но въ то же время не чувствуешь никакого желанія жить при ней. Если можно упрекнуть аѳинянь въ томъ, что они владычество большинства предпочитали благоустройству государства, то спартанцевъ можно упрекать въ по жертвованіи государству человѣческой свободой.

Характеръ спартіатовъ возвышеннѣе, нежели аѳинскій, но не такъ свѣтелъ, какъ послѣдній; въ политической жизни спартіатовъ болѣе спокойной равномерности, нѣтъ такого блестящаго свѣта и такой мрачной тѣни, какъ у аѳинянь. Постоянство первыхъ и подвижность послѣднихъ чрезмѣрны въ своей односторонности.

Что касается прочности, то спартанская конституція далеко превосходила аѳинскую. Солонъ еще при жизни видѣлъ, что его демократія, значительно перемѣшанная съ аристократическими элементами происхожденія и богатства, гибла подъ вліяніемъ тиранніи и что не было возможности приостановить успѣхи послѣдней. Позже, когда послѣ умерщвленія тиранновъ была введена чистая демократія, она пришла къ упадку уже въ первомъ столѣтіи своего существованія. Напротивъ, Ликургова конституція въ продолженіе пяти столѣтій сохраняла величіе Спарты и если не могла предотвратить ея упадка, то все-таки не была сама причиною ея порчи и гибели. Къ этому привело Спарту уклоненіе отъ основныхъ положеній ея конституціи, въ особенности, вопреки ея постановленіямъ, скопленіе богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ этимъ продажность многихъ и позднѣйшая демагогія эфоровъ¹. Нельзя не замѣтить, что сила этой конституціи, охранявшая ее такъ долго, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что съ одной стороны, она стоитъ въ противорѣчій и борьбѣ съ человѣческой природой, съ другой съ силою міровыхъ отношеній. Такую несокру-

---

¹ Laurent (II. 290) замѣчаетъ, что неизмѣнность конституціи была причиною запусканія Спарты.

шимую твердость она почерпала частью изъ идеократическаго вѣрованія народа, что его законодатель—любимецъ Зевеса и существо полубожественное.

Подобная спартанской, конституція Крита и аристократическое устройство Кареагена отличались не менѣе продолжительнымъ существованіемъ. Вообще можно признать фактомъ, доказаннымъ исторіей, что аристократіи, поставившія своимъ принципомъ твердость государственнаго порядка, гораздо долѣе сохраняли государство и самихъ себя, нежели демократіи — владычество демоса.

ГЛАВА ДВѢНАЦАТАЯ.

В. Римская аристократія.

Римская республика, по своему основному характеру, есть также аристократія, но аристократія высшаго рода, чѣмъ спартанская. Въ общественной сферѣ римляне проводили рѣзкую грань между правами государства и свободою семействъ и индивидовъ. Хотя они ради величія и силы государства были готовы на величайшее самопожертвованіе, но все-таки не доходили до того, чтобы посягнуть на свободное развитіе индивидуальной жизни. Сверхъ того римляне были свободны отъ искусственнаго, узкаго отчужденія отъ всего ненаціональнаго, которое на нѣкоторое время сохранило въ чистотѣ національную доблесть спартанцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало ихъ неспособными удержать во внѣшнемъ мірѣ то высокое положеніе, къ которому призвала ихъ судьба. Наконецъ, съ самого начала римляне были свободны отъ того коснѣнія въ сословныхъ противоположностяхъ, которое мы видѣли въ Спартѣ. Существовавшія нѣкогда въ римской націи противоположности не стояли неподвижно, парализируя другъ друга, но изъ борьбы и взаимодействія ихъ развилась высшая политическая жизнь. Римское государство есть точно также искусственное произведеніе, какъ и спартанское; но въ немъ, съ одной стороны, болѣе близости къ

человѣческой природѣ и общему міровому порядку, съ другой оно отличается отъ послѣдняго богатствомъ формъ и величіемъ своихъ отношеній. Римское государство въ высшей степени производитъ впечатлѣніе органическаго.

Если разсматривать римскую республику въ ея основныхъ чертахъ, вездѣ встрѣтимъ рѣзко выдѣляющійся аристократическій характеръ, который, правда, умѣряется монархическимъ и демократическимъ устройствомъ. Онъ виденъ: во 1-хъ въ отношеніяхъ сословіи, 2, въ устройствѣ народныхъ собраній, 3, въ сенатѣ, 4, въ магистратурахъ.

1) Отношенія сословіи. Уже въ древнѣйшее время замкнутости деспотизму патриціата могло противодѣйствовать то обстоятельство, что римскіе патриціи не принадлежали, какъ спартіаты, къ одному племени, но, подобно англійской аристократіи, образовавшейся изъ саксонскаго и норманскаго элементовъ, патриціи имѣли латинское и сабинское происхожденіе, частію же этрусское. Позднѣе, хотя за патриціями еще долго оставалась вся политическая власть въ государствѣ, какъ за господствующимъ племенемъ, но она частію ограничивалась организаціей плебы, съ ея плебейскими магистратами, частію принуждена была признать за поднимающеюся новою, плебейскою аристократіей значительное участіе въ управленіи государствомъ. Наконецъ, изъ соединенія и сліянія древней и новой аристократіи возникло отнюдь незамкнутое, но столь значительное для римскаго государства сословіе оптиматовъ.¹

Традиція управленія государствомъ и занятіе государственными дѣлами оставались преимущественно за аристократіей во все время, пока существовала римская республика. Аристократія отличалась воспитаніемъ, богатствомъ, религіозными и политическими познаніями, могуществомъ. Но она постоянно привлекала къ себѣ новыя силы изъ плебейскаго сословія. Если она, подобно царямъ, высоко стояла надъ уровнемъ тогдашней жизни, то въ то же время находилась и въ тѣсномъ общеніи съ народомъ, къ которому принадлежала.

---

¹ Срав. выше книга 11, гл. 10.

И политическое воспитаніе у римлянъ не было забыто; но оно предоставлялось семейству, а не возлагалось на государство, какъ его обязанность. Отсюда все разнообразіе и наслѣдственная опредѣленность политическихъ направленій у римлянъ; между тѣмъ какъ въ Спартѣ, въ средѣ аристократіи господствовало тождество политическихъ воззрѣній. Лучшія изъ римскихъ аристократическихъ фамилій держались консервативнаго направленія; нѣкоторыя, какъ на примѣръ, патриціанскіе Валеріи и плебейскіе Публиліи и Сициніи дѣйствовали въ либеральномъ; напротивъ Клавдіевъ съ рѣдкими исключеніями, можно сравнивать съ англійскими ультра—торіями.

2) Народныя собранія. Изъ трехъ родовъ римскихъ комицій только позднѣйшія, собранія по трибамъ, имѣли демократическую организацію. По своему первоначальному назначенію онѣ должны были служить органомъ для выраженія мнѣній подчиненнаго сословія плебеевъ и преградой патриціанскому преобладанію, но собственно не имѣли участія въ государственномъ управленіи. Потомъ онѣ сдѣлались не только однимъ изъ законодательныхъ дѣятелей, но и пріобрѣли полную законодательную власть. Даже въ послѣдніе вѣка республики, когда падала древняя аристократія и подготавливалась монархія, демократическія собранія по трибамъ, только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, подъ руководствомъ честолюбивыхъ трибуновъ, проявляли высшую власть. Обыкновенно сами трибуны, которымъ принадлежала инициатива и изъ которыхъ каждый имѣлъ право контролировать и воздерживать другаго, а съ другой стороны уваженіе къ высокому авторитету сената, предупреждали необузданность демократіи. Такимъ образомъ даже эти демократическія комиціи по трибамъ составляли только задержку, въ высшей степени живучей и чрезмѣрно сильной аристократіи.

Напротивъ, чисто аристократическими были собранія по куріямъ, которыя въ первое время республики имѣли еще значительную власть, а въ послѣднее — удерживали только формальное, призрачное значеніе. Это были собранія древней родовой аристократіи патриціевъ, расчленявшейся по родамъ и куріямъ; первоначально са-

мый сенатъ состоялъ изъ выборныхъ родоначальниковъ. Даже, когда было опредѣлено, что плебеи могутъ имѣть доступъ въ сенатъ, послѣдніе являются здѣсь въ низшемъ подчиненномъ положеніи.

Наконецъ важнѣйшее народное собраніе по центуріямъ, называемое *comitiatus maximus*, которое обнимало собою весь народъ, было организовано такъ, что здѣсь рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ высшихъ классовъ общества. Центуріальное устройство придавало величайшее значеніе слѣдующимъ условіямъ:

а) Имуществу. Даже одинъ первый классъ платившихъ высшую цифру налога, съ его 80 центуріями, когда онѣ были согласны и къ нимъ присоединяли свои голоса 18 центурій всадниковъ, имѣлъ за собой большинство голосовъ, такъ что четыре другихъ класса, вмѣстѣ съ массою пролетаріевъ и *capite censi*, владѣли меньшимъ числомъ голосовъ, хотя въ нѣсколько разъ превосходили первый классъ своею численностью. Въ остальныхъ четырехъ классахъ богатые находились въ такомъ же отношеніи: чѣмъ болѣе имущество, тѣмъ болѣе право голоса: 4 лица втораго класса равнялись 6 третьяго, 12 четвертаго 24 пятаго класса. Пролетаріатъ, безъ сомнѣнія, и тогда уже весьма многочисленный, равно какъ *capite censi*, еще болѣе отличавшіеся многочисленностію, составляли только по одной центуріи изъ 195, слѣдовательно имѣли самое ничтожное вліяніе въ собраніи, гдѣ такъ много значила аристократія богатства.

б) Происхожденіе и благородныя занятія также принимались въ расчетъ; на этомъ условіи были установлены первыя 18 центурій всадниковъ, и какъ благороднѣйшіе, они занимали высшее мѣсто въ собраніи.

с) Старшимъ принадлежало большее право голоса, нежели младшимъ, ибо центуріи первыхъ, по закону смертности, по крайней мѣрѣ въ половину были не такъ многочисленны, какъ центуріи послѣднихъ, но считались не менѣе ихъ.

д. Наконецъ, независимо отъ классовъ, вся внѣшняя обстановка и процедура этого собранія были вовсе не демократическими. Особенное вниманіе къ ауспиціямъ,

твердый военный порядокъ, предсѣдательство высшихъ магистратовъ, устройство, которое предоставляло говорить не каждому и не признавало публичнаго ораторства, но въ которомъ, по требованію обстоятельствъ, говорили съ народомъ магистраты, призванные къ управленію государствомъ, — все это придавало центуріальному собранію характеръ достоинства и сдержанности. Понятно, почему римлянинъ съ какимъ-то аристократическимъ презрѣніемъ могъ смотрѣть на шумныя и безпорядочныя народныя собранія грековъ.¹

Законы въ собственномъ смыслѣ требовали согласія на нихъ этихъ комицій, и выборы высшихъ магистратовъ, которые имѣли рѣшительное значеніе для всей римской государственной жизни, были дѣломъ этого аристократически организованнаго собранія.

3) Римскій сенатъ, по своему составу и власти, былъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ. Первоначально состоя изъ старѣйшинъ патриціанскихъ родовъ, *príncipes*, и главнымъ образомъ представляя родовую аристократію, въ послѣдствіи сенатъ сдѣлался собраніемъ римскихъ государственныхъ людей, занимавшихъ правительственныя должности. Въ исторіи сената можно видѣть переходъ патриціанскаго дворянства, которое долго послѣ считалось источникомъ ауспицій и хранителемъ священныхъ преданій старины, въ новое римское должностное дворянство. Если высшихъ магистратовъ римской республики можно по справедливости сравнивать съ царями, и если изъ отслужившихъ магистратовъ составлялся сенатъ, называемый древними собраніемъ царей, то понятно, какъ высоко стояла аристо-

---

¹ Cicero pro Flacco c. 7, Nullam illi nostri sapientissimi et sanctissimi viri vim concionis, quae scisceret plebes aut quae populus juberet, summota concione, distributis partibus tributim et centuriatim, descriptis ordinibus classibus, aetatibus, auditis auctoribus, per multos dies promulgata et cognita, juberi vetarique voluerunt. Graecorum autem totae republicae sedentis concionis temeritate administrantur. Itaque ut hanc Graeciam, quae jam diu suis consiliis perculsa et efflicta. Zwölftes Capitel III. Die Aristokratie. B. Römische Aristokratie.

кратія. На цензорахъ, въ качествѣ хранителей добрыхъ нравовъ, лежала самая почетная обязанность составлять списки сенаторовъ изъ бывшихъ магистратовъ и исключать изъ сената недостойныхъ. Во время собраній, сенаторы сидѣли и подавали голоса, по степени званія въ какомъ они находились, какъ сановники римскаго народа, какъ бывшіе консулы, цензоры, преторы, эдилы, квесторы. Точно также и совѣщаніе происходило въ строгой формѣ римскаго авторитета. Оно открывалось молитвами и жертвами, подъ руководствомъ правительствующихъ сановниковъ, которымъ принадлежала инициатива и собраніе голосовъ. Протестъ народныхъ трибуновъ и настоящихъ сановниковъ предупреждалъ здѣсь произволъ и превышеніе власти.

Всѣ важныя государственныя дѣла были или подготовляемы или рѣшаемы сенатомъ. Попеченіе о религіозномъ почитаніи боговъ, празднествахъ и жертвахъ было возложено преимущественно на сенатъ. Онъ велъ переговоры съ чужеземными государствами и ихъ послами, и вообще въ его рукахъ была вся величественная дипломатія римскаго государства. Оцѣнка законовъ, столь важная по своимъ послѣдствіямъ и согласіе на нихъ, точно также принадлежали сенату и обыкновенно имѣли вліяніе на исходъ дѣла. Кромѣ того, его собственныя постановленія (*senatus consulta*) имѣли такой же авторитетъ въ сферѣ управленія, какъ и законы. Финансовая власть также принадлежала ему. Онъ устанавливалъ налоги и опредѣлялъ расходы. Онъ предписывалъ наборы войска и распредѣлялъ армію между сановниками. Проконсуламъ и пропреторамъ онъ давалъ полномочія и инструкціи, нужныя для управленія провинціями, и контролировалъ всѣ дѣйствія ихъ по управленію. Во время тяжелыхъ кризисовъ, для сохраненія республики, онъ давалъ консуламъ неограниченную власть.

4. Сановники. Были ли римскія магистратуры монархическими или аристократическими учрежденіями, — это подлежитъ еще сомнѣнію. Но что онѣ имѣли не демократическій характеръ — это довольно очевидно. Уже аристократическая обстановка, съ какою являлись эти сановники, ихъ обложенная пурпуромъ тога, куруль-

ное кресло на возвышенномъ мѣстѣ, добровольный штатъ изъ знатныхъ друзей и помощниковъ, окружавшій ихъ, ликторы, союзъ съ богами, который долженъ былъ открыться при ихъ назначеніи въ формѣ ауспицій и поддерживался ауспиціями же, совершаемыми тѣми же сановниками,—все это не даетъ никакой возможности сомнѣваться въ этомъ. Обширная и внутри себя абсолютная власть, которая заключалась въ *imperium*, была въ сущности царская; республиканская сторона ея видна только въ непродолжительномъ срокѣ, на который эта власть вручалась отдѣльнымъ римлянамъ и въ раздѣленіи ея между двумя или нѣсколькими сановниками, съ однимъ и тѣмъ же достоинствомъ. Въ высшей степени замѣчательнымъ, чисто римскимъ аристократическимъ правиломъ государственнаго права было постановленіе, по которому каждый сановникъ имѣлъ право посредствомъ своего *veto* уничтожать всякое дѣйствіе другихъ равныхъ съ нимъ по степени или низшихъ; это постановленіе весьма значительно умѣряло всемогущую власть, заключавшуюся въ *imperium*, не уничтожая ея въ тѣхъ случаяхъ, когда полное ея дѣйствіе было необходимо или полезно для государства.

Конечно, эти сановники избирались цѣлымъ народомъ, но выборы въ высшія должности происходили въ собраніяхъ по центуріямъ, въ которыхъ аристократія богатства всегда имѣла перевѣсъ, и которыя къ тому же руководимы были сановниками и ограничивались ауспиціями. Сверхъ этого, путь къ магистратурамъ былъ открытъ только тѣмъ, которые принадлежали къ національной аристократіи, потому ли что происходили изъ знатныхъ родовъ и носили блестящее имя, имѣли многочисленныхъ кліентовъ и пользовались народнымъ расположеніемъ, или потому, что владѣли большимъ богатствомъ и умѣли привлечь къ себѣ народъ общественными увеселеніями, которыя они устраивали на свой счетъ; или, наконецъ, и потому, что видною дѣятельностью на войнѣ и ораторскимъ талантомъ возвысились надъ толпой и пріобрѣли популярность и вліяніе. Съ того времени какъ высшія магистратуры сдѣлались доступными плебеямъ, онѣ безъ сомнѣнія, не обраща-

лись въ предѣлахъ одной наслѣдственной аристократіи, но тѣмъ не менѣе, за немногими весьма рѣдкими исключеніями, непосредственное участіе въ управленіи государствомъ обыкновенно принадлежало только членамъ великой политической и національной аристократіи, въ которую преобразовался патриціатъ: эти же сановники составляли сенатъ.

Сообразивъ все это, мы должны согласиться, что римская республика, хотя на конституцію ея имѣли вліяніе монархическія преданія и демократическіе элементы, была въ сущности ничто иное, какъ аристократія, не родовая и сословная, которая въ многочисленныхъ формахъ была вызвана средними вѣками, но самая величественная и блистательная во всемірной исторіи народная аристократія.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Разборъ аристократіи.

Монтескье поставилъ принципомъ аристократіи умѣренность (*modération*) и требовалъ отъ нея умѣренности ради собственной безопасности. Онъ указалъ именно на умѣренность потому, что большинство, надъ которымъ она господствуетъ, превосходитъ ее численностію и физическою силой. Если демократія чувствомъ своей власти, ничѣмъ неограниченной съ внѣшней стороны, можетъ увлекаться до неразумнаго ея употребленія, то, напротивъ, аристократія не легко можетъ отдѣлаться отъ мысли, что народъ ей сопротивляется и возстаетъ противъ нее; потому она поставляетъ для себя правиломъ—тяжесть своего политическаго преобладанія дѣлать наименѣе чувствительною. Она знаетъ, что сохраненіе ея значенія основывается по большей части на умѣренности и политика ея обыкновенно консервативная.

Но это вовсе не опредѣляетъ внутренняго, духовнаго принципа аристократіи. Скорѣе въ этомъ выражается нравственное и духовное отличіе господствующихъ клас-

совъ отъ подчиненнаго большинства. Аристократія на столько справедлива, на сколько въ ней управляютъ дѣйствительно лучшіе (οἱ ἄριστοι). Если владычествующіе классы вырождаются, исчезаютъ лучшія свойства, возвышавшія ихъ, портится ихъ характеръ и самый духъ мельчаетъ и слабѣетъ, то аристократія гибнетъ неудержимо, ибо вымираетъ та душа, которая оживотворяла ея существо. Точно также аристократія погибаетъ, если отличительныя ея свойства остаются, но проявляются также и въ лицахъ подчиненныхъ классовъ, аристократія же не хочетъ воспринять ихъ въ свою среду и тѣмъ восполнить и возвысить свои силы. Римская аристократія сдѣлалась столь великой и удержала за собой, подобно англійской, вліяніе и высокое положеніе главнымъ образомъ потому, что находилась въ жизненной связи съ остальною народною жизнью и постоянно воспринимала изъ нея новыя силы.

Главный недостатокъ многихъ аристократій лежитъ въ исключительности. Въ своемъ стремленіи упрочить преимущества, основанныя на превосходствѣ, онѣ часто упускаютъ изъ виду самое превосходство, и стремятся внѣшнимъ образомъ обезпечить себѣ эти преимущества и сдѣлать ихъ постоянно наследственными. При несложныхъ отношеніяхъ владычество ихъ можетъ еще держаться, но для отношеній многосложныхъ такая ограниченная аристократія негодна. Спарта и Венеція ослабѣли, какъ скоро были сдѣланы великія завоеванія.

Спартиаты, равно какъ и венеціанскіе Nobili были не на столько многочисленны и сильны, чтобы господствовать надъ отдаленными странами, а остальной народъ, угнетаемый ими, оставаясь безъ политической жизни и силы, не могъ въ этомъ случаѣ оказать имъ никакой значительной помощи. Точно также бернская аристократія пала не вслѣдствіе внутренней испорченности патриціата, а скорѣе отъ того, что не умѣла восполнять себя лучшими гражданами главнаго города и земщины.

Всякая аристократія основывается на отличіи. Къ какому именно отличію нація въ извѣстное время относится съ предпочтеніемъ, это зависитъ отъ ея особен-

наго характера и положенія въ данное время. Если рѣшительное значеніе имѣеть родъ (раса), то является родовая аристократія. Здѣсь на развитіе общественнаго устройства оказываютъ сильное вліяніе семейное и сословное право. Многія изъ средневѣковыхъ аристократій имѣють этотъ характеръ. Превосходство образованія и воспитанія ведетъ къ жреческой или ученой аристократіи. Если глубокая старость считается основнымъ условіемъ способности управленія, то образуется аристократія алдермановъ и сената. Если преобладаетъ военное отличіе, то возникаетъ аристократія рыцарства. Если перевѣсъ получаетъ богатство, то образуется, смотря потому, на одно ли поземельное владѣніе обращается вниманіе, или вмѣстѣ съ тѣмъ и на движимую собственность, аристократія землевладѣльцевъ, или капиталистовъ, плутократія, самая ненавистная изъ всѣхъ формъ государства, по замѣчанію Цицерона. Аристократія оптиматовъ имѣеть, главнымъ образомъ, характеръ партіи, такъ какъ заключаетъ въ себѣ извѣстное число лицъ и фамилій. Аристократія чиновъ и должностей имѣеть преимущественно политическое основаніе, когда она еще выборная. Но она имѣеть уже не вполнѣ политическій характеръ, когда, какъ въ средніе вѣка, переходитъ постепенно въ наследственную и вслѣдствіе того становится опять родовой или дворянскою аристократіею.

Нерѣдко аристократія имѣеть въ своемъ основаніи различныя возвышающія ее надъ другими качества. И тогда она бываетъ тверже и лучше, нежели одностороннее владычество, основанное на одномъ какомъ-либо преимуществѣ. Последнее имѣеть естественными противниками всѣ другіе классы или лица аристократическіе по природѣ.

Аристократія любитъ блистать своими преимуществами. Поддерживая съ особеннымъ стараніемъ внѣшнее величіе и достоинство государства, она облагораживаетъ государственныя формы и укрѣпляетъ общественный авторитетъ. Она можетъ не имѣть на своей сторонѣ любви народа, но за то всегда пользуется его уваженіемъ.

Поэтому она старается производить впечатлѣніе торженственностью своей обстановки; сознание собственного достоинства и гордость отпечатлѣваетъ она и на государствѣ. Въ этомъ состоитъ ея неоспоримое преимущество предъ демократическою формою, которая легко низводитъ свое правительство и даже государство на низкую ступень обыденной жизни.

Но къ этому преимуществу очень близко примыкаетъ и опасность. Господствующіе классы часто слишкомъ возвышаютъ себя и не оказываютъ ни достаточнаго уваженія къ управляемымъ классамъ ни достаточныхъ заботъ о нихъ. Поэтому въ исторіи аристократій мы встрѣчаемъ нерѣдко въ отношеніи низшихъ классовъ населенія холодную суровость и даже жестокость, которыя тѣмъ оскорбительнѣе, что соединяются съ презрѣніемъ. Дѣйствія спартіатовъ намъ илотами, угнетеніе плебейскихъ должниковъ патриціями притѣсненіе ирландскихъ фермеровъ англійскими, лендлордами, служатъ краснорѣчивыми подтвержденіями высказанной мысли.

Если чрезмѣрная подвижность и измѣнчивость обыкновенно присущи развитой демократіи, то, наоборотъ особенная неподвижность и неизмѣнность обычныхъ отношеній есть обыкновенное свойство аристократіи. Демократія, въ предчувствіи своей силы, легко забываетъ условія своего существованія, особенно когда эта сила становится безграничною. Напротивъ, для аристократіи постоянная работа о своемъ неприкосновенномъ существованіи нерѣдко дѣлается источникомъ заблужденія; она упорно держится стараго порядка, избѣгаетъ всякихъ нововведеній, думая этимъ лучше упрочить свое господство. Въ самомъ дѣлѣ, аристократіи по большей части лучше умѣютъ сохранять себя, нежели демократіи, поэтому онѣ отличаются болѣе продолжительнымъ существованіемъ чѣмъ послѣднія. Аристократія избѣгаетъ экспериментовъ надъ государствомъ, она не терпитъ быстрыхъ скачковъ; мѣрными шагами осторожно ступаетъ она впередъ и только въ виду дѣйствительной опасности, подражая на время монархіи, она проявляетъ сильнѣйшую энергію. При надлежащихъ границахъ соста-

вляеть хорошее свойство этой формы государства и возникает изъ природнаго инстинкта самосохраненія, то дѣлается смертельнымъ ея недостаткомъ, какъ скоро выходитъ изъ границъ.

Наклонность и способность аристократіи къ самосохраненію открываются и въ ея естественномъ стремленіи сдѣлать наследственность основнымъ принципомъ государственнаго устройства. Это стремленіе особенно очевидно въ исторіи среднихъ вѣковъ, которая вездѣ въ Европѣ имѣла аристократическій характеръ. Даже Нѣмецкая имперія, не смотря на то, что императорская власть постоянно была проникнута идеей монархіи, со времени паденія Гогенштауфеновъ сдѣлалась въ сущности аристократіей¹. Только императорская власть не сдѣлалась наследственною, но вручалась по выбору наследственныхъ курфирстовъ; она окружена была самымъ блестящимъ почетомъ, но сила ея была не велика. Важнѣйшія дѣла рѣшались императоромъ только въ соединеніи съ курфирстами.

Законы подготовлялись коллегіей курфирстовъ, а на имперскомъ сеймѣ ей принадлежалъ первый голосъ. Второй голосъ имѣли остальные князья и владѣтельные особы, которые стремились всѣ высшія государственныя должности обратить въ наследственныя, державныя права надъ страной. Если эта правительствующая аристократія, совѣтъ имперскихъ князей, была согласна, то еще спрашивалось согласіе коллегіи имперскихъ городовъ; но такъ какъ въ это время управление имперскихъ городовъ было въ рукахъ родовой аристократіи, то самое представительство ихъ на имперскомъ сеймѣ носитъ аристократическій характеръ. Управление имперіей раздѣлялось между императоромъ и курфирстами. О непосредственномъ воздѣйствіи императорской власти на отдѣльныя личности и учрежденія нечего было и думать. Ее парализировали верховныя права наследственной имперской аристократіи, гораздо болѣе, чѣмъ служили ей проводникомъ.

---

¹ Это хорошо понималъ еще французъ Бодэнъ, но позднѣе нѣмецкіе историки снова забыли объ этомъ.

Это аристократическое стремление средних вѣковъ къ наследственности обнаруживается во всѣхъ политическихъ и юридическихъ отношеніяхъ того времени. Лены, имперскіе саны и должности, судебная власть во всѣхъ степеняхъ графства, фогтейства, синьоріи, даже скамьи присяжныхъ, рыцарство, придворная служба министеріаловъ, городскіе патриціаты, должности управляющихъ и кравчихъ въ деревняхъ, владѣніе крестьянъ по дворовому праву,—все сдѣлалось наследственнымъ въ средніе вѣка.

Въ противоположность этому направленію средних вѣковъ, новое время отрицательно относится къ политическому принципу наследственности. Въ каждой изъ этихъ взаимно противоположныхъ тенденцій есть своя доля правды, но въ то же время и доля ошибки и преувеличенія. Нельзя не оправдать новаго времени, когда оно борется съ тѣми препятствіями свободному развитію жизни и удовлетворенію новыхъ потребностей, которыя представляетъ постоянная, ограниченная наследственность отношеній. Оно право въ своемъ признаніи индивидуальной способности, право, когда недопускаетъ чтобы политическія должности, предполагающія личную способность и также подчиненіе цѣлому, замѣщались по наследственному праву и дѣлались собственностію извѣстныхъ фамилій. Но оно несправедливо въ томъ, что совершенно разрываетъ связь между настоящимъ и прошедшимъ, которая держится наследственнымъ правомъ; что вноситъ бессильную, измѣнчивую подвижность въ тѣ положенія и отношенія, которымъ свойственна долговѣчность преданія, которыя самому государственному порядку служатъ твердыми столбами, охраняютъ высшіе нравственные интересы и силы и передаютъ ихъ будущему. Поступая такимъ образомъ, оно строитъ, вмѣсто камня, на песокъ и погрѣшаетъ противъ органической природы какъ самой націи, такъ и государства, жизнь котораго не ограничивается отдѣльными поколѣніями, но въ теченіи столѣтій обнимаетъ цѣлые ряды ихъ.

Такъ какъ аристократія преимущественно поддерживаетъ силу внѣшняго порядка, и въ свою очередь отъ него ждетъ своей поддержки, то въ этомъ отноше-

ніи она является охраняющею силой для права, за формальною ненарушимостію котораго она слѣдитъ такъ зорко. Не безъ основанія говоритъ объ аристократіи, что когда ничто не угрожаетъ ей и страсти ея не возбуждены, она дѣйствуетъ справедливѣе, нежели демократія, по отношенію какъ къ подданнымъ, такъ и къ своимъ собственнымъ членамъ. Едва ли это случай, что всемірно-историческое развитіе науки права совершилось въ отменно аристократическомъ римскомъ народѣ. Извѣстна также строгая, но безпристрастная юрисдикція венеціанцевъ, правосудіе гражданъ Берна, уваженіе къ праву аристократическихъ англичанъ и т. д.

Новое время до такой степени неблагопріятно относится къ аристократіи, какъ государственной формѣ, что ни одна не могла удержаться до половины девятнадцатаго столѣтія. Сначала древне-римскую аристократію сломила выдвигавшаяся впередъ демократія, потомъ уже окончательно подавила ее императорская власть. Итальянскія и нѣмецкія аристократіи среднихъ вѣковъ были парализированы и ослаблены сначала возрастающею силою государей, а затѣмъ враждебнымъ отношеніемъ къ нимъ городского населенія.

Поэтому въ новомъ государствѣ аристократическіе классы, какъ высшая составная часть народа, вездѣ сохраняютъ только посредствующее, а не господствующее положеніе. Вездѣ они подчинены или монархіи, или демократіи. Они поддерживаютъ и умѣряютъ первую, облагораживаютъ, или ограничиваютъ послѣднюю, но не могутъ болѣе юридически предъявлять притязанія на управленіе государствомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Монархическія формы государства. Главные роды монархіи.

Монархическая форма государства достигла самаго всеобщаго признанія между различными народами зем-

наго шара. Мы находимъ ее во всѣхъ частяхъ свѣта: въ Азіи и въ Европѣ, почти вездѣ какъ при начаткахъ нашей исторіи, такъ и въ настоящее время. Но какъ по идеѣ, такъ и по формѣ своего существованія, монархіи столь различны и непохожи одна на другую, что точно опредѣлить главные роды ихъ дѣло очень трудное.

1. Переходъ отъ теократіи къ человѣческой монархіи образуетъ собою деспотію, которая была сильно распространена преимущественно въ Азіи. Характеристическій признакъ деспотіи состоитъ въ томъ, что она все право заключаетъ въ личности монарха, такъ что кромѣ него и, по отношенію къ нему, никто не имѣетъ прочнаго права. Онъ одинъ считается полноправнымъ, а всѣ другіе суть безправныя существа, — рабы. Для него нѣтъ другаго права, кромѣ того, на что соизволяетъ онъ по своей милости или произволу.

Чтобы оправдать себя, деспотія должна ссылаться на божественное всемогущество. Деспотъ долженъ слыть за намѣстника божія и носителя божественной, а потому безграничной, власти. Въ этомъ-то и заключается ея ближайшее отношеніе къ теократіи; недостатками послѣдней страдаетъ деспотія даже тогда, когда деспота признаетъ человѣкомъ. Магометанскія государства среднихъ вѣковъ всѣ тяготѣютъ къ деспотіи и только въ наше время начинаютъ рѣшительнѣе приближаться къ европейско-человѣческой монархіи.

II. Мы можемъ назвать деспотію варварскою формою монархіи. Высшіе арійскіе народы уже въ древности отвергли ее, какъ недостойную себя. Кромѣ правъ князей и королей, они признавали личныя и сословныя права и всегда чувствовали себя свободными, а не рабами. Какъ скоро власть монарха доходила гдѣ-либо до деспотизма, арійскіе народы всегда считали это нарушеніемъ права, сопротивлялись при удобныхъ обстоятельствахъ, и принуждали его уважать права подданныхъ. Поэтому цивилизованная монархія всегда условливается и ограничивается общимъ юридическимъ порядкомъ. Вслѣдствіе этого положеніе монарха не только не унижается, но еще возвышается и самая власть его не слабѣетъ, а крѣпнетъ; лучше стоять

во главѣ свободнаго народа, нежели рабской толпы, лучше сосредоточивать и направлять политическія силы перваго, нежели имѣть дѣло съ тупымъ повиновеніемъ послѣдней. Чѣмъ тѣснѣе въ государствѣ единство и энергія цѣлаго соединяются съ свободнымъ развитіемъ всѣхъ членовъ, тѣмъ совершеннѣе его организмъ. Это невозможно въ деспотіи, и можетъ быть только въ цивилизованной монархіи.

Въ различныя времена и у различныхъ народовъ человѣческой духъ нѣсколько разъ пытался найти правильную форму юридическаго опредѣленія и ограниченія монархіи.

Одну изъ самыхъ древнихъ формъ представляетъ родовая монархія — патриархія. Король почитается главой знатнаго рода, старѣйшиной и отцомъ племени. Институтъ верховной власти является здѣсь въ связи съ союзомъ семейнаго характера и ограничивается духомъ семейства.

Въ Vizrati индѣйскихъ племенъ, равно какъ въ Kuning германскихъ народовъ, сказывается это дѣтски наивное воззрѣніе.

Въ такой же связи съ учрежденіями по частному праву та форма патримоніальной монархіи, которая существовала въ средніе вѣка или въ формѣ леннаго государства, или просто въ формѣ вотчиннаго господства надъ страной (*dominii terrae*). Здѣсь дѣйствуютъ обыкновенно семейное право и династическія представленія; сюда присоединилось еще тождество государства съ поземельною собственностію. На должности смотрятъ, какъ на имущественныя права.

Обѣ эти формы, въ которыхъ такъ слабо просвѣчиваетъ политическое сознаніе, мы можемъ назвать незрѣлыми фазами его развитія.

III. Какъ скоро сознаніе о государствѣ пробуждается отчасти, но въ своемъ одностороннемъ направленіи оно принимаетъ какую-нибудь государственную функцію за основную, возникаютъ одностороннія формы или военной монархіи (герцогство, имперія), если военное превосходство имѣетъ рѣшительное значеніе, или монархія съ судебнымъ характеромъ, если на судебную должность смо-

трать, какъ на державную власть. Первая является всегда съ характеромъ энергическимъ и сильнымъ, послѣдняя, напротивъ, съ болѣе умѣреннымъ и ограниченнымъ.

IV. Если сознание о государствѣ возбуждается и усиливается въ государѣ, такъ что онъ считаетъ себя всемогущимъ владыкою и носителемъ всей общественной власти, то хотя и является монархія съ ея многостороннимъ и общественнымъ значеніемъ всеопредѣляющей центральной власти, но населеніе далеко несвободно въ политическомъ отношеніи. Это будетъ абсолютная монархія. Безусловная власть была гораздо шире въ античномъ римскомъ государствѣ, нежели въ новыхъ абсолютіяхъ, гдѣ она еще въ средніе вѣка сдерживалась христіанствомъ и развитіемъ свободы.

Гораздо благороднѣе въ своемъ развитіи и богаче въ содержаніи форма ограниченной монархіи, которая, заключая въ себѣ всю полноту единой государственной центральной власти, въ тоже время стремится сочетать съ нею свободу народныхъ классовъ и отдѣльныхъ гражданъ.

Сюда принадлежитъ средневѣковая форма монархіи, ограниченной аристократіей или сословіями, равно какъ и новая форма представительной и конституціонной.

Нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ проявленій этихъ разныхъ родовъ монархіи заслуживаютъ особеннаго изслѣдованія, которому будутъ посвящены слѣдующія главы.

V. Но здѣсь мы остановимся на другой противоположности между цивилизованными монархіями, именно: на различіи между королевствомъ и имперіей.

Оно повторяется на всѣхъ ступеняхъ развитія монархіи и притомъ грубѣе въ древне-азіатскихъ деспотіяхъ и мягче въ европейскихъ государствахъ.

Идея королевства принадлежитъ народу, идея имперіи — человѣчеству. Королевство есть высшее правительственное учрежденіе отдѣльныхъ народныхъ государствъ, напротивъ имперія есть вѣнецъ всемірнаго государства. Императорское достоинство возвышается надъ королевскимъ точно также, какъ сила челоуѣчества надъ силою отдѣльныхъ народовъ. Какъ скоро на

востокѣ возникало большое государство, мы всегда находимъ такихъ царей надъ царями. Великій Цезарь воплотилъ въ своемъ лицѣ мысль о всемирномъ римскомъ владычествѣ, и въ честь его всемирная исторія его именемъ назвала эту высшую государственную идею. Полное осуществленіе ея возможно только тогда, когда міръ достигнетъ всеобщей организаціи человѣчества, а до тѣхъ поръ мы видимъ въ исторіи только ограниченныя и недостаточныя попытки установить имперію¹.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Эллинская и древнегерманская родовая монархія.

Въ первыя времена эллинской и германской исторіи мы видимъ у обоихъ народовъ королей, стоящихъ во главѣ племенъ и государствъ; въ пониманіи этого учрежденія и въ его постановкѣ замѣтно у нихъ поразительное сходство, между тѣмъ какъ древнеримское царство, наполняющее промежутокъ между ними, отличается отъ нихъ нѣкоторыми существенными чертами.

Эллинское и германское королевство составляетъ переходъ отъ идеократической формы восточнаго единодержавія къ человѣчески-политическому учрежденію. Хотя короли свой родъ обыкновенно производили отъ боговъ, — греческіе отъ Зевеса, германскіе отъ Водана (Одина), и народъ чтилъ въ нихъ божественную кровь; но если происхожденіе ихъ и имѣло божественный характеръ, то съ другой стороны они признавались только за людей, и часто по-человѣчески¹ были ограничены. Царственные герои и витязи суть дѣти и сродники боговъ, но въ то же время они настоящіе люди и въ своихъ глазахъ и въ глазахъ народа.

¹ Срав. трактатъ объ «имперіи» въ Deutsches Statswörterbuch.

¹ Отсюда у Гомера выраженіе: *ex δε Διος βασιλεις, διογενεις διοτρεθεις*. Ном. 16, 24.

Поэтому почетныя права королей гораздо выше и шире, нежели ихъ власть. Они представляли весь народъ передъ лицомъ боговъ, и если не было особыхъ жрецовъ, то приносили имъ за народъ молитвы и жертвы². Поэтому въ Аѳинахъ, послѣ уничтоженія царской власти, архонтъ, приносившій жертвы, еще назывался царемъ.

Личность королей цѣнилась гораздо выше, нежели прочихъ членовъ народа: вира (Wergeld) германскихъ королей обыкновенно въ нѣсколько разъ превосходила виру благородныхъ. Кромѣ того, и по своему богатству, они стояли выше всѣхъ. Имъ принадлежала въ собственность большая часть страны въ качествѣ доменовъ и при завоеваніи они прежде всѣхъ получали обширныя владѣнія³. Ихъ жилище, дворецъ, было выше, обширнѣе, красивѣе и отдѣлано изящнѣе, нежели другіе дома⁴. Ихъ сокровищницы были полны драгоценностей.

Они имѣли царскіе знаки. Греческіе цари носили скипетръ, какъ знакъ верховнаго суда и власти; германскіе короли жезлъ. Они сидятъ на возвышенномъ тронѣ. Сверхъ того, передъ германскими королями носилось знамя, какъ символъ военной власти. У грековъ герольды возвѣщали о появленіи царя и водворяли тишину, подобно нѣмецкимъ Frohnboten въ судахъ. Французскіе короли носили для украшенія длинныя распущенныя волоса. Одежда короля была изысканнѣе обыкновенной.

---

² Arist. Pol III 9. 7. Въ Скандинавскихъ странахъ этотъ атрибутъ германскихъ королей представляется яснѣе, нежели въ извѣстной намъ германской исторіи. Срав. Grim. Rechte alt. S. 234. Просвѣщенный христіанствомъ норвежскій король Гаконъ принужденъ былъ поселянами приносить жертвы по древнему обычаю, пить изъ священныхъ сосудовъ и ѣсть конину.— Сравни. Maurer die Bekehrung. des norweg. Stammes zum Christenthum. S. 160

³ Tacit. Germ. 14 «Materia munificentia per bella et raptus. с. 26 Agros interse secundum dignationem partiuntur» Обширныя земельныя владѣнія королей и князей, несмотря на многократныя отчужденія всякаго рода, замѣтны еще въ Германіи во всепродолженіе среднихъ вѣковъ.

⁴ Сравни. Одисс. IV. 45. 17. 301 и слѣд.

Существованіе царскихъ родовъ и связь ихъ съ богами неоспоримо указываетъ на древнюю наследственную королевскую власть. Однако наследственное право не выработало твердыхъ правилъ для престолонаслѣдія. У эллиновъ обращали также вниманіе и на личную способность. Поэтому женщины и дѣти большею частью исключались изъ престолонаслѣдія; съ одной стороны уваженіе къ правамъ знати и народа, съ другой — вліяніе индивидуальныхъ воззрѣній, нерѣдко производили уклоненія отъ наследственного права⁵. Точно также у нѣмцевъ къ наследственности присоединялись избраніе князьями и согласіе народа, хотя обыкновенно дѣло рѣшалось наследственнымъ правомъ и королевскія дѣти скорѣе чѣмъ у эллиновъ получали королевское достоинство. Для свободнаго народа не было препятствій предпочесть отдаленнаго родственника умершаго короля ближайшему, если онъ казался способнѣе послѣдняго⁶.

Государственная власть этихъ королей, хотя и сильная, была весьма ограничена. Главнымъ образомъ она обнаруживалась въ слѣдующихъ моментахъ:

1) Королю принадлежало право предсѣдательства и высшаго надзора, какъ въ совѣтѣ князей, такъ и въ народномъ собраніи. И здѣсь, и тамъ онъ имѣлъ высшій авторитетъ, но это, какъ вѣрно замѣчаетъ Тацитъ, былъ скорѣе нравственный авторитетъ совѣта, нежели юридическій — повелѣнія⁷.

2. Онъ былъ верховнымъ судьей и въ этомъ качествѣ не только постановлялъ приговоръ, но и охранялъ

---

⁵ Вспомнимъ исторію Эдипа.

⁶ Tacitus Germ. 7. Reges ex nobilitate sumunt. Указаніе на родъ заключается въ самомъ названіи королей Chuning или Kunning, отъ chun или chuni — родъ. Хильдибертъ II-й пятилѣтнимъ ребенкомъ былъ провозглашенъ королемъ Австразіи. Thierry Merov. 11. 63. Примѣры уклоненій отъ наследственного права часто встрѣчаются въ исторіи вестготовъ и лонгобардовъ. F. Dahn (Die Könige der German. 1. S. 23) придаетъ рѣшительное значеніе наследственному праву, а Thudichum (Der altdeutsche Stat S. 60) народному избранію, но и тотъ и другой признаютъ соединеніе обѣихъ причинъ.

⁷ Tacit. Germ. 11. Auctoritas suadendi potius quam iubendi.

право и наблюдалъ за правосудіемъ ¹. Но и здѣсь власть не произвольная ни по формѣ, ни по содержанію. Въ обоихъ отношеніяхъ она ограничивалась и опредѣлялась посредствомъ приговора.

3. Далѣе, онъ стоялъ во главѣ военнаго устройства и былъ обыкновенно предводителемъ войскъ ². Поэтому во время войны его власть значительно расширялась ³. Иногда мы видимъ, что германскія племена принуждены были вмѣсто несовершеннолѣтняго короля, въ особенныхъ случаяхъ, ввѣрять предводительство войсками герцогамъ. Но и въ такихъ случаяхъ король все-таки считался верховнымъ главою войска.

Но собственно правительственная власть въ первое время и у эллиновъ и у германцевъ была еще очень неразвита. Ея зародышъ едва просвѣчивался въ указанныхъ нами атрибутахъ королей.

Наконецъ, эти цари во всемъ своемъ положеніи и во всѣхъ правахъ были ограничены божественнымъ и чело-вѣческимъ правомъ. Греки дѣлали различіе между восточною деспотіей и царскою властью въ своемъ отечествѣ и особенно настаивали на томъ, что сущность послѣдней состоитъ въ соблюденіи божественнаго порядка отечественныхъ законовъ и обычаевъ. Царь стоитъ не выше юридическаго порядка, а въ его границахъ, не внѣ народа, но только во главѣ его. Германскіе короли еще болѣе ограничены правомъ цѣлаго народа и отдѣльныхъ его членовъ.

Но особенность германской королевской власти, вслѣдствіе которой, незначительная сама по себѣ, она очень усиливалась въ нѣкоторыхъ видахъ дѣятельности, состоитъ въ отношеніи ея къ избранной и тѣсно сплоченной дружинѣ. Въ воинственной дружинѣ, присягавшей

---

¹ По этому Гомеръ называетъ царей *δικασπóλης* или *Ζεμισπóλης* О нѣмецкихъ срав. Tacit. Germ. 212. Индѣйское названіе царей *rág*-происходитъ отъ *rag* судить, какъ *rex* отъ *regere*. Поэтому идея правоваго порядка высказывается въ древнемъ арійскомъ названіи царей.

² Aristot Pol. 1 9. 7.: Унѣкоторыхъ германскихъ народовъ счастливые герцоги были основателями королевской династіи.

³ Срав. Cesar de Bel. Gal. VI. 23.

въ личной вѣрности и преданности королямъ, они приобрѣтали исключительно имъ преданную силу династическую и военную. Дружина считала королей своими господами и ставила свою честь въ томъ, чтобъ охранять авторитетъ, власть и честь короля отъ его враговъ и противниковъ. Въ этой особенноти лежитъ зародышъ великаго созданія среднихъ вѣковъ, леннаго устройства, которое позднѣе сломало національный порядокъ, вытѣснило и большею частію преобразовало его.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Древнеримское народное царство.

Древнеримское царство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родственно эллинскому и германскому, но въ другихъ такъ рѣзко отличается отъ того и другаго, что мы можемъ смотрѣть на него, какъ на новый видъ единой державы и притомъ на высшей ступени его развитія. Уже въ избраніи римскихъ царей мы находимъ важное, двойное различіе, въ томъ, что право наследованія уступаетъ мѣсто назначенію или избранію и что народная вѣра не приписываетъ имъ божественнаго происхожденія, какъ у грековъ и германцевъ.

Конечно, въ жилахъ героевъ, основателей Рима, течетъ тоже божественная кровь и Ромулъ послѣ смерти причисляется къ лику боговъ, но послѣ него боги проявляютъ свою волю въ избраніи царя, также какъ и въ другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, посредствомъ знаменій при ауспиціяхъ, въ особенныхъ настроеніи души и въ неотразимой силѣ судьбы. Поэтому характеръ римскаго царства чисто человѣческой; причемъ и здѣсь удерживается связь съ божественнымъ воздѣйствіемъ на судьбу государства. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ индивидуальное воззрѣніе и воля, а уваженіе къ крови и фамиліи отодвигается еще болѣе на задній планъ.

Римскій царь былъ назначаема предшественникомъ или интеррексомъ, при участіи сената и съ соизволенія

боговъ, или избирался пожизненно, но здѣсь не признавалось никакой наследственной царской династии. Такимъ образомъ назначеніе или избраніе совершается во имя индивидуальныхъ свойствъ, а не во имя происхожденія. Избранному царю *interrex* передавалъ царскую власть съ ауспиціями. Точно также позднѣе республиканскимъ магистратамъ передавалось ихъ *imperium*. Такъ съ самаго начала римское царство представляетъ собою индивидуальную магистратуру. Уже это различіе указываетъ на совершенно иное пониманіе царскаго института. Другое не менѣе важное различіе заключается въ свойствѣ и характерѣ самой царской власти. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ права римскаго царя походили на права царей у другихъ античныхъ народовъ. И онъ также приносилъ жертвы за народъ, собиравалъ сенатъ и различныя народныя собранія и председательствовалъ въ нихъ. Онъ также верховный судья, несмотря на то что въ извѣстныхъ случаяхъ допускалось обращеніе и къ народу. Далѣе, онъ также стоитъ въ главѣ военнаго устройства и обыкновенно предводительствуетъ войсками. Наконецъ, онъ обладаетъ богатствомъ, состоящимъ въ имѣніяхъ и доходахъ.

Но несмотря на то, что римскій царь вовсе не считался потомкомъ боговъ, и былъ избираемъ пожизненно, его власть была гораздо полнѣе и сильнѣе, нежели власть греческихъ царей. Въ этомъ и съ самаго начала виденъ особенный государственный смыслъ римлянъ, что они своимъ высшимъ сановникамъ дали всю полноту силы и въ особенности власть энергически заботиться объ общемъ благѣ. Чисто римское понятіе *imperium* и составляетъ главнымъ образомъ то, что рѣзко отличаетъ царскую власть въ Римѣ отъ всѣхъ другихъ институтовъ этого рода.

Внѣшняя обстановка римскаго царя не менѣе полна блеска и почета, какъ у другихъ царей, но уже и въ ней открывается его болѣе обширная власть. Связки прутьевъ и сѣкиры, которыя несли предъ ними двѣнадцать ликторовъ, суть не только символы, но и самыя орудія строгой, карающей власти, поражающей тѣло и жизнь непослушнаго. Римское *imperium* и ликторскія сѣкиры совмѣщались въ жизни и идеѣ римлянъ.

Вслѣдствіе высшаго *imperium*, юридически предоставленнаго царю вмѣстѣ съ *auspiciis*, онъ имѣлъ право устанавливать въ государствѣ нужныя учрежденія и законы. Не слѣдуетъ забывать, что римское государство основано царемъ и что власть первоначальнаго основателя по преданію переходила къ его преемникамъ; конечно законы въ собственномъ смыслѣ требовали согласія сената и даже въ послѣдствіи со времени царя Сервія Туллія повелѣнія народнаго собранія (*populi jussu*), но для этого была нужна воля царя и обыкновенно она рѣшала дѣло, потому что только онъ одинъ могъ предлагать законъ и вопреки его волѣ ни одно предложеніе не обсуждалось и не вѣтировалось. Кромѣ закона, царь, посредствомъ своего эдикта, безъ всякаго обсуждения и согласія ограничивающаго его собранія, могъ точнѣе опредѣлять право, охраненіе котораго было его обязанностью. Хотя онъ и рѣдко издавалъ эдикты, но все-таки за римскими сановниками признавалось право сообщать путемъ эдикта признаніе обычному праву и новымъ юридическимъ воззрѣніямъ, воплощать ихъ въ опредѣленные формы. Это *jus edicendi* перешло отъ царей къ республиканскимъ сановникамъ а отнюдь не было нововведеніемъ послѣднихъ.

Что касается до судопроизводства, то и здѣсь авторитетъ римскаго царя былъ гораздо выше, чѣмъ у германскихъ королей. Послѣдніе точно также публично и сначала лично присутствовали въ судѣ, но тѣх не былъ ограниченъ приговоромъ судебныхъ засѣдателей. Онъ не только руководилъ ходомъ процесса, но и опредѣлялъ то положеніе закона (*jus dicit*), которое должно быть приложено въ данномъ случаѣ. Въ древнее время онъ часто самъ постановлялъ приговоръ. Вся юрисдикція, какъ гражданская, такъ и уголовная большею частію зависѣла отъ него.

Далѣе, какъ широка была военная власть римскаго царя? Въ походѣ не было границы абсолютному праву царя надъ жизнью и смертью всего войска, начиная съ главныхъ вождей и кончая послѣднимъ воиномъ. Даже изъ временъ римской республики, когда перешедшая къ сановникамъ царская власть потеряла уже значительныя

ограниченія, мы знаемъ много примѣровъ, когда не только диктаторы, власть которыхъ почти равнялась древней царской, но и консулы казнили уважаемыхъ военачальниковъ, несмотря на просьбы нерѣдко цѣлаго войска, или приказывали обезглавить десятого человѣка въ каждомъ отрядѣ¹.

Прочія государственныя должности и духовныя саны, въ своемъ бытіи и правахъ зависѣли отъ царя. *Tribunus celerum* — предводитель конницы, и *praefectus urbi*, который въ качествѣ царскаго намѣстника избирался въ каждомъ городѣ, утверждались царемъ. *Augures*, *Pontifices*, свою науку предсказанія и знаніе священнаго права получали отъ царя².

Наконецъ въ *imperium* лежитъ, какъ, его внутреннее зерно, сильная правительственная власть, которая, смотря по потребностямъ государства и по обстоятельствамъ, проникаетъ всюду и повѣлеваетъ все необходимое въ интересахъ общественнаго блага. Эта власть, которую въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ имѣли эллинскіе цари и почти совершенно неизвѣстная германскимъ, занимаетъ важное мѣсто въ римскомъ государственномъ правѣ съ самаго начала и, если въ сферѣ семьи и собственности римляне любили абсолютное господство, то также абсолютно и ихъ государственное *imperium*. Поэтому въ мирное время цари не просто судьи, но, какъ показываетъ самое названіе, преимущественно правители.

Только этимъ можно объяснить, почему вся политика римскаго государства въ царскій періодъ опредѣляется индивидуальной волей и дѣятельностью царей и почему всѣ учрежденія возводятся къ царямъ. Только отсюда можно понять, почему всѣ величественныя общественныя зданія въ Римѣ были начаты и окончены царями. На нихъ лежало попеченіе о жизненныхъ средствахъ, о хорошей обработкѣ полей, они наблюдали за нравственностію гражданъ и имѣли въ своихъ рукахъ полицейскую власть въ обширныхъ размѣрахъ. Вообще вся власть, которая

¹ Livius 41. 59. VII. 7. IX. 16. Brisson de formul. p. 454.

² Rubino a. a. O. S. 114. и 298.

въ послѣдствіи была раздѣлена между консулами, преторами, цензорами и эдлами, первоначально сосредоточивалась въ рукахъ римскихъ царей¹.

Однимъ словомъ: римское государство первое вводитъ въ исторію монархію въ формѣ человѣчески національнаго личнаго господства съ полнымъ сосредоточеніемъ всей государственной власти и полнотою даже абсолютной правительственной власти.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

С. Римская Имперія.

Римская имперія, которая была подготовлена Юліемъ Цезаремъ, введена Августомъ, и оказала сильное вліяніе на все позднѣйшее развитіе государственнаго права въ средніе вѣка и новое время, не состоитъ только въ перенесеніи на одно лицо республиканскихъ чиновъ и должностей, какъ иногда утверждаютъ, но въ дѣйствительномъ возстановленіи монархической власти, правившей дѣтствомъ римскаго государства, — возстановленіи конечно въ большихъ размѣрахъ и соотвѣтственно позднѣйшему развитію государства.

Нѣтъ сомнѣнія, что императоры присвоили себѣ власть, которая принадлежала отдѣльнымъ республиканскимъ магистратамъ: власть трибуновъ, вслѣдствіе которой имъ принадлежали личная неприкосновенность, могущественное право интерцессіи и остановленія законовъ, защита низшаго класса народа и его правъ; власть цензоровъ, по которой они могли наблюдать за нравственностью и провѣрять списки сенаторовъ и всадниковъ; санъ pontificis maximі и съ нимъ полномочіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ духовнаго права. Отъ времени до времени они принимали лично званіе консуловъ. Но по своему существенному характеру, по своей идеѣ и

---

¹ Rubino S. 136.

силѣ, измѣненіе государственнаго устройства не состоитъ только въ этомъ соединеніи магистратуръ въ одномъ лицѣ, но въ возникновеніи единой центральной власти, настоящей монархіи. Въ первое время республиканскія формы скрывали отъ населенія этотъ переходъ республики въ монархію; но въ глазахъ проницательныхъ людей онъ вполнѣ совершился еще при Августѣ. Монархическое начало рѣзко высказалось въ сенатѣ при возведеніи на престолъ императора Тиберія: и теперь дѣло не въ томъ, чтобъ разъединять нераздѣлимое, но въ признаніи принципа, что государство есть единое великое тѣло и должно управляться единымъ духомъ.

Названіе *princeps (senatus)* было, правда, скромное, но власть императора была такъ неизмѣрима, что только немногія лица сумѣли пользоваться ею, какъ слѣдуетъ, а большая часть была нравственно подавлена ея громадностью.

Власть и санъ императора не были наследственныя, прирожденныя императору; онъ избирался, и притомъ въ первое время по наружности только на десять лѣтъ, но на самомъ дѣлѣ пожизненно. Власть императора имѣла человѣческое, а не божественное происхожденіе, и признавала надъ собою верховную власть народа. Посредствомъ *lex regia* народъ переносилъ власть на императора. Хотя кровныя и фамильныя связи не должны бы имѣть особеннаго значенія при полученіи императорскаго достоинства, но на самомъ дѣлѣ на нихъ обращалось вниманіе въ большей части случаевъ и признанный императоромъ получалъ каждый разъ, какъ личное полное право, императорскую власть, которая по своему объему равнялась власти римскаго народа во время республики. Въ послѣдствіи народъ уже не могъ уже ни ограничить ее, ни отнять. Она была охраняема преданіемъ.

Кромѣ выше упомянутыхъ магистратуръ, которыя юридически соединялись съ властью императора и въ высшей степени усиливали ее, она содержала въ себѣ:

1. Право начальствовать надъ всею военною силой государства, въ Римѣ надъ гвардіей преторіанцевъ.

Введеніе постоянной арміи, необходимое для величія государства, вмѣстѣ съ этимъ охраняло и императорскую власть и всюду вынуждало повиновеніе ей¹. Поэтому цезари приняли титулъ «императора», который прежде имѣлъ другое значеніе.

2. Право неограниченнаго управленія извѣстнымъ числомъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ провинцій. Отсюда императоры получали неизмѣримыя богатства и силы всякаго рода. Впрочемъ, провинціалы значительно выиграли отъ этой перемѣны въ государственномъ устройствѣ. Императоръ призывалъ въ сенатъ ихъ аристократовъ и вручалъ имъ извѣстныя должности, а что касается до остальнаго народа, то императорскіе legati гораздо менѣе притѣсняли и истощали его, нежели республиканскіе проконсулы и пропреторы, которые попеременно старались обогатиться въ провинціяхъ. Постоянный интересъ императоровъ требовалъ большаго снисхожденія и болѣе правильнаго управленія провинціями.

3. Верховная власть во внѣшней политикѣ, право войны и мира, право заключать союзы.

4. Власть созывать сенатъ, дѣлать ему предложенія и давать сенатскимъ постановленіямъ силу закона. Какъ уступчивъ былъ сенатъ предъ императоромъ, какъ зависимъ отъ него, — это всѣмъ извѣстно.

5. Рѣшительный голосъ при замѣщеніи магистратуръ и другихъ правительственныхъ должностей, причемъ какъ сенатъ, такъ и народное собраніе, за которыми еще удерживалось формальное значеніе, были обязаны закономъ предпочитать кандидатовъ, указываемыхъ императоромъ.

6. Неограниченное полномочіе совершать все то, что покажется ему цѣлесообразнымъ для блага и чести государства. Это составляетъ сущность императорской власти, которая проявляла себя вездѣ, гдѣ только требовало государственное благо, и удовлетворяла всѣмъ общественнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе такого необык-

---

¹ По этому Меценатъ настоятельно совѣтовалъ Августу образовать постоянную армію, а народъ предоставить его мирнымъ занятіямъ.

новеннаго полномочія не только императорскіе эдикты, но даже декреты и рескрипты имѣли всю силу законовъ, и такимъ образомъ вся законодательная власть въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ находилась въ рукахъ императора.

Чтобы прекратить всѣ сомнѣнія въ этой абсолютной власти и сдѣлать безуспѣшнымъ всякое сопротивленіе ей, императорскій законъ ясно говоритъ, что если кто-нибудь во имя этого закона поступитъ вопреки народнымъ законамъ, — плебисцитамъ и опредѣленіямъ сената, или не исполнитъ предписанаго ими, тому это не должно служить во вредъ, и подвергать его суду. Безотвѣтственность императоровъ разумѣется сама собой; но она распространяется и на тѣхъ, которые по порученію или по долгу службы, будутъ дѣйствовать сообразно съ волей императора, въ противоположность отвѣтственности министровъ въ настоящее время.

На дѣлѣ императорская власть была тѣмъ же самымъ въ области публичнаго права, чѣмъ собственность въ области вещнаго и отеческая власть въ области семейнаго. Это была неограниченная, самодержавная власть, предъ которой все должно было преклоняться. Это было сосредоточеніе въ одной личности всемірнаго владычества римлянъ, *imperii mundi*. Идеальнымъ мотивомъ ея, которому, конечно, рѣдко соответствовала дѣйствительность, было общественное благо, *salus publica*, этотъ величайшій принципъ государственнаго права римлянъ, на который они, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, въ государственныхъ дѣлахъ обращали болѣе вниманія, чѣмъ на право, *jus*, хотя въ области частнаго права болѣе чтили и разрабатывали послѣднее.

Исторія римскихъ императоровъ, представляющая развитіе этой абсолютной формы государства въ огромныхъ размѣрахъ оставила потомству то предостереженіе, что такая громадная власть не ведетъ ко благу ни того, кто пользуется ею, ни націю, надъ которой она проявляетъ себя.

Впрочемъ абсолютная власть императоровъ была необходима въ эпоху разложенія и внутренней порчи всемір-

наго государства и находила свое оправданіе въ судьбахъ его. Римская аристократія была частію испорчена, частію недостаточно сильна, чтобы управлять неизмѣримымъ государствомъ. Отъ времени до времени, еще дерзая на бесплодныя попытки возстановить прежнее свое величіе, она подчинялась обыкновенно принудительной силѣ новыхъ отношеній.

Народная масса, не заявлявшая притязанія на власть, отвыкшая отъ оружія, преданная мирнымъ занятіямъ и наслажденіямъ, предпочитала единоличную власть императора правленію сената и радовалась униженію высшихъ классовъ, не смотря на свое собственное политическое безсиліе Древнеримскій характеръ, ранѣе нежели духъ древняго Рима, пришелъ въ упадокъ и болѣзненное состояніе, и римляне собственнымъ всеобщимъ порабощеніемъ были наказаны за ненасытное стремленіе ко владычеству, которое вело ихъ отъ завоеванія къ завоеванію.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Д. Франкское королевство.

Обширное царство нѣмецкихъ франковъ возникло на римской почвѣ. Франкская монархія, составленная изъ соединенія римскаго и нѣмецкаго элементовъ, образуетъ собою переходъ отъ античнаго къ новому міру и новому государственному порядку. Власть франкскаго короля гораздо сильнѣе власти древнегерманскаго, но не такъ абсолютна и чрезмѣрна, какъ власть римскихъ императоровъ. Идеи германскаго права и германской свободы соединились до нѣкоторой степени съ понятіями о римскомъ государственномъ величіи и могуществѣ, и изъ этого соединенія произошелъ тотъ монархическій институтъ, котораго полное развитіе мы встрѣчаемъ во время Карла Великаго.

Множество условій содѣйствовало къ усиленію единодержавной власти Каролинговъ: во первыхъ цѣлый рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ государей замѣчательныхъ по личному достоинству и счастію, далѣе постонное рас-

ширеніе и безъ того пространной территоріи государства, для котораго нужна была всеобъемлющая прочная политическая власть, необходимость въ постоянно готовой большой арміи, побѣды одержанныя ею, наконецъ связь съ романскими подданными, которые въ продолженіе многихъ столѣтій воспитывались въ культурѣ римскаго государства.

Въ одномъ отношеніи институтъ монархіи подвинулся скорѣе назадъ. Именно принципъ наследственности королевской власти, при которомъ прежнее избраніе превратилось въ пустую формальность, прилагался точно также какъ въ частномъ правѣ, и цѣльное государство въ ущербъ народному благу дѣлилось между нѣсколькими сыновьями умершаго короля, какъ имѣніе частнаго лица. Это показываетъ, что политическій и государственно-юридическій характеръ престолонаслѣдія, поддерживающій постоянное единство государства, былъ совершенно упущенъ изъ виду, что слѣдовали принципъ частнаго права, по которому власть въ государствѣ, подобно имуществу, есть достояніе лица или фамиліи, то есть, такъ называемому патримоніальному принципу.

Главнѣйшія переменны въ юридическихъ отношеніяхъ суть слѣдующія:

1. Законодательство. Оно было значительнѣе и плодотворнѣе въ франкскомъ государствѣ, чѣмъ до того въ тѣсной средѣ отдѣльной германской народности. Съ образеніемъ франкскаго государства короли достигли большаго вліянія на законодательство, чѣмъ прежде. Римское правило, что всякое, какое бы то ни было, проявленіе воли императора въ области права есть законъ, естественно не могло пользоваться ни сочувствіемъ, ни значеніемъ въ германскомъ народѣ франковъ; но начертаніе проектовъ законовъ, въ большинствѣ случаевъ имѣвшее рѣшительное значеніе, происходило обыкновенно въ королевскомъ кабинетѣ при помощи королевскихъ совѣтниковъ, а самые законы издавались отъ имени короля, котораго санкція давали проектамъ силу законную.

Особенно важно здѣсь то, что обсужденіе закона и

согласіе на него присутствующихъ на имперскомъ сеймѣ духовныхъ и свѣтскихъ главъ аристократіи¹ считалось необходимымъ съ юридической и нравственной точки зрѣнія. Напротивъ одобреніе закона народомъ имѣло второстепенное значеніе и считалось вовсе ненужнымъ въ большей части случаевъ, особенно, когда дѣло шло о государственной или церковной организаціи. Оно прибавлялось только тогда, когда въ силу его измѣнялись собственно народныя права².

Въ этомъ участіи оптиматовъ нельзя не узнать зародыша сословнаго представительства, которое въ позднѣйшіе вѣка получило такое громадное развитіе и произвело представительное государство.

2) Управление. Обширность государственной территории и тогдашнія измѣненія въ общественномъ бытѣ дѣлали правительственную власть, неизвѣстную древнѣйшей германской жизни, неотразимою національною потребностью. Къ идеѣ водворенія мира и охраненія права присоединилось попеченіе объ общественномъ благѣ. Между тѣмъ римское *imperium* было понятіемъ слишкомъ чуждымъ для германскихъ представлений и не могло быть усвоено. Новая правительственная власть является скорѣе въ духѣ туземной «опеки» (*Mundschaft mundiburdium, mundium, sermo, verbum Regis*). Въ области государственнаго права королевская опека точно также относилась къ римскому «*imperium*», какъ *mundium* германскаго мужа или отца къ римскому *potestas* въ области семейнаго права. Опека не заключала въ себѣ

---

¹ Hincmar de ordine palat. 29. объ императорскомъ сеймѣ въ маѣ: *in quo placito generalitas universorum majorum tam clericorum, quam laicorum conveniebat. Seniores propter consilium ordinandum; minores propter idem suscipiendum et interdum pariter tractandum, et non ex potestate, sed ex proprio mentis intellectu vel sententia confirmandum.* Объ имперскомъ сеймѣ осенью: *Aliud placitum cum senioribus tantum et praecipuis consulariis habebatur, in quo jam futuri anni status tractari incipiebatur.*

² Capit. Caroli M. III a 803 cap. 19 *ut populus interrogetur de capitulis quae in lege noviter addita sunt. Et postquam omnes consenserint subscriptiones et manufirmationes suas in ipsis capitulis faciant.*

абсолютной власти; охраненіе правъ народа и попеченіе о его благѣ, вотъ тѣ идеи, которыя воодушевляли ее¹. Съ правами неразрывно соединялось сознаніе объ обязанности и не давало мѣста неограниченной произвольной власти. Конечно, эта новая идея еще не выяснилась со всѣхъ сторонъ, но зародышъ ея былъ здоровый и способный къ истинно государственному развитію.

Съ этой точки зрѣнія король могъ и долженъ былъ повелѣвать. Повелѣніе обнаруживалось въ формѣ такъ называемаго *Bann*. Король имѣлъ военный и судебный баннъ. Вслѣдствіе перваго онъ распоряжался всею военною силой государства, но былъ ограниченъ обычными и опредѣленными отношеніями военной службы. Сильные короли, въ особенности Карлъ Великій, созывали даже для наступательной войны не только ленную дружину, но цѣлые отряды земскаго ополченія, и за неявку грозили штрафомъ въ 60 шиллинговъ².

Въ области суда, къ которой относилось всегда и управленіе странюю, король въ рѣдкихъ случаяхъ лично пользовался банномъ; обыкновенно же поручалъ судъ окружнымъ графамъ (*Gaugrafen*) которыхъ юрисдикція была впрочемъ производная. Крѣпнувшій государственный порядокъ стѣснилъ прежніе широкіе размѣры самообороны и мести, какъ въ гражданскихъ спорахъ такъ и въ уголовныхъ случаяхъ и во всей странѣ водворился такъ называемый королевскій миръ, подъ покровомъ королевскаго банна, и замѣнило прежній, столь легко нарушаемый земскій миръ.

Доходы королевской камеры и королевскаго фиска, которыми онъ распоряжался свободно по своему усмотрѣнію, значительно увеличились. Съ завоеваніемъ рим-

---

¹ Du Cange S. V. *mundiburdus et mundiburdium* Справ. cap. Caroli II и 802. *Hincmar de ordine palat.* 6: et rex in semitipso nominis sui dignitatem custodire debet. Nomen enim regis intellectualiter hoc retinet, ut subjectis omnibus rectoris officium procuret.

² Ср. *Zöpfl. D. St. u. R. G.* II. p. 36 cap. 2. Caroli M. a 812 § 1. *Quicumque homo liber in hostem bannitus fuerit et venire contemserit, plenum heribannum id. e. 60 solidos persolvat.*

скихъ провинцій и уничтоженіемъ прежнихъ королевствъ и герцогствъ умножилось число королевскихъ доменовъ. Повсюду въ государствѣ были разбросаны прекрасныя королевскія виллы, къ которымъ было приписано много оброчныхъ статей. Поземельная и подушная подать провинціаловъ были сохранены, римскія таможи даже увеличились, съ побѣжденныхъ племенъ брали дань, плату за миръ (*Friedens geld*) и значительную контрибуцію¹.

Цѣлая система чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ короля, служила проводникомъ королевской власти къ народу и странѣ во всѣхъ направленіяхъ и на всѣхъ ступеняхъ государственнаго устройства. Высшія государственныя должности, по образцу византійскаго императорскаго двора, примыкали къ королевскому двору. Сюда относятся должности пфальцграфа (*Comes palatii*), который вмѣсто короля былъ облеченъ должностью верховнаго судьи; капеллана (*Caplan — aprocrisarius, referendarius*), который стоялъ во главѣ придворнаго духовенства и завѣдывалъ церковными дѣлами; канцлера (*cancellarius*), который управлялъ королевскою канцеляріей и велъ дипломатическую переписку. Сюда же принадлежали также собственно придворныя должности: камергера, который завѣдывалъ королевскимъ гардеробомъ, придворнымъ штатомъ королевы и придворными наградами; сенешала, который имѣлъ надзоръ за всѣми министеріалами, прислугой и экономіей двора; кельнера (*buticularius*), который завѣдывалъ съѣстными припасами и приносилъ вина къ королевскому столу; маршала (*marescalcus* собственно *Rosknecht* — шталмейстеръ), который управлялъ королевскими конюшнями; дворецкаго (*mansionarius*), который заботился о королевскомъ помѣщеніи во время его путешествій со всѣмъ дворомъ; четыре главныхъ распорядителя охоты (*Venatores principales*) и сокольничій (*falconarius*)².

Королевскіе послы, (*Sendboten, missi dominici*), которые ежегодно съ особеннымъ полномочіемъ, по свободному

---

¹ Ср. Zöpfl, a. a. O. § 40. Waitz, Deutsche Verfass. Geschichte. 11. 498

² Ср. объ этомъ Hincmar 16 — 24.

назначенію короля, объѣзжали различныя части обширнаго государства, были здѣсь его намѣстниками. Это были его глаза, которыми онъ наблюдалъ за положеніемъ общественныхъ дѣлъ, за государствомъ и церковью; — его уши, которыми онъ выслушивалъ жалобы и желанія народа, а иногда даже руки, которыми онъ принуждалъ къ повиновенію законамъ и охранялъ общественный порядокъ¹.

Гаугграфы съ высшею юрисдикціей въ гау и центграфы съ низшею юрисдикціей въ сотняхъ свою судебную власть получали отъ короля, какъ отъ верховнаго судьи на землѣ, — первые непосредственно, вторые посредственно; отъ него же они получали и военную власть. Хотя при преемникахъ Карла Великаго изъ стремленія сдѣлать наслѣдственнойю должность графа, отчасти уже выработалось самое право наслѣдованія, но тѣмъ не менѣе въ періодъ окончательнаго образованія франкской монархіи, эта должность считалась государственною; при замѣщеніи ея рѣшительное вліяніе принадлежало королю, и полная наслѣдственность еще не установилась.

Какъ скоро институтъ пословъ прекратился, какъ скоро установились герцогства и государственныя должности сдѣлались семейными правами, то власть новаго романо-германскаго короля дѣлается призрачною и на его мѣсто становится аристократія многочисленныхъ князей и бароновъ.

4) Наконецъ, мы должны сказать о тѣсной связи франскаго королевства или западно-римскаго императорства, соединеннаго съ первымъ со времени Карла Великаго съ распространеніемъ христіанства и съ христіанскою церковью.

Государство сдѣлалось христіанскимъ и королевская власть, воспринявъ божественное помазаніе отъ руки священника, получила священный характеръ². Король считалъ своею обязанностью заботиться о сохраненіи и

---

¹ Capit. Carol. II, a 802 1, et, 11, et. a 810.

² Hincmar a. a. O. S. Principes sacerdotnm sacra unctione reges in regnum sacrabant.

распространеніи въ своемъ государствѣ чистой христіанской вѣры и въ качествѣ императора, насколько простиралась его власть, истреблять язычество и искоренять ереси: эту обязанность со всею ревностью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ исполнялъ Карлъ Великій¹. Само христіанство представлялось сложнымъ тѣломъ; въ него входило начало духовное и королевское, церковное и государственное. Хотя король былъ представителемъ послѣдняго, но тѣмъ не менѣе онъ управлялъ и церковью. Онъ созывалъ синоды, наблюдалъ за епископами и монастырями и издавалъ цѣлый рядъ законовъ и постановленій, касающихся церкви. Съ другой стороны духъ іерархіи имѣлъ значительное вліяніе на образованіе политическихъ учрежденій и на развитіе свѣтскаго права².

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Е. Ленная монархія.

Въ своей организациі франкское королевство заключало всѣ условія истинной монархіи; оно представляетъ собою начало новаго государственнаго развитія. Однако при этомъ противодѣйствовавшія ему силы и страсти были еще такъ могущественны въ народѣ, старыя привычки аристократіи и свободныхъ германцевъ такъ сильны, что только въ видѣ исключенія нѣкоторымъ великимъ государямъ удавалось проявлять общественный характеръ новой королевской власти и ту силу, которая заключалась въ ней. Если же на престолѣ были слабыя личности, то ихъ политическое безсиліе обнаруживалось немедленно; со всѣхъ сторонъ появлялись стремленія къ разложенію государственнаго единства, къ неуваженію

---

¹ Карлъ Великій еще до полученія императорскаго достоинства носилъ титулъ *Devotus Sanctae Dei ecclesiae defensor humilis que adjutor*.

² Ср. Eichhorn a. u. O. fl 158.

и ограниченію центральной власти и къ самостоятельному частному владычеству въ большихъ мѣстностяхъ.

Ослабленіе королингской династіи указываетъ на упадокъ королевской власти и въ тоже время на возрастаніе могущества князей и бароновъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Вмѣсто прежней романо-германской всемірной монархіи выступаетъ ленное королевство. Характеръ среднихъ вѣковъ съ ихъ хорошими и дурными сторонами, находитъ въ немъ свое политическое выраженіе.

Отличительныя свойства феодальной монархіи суть слѣдующія:

1) Всякое королевство прежняго времени держалось или племенами или отдѣльными народами или цѣльной націей. Его можно назвать народнымъ или національнымъ учрежденіемъ. Напротивъ, феодальная монархія, хотя и не была внѣ связи съ извѣстнымъ народомъ, во главѣ котораго стоялъ король, но по своей сущности основывалась только на тѣсномъ личномъ союзѣ вѣрности между королемъ, какъ верховнымъ леннымъ господиномъ и вассалами, которые получали отъ него свою власть, честь, имущество. Остальная масса народа, невключенная въ этотъ ленный союзъ, имѣла поэтому только второстепенное значеніе. Эта монархія не есть національное учрежденіе въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе какой-то сословный институтъ. Первоначальнымъ ея основаніемъ служить не народъ, а дружина.

2) Личная вѣрность, которая освящалась и укрѣплялась блескомъ и силою чести, возводится на степень важнѣйшаго государственнаго понятія¹. Всѣ вассалы, получая ленъ, должны были на колѣнахъ клясться предъ леннымъ господиномъ въ вѣрности и почтеніи. Въ Саксо-норманскомъ правѣ англійскаго королевства, со всею точностію опредѣлена ленная система вообще и эти клятвенныя отношенія. Собственно вассалы присягали королю ихъ ленному господину, стоя на колѣнахъ, въ почтеніи (*homagium, homage*) и стоя предъ

¹ Еще Тацитъ при описаніи германскихъ дружинъ указалъ на это, какъ на душу учрежденія. С. 13 и 14.

евангелиемъ — въ вѣрности (*fidelitas, foi feauté*). Епископы и аббаты принимали присягу исключительно въ вѣрности. Первое понятіе тѣснѣе втораго и необходимо соединялось со владѣніемъ леномъ, напротивъ вѣрность болѣе общее понятіе, и поэтому присяга въ вѣрности требовалась отъ всѣхъ подданныхъ независимо отъ ленныхъ отношеній, какъ это и дѣлалось въ эпоху каролинговъ, разумѣется, не безъ вліянія феодальныхъ понятій¹.

Вѣрность была взаимною. Ленный господинъ также обязывался вѣрностію по отношенію къ вассаламъ; только то почтеніе, которымъ они обязывались ленному господину, не было взаимнымъ².

3) Стремленіе ленной монархіи поставить всѣхъ подданныхъ въ вассальную зависимость заключало въ себѣ также и вещное отношеніе къ землѣ. Первые англійскіе короли норманскаго племени стремились достигнуть признанія верховной собственности ихънадъ всей страной; вслѣдствіе этого права не только на прежніе и новые ленные участки, но и на свободную собственность выводились изъ королевскихъ правъ. Право свободной собственности на землю превратилось въ ленное право зависимаго землевладѣнія. Это характеристическая черта ленной монархіи, которая особенно ясно обнаружилась въ исторіи англійскаго права.

4) Совершенно параллельно съ образованіемъ такого взгляда на поземельное владѣніе, какъ на верховную собственность короля въ ленной системѣ и вся государственная власть стала постоянно выводиться изъ королевской. Самъ король получалъ свою власть во всей ея полнотѣ отъ Бога въ качествѣ лена³. Какъ планеты

---

¹ Capit. 111. Carol. M. a 812 и 13.

² 11 Feud. 6: Dominus quoque in his omnibus vicem fidei suo reddere debet; quod si non fecerit, merito censebitur malefidus И въ англійскомъ правѣ: quantum homo debet domino ex homagio, tantum illi debet dominus ex dominio, praeter solam reverentiam. Reeves hist; of—Engl. law 1. p. 126.

³ По *Sachsenspiegel* 1, 1. императоръ первый получилъ отъ Бога свѣтскій мечъ: отсюда слѣдуетъ, что короли получаютъ свою власть чрезъ посредство императоровъ. Между тѣмъ эта

заимствуютъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ и низшіе вассалы — отъ верховнаго леннаго владыки короля, но они получали ее не въ качествѣ государственныхъ чиновниковъ, правительственныхъ органовъ, а какъ право, подобно тому, какъ ленные участки они получали въ собственное свое распоряженіе. Внесеніе въ политическія права самостоятельности частнаго права, наследственное прикрѣпленіе различныхъ степеней государственной власти къ извѣстнымъ фамиліямъ и ленамъ, есть характеристическая особенность ленной системы. Поэтому король не могъ ни отказать въ ленѣ наследственному вассалу, ни вмѣшиваться въ сферу предоставленной ему власти ни опредѣляя, ни ограничивая ее. Всякій кругъ власти замкнуть въ себѣ и существенно самостоятеленъ.

Поэтому въ ленномъ государствѣ единство государственной власти было только формальное. Какъ скоро нужно было употребить эту власть тотчасъ, являлись непреодолимые затрудненія. Противъ общей государственной власти выступала особенная власть большихъ и малыхъ вассаловъ и вмѣсто того, чтобъ ей содѣйствовать, препятствовала и парализировала распоряженія первой. Національная жизнь распалась на разнообразные частные союзы точно также, какъ единая государственная власть раздробилась на множество мелкихъ властей. Въ политической сферѣ открывается свободное попріще для индивидуальной воли и индивидуальныхъ стремленій особенно магнатовъ страны, являются самыя разнообразныя политическія формы и учрежденія, но связь нарушается во всемъ, и государство связано. Одна только аристократія сильна и свободна, королевская власть хотя и богата почестями, но реальное значеніе ея ничтожно, и народъ всюду встрѣчаетъ преграды для естественнаго развитія своихъ силъ. Чѣмъ далѣе отстоятъ

теорія не имѣла полнаго практическаго значенія и короли, не смотря на то, что считали самъ императора высшимъ, все-таки производили свою власть непосредственно отъ Бога. Старая французская поговорка: «le roi ne tient que de Dieu de l'ere» Loysel 1. 2.

народные классы отъ центра этого государства, отъ верховнаго леннаго владыки, «тѣмъ чувствительнѣе для нихъ тяжесть посредствующихъ правъ ленныхъ владѣльцевъ и тѣмъ невыносимѣе произволь ихъ».

Военная и судебная власть, — эти двѣ составныя части германской правительственной власти, были раздѣлены между многочисленными вассалами, и собственно правительственная власть, въ сравненіи съ положеніемъ ея во франкской монархіи, потерпѣла значительныя умаленія. Все государственное устройство стало въ сущности аристократическимъ, хотя надъ нимъ и красовалась корона монарха. Французскіе короли изъ рода Капетинговъ очень немногимъ возвышались надъ простыми сеньорами, а что касается до значенія нѣмецкихъ королей, то внутри государства оно было подавлено властію отдѣльныхъ князей. Только въ видѣ исключенія при особенно благопріятныхъ или стѣснительныхъ обстоятельствахъ центральная власть короля могла сохранить всю свою силу, какъ на примѣръ въ Англіи, послѣ завоеванія ея норманнами, гдѣ съ одной стороны собственная безопасность норманскаго дворянства, заставляла его какъ можно тѣснѣе сомкнуться около короля, съ другой стремленіе новой династіи къ самосохраненію требовало энергическаго развитія королевской власти.

5) Гизо спрашиваетъ, отчего феодальное устройство государства не только во время упадка, но и въ цвѣтущій его періодъ постоянно возбуждало къ себѣ отвращеніе въ народѣ? Какъ основную причину этого явленія онъ выставляетъ слѣдующее: «феодализмъ былъ союзомъ мелкихъ владѣльцевъ, мелкихъ деспотовъ, неравныхъ между собою и связанныхъ нѣкоторыми правами и обязанностями; каждый изъ нихъ въ своемъ участкѣ имѣлъ произвольную и абсолютную власть надъ своими личными и непосредственными подданными. Самый страшный изъ всѣхъ тирановъ тотъ, который легко можетъ пересчитать своихъ подданныхъ и изъ своего дома видѣть границы своихъ владѣній. Тогда причуды человѣческаго произвола доходятъ до нестерпимой уродливости. Неодинаковость положенія становится тогда

особенно ощутительна! Богатство, власть, независимость, всякаго рода преимущества и права, безпрестанно противопоставались нищетѣ, слабости и рабству. Деспотизмъ въ ленной системѣ былъ также великъ, какъ въ чистой монархіи, а привилегіи ничуть не меньше, какъ въ самой узкой аристократіи и притомъ все это проявлялось въ самой оскорбительной и грубой формѣ. Деспотизмъ не смягчался отдаленностію трона, привилегіи не прикрывались величіемъ цѣлой большой корпораціи. Все это было въ рукахъ одного человѣка, который всегда былъ на лицо, — въ постоянномъ сосѣдствѣ съ своими подданными.»

Въ этомъ изображеніи есть доля правды, но вполнѣ оно можетъ быть приложено только къ Франціи, а никакъ не ко всѣмъ средневѣковымъ государствамъ. Нельзя сказать, чтобы ленная система возбуждала къ себѣ ненависть повсюду, гдѣ бы ни существовала; нерѣдки случаи привязанности крестьянъ къ своимъ господамъ. Нельзя также признать особенностью ленной системы произвольную и абсолютную власть господина надъ подданными. Если гдѣ признавалась и существовала такая власть, — что было не во Франціи только, а часто и въ другихъ мѣстахъ, то это было противорѣчіе съ системою, которая сверху до низу устанавливала самостоятельныя области правъ. Крѣпостные люди имѣли свое прочное наследственное право, повинности ихъ не могли быть увеличиваемы по произволу господина. Распоряжаться личностію возможно было не иначе, какъ по преданію и добродушію. Дворовое право (*Hofrecht*) въ низшихъ сферахъ было также строго опредѣлено и почти также защищено, какъ ленное право въ высшихъ¹.

Но даже независимо отъ многочисленныхъ превышеній владѣтельскихъ правъ, одно изъ самыхъ ненавистныхъ качествъ феодализма заключалось въ близости владѣній и незначительности ихъ размѣра, вслѣд-

---

¹ Объ этомъ свидѣлствуютъ *Coutumes* и *Wessthümer*. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны слѣды крестьянскаго упорства крѣпостныхъ въ отношеніи поземельныхъ владѣльцевъ.

ствіе чего подчиненнымъ было трудно и даже невозможно избавиться отъ близкаго гнета господъ, препятствующаго всякому свободному, неосвященному преданіемъ движенію.

6) Ленное государство можно назвать по преимуществу правовымъ. Государственный принципъ общаго блага находился на заднемъ планѣ, но за то политическія права были тщательно разграничены, подобно частнымъ правамъ, предоставлены волѣ управомоченныхъ и даже подчинялись обыкновеннымъ юридическимъ отношеніямъ купли, мѣны, даренія, наслѣдованія и т. д. Защита этихъ правъ происходила большею частію въ формѣ судебного процесса, или даже дозволенной самообороны на поединкахъ. Съ одной стороны неподвижный юридическій порядокъ, который давалъ свободу индивидамъ, а не совокупности ихъ, отдѣльнымъ корпораціямъ и учрежденіямъ, а не націи и ея силамъ, съ другой стороны постоянная внутренняя война и постепенно возвращающаяся анархія, — вотъ два противоположныя явленія, подобно двумъ лицамъ головы Януса, возросшія вмѣстѣ съ средневѣковымъ леннымъ государствомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Г. Новая абсолютная монархія.

Представительная монархія, какъ форма устройства новыхъ государствъ, возникла изъ средневѣковаго государства не вдругъ. Еще прежде въ борьбѣ съ феодализмомъ получила силу абсолютная монархія. Всѣ германо-романскіе и германскіе народы Европы, прежде чѣмъ перейти къ новой государственной формѣ, должны были испытать систему абсолютной монархіи.

Всего раньше и всего сильнѣе развился абсолютизмъ во Франціи и Испаніи. Пока въ народѣ было много германскихъ элементовъ, до тѣхъ поръ королямъ весьма трудно было признать государственнымъ принципомъ

абсолютную власть, совершенно чуждую и противную германскимъ понятіямъ. Напротивъ, римскія преданія, снова пробудившіяся въ то время въ наукѣ и жизни, были благопріятны абсолютизму.

Уже съ двѣнадцатаго вѣка, когда власть феодаловъ была во всемъ еще разгарѣ, французскіе легисты (такъ назывались лица, посвятившія себя изученію римскаго права), стали смѣло и единодушно трудиться надъ сообщеніемъ французской монархіи древнихъ началъ римской имперіи. Они создали теоретическую и практическую школу управленія, высшимъ принципомъ которой было единство, нераздѣльность и абсолютное владычество надъ государствомъ королевской власти, признаки, соединявшіеся въ общемъ понятіи верховной власти. Исходя отъ этого принципа, они смотрѣли на правительственныя и судебныя права феодаловъ и ихъ вассаловъ, какъ на превышеніе власти, злоупотребленіе, которое для блага короля и народа нужно уничтожить, или по крайней-мѣрѣ сколько возможно ограничить. Они представляли французскихъ королей преемниками римскихъ императоровъ. Превознося римское законодательство, они смотрѣли съ презрѣніемъ на феодальныя юридическіе обычаи¹.

Правда, не раньше какъ чрезъ нѣсколько столѣтій теоріи легистовъ проникли въ практику, и владычество феодаловъ было сломлено; но тѣмъ не менѣе внутренняя борьба не прекращалась до тѣхъ поръ пока все феодальное государство, съ его разнообразными формами, не разрушилось до основанія, захвативъ въ своемъ паденіи развившуюся уже тогда абсолютную монархію.

Положеніе римскаго имперскаго права: «*quod principi placuit, legis habet vigorem*» было опять извлечено изъ архивной пыли и провозглашено необходимымъ принципомъ государства². Оно перешло во французскій афоризмъ:

---

¹ Tierry, temps Meroving C. 1 стр. 16.

² Beaumanoir 11. 57. Ce qui li plect á fere, doit etre tenu por a loi; «но онъ прибавляетъ и ограниченіе: «*pourvu qu'il ne soit pas fet contre Dieu, ne contre bonnes meurs, car s'il le feroit, ne le devroent pas si souget souffrir.*» Ср. Laferriere въ *Revue critique de legisl. par Walowsky IV.* Стр. 152. Равнымъ.

qui veut le roi, si veut la loi». Какъ скоро право законодательства безъ всякихъ ограниченій сосредоточилось въ королѣ, то королю уже не трудно было устранить тѣ препятствія, которыя поставлялъ феодализмъ государственной власти, развитію національнаго духа и общему благу. Руководимая новою юридическою теоріею, практика судовъ, въ особенности же королевскихъ парламентовъ, много способствовала въ отдѣльныхъ случаяхъ побѣдѣ новаго направленія. Общественное мнѣніе относилось благопріятно къ измѣненію воззрѣній; въ особенности это должно сказать о городахъ, въ которыхъ съ давнихъ поръ укоренилась римская культура, и на которыхъ не такъ сильно отозвалось вліяніе леннаго права. Города гораздо болѣе ненавидѣли мелкихъ владѣльцевъ, нежели боялись національнаго короля, имъ казалось, что городская промышленность, торговля и ремесла лишь выиграютъ отъ ослабленія ленныхъ владѣльцевъ. Точно также и крестьяне видѣли скорѣе выгоду нежели вредъ для себя отъ усиленія власти короля на счетъ ихъ притѣснителей.

Королевская власть пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ феодализмомъ во Франціи съ Людовика XI¹.

образомъ итальянскіе глассаторы боялись безусловнаго признанія означеннаго принципа и старались ограничить его требованіемъ согласія съ существующимъ божескимъ и человѣческимъ правомъ: Даже при Людовикѣ XIV, могущественномъ защитникѣ абсолютной королевской власти въ 1688 году профессоръ государственнаго права Delaunay объяснялъ приведенное выше положеніе не въ абсолютическомъ смыслѣ: «que la loy est la volonté du Roy, et non pas que la volonté du Roy soit loy.» Но во всѣ времена находились люди партій которые отбрасывали всѣ среднеявковья ограниченія римскаго принципа и со всѣмъ жаромъ бились за абсолютную власть монарховъ.

¹ Въ 1463 г. онъ запретилъ герцогу Бретанскому употреблять выраженіе «par la grace de Dieu», При Карлѣ VII феодалы обыкновенно вводили это названіе въ свои титулы. Schöffner, französ. Rechtsgesch. 11. Стр. 273. (Впрочемъ выраженіе «Божіею милостію» первоначально имѣло смиренный смыслъ, служа напоминаніемъ о милосердіи Божіемъ, отъ котораго исходитъ всякое величіе и всякое право. Лишь въ послѣдствіи оно стало обозначать верховную независимость.) Въ лицѣ Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго, погубленнаго Швейцарцами по настроенію короля, палъ представитель высшей феодальной аристократіи. Такимъ образомъ королевская власть во Франціи одержала рѣшительную побѣду.

(1461—1483), а въ Испаніи съ Филиппа II (1566—1598). Впрочемъ во Франціи время отъ времени происходили реакціи противъ королевской власти; въ Испаніи же абсолютизмъ былъ прочнѣе и имѣлъ болѣе мрачный и суровый характеръ. Нельзя вспомнить безъ ужаса, что Филиппъ II, осудилъ какъ преступниковъ, цѣлый Нидерландскій народъ, надъ которымъ ему принадлежали лишь весьма ограниченныя владѣтельные права. Во Франціи абсолютная власть короля достигла своего высшаго развитія только при Людовикѣ XIV; съ тѣхъ поръ она постоянно приближалась къ безднѣ революціи. Примѣру Людовика стали подражать нѣмецкія династіи, значительныя и незначительная¹. Снова христіанскій европейскій монархъ, Іосифъ I австрійскій осудилъ на смерть цѣлый народъ баварскій, ссылаясь при этомъ на божественное право².

Основная политическая мысль новѣйшаго абсолютизма съ удивительною наивною высказана Людовикомъ XIV, въ извѣстномъ изреченіи его: «l'état est moi». («государство это я.») Король уже не считалъ себя главою государства, который представляетъ собою лишь одинъ членъ государственнаго организма, хотя и важнѣйшій, но вполнѣ отождествлялъ свою личность съ государ-

---

¹ Фридрихъ II Прусскій въ Antimach. 10. «il n'y a pas jusqu'au Cadet du Cadet d'une Ligne appanagée, qui ne s' imagine d'etre quelque chose de semblable a Louis XIV. Il bâtit son Versailles, il a ses maitresses, il entretient ses armées. Ils s'abiment pour l'honneur de leur maison et ils prennent par vanité le chemin de la misère et de l'hôpital.

² Normayr Lebensbilder 4. Стр. 256. Патентъ Іосифа I австрійскаго 20 Дек. 1705 г. «Всѣ баварцы виновны въ оскорбленіи величества Іосифа I, единственнаго, законнаго государя, даннаго имъ отъ Бога всемогущаго, и потому безъ всякихъ исключеній подлежатъ лишенію жизни. Единственно вслѣдствіе нашей высочайшей милости и отеческой кротости постановляется, чтобы каждыя 15 человекъ бросили жребій относительно своей жизни; тотъ, на кого падетъ жребій, долженъ быть обезглавленъ въ виду всѣхъ». Не вѣришь своимъ глазамъ когда въ XVIII столѣтіи, предъ самымъ вѣкомъ философскаго просвѣщенія встрѣчаешь такое безуміе, ссылающееся еще притомъ на право и милосердіе

ствомъ. Кромѣ себя онъ не видѣлъ въ государствѣ никакихъ другихъ членовъ, которымъ принадлежали бы какія-нибудь права. Онъ не признавалъ инаго государственнаго блага, кромѣ своего личнаго, инаго государственнаго права, кромѣ своего индивидуальнаго. Онъ былъ все во всемъ, кромѣ его не было ничего.

Такое полное смѣшеніе королевской власти съ государствомъ, — совершенно отличное отъ олицетворенія въ королѣ государственнаго величія, было тѣмъ опаснѣе, что одновременно съ нимъ, именно въ XVII и XVIII вѣкахъ явилась теорія полновластія государства. Въ теченіе среднихъ вѣковъ государство было раздроблено на безконечное множество замкнутыхъ круговъ и лишено всякой силы. Теперь теорія сдѣлала скачекъ въ противную сторону и не оставила ни одной юридической сферы, которая была бы самостоятельна и свободна отъ произвола и вмѣшательства государства. Даже частное право было признано произведеніемъ государства и отдано на произволь государственной власти.

Государственная и юридическая наука того времени много виновата въ тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекли за собою означенныя теоріи. Одни изъ юристовъ оправдывали и подкрѣпляли фальшивыми доводами неестественныя притязанія королей; другіе же, вопреки требованіямъ долга, неоказывали имъ противодѣйствія. Но не менѣе тяжкій грѣхъ лежитъ на тогдашнихъ богословахъ, (частію іезуитахъ, частію высокоцерковныхъ или православно-лютеранскихъ придворныхъ богословахъ). Извращая христіанскую идею божественности государственной власти, они выставляли королей непосредственными и полными представителями божественнаго міроуправленія на землѣ, земными богами. Такъ какъ Богъ, говорили они, есть неограниченный владыка міра, который созданъ имъ, исполняется и охраняется его духомъ, то поэтому и короли должны быть неограниченными владыками народовъ, которыхъ однако они не создали и не могутъ ни наполнять своимъ духомъ ни сохранить въ жизни. Подобно римскимъ императорамъ, тогдашніе короли любили отождествлять себя съ божествомъ. Извѣстно, какъ любилъ Людовикъ XIV разыгрывать Юпи-

тера, что скорѣе напоминало собою язычество, нежели христіанство.

Но рядомъ съ этимъ всемогуществомъ абсолютизма, которое усвоилось монарху теоріею и въ важнѣйшихъ случаяхъ прилагалось на практикѣ, время отъ времени обнаруживалось полное безсиліе абсолютныхъ королей. Государи, которымъ лести и рабское низкопоклонство приписывали безграничную власть, унижались нерѣдко до степени безгласныхъ слугителей честолюбія своихъ любимцевъ или властолюбія и расточительности любовницъ. Все зависѣло отъ личности монарха. Какъ скоро на престолѣ сидѣлъ замѣчательный человѣкъ, умѣвшій съ энергіею и умомъ держать въ своихъ рукахъ диктаторскую власть, человѣкъ въ родѣ Людовика XIV въ тотъ періодъ, когда старость и развратъ еще не истощили силъ его, то можно было еще поддерживать по крайней мѣрѣ тѣнь могущества. Но даже и подобные люди не въ силахъ были долгое время удержаться на такой недосыгаемой высотѣ¹. При слабыхъ же натурахъ, каковы Карль II англійскій, Фердинадъ VII испанскій, или Людовикъ XV французскій, другіе присвоивали себѣ тотъ произволь, который приписывался одному королю въ ускельзнулъ изъ его рукъ. Народы впали вездѣ и плачевное состояніе, въ которомъ не могли отдать себѣ отчета. Кто хочетъ познакомиться съ дѣйствіями абсолютизма въ цивилизованной Европѣ, тотъ пусть изучаетъ состояніе Испаніи, Италіи или Австріи, отъ 1540 до 1740 года.

Впрочемъ эти притязанія абсолютизма столкнулись на

---

¹ Лордъ Чатамъ (Broughton, «Госуд. люди» 1. стр. 29) въ одной парламентской рѣчи говоритъ: «Абсолютная власть приводитъ къ гибели того, кто обладаетъ ею; я знаю, что тамъ, гдѣ кончается законность, начинается тираннія.» Guisot, Essais стр. 245: «с' est le vice de la monarchie pure d'élever le pouvoir si haut que la tête tourne a celui, qui le possède et que ceux qui le subissent osent à peine le regarder. Le souverain s'y croit un Dieu, le peuple y tombe dans la idolatrie. On peut écrire alors les devoirs des rois et les droits des sujets; on peut même les prêcher sans cesse; mais les situations ont plus de force que les paroles, et quand l'inégalité est immense, les uns oublient aisément leurs devoirs, les autres leurs droits.»

старой почвѣ Европы съ такимъ множествомъ противныхъ имъ юридическихъ преданій и съ такими стойкими учрежденіями, что государственный принципъ, свойственный азіатскимъ деспотіямъ, но совершенно чуждый европейской жизни, нигдѣ не могъ достигнуть полнаго и продолжительнаго осуществленія. Когда въ Англіи, послѣ реставраціи, династія Стюартовъ вступила на ложный путь, когда Іаковъ II, въ подражаніе Людовику XIV сдѣлалъ попытку произвольно нарушить древнія права парламента и новую организацію церкви, и презрительно отнесся къ законному сопротивленію друзей трона и конституціи: тогда утраченная власть выпала изъ рукъ Іакова и Стюартовъ. Соединеніе съ англійскимъ народомъ Вильгельма Оранскаго, величайшаго государственнаго человѣка и государя того времени, повлекло за собою прочное основаніе новѣйшей представительной системы.

Двукратное рѣшительное пораженіе абсолютной монархіи въ Англіи не тотчасъ же повело къ паденію монархической системы въ Европѣ. Но тѣмъ не менѣе увѣренность въ ней поколебалась, и даже на континентѣ она постепенно приближалась къ вѣрной гибели. Принципъ ея былъ опровергнутъ свободною философіею восемнадцатаго вѣка. Въ лицѣ Фридриха II эта философія взошла на тронъ развивающагося государства и во всеуслышаніе провозгласила съ престола принципъ, противный абсолютизму: король есть не собственникъ государства, не владыка народа, не государство, а высшій служитель государства. Принципъ абсолютной монархіи, опровергнутый еще до французской революціи, не могъ противостоятъ ей напору. Почти во всей цивилизованной Европѣ онъ уступилъ послѣ нѣсколькихъ колебаній мѣсто болѣе свободному народному сознанію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Г. Конституціонная монархія.

1. Возникновеніе и распространеніе конституціонной монархіи.

Хотя конституціонная монархія составляетъ плодъ новаго времени, но ея зародышъ можно отыскать, по справедливому замѣчанію *Монтескье*, уже въ лѣсахъ германской старины. Первая великая, но еще незрѣлая попытка создать ту государственную форму, которая извѣстна нынѣ подъ именемъ конституціонной, сдѣлана была подъ соединеннымъ вліяніемъ римскихъ государственныхъ идей и понятій германскаго права, въ государствахъ, основанныхъ германскими князьями на римской территоріи.

За тѣмъ слѣдовала ленная монархія, а съ нею цвѣтущее время германской аристократіи. Но въ эпоху феодализма единство государства было разрушено, народное благосостояніе поколебалось, королевская власть была богата блескомъ и почетомъ, но бѣдна силою. Съ другой стороны снова пробудилось національное стремленіе къ единству; снова германское ленное государство было оевѣщено и оплодотворено римскими государственными принципами. Народы опять почувствовали въ себѣ эпергію, но государи болѣе всего стремились къ желѣзному скипетру абсолютной власти. Началась борьба сословіи между собою и съ князьями. На исходѣ среднихъ вѣковъ стало слагаться новое государственное устройство. Оно составляетъ цѣль болѣе нежели тысячелѣтней исторіи, завершеніе романо-германской государственной жизни, т. е. собственно европейской государственной культуры.

4. Всего раньше конституціонная монархія образовалась въ Англіи. Медленно созрѣвала она въ великой исторіи этого островнаго государства, медленно, — но постоянно развиваясь. Ни въ какой другой европейской странѣ королевская власть не сохранила въ такой полнотѣ своей цетральной силы въ теченіе средневѣковаго періода; нигдѣ права и вольности дворянства и народа не были такъ мужественно защищены и такъ прочно укрѣплены какъ въ Англіи.

И англійская нація не осталась свободною отъ потрясающей горячки революціи. Двѣ великія революціи грозили гибелью всему зданію англійскаго государства. Первая, относящаяся къ срединѣ XIII вѣка, была попыт-

кою аристократію отнять у короля и захватить въ свои руки управление государствомъ. Таковъ былъ смыслъ Оксфордскихъ Provisionses 1258 года, вынужденныхъ графомъ Лейстеромъ у побѣжденнаго короля Генриха III¹. Въ второй великой революціи, возгорѣвшейся въ половинѣ XVII вѣка изъ борьбы Карла I съ Долгимъ Парламентомъ, король вмѣстѣ съ аристокраціею были на нѣкоторое время оттѣснены фанатическою партіею демократически настроенныхъ пуританъ (1649).

Но въ оба раза болѣзнь не была продолжительна и не могла надолго ослабить государственный организмъ. Какъ ни грозны были внѣшніе симптомы, проявлявшіе ее, но она не имѣла такой внутренней силы, чтобы дать жизни націи другое направленіе. Въ оба раза Англія быстро оправлялась отъ потрясенія, историческая связь съ прошедшимъ не терялась, развитіе націи оставалось органическимъ и нормальнымъ. Нація дѣлала даже при каждой революціи рѣшительный шагъ впередъ. Отъ первой аристократической революціи ведетъ свое начало приглашеніе въ парламентъ уполномоченныхъ отъ городовъ (въ первый разъ въ 1264 году) составляющее зародышъ позднѣйшей Нижней Палаты. Вторая революція закончилась основаніемъ новаго королевства въ 1689 году. Съ этихъ поръ является на сцену собственно конституціонная монархія, какъ національное учрежденіе².

---

¹ Guisot, Essai и. т. д. стр. 311 и слѣд.

² Великій историкъ новой англійской исторіи Маколей (Engl. Gesch. 1) стр. 607) такимъ образомъ характеризуетъ переходъ отъ средневѣковыхъ представленій къ новымъ. «Долгое время церковь учила народъ, что наследственная монархія одна изъ всѣхъ нашихъ учрежденій божественна и неприкосновенна, что право палаты общинъ на участіе въ законодательной власти есть чисто человѣческое право, — право же короля на повиновеніе своего народа проистекаетъ свыше; что Magna Charta есть такой законъ, который можетъ быть уничтоженъ лицами, создавшими его, правило же, по которому принцы королевской крови, по порядку престолонаслѣдія, призываются къ престолу, божественнаго происхожденія, и всякій несогласный съ этимъ правиломъ актъ парламента ничтоженъ. Понятно, что въ обществѣ, живущемъ такими превратными понятіями,

Конституціонная монархія нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ всѣ другія государственныя формы. Но представляя собою наибольшее разнообразіе, она не жертвуетъ для него гармонією и единствомъ цѣлаго. Она предоставляетъ аристократіи свободное поприще для проявленія ея силъ и ея духовныхъ способностей; на демократическое направленіе народной жизни она не налагаетъ оковъ, а напротивъ оставляетъ за нимъ свободное движеніе. Она признаетъ даже идеократическій элементъ въ видѣ почитанія закона. Монархія, какъ живая глава всего государственнаго устройства, приводитъ эти разнообразныя направленія въ правильное отношеніе и связываетъ въ общее единство.

Впрочемъ даже англійская конституціонная монархія новаго времени имѣетъ свои ступени развитія. Ко времени короля Вильгельма Оранскаго принадлежатъ слѣдующіе главные моменты:

1. Абсолютная королевская власть, отвергнута въ принципѣ, какъ противное конституціи притязаніе, котораго нельзя терпѣть и противъ котораго справедливо сопротивленіе.

2. Вопреки мистическимъ представленіямъ высокоцер-

конституціонная свобода никогда не можетъ быть прочна. Власть, разсматриваемая единственно какъ человѣческое установленіе, никакъ не можетъ служить преградой власти, которая признается божественнымъ установленіемъ. Напрасна надежда на то, что превосходные законы будутъ постоянно обуздывать короля, когда по мнѣнію и его самого и большей части народа ему принадлежитъ авторитетъ безконечно высшаго свойства, нежели авторитетъ этихъ законовъ. Для прочности нашихъ вольностей безусловно необходимо было лишить королевскую власть этихъ таинственныхъ атрибутовъ и выставить, какъ принципъ, что короли управляютъ по тому же самому праву, по которому свободные граждане выбираютъ рыцарей графства, или судьи исполняютъ повелѣнія Habeas Corpus. Эта цѣль достигнута постановленіемъ, которое объявляло престоль празднымъ и призывало Вильгельма и Марію занять его. «Удачное изложеніе того же предмета представляетъ Циммерманъ въ своемъ краткомъ историческомъ очеркѣ парламентарнаго правленія въ Англии. Оно проводитъ рѣзкую грань между радикализмомъ и либерализмомъ.»

ковныхъ богослововъ, которые въ королевскомъ правѣ видѣли нѣчто специфически-божественное, право короля признано человѣческимъ и подлежащимъ конституціоннымъ ограниченіямъ¹, наравнѣ съ правомъ лордовъ и общинъ въ парламентѣ и законными вольностями отдѣльныхъ англичанъ.

3. Права парламента и народа были документально выражены и утверждены въ такъ называемой Declaration of Rights 1689 г. и порядокъ престолонаслѣдія тѣсно связанъ съ этимъ объявленіемъ, такъ что королевская власть даже не могла быть мыслима безъ связи съ правами парламента и народа.

4. Безотвѣтственность королей признана общимъ конституціоннымъ правиломъ, но вслѣдствіе вспышки легитимизма приверженцевъ Стюартовъ допущена возможность исключенія, если между королемъ и и народомъ произойдетъ рѣшительный разрывъ.

5. Выработано понятіе политической отвѣтственности министровъ передъ палатами парламента причемъ нижней палатѣ предоставлено обвиненіе, а верхней-судъ.

6. Признаны участіе парламента въ законодательствѣ, право вотировать подати, и контроль надъ всемъ государственнымъ управленіемъ.

7. Полная независимость и широкія права судебной власти, участіе въ судѣ присяжныхъ изъ народа.

8. Свобода печати и политическихъ собраній и потому критика и контроль общественнаго мнѣнія.

Конечно королямъ изъ ганноверскаго дома было трудно принять эти основныя начала съ ихъ послѣдствіями; но не смотря на склонность династіи и двора къ противодѣйствію, сила обстоятельствъ заставила ихъ признать свободную конституцію. Вліяніе принца Альберта Кобургскаго настроило теперешнее королевское се-

---

¹ Актъ 1701 г. Такъ какъ законы Англій составляютъ прирочденное право англійскаго народа, и всѣ короли и королевы, имѣющія занять престолъ этого государства, должны управлять согласно съ этими законами, а равно чиновники и министры ихъ должны повиноваться этимъ законамъ, то и т. д.

мейство въ духѣ конституціи. Страхнувъ съ себя предрасудки династическихъ преданій и сдѣлавшись народною, королевская власть нисколько не потеряла вліянія и силы.

Англійскій король сознаетъ, что онъ исполняетъ не свою собственную волю, а волю государства. По этой причинѣ министры, (а такъ какъ англійскіе министры черпаютъ свою силу въ довѣріи парламента, преимущественно нижней палаты), то и народное и представительство оказываютъ бѣльшее вліяніе на правительство, нежели въ континентальныхъ государствахъ. Потому англійское королевство можно назвать парламентарнымъ и республиканскимъ. Между тѣмъ едва ли въ какой-нибудь другой странѣ замѣтно такъ благоговеніе къ монархіи, какъ въ Англии. Какъ ни сильны аристократическіе элементы и парламентъ въ Англии, но тѣмъ не менѣе монархія осталась формою правленія Англии¹.

---

¹ Уже Эдмондъ Боркъ замѣчаетъ (Изъ его сочиненій. Мюнхенъ 1850 г.) «На континентѣ имѣютъ обыкновенно ложное понятіе о положеніи великобританскаго короля. Онъ дѣйствительный король, а не исполнительный чиновникъ. Не заботясь о мелочахъ, не унижаясь до ничтожныхъ раздоровъ, онъ владетъ едва ли не болѣе дѣйствительною, могущественною и широкою властью, нежели французскій король до революціи». Правда Сэръ Робертъ Пиль въ послѣднее время по политическимъ причинамъ потребовалъ отъ Королевы Викторіи, чтобы она удалила нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и поставила на ихъ мѣсто другихъ, и такимъ образомъ вторгся въ сферу личной и семейной жизни королевы, но это обстоятельство доказываетъ только, какое важное значеніе имѣютъ личныя отношенія и общество англійской монархини для англійской политики. Впрочемъ, если обратить вниманіе на преобладающую политическую силу, то нужно будетъ признать, что англійское государственное устройство сдѣлалось въ новое время парламентскимъ или министерскимъ правленіемъ. Самъ Робертъ Пиль сказалъ въ парламентѣ (рѣчь 11 мая 1835 года) слѣдующія важныя положенія: конечно по духу конституціи прерогативы короны и авторитетъ лордовъ достаточно сильны чтобы преодолѣть нападенія палаты общинъ, но и король и лорды не могутъ въ настоящее время укрываться за свои права, какъ неприступныя укрѣпленія. Управление страны должно совершаться преимущественно по доброй волѣ и при непосредственной дѣятельности палаты общинъ.»

11. Вторую всемірноисторическую попытку ввести конституціонную монархію сдѣлала французская нація. Конституція 1791 года, по мнѣнію авторовъ ея, съ логическою необходимостью вытекала изъ новаго государственнаго принципа, какъ самая совершенная государственная форма. Но принципы даже національнаго собранія были скорѣе республикански-демократическіе, нежели монархическіе. Теорія Руссо о верховной власти народа и двухъ властяхъ, равно какъ примѣръ сѣвероамериканской конституціи, которая создала конституціонную демократію съ тремя властями, независимыми, но связанными единствомъ верховнаго народа, производили на умы французовъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели англійское устройство. Основной характеръ новой конституціи 1791 года былъ демократическій. Королевская власть было непослѣдовательностью системы, сохранившимся остаткомъ прошедшаго, съ которымъ революція во всемъ остальномъ покончила.

Затѣмъ Наполеонъ опять учредилъ монархическую власть, извлекши народъ изъ той тины, въ которую онъ впалъ. Наполеонъ сосредоточилъ всю государственную власть въ своихъ мощныхъ рукахъ. Но ему не удалось основать новую французскую конституціонную монархію. Въ первое время послѣ революціи, среди европейской войны, нація чувствовала слишкомъ сильную потребность въ диктатурѣ; притомъ же самъ онъ отъ природы былъ слишкомъ могучимъ властителемъ. Впрочемъ онъ допустилъ нѣкоторыя отдѣльные начатки конституціи. Онъ призналъ въ французскомъ народѣ источникъ своей власти, и открылъ всѣмъ французамъ свободный путь къ возвышенію.. Въ лицѣ сената онъ пытался снова создать аристократію, которая, по его выраженію, поддерживаеетъ верховную власть, между тѣмъ какъ демократія основываетъ ее¹. Если бы правленіе напо-

---

¹ Las Cases, Мем, III стр. 32. Ср. выше книга 11 гл. 11. Лучшее изображеніе прототипа наполеоновскаго государства, отъ котораго слишкомъ далеко отстала дѣйствительность, представилъ его племянникъ и наслѣдникъ въ 1839 г. въ сочиненіи *Idees Napoléoniennes*

леоновской династии продолжилось, то современемъ изъ этихъ зачатковъ могла бы выработаться національная конституціонная монархія. Но во времена своего могущества Наполеонъ смотрѣлъ на политическія права прочихъ государственныхъ силъ недовѣрчиво, какъ на ограниченія своей власти. Послѣ паденія Наполеона судьбу его раздѣлили и его учрежденія.

Хартія Людовика XVIII 4-го Іюня 1814 года была въ сущности сдѣлкою между древнею королевскою династією, возвратившеюся изъ изгнанія, и французскимъ народомъ, пережившимъ времена революціи и наполеоновскаго владычества, — сдѣлкою между притязаніями прежней абсолютной королевской власти и новыми политическими силами, между легитимизмомъ и фактомъ революціи. Между тѣмъ по своей формѣ она была свободнымъ даромъ короля, проявленіемъ его власти¹. Независимо даже отъ этого противорѣчія между формою и содержаніемъ, конституція 1814 года страдала многими другими противорѣчіями. Но безъ всякаго сомнѣнія она была все-таки лучше, нежели предшествующія попытки устроить конституціонную монархію во Францію.

Образцомъ для конституціи 1814 г. очевидно послужили основныя формы англійскаго устройства, но онѣ были пропитаны другимъ духомъ. Хартія, исходя по теоріи отъ абсолютнаго короля², признавала за королемъ большую власть, нежели въ Англии, или, лучше сказать, менѣе ограничивала ее. Несмотря на то, французское королевство далеко не имѣло той твердости, какъ англійское. Причина этого заключается не въ томъ только, что характеръ французскій вообще болѣе подвиженъ и склоненъ къ переменамъ, нежели англійскій, а въ томъ что революція уничтожила французскую аристократію, и весь народъ пропитанъ былъ демократическими понятіями и тенденціями.

---

¹ Слова введенія: «Nous avons volontairement et par le libre exercice de notre autorité royale accordé et accordons, fait cession et octroi à nos sujets — de la Charte constituionelle qui suit».

² Введеніе: «Bien que l'autorité toute entière résidât en France dans la personne du Roi.»

Перы, получившіе вмѣстѣ съ королемъ право участія въ законодательствѣ и составлявшіе верховное судилище по тяжкимъ государственнымъ преступленіямъ, должны были, по мысли конституціи, представлять собою чисто національное учрежденіе и соединять воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, старое время съ новымъ. Но на самомъ дѣлѣ новые вельможи наполеоновскаго времени были слишкомъ унижены въ общественномъ мнѣніи, а старая аристократія слишкомъ несговорчива для того, чтобъ учрежденіе наслѣдственныхъ перовъ было признано истинно національнымъ и получило прочность. Оно стояло гораздо ниже англійской верхней палаты. Наконецъ палата депутатовъ должна была замѣнить собою и древнія собранія на мартовскомъ и майскомъ полѣ, а также камеру третьяго сословія. Но она была устроена на чисто плутократическихъ основаніяхъ, и служила преимущественно цѣлямъ бюрократіи. Масса городскихъ гражданъ, полная сознанія своихъ правъ, богатая и образованная, игравшая столь важную роль въ революціонномъ періодѣ, не получила права ни избирать ни избираться. Не дано было правъ и всему крестьянскому населенію, которое во время революціи пріобрѣло свободную собственность, а съ нею и политическія права. На низшіе слои народа также не обращено было никакого вниманія. Такимъ образомъ демось не былъ представленъ, а между тѣмъ онъ становился во Франціи великою политической силою. Конституція, которая исключала ее, естественно не могла рассчитывать ни на сочувствіе, ни на поддержку съ его стороны.

Революція выдвинула два направленія, отчасти находившіяся между собою въ антагонизмъ, — централизацію и демократическую тенденцію. Первая, доведенная до крайности, должна была привести къ абсолютной монархіи, — вторая къ революціонной анархіи. Хартія старалась овладѣть первымъ направленіемъ, чтобы подавить послѣднее ¹.

¹ Токвиль очень мѣтко изображаетъ обѣ тенденціи въ своей книгѣ объ американской демократіи 1. стр. 158: «La revolu-

Первый великій ударъ демократическаго народа, который былъ раздраженъ абсолютизмомъ Карла X настроенъ прессою въ революціонномъ духѣ, не сломилъ однако хартіи. Дабудеть хартія истиною: таковъ былъ лозунгъ Людовика Филиппа и іюльской революціи. Наслѣдственная перія было уничтожена: осталась лишь личная пожизненная перія. Камера депутатовъ нѣсколько расширилась, но все таки удержала свой плутократическій характеръ.

Въ февралѣ 1848 г. послѣдовалъ другой ударъ вулканической силы, котораго никто не могъ предвидѣть, никто не ожидалъ въ такомъ страшномъ видѣ.

Несмотря на то, что конституція, предшествовавшая 1848 году, была гораздо лучше послѣдовавшей за нею, и что всего важнѣе, заключала въ себѣ все данныя для улучшенія, она въ одинъ день была ниспровергнута отчаяннымъ меньшинствомъ предъ глазами изумленнаго большинства. Еще разъ демось сдѣлалъ попытку захватить верховную власть Франціи.

Представительная демократія первой революціи была восстановлена. Національное собраніе, которое, разбитое на партіи, безъ всякой пользы истощало свои силы въ нескончаемыхъ преніяхъ сломило и ограничило власть президента. Но инстинктъ народный опять обратился къ монархіи, и Наполеонъ снова сдѣлался побѣдителемъ и наслѣдникомъ демократіи. Онъ захватилъ личную власть, опираясь въ тоже времяна согласіе гражданъ.

Учрежденіе новой имперіи 2 декабря 1852 г. напоминаетъ собою не столько англійскую, сколько римскую государственную форму. Вообще наполеоновскія идеи о государствѣ имѣютъ рѣшительно романскій характеръ и потому сродны съ романскими элементами, которыхъ такъ много въ складѣ ума французовъ. Величіе и сила французскаго народа, который признанъ источникомъ всякой государственной власти, нашло полное

---

tion s'est prononcée en même temps contre la royauté et contre les institutions provinciales—elle a été à la fois républicaine et centralisante: un fait, dont les amis du pouvoir absolu se sont emparés avec grand soin.»

выраженіе въ конституціи 2-го декабря: конституція была представлена на обсужденіе народа; законодательный корпус поставленъ въ зависимость отъ его довѣрія; даже императорская власть выводилась изъ его воли¹. Императоръ отвѣтственъ передъ французскимъ народомъ Расположенію массъ къ принципу демократическаго равенства дано примѣненіе въ всеобщемъ правѣ выбора. На этомъ широкомъ основаніи покоится императорская власть въ блескѣ и величіи. Въ конституціи имперіи существуютъ только двѣ великія политическія силы: большинство народа и императоръ. Все, что занимаемъ средину между этими двумя силами, находится въ большой зависимости и имѣетъ лишь малую самостоятельность.

Министры отвѣтственны только предъ главою государства; участіе законодательнаго корпуса въ законодательствѣ имѣетъ болѣе отрицательный, нежели положительный характеръ; законодательный корпусъ можетъ остановить вредный или несправедливый законъ, но не имѣетъ права исправить его. Хотя сенатъ и составляетъ по своему назначенію аристократическую силу, которая защищаетъ народную свободу, охраняетъ конституцію и иногда даетъ инициативу реформъ, но сенаторы назначаются по волѣ императора и по свойству французскихъ партій и своему соціальному положенію почерпаютъ свою силу единственно въ императорской власти. Гармонія между массами и императоромъ тщательно охраняется отъ всякаго диссонанса, и потому оппозиція правительственныхъ мѣстъ и печати допускается лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Будущее рѣшить вопросъ: способно ли эта конституція, при которой снова возвысились въ Европѣ величіе и сила французскаго народа, — способна ли она и во дни мира къ свободному развитію лежащихъ въ ней зачатковъ и съумѣетъ ли она примирить средніе и высшіе классы образованнаго населенія, какъ она теперь удовлетворяетъ массамъ².

¹ Титуль: *par la grâce de Dieu et la volonté nationale Empereur des Français.*»

² Въ *Rêveries politiques* Принца Луи Наполеона, писанныхъ

Романскія страны. Перевороты, пережитыя французскимъ государствомъ со времени революціи, произвели важныя измѣненія и внѣ Франціи. Прежде всего они отозвались на романскихъ земляхъ. Подъ вліяніемъ французскаго оружія, въ Италіи основались республики по образцу французской. Въ послѣдствіи Наполеонъ учредилъ въ Италіи и Испаніи новыя зависимыя монархіи, по примѣру французской имперіи. Казалось, новая организація цѣлой Европы, должна выдти изъ Парижа. Но эфемерныя государства, основанныя французами, пали вмѣстѣ съ наполеоновскимъ владычествомъ.

По отношенію къ развитію конституціонной системы, большую важность имѣли двѣ конституціи, Сицилійская и Испанская, провозглашенныя въ 1812 году; но ихъ успѣхъ былъ минутный.

Конституція Сициліи, произведеніе англійскаго государственнаго чловѣка, лорда Бентинка, была сколкомъ съ англійскаго образца, съ тѣмъ однако различіемъ, что въ ней приняты въ соображеніе древніе аристократическіе сеймы изъ временъ норманновъ, и въ болѣе широкомъ объемѣ, нежели въ Англіи, приложены новыя теоріи раздѣленія властей. Законодательная власть вручена была парламенту, подъ которымъ разумѣлись не король, верхняя и нижняя палаты, какъ въ англійскомъ государственномъ правѣ, а только двѣ камеры. Съ этой точки зрѣнія замѣчательно, что рѣшенія парламента нуждались въ утвержденіи короля, какъ власти, стоящей внѣ его¹. Камера перовъ состоитъ изъ бароновъ и прелатовъ Сициліи. Впрочемъ король можетъ назначать новыхъ перовъ изъ дворянъ, владѣющихъ чистымъ доходомъ въ 6000 унцій. Нижняя палата состоитъ изъ выборныхъ народныхъ представителей. Право голоса и избираемость опредѣляются невысокимъ цензомъ.

Исполнительная власть вручается королю, но министры и тайные совѣтники его отвѣтственны предъ

въ 1832 году, находится проэктъ французскаго устройства, которое относится къ настоящей конституціи, какъ цвѣтъ юношескихъ идеаловъ къ зрѣлому плоду мужскаго возраста.

¹ Статьи 1, 2 и 14. Эта конституція издана въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Portfolio въ 1848 году.

парламентомъ въ отправленіи этой власти. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ король обязанъ спрашивать мнѣніе своего тайнаго совѣта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется даже согласіе парламента. Къ такимъ случаямъ относятся: наборъ войскъ въ Сициліи, поставленіе иностранцевъ на военныя должности, учрежденіе новыхъ должностей, назначеніе пенсіоновъ за услуги государству.

Судебная власть, хотя отправляется во имя короля, но какъ право вручается «единственно назначеннымъ по закону чиновникамъ». Отдѣльнымъ сицилійцамъ присвоено обширное право сопротивленія всякому не законному принужденію: цензура уничтожена для всѣхъ произведеній, за исключеніемъ богословскихъ, феодальныя права отмѣнены и т. п.

Эта конституція была, очевидно, подражаніемъ англійскимъ формамъ съ примѣсью теорій, провозглашенныхъ французскою конституціей 1791 года. Здѣсь также преобладаніе республиканскаго элемента ставило ее въ рѣзкое противорѣчіе съ монархическими традиціями. Дѣйствительно, настроенный въ духъ абсолютизма, дворъ бурбонскаго короля не могъ примириться съ конституціей; въ народѣ господствовали клерикальныя и якобинскія тенденціи; партіи вели упорную борьбу со всею страстностью южныхъ натуръ. При такомъ положеніи дѣлъ, возстановленный король неаполитанскій почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отмѣнить конституцію, которой онъ присягалъ (дек. 1816) и возстановить абсолютное правленіе. Но эта первая попытка соединить англійскія государственныя формы съ теоріями французской революціи и создать такимъ путемъ для Европы новое, конституціонное государственное право осталось образцемъ и для позднѣйшихъ подобныхъ опытовъ.

Изъ подобныхъ же теорій о конституціонномъ правѣ и раздѣленіи трехъ властей истекаетъ весьма подробная конституція 18 марта 1812 года, данная Испанской націи регентствомъ и кортесами во время плѣна короля и господства французовъ въ Испаніи и признанная союзными англичанами. Образцемъ для кортесовъ послужила французская конституція 1791 года. Не смотря однако на

провозглашеніе верховной власти народа, права короля признаны въ широкомъ объемѣ. Королю вручена законодательная власть въ соединеніи съ кортесами (ст. 15), а также надзоръ за правосудіемъ. Впрочемъ король можетъ быть принужденъ къ санкціи законовъ нѣсколько разъ повтореннымъ требованіемъ кортесовъ (ст. 149). Эта конституція отличается отъ англійской тѣмъ, что не признаетъ аристократической камеры перовъ, какъ посредствующей власти, а противопоставляетъ королю одно собраніе кортесовъ, какъ выборныхъ народныхъ представителей ¹.

По освобожденіи, король самовластно отмѣнилъ эту конституцію (4 мая 1814) и началъ преслѣдованіе противъ главныхъ вождей кортесовъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ старыми и новыми опытами въ абсолютномъ правленіи Бурбоновъ, были причиною того, что конституція 1812 года, несмотря на недостатки ея и на общее равнодушіе, съ которымъ она была принята сначала, сдѣлалась популярною послѣ ея отмѣны и вызвала неоднократно попытки ввести ее силою. Даже Estatuto Real 1834, который далъ Испаніи все таки представительное устройство, не удовлетворилъ народа. Королева-правительница вынуждена была въ 1836 года признать конституцію 1812 года, а въ 1837 году принесена была торжественная присяга новой испанской конституціи, которая была устроена на началахъ прежней съ нѣкоторыми дополненіями изъ Estatuto Real 1834 года. Въ этой видоизмѣненной конституціи санкція законовъ королемъ признана безъ всякихъ ограниченій и введена система двухъ камеръ (сенатъ и камера депутатовъ) ². Исправленная подъ вліяніемъ французовъ конституція 1845 года существуетъ донинѣ и приближается къ французской хартіи 1830 года ³.

---

¹ Означенная конституція издана въ нѣмецкомъ переводѣ у Pölitz 11, стр. 263 и слѣд., и у Schubert Verf 11, стр. 44 и слѣд. Ср. въ особенности прекрасное изложеніе Баумгартена въ Исторіи XIX в. Гервинуса т. IV.

² Bülow. Europ. Verf. Seit 1828. стр. 221.

³ Schubert Verf. 11 стр. 115 и слѣд. и стр. 116 и слѣд.

Подражаніемъ испанской была португальская конституція 1822 г. которая, впрочемъ, также не имѣла прочности. Въ 1826 году король Донъ-Педро далъ странѣ новую конституцію, въ которой монархической принципъ болѣе сохраненъ, нежели въ первой и, по аналогіи съ англійскою формою и французскою хартіей, наряду съ палатой депутатовъ поставлена палата перовъ изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ перовъ. Эта конституція говоритъ о четырехъ властяхъ: 1, законодательной, принадлежащей кортесамъ при санкціи короля; 2, посредствующей (*moderador*), которая вручается королю, какъ верховному главѣ націи, для поддержанія равновѣсія и гармоніи прочихъ политическихъ силъ; 3, исполнительной, ввѣренной королю вмѣстѣ съ министрами, и 4, судебной, предоставленной независимымъ судамъ¹.

Даже послѣ пораженія абсолютистической партіи Донъ-Мигуеля, нехотѣвшей знать ни той, ни другой конституціи, остались двѣ партіи, которыя съ переменнымъ счастьемъ спорили между собою о господствѣ: одна демократическая державшаяся конституціи 1822 года, другая хартистовъ, отстаивавшая хартію 1826 года. Въ 1838 г., произошелъ пересмотръ конституціи, послѣ котораго сенаторское званіе изъ наслѣдственнаго превратилось въ выборное на извѣстные періоды, и отмененъ государственный совѣтъ². Впрочемъ даже въ настоящее время масса народа мало сочувствуетъ конституціи. Такія же колебанія и перевороты, какъ метрополія, испытала и Бразилія, величайшее изъ американскихъ государствъ-колоній Португаліи.

Италія мало-помалу страхнула съ себя унизительное иго абсолютной власти. Если даже конституціи Наполеоновскихъ королевствъ въ Италіи и Неаподѣ были не болѣе какъ ограниченное самодержавіе, то возстановленный абсолютизмъ долженъ былъ все таки возбудить всеобщее неудовольствіе. Тайные заговоры и

---

¹ Ст. 11, 13, 71, 75, 118 конст. 1826. Объ конституціи у Pölitz 11, стр. 299 и слѣд., послѣдняя у Schubert, Verf. 11, стр. 148.

² У Schubert Verf 11. ст р. 173.

открытыя возстанія боролись съ страшными реакціями. Стремленія народовъ подавлялись вмѣшательствомъ иностранной военной силы. Когда король неаполитанскій въ 1820 году вынужденъ былъ дать своей странѣ испанскую конституцію 1812 года, австрійскія войска возстановили старинный деспотизмъ. Движенія тридцатыхъ годовъ также имѣли не много успѣха. Громадной силѣ Австріи, съ которою итальянскія династіи находились въ связи, всегда удавалось подавлять попытки къ введенію конституціонной монархіи.

Въ сороковыхъ годахъ духъ реформы получилъ въ Италіи большую силу, соединившись съ стремленіемъ народа къ освобожденію отъ чужеземнаго владычества. Уже въ 1847 году вся Италія находилась въ сильномъ возбужденіи, къ которому относился съ сочувствіемъ даже новый папа Пій IX. Еще прежде чѣмъ въ Парижѣ вспыхла революція, низвергнувшая королевство Людовика Филиппа, король неаполитанскій Фердинандъ II и піемонтскій король Карлъ Альбертъ вынуждены были ввести конституціонную форму правленія. Но первый, несмотря на то, что во имя Тріединого Бога, обѣщаль честно и прямодушно вступить на новый путь политическаго порядка¹, едва миновалась опасность, поспѣшилъ нарушить конституцію. Неоднократное клятвопреступленіе имѣло для неаполитанской династіи то послѣдствіе, что когда сынъ Фердинанда, Францъ II, вынужденный обстоятельствами, снова рѣшился ввести конституціонную монархію, то ему никто не повѣрилъ, и династія была изгнана.

Иной оборотъ приняли дѣла въ Піемонтѣ. Объявивъ себя, 6 февраля 1848 года, на сторонѣ введенія представительной системы, по образцу французской хартіи 1830 года², савойскій королевскій домъ съ рѣдкимъ постоянствомъ оставался вѣренъ конституціи. Карлу Алберту, правда, не удалось соединить подъ своимъ скипетромъ итальянское государство. Побѣды Ра-

---

¹ Объявленіе 8 февр. 1848 въ Portfolio 1. стр. 64.

² Слова конституціоннаго акта, напечатаны въ Portfolio 1 стр. 53 и слѣд.

децкаго заставили смолкнуть его національную гордость и, можетъ быть, сохранили Италію отъ наплыва еще несозрѣвшей демократіи. Но даже въ то время, когда реакція праздновала въ Италиі свой триумфъ, новый король Викторъ Эммануилъ остался вѣренъ конституціи. Удивительнымъ успѣхамъ въ 1859 и 1860 годахъ, Викторъ Эммануилъ обязанъ главнымъ образомъ довѣрію итальянскаго народа къ его честному конституціонному образу мыслей, расположившему его передать все управленіе въ руки министра, великаго государственнаго челоуѣка, благороднаго Кавура. Съ тѣхъ поръ какъ Италія принадлежитъ итальянцамъ, новое королевство твердо держится конституціонной монархіи, и даже республикански настроенныя партіи, по примѣру Гарибальди, признаютъ эту форму необходимою для Италиі въ настоящее время.

Бельгія составляетъ переходъ отъ романскихъ къ германскимъ государствамъ. Ея конституція 1831 года есть подражаніе французской хартіи 1830 года, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе проникнута демократическимъ характеромъ, нежели послѣдняя. Объ этомъ свидѣтельствуютъ: положеніе, что всѣ власти происходятъ отъ народа, причемъ, впрочемъ, нужно замѣтить, что Бельгія не имѣла своей монархической династіи, а должна была призвать ее, отрицаніе всякаго сословнаго различія (ст 6), широкое право голоса для палатъ и т. д. Система двухъ палатъ хотя и удержана, но первая изъ нихъ или сенатъ избирается навремя, и притомъ тѣми же самыми избирателями, которые назначаютъ депутатовъ (впрочемъ и королю предоставлено право назначать сенаторовъ); различіе въ томъ только, что для сенаторовъ постановлены высшія условія относительно возраста и имущества. Бельгія, мудро управляемая королемъ Леопольдомъ Кобургскимъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ достоинства государственнаго челоуѣка, осталась почти свободною отъ потрясеній европейской революціи 1848 года, и съ тѣхъ поръ значительно увеличила свое благосостояніе¹.

---

¹ Много интереснаго замѣчаетъ въ себѣ исторія основанія конституціонной монархіи, въ Бельгии von Theodor Juste. 1850, II томъ.

IV Германскія государства внѣ Германіи.

Конституціонная система развивалась своеобразнымъ путемъ на Скандинавскомъ сѣверѣ, преимущественно въ Швеціи. Съ XVI столѣтія въ Швеціи существовалъ государственный сеймъ раздѣлявшійся на четыре сословія, изъ которыхъ каждое владѣло однимъ голосомъ. Сюда относились: рыцарство и дворянство, духовенство, горожане и крестьяне. Послѣднія два сословія составляли опору королей противъ дворянства, которое, кромѣ сейма, имѣло еще въ своихъ рукахъ важный органъ, государственный совѣтъ (министерство), замѣщавшійся исключительно изъ среды его. Уже Густавъ III устранить этотъ персѣвъ аристократіи, угрожавшій прочности трона и безопасности страны, открывъ (въ 1789) лицамъ недворянскаго происхожденія доступъ къ высшимъ должностямъ, за исключеніемъ, впрочемъ, и самыхъ значительныхъ и почетныхъ государственныхъ и придворныхъ должностей.

Шведская конституція 7 Юня 1809¹ есть дальнѣйшее развитіе прежней конституціи 1773 г.² Въ ней съ большею подробностью и тщательностью, нежели въ прочихъ конституціяхъ новаго времени, обработаны учрежденія королевскаго государstvenнаго совѣта и четырехъ государственныхъ секретарей. Доступъ даже въ эти должности не ограничивается болѣе однимъ кругомъ дворянства. Государственные сословія, безъ содѣйствія и согласія которыхъ король не можетъ ни измѣнять конституціи, ни издавать законовъ, ни налагать новыя подати, по прежнему раздѣляются на четыре сословія. Въ обыкновенныхъ случаяхъ рѣшеніе, принятое тремя сословіями, считается обязательнымъ для четвертаго, но для законовъ, измѣняющихъ конституцію, требуется согласіе всѣхъ четырехъ сословій и короля.

Эта конституція во многихъ отношеніяхъ приближается къ сословнымъ учрежденіямъ, существовавшимъ въ Германіи въ средніе вѣка. Но такъ какъ при подо-

¹ Schubert, Verf. 11 Стр. 368.

² Schubert, Verf. 11 Стр. 349.

бномъ дѣленіи сейма на четыре отдѣла трудно установить единство народной воли, то неудивительно, что государственное устройство Швеціи не нашло себѣ сочувствія и подражанія внѣ ея предѣловъ, не смотря на то, что въ прочихъ отношеніяхъ оно имѣетъ преимущество предъ многими другими, новѣйшими системами. Въ настоящее время, впрочемъ, и въ Швеціи правительство и сословія готовятся ввести новѣйшее представительное устройство съ двумя палатами.

Гораздо болѣе демократическаго характера въ Норвежской конституціи 4 Ноября 1814 года. Король шведскій, по мирному трактату признанный королемъ и Норвегіи, былъ вынужденъ обстоятельствами признать конституцію въ томъ видѣ, какъ она весной того же года была утверждена норвежскимъ сеймомъ для обезпеченія независимости страны и свободы гражданъ Законодательная власть вручается народу и отправляется «стортингомъ». (Storting) Король хотя и имѣетъ право санкціи, но если законъ, не принятый имъ, три раза будетъ одобренъ стортингомъ, онъ не можетъ отказать въ утвержденіи. Весь стортингъ составляется изъ норвежскихъ гражданъ, (по большей части землевладѣльцевъ, посредствомъ выбора), но затѣмъ рздѣляется на двѣ палаты, такъ называемый Lagthing и Odelsting; Исполнительная власть принадлежитъ королю съ отвѣтственностью его совѣта. Неоднократныя попытки расширить королевскую власть и ввести политическую аристократію были напрасны. Демократія свободныхъ крестьянъ и горожанъ упорно сопротивлялась обѣимъ тенденціямъ, а стремленіе норвежцевъ къ независимости отъ шведовъ укрѣпляло это сопротивление¹.

Датская революція 1660 года была направлена противъ дворянства и съ помощью горожанъ ввела абсолютную монархію. Но и Данія въ настоящемъ столѣтіи превратилась въ конституціонную монархію, сначала въ неудовлетворительной формѣ провинціальныхъ сеймовъ (законъ 28 Мая 1831 г.), а затѣмъ по основному закону 5 Іюня 1849 въ демократическомъ направленіи.

---

¹ Schubert, Verf. II стр. 404 и слѣд.

Споры за государственное устройство между датчанами и нѣмцами относятся не столько къ противоположности конституціонныхъ формъ, сколько къ противоположности національностей.

Подобнымъ же образомъ введена конституціонная монархія и въ новоучрежденномъ Нидерландскомъ Королевствѣ, которое послѣ распадѣнія наполеоновской имперіи заняло мѣсто древней республики Соединенныхъ Штатовъ и позднѣйшаго наполеоновскаго голландскаго королевства. (Конституція 28 Марта 1814 г. и по присоединеніи Бельгіи 24 Августа 1815). Новая Конституція 14 Октября 1848 была дальнѣйшимъ шагомъ въ томъ же направленіи. Въ послѣднее время конституціонный духъ совершенно укрѣпился въ Голландіи.

V. Нѣмецкія государства.

Родоначальникомъ новой представительной монархіи на континентѣ нужно считать короля прусскаго Фридриха Великаго. Если бы онъ былъ лучше понятъ народами и взятъ за образецъ государями, то переходъ отъ абсолютной государственной формы къ конституціонной совершился бы легче. Никто съ такою энергіею какъ онъ, не возставалъ противъ мысли, что король есть господинъ государства, никто не высказывалъ такъ опредѣленно, что королевское достоинство есть только государственная должность, а король не болѣе, какъ верховный служитель государства. Если при подобномъ образѣ мыслей онъ не возобновилъ древняго сословнаго устройства и не ввелъ новой конституціонной формы, а напротивъ удержалъ наследственную абсолютную власть, то это объясняется политической незрѣлостью народа и громаднымъ личнымъ превосходствомъ Фридриха надъ его современниками. Воспитавъ народъ своимъ законодательствомъ, онъ ограничилъ королевскую власть и подготовилъ организованную свободу.

Французская революція, наполнивъ государей страхомъ и ненавистью, а народы расположивъ къ радикальнымъ крайностямъ, отклонила отъ того пути, который указалъ великій король.

Конституціи, введенныя въ періодъ Рейнскаго Союза, преимущественно по настоянію протектора его На-

полеона I-го, могли служить переходными ступенями къ конституціонной монархіи. Въ нихъ устранены остатки древнихъ земскихъ сеймовъ, основные законы собраны въ одинъ актъ, и обѣщано нѣкоторое, хотя весьма скудное и безсильное представительство поземельнаго владѣнія, промышленности и высшаго образованія.

Когда великая война за освобожденіе, для которой великодушно возстала вся нація, сломила чуждое владычество, наступила благопріятная минута ввести новое государственное устройство въ національномъ и свободномъ духѣ. Этому желали немногіе великіе государственные люди тогдашней Германіи, Штейнъ, Гумбольтъ и въ первое время даже Гарденбергъ. Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III открыто высказалъ свое расположеніе къ реформѣ. Но абсолютистскія симпатіи нѣмецкихъ династій, высшихъ круговъ общества, чиновническаго сословія были такъ могущественны, противуреволюціонное настроеніе такъ недовѣрчиво ко всѣмъ новымъ идеямъ и такъ увлечено романтическими фантазіями, политическое же образованіе народа такъ незрѣло, что въ Германскомъ Союзѣ и въ независимыхъ (и большихъ и среднихъ и малыхъ) монархіяхъ, на которыя раздѣлилась нѣмецкая нація, получилъ преобладаніе абсолютизмъ, лишь слегка ограничиваемый воспоминаніями о сословныхъ сеймахъ.

Какъ на исключенія, можно указать на предпринятые въ нѣкоторыхъ государствахъ попытки ввести нѣчто въ родѣ конституціонной монархіи, въ подражаніе французской хартіи, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, подъ вліяніемъ преданій о земскихъ сеймахъ. Прежде всѣхъ сдѣлало подобную, хотя и непрочную, попытку герцогство Нассау (конст. 2 сент. 1814). За нимъ слѣдовалъ Люксембургъ (конст. 24 Авг. 1815) и особенно великое герцогство Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахъ (5 Мая 1816), въ которомъ герцогъ Карлъ Августъ лично былъ преданъ свободной конституціи, что составляло тогда весьма рѣдкое явленіе.

Гораздо важнѣе было то, что южногерманскія центральныя государства, королевство Баварія (Конст. 26 Мая 1818) и Виртембергъ (25 Сент. 1819), гдѣ пра-

вительству нужно было преодолѣть сопротивленіе древнихъ земскихъ сеймовъ, а также великое герцогство Баденъ (22 Авг. 1818) перешли къ конституціонной монархіи, и въ ней нашли опору противъ гнета нѣмецкихъ великихъ державъ, управлявшихся въ абсолютномъ духѣ.

За ними послѣдовали королевство Ганноверское (17 Дек. 1819) Великое герцогство Гессенское (17 Дек. 1820) и Саксенъ-Мейнингенское (23 Авг. 1829).

Во всѣхъ этихъ конституціяхъ монархіи представлены были обширныя права. Опираясь на консервативную натуру нѣмецкаго народнаго характера, она могла быть гораздо прочнѣе, нежели во Франціи. Если бы только монархія съумѣла овладѣть идеями времени и идти впередъ въ либеральномъ направленіи, то ей было бы предоставлено управленіе общественными дѣлами съ такимъ довѣріемъ, какого нельзя встрѣтить нигдѣ.

При образованіи палатъ образцемъ послужили англійскія и французскія формы. Но первыя палаты были составлены преимущественно изъ поземельнаго дворянства, стремленія и взгляды котораго большею частію принадлежали отжившему порядку, и дополнены придворными чинами; поэтому первыя палаты никогда не могли дѣйствовать успѣшно и пріобрѣсти надлежащее значеніе. Напротивъ вторыя палаты были организованы менѣе плутократически, нежели во Франціи. Такъ какъ онѣ примыкали къ традиціоннымъ сословіямъ, то нѣмецкимъ конституціямъ того времени часто усвоилось названіе сословныхъ, а не представительныхъ. Но такое названіе невѣрно. Характеръ представительнаго устройства, въ противоположность средневѣковому сословному, состоитъ въ томъ, что сословныя различія народа уже не ставятся на первый планъ: представительство, даже будучи раздѣлено по сословіямъ и классамъ, есть все-таки національное, и выражаетъ собою единство народа и государства, а не раздробленіе его на отдѣльные интересы сословій. Этотъ принципъ ясно выраженъ, напримѣръ въ баварской конституціи 1818 года. **Выборные** должны были присягать, что они «по собственному убѣжденію будутъ обсуждать общее благо

всей страны, не обращая вниманія на отдѣльныя сословія или классы».

Развитію конституціонной монархіи въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій препятствовали двѣ великія германскія державы, которыя относились къ этой государственной формѣ съ явнымъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Въ Пруссіи стремленія къ реформѣ рассыпались въ прахъ. вмѣсто обѣщаннаго народнаго представительства даны были лишь провинціальныя сеймы, съ совѣщательнымъ характеромъ. Австрійское правительство оставалось при томъ убѣжденіи, что единство сложнаго государства можетъ быть поддержано лишь абсолютною властью. Вся дѣятельность Германскаго Союза была направлена къ охраненію такъ называемаго монархическаго принципа и полицейской опеки народовъ.

Французская революція 1830 года вызвала новыя движенія и въ Германіи. Она снова расположила цѣлый рядъ нѣмецкихъ государствъ, среднихъ и малыхъ, къ введенію у себя конституціонной системы. Курфиршество Гессенское получила 5 генв. 1830 года, конституцію, которая имѣла въ виду обезпечить народныя вольности противъ произвола государей; королевство Саксонское преобразовала свое устройство по образцу Баварскаго (4 сент. 1831); королевству Ганноверскому данъ былъ новый конституціонной основной законъ, который однако не былъ признанъ королемъ Эрнстомъ Августомъ, занявшимъ престолъ вскорѣ послѣ его изданія, и вступилъ въ силу лишь въ 1840 году, въ измѣненномъ видѣ.

Такимъ образомъ конституціонное право все распространялось въ Германіи, не смотря на то, что правительства нерѣдко уважали его болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ, — что усовершенствованное крючкотворство бюрократіи неоднократно портило его, и что партіи на сеймахъ и внѣ сеймовъ не мало злоупотребляли имъ и обезображивали его. Между тѣмъ двѣ великія нѣмецкія державы все еще относились къ нему съ антипатією.

Наконецъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV издалъ 3 февраля 1847 года патентъ, въ которомъ,

на началахъ провинціальныхъ сеймовъ, составлялся соединенный сеймъ (Landtag) для всѣхъ жителей Пруссіи. Въ кругъ дѣйствій сейма входили: совѣщаніе о мѣстномъ законодательствѣ, право вотировать новые налоги и право прошеній относительно внутреннихъ дѣлъ. Такимъ путемъ Пруссія перешла изъ абсолютной въ ограниченную монархію и значительно приблизилась къ нѣмецкимъ представительнымъ государствамъ. Начало новаго государственнаго развитія было положено. Нужно вмѣнить даже въ заслугу конституціи, что она при держивалась существующихъ отношеній и не ограничилась однимъ подраженіемъ общей формѣ конституціонной монархіи. Конечно, права сейма были поставлены очень скудно и неудовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что дана была возможность развитія; недостатки же конституціи могли мало-по-малу уничтожиться органическимъ образомъ въ связи съ постепеннымъ политическимъ воспитаніемъ народа. Къ сожалѣнію правительство пошло наперекоръ даже справедливымъ требованіямъ сейма, такъ что лишилось довѣрія самой умѣренной партіи. Когда политическій переворотъ 1848 г. потрясъ всю Европу, пало и прусское устройство. 5 окт. 1848 года, Пруссія получила новую конституцію, которая была большею частію дѣломъ демократической партіи, всплывшей наверхъ въ волнахъ революціи. Только съ помощью дарованнаго королемъ избирательнаго закона 30 мая 1849 г., удалось 31 генв. 1850 г. ввести исправленную конституцію, съ тѣхъ поръ потерпѣвшую еще нѣкоторыя существенныя измѣненія. Не смотря на важные недостатки, эта конституція открыла новый путь для государственной жизни Пруссіи¹.

Впрочемъ измѣнчивыя событія слѣдующихъ лѣтъ показали, что не смотря на принятіе формы конституціи, духъ ея не сразу нашелъ всеобщее признаніе. Аристократическая палата господъ, которая дала ходъ прежнимъ представителямъ абсолютизма и рыцарскаго романтизма, согласилась на нее съ неохотою. Коро-

---

¹ Текстъ у Цахарія. Die deutschen Verfassungsgesetze der Gegenwart стр. 74 и слѣд.

левской власти, привыкшей къ самостоятельности, было нелегко принаровиться къ измѣнившемуся положенію и проникнуться новымъ духомъ народнаго королевства. Но въ продолженіи упорной и ожесточенной борьбы между реформою и реакцію, абсолютизмомъ и народною свободою, новая конституція пустила глубокіе корни, и прусскіе граждане, долго время стоявшіе ниже южно-нѣмецкихъ въ политическомъ образованіи и чувствѣ свободы, быстро поднялись.

Революція 1848 года застала въ расплохъ и Австрію. Различные народы, которые дотолѣ связывались габсбургскою династіею, сдѣлали попытку отложиться, а въ центрѣ имперіи — Вѣнѣ, нѣкоторое время правило неопытное мечтательное юношество. Единство было лишь въ арміи, и нигдѣ больше; въ ней одной заключалась послѣдняя опора монархіи. Но побѣды арміи доставили австрійскимъ государственнымъ людямъ возможность снова овладѣть браздами правленія. Въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей предприняли они теперь построение новаго, тѣснѣе сплоченнаго государственнаго зданія. Дарованная конституція 4 марта 1849 г. была первою попыткой организациі государства на началахъ конституціонной монархіи. Но трудность соединить въ одномъ государственномъ собраніи различные народы, стоявшіе притомъ на различныхъ ступеняхъ культуры, казалась въ то время неодолимою. Притомъ, послѣ побѣжденнаго возстанія Венгріи слишкомъ сильна была потребность въ единой, диктаторской правительственной власти. Вотъ причина, почему эта конституція не вошла въ дѣйствіе. Такъ какъ прежде различныя австрійскія государства находили свое единство главнымъ образомъ въ царствующей династіи, то казалось, что и въ новое время единая государственная власть надъ всею соединенною имперіею можетъ быть ввѣрена только императору. Императорскимъ патентомъ 20 Августа 1851 г. было постановлено, что министры отвѣтственны лишь предъ трономъ; кабинетнымъ предписаніемъ 20 авг. 1851 г., государственный совѣтъ превращенъ въ совѣтъ короны; а патентомъ 31 декабря 1851 г. уничтожены конституціонное устройство и основныя

права 1849 г. Наконецъ кабинетнымъ предписаніемъ 31 дек. 1851 г. установлены совѣщательныя собранія, избираемыя изъ потомственныхъ дворянъ — землевладѣльцевъ, прочихъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ; въ сущности же возстановлена система абсолютной монархіи. Съ тѣхъ поръ абсолютная монархія правила Австрією съ помощію чиновничества, движущагося какъ машина, опираясь при этомъ въ духовномъ отношеніи на симпатію католическаго клира, а въ матеріальномъ на сильную армію,

Не разъ дѣлались попытки ввести и для германскаго союза, какъ цѣлаго, конституціонную монархію, которая въ 1848 году признана во всѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ единственною возможною монархическою формою государства. Такимъ путемъ конституція цѣлаго коллективнаго государства была бы приведена въ гармонію съ конституціями отдѣльныхъ государствъ. Но попытки эти встрѣчали всякій разъ преграду во внѣшнихъ трудностяхъ, въ недостаткѣ руководящихъ государственныхъ людей и политической незрѣлости націи. Союзный сеймъ, настроенный въ 1851 г. въ духѣ реакціи, благопріятствовалъ антиконституціонному движенію, которое съ этихъ поръ въ большей части нѣмецкихъ государствъ, и преимущественно въ двухъ великихъ державахъ, становилось все сильнѣе и сильнѣе. Въ конституціяхъ, которыя въ 1848 г. были щедрѣе на дарованіе правъ, произошло много реставрацій. Но все-таки это реакціонное движеніе не достигало той силы и размѣровъ какія имѣло радикально либеральное движеніе 1848 г. Съ 1858 г. абсолютистическая политика въ Пруссіи, Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ, курф. Гессенѣ и. т. д. потерпѣла цѣлый рядъ пораженій, и даже Австрія во время итальянской войны испытала все безсиліе бюрократіи, арміи и клира, — этихъ трехъ опоръ абсолютной политики. Императорское правительство снова увидѣло, что единственно—возможный путь къ избавленію отъ финансовыхъ затрудненій и политическаго застоя заключается въ представительномъ устройствѣ и преобразованіи абсолютной монархіи въ конституціонную. Императорскій дипломъ отъ 20 октября

1860 г. возвѣстилъ объ этомъ намѣреніи, а основной законъ 26 февраля 1861 года направленъ былъ къ приведенію его въ исполненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что огромная трудность соединить въ одномъ представительствѣ столь различные народы еще не обойдена. Восточная венгерская половина имперіи держитъ себя вдали отъ имперскаго сейма, и требуетъ востановленія древней венгерской конституціи. Но ни нѣмцы, ни мадьяры, ни итальянцы не желаютъ уже абсолютной монархіи; даже славянскіе народы, находящіеся подъ австрійскимъ скипетромъ, не заявляютъ особенной приверженности къ прежней государственной формѣ. Такимъ образомъ вопросъ теперь уже не въ томъ: быть ли абсолютной или конституціонной монархіи, а въ томъ должно ли быть, единичное или двойственное коллективное государство?

Сведемъ теперь въ одно цѣлое результаты нашего изслѣдованія.

Въ новой Европѣ получила рѣшительный перевѣсъ система представительной или конституціонной монархіи. Почти во всѣхъ государствахъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ признается не только частное право гражданъ, но и политическія права народной массы и ея классовъ; представители ея призываются къ участию въ законодательствѣ. Европейская монархія не есть уже болѣе неограниченная и абсолютная власть, а представляетъ собою высшую юридическую силу, ограничиваемую правомъ подданныхъ.

Но въ другихъ отношеніяхъ формы конституціи еще весьма различны.

Въ Англіи королевская власть окружена могущественною аристократіею, фактическое же управленіе зависитъ не столько отъ индивидуальной воли короля, сколько отъ большинства въ палатахъ парламента и

отъ отвѣтственныхъ предъ нимъ министровъ. Но за то, нигдѣ на континентѣ нѣтъ столь вліятельной аристократіи. Тамъ напротивъ на ряду съ монархическимъ преобладаетъ демократическій элементъ; аристократическій же имѣетъ единственно умѣряющее и посредствующее значеніе. Континентальная борьба за конституцію состоитъ обыкновенно въ стремленіи этихъ могущественныхъ элементовъ отыскать правильное отношеніе другъ къ другу и цѣлому, случалось что одинъ элементъ получалъ исключительное значеніе, а другой совершенно подавлялся; но подавленный элементъ снова возставалъ отъ минутнаго паденія. Конституціонная монархія континента стремится очевидно къ органическому устройству, въ которомъ каждая часть общаго цѣлаго пользовалась бы принадлежащимъ ей правомъ, монархія, — полнотою власти и величіемъ, аристократическіе элементы — честью и авторитетомъ, демократія — миромъ и свободою,

Монархія составляетъ повсюду на континентѣ, преимущественно же во Франціи и Германіи, главную активную силу, и притомъ не только по внѣшней формѣ, но и по самому складу государственнаго организма. Неизмѣримая, но обыкновенно покоющаяся сила общественнаго мнѣнія только тогда служитъ ей преградой, когда она входитъ въ противорѣчіе съ инстинктами націи и ходомъ всемірной исторіи. При согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, монархія гораздо сильнѣе аристократіи, которая или какъ въ Германіи готова за извѣстныя выгоды быть ея слугою, или, какъ во Франціи ограничивается безсильнымъ ропотомъ; сильнѣе даже и представительства всего народа, которое желаетъ лишь контролировать правительство, а не управлять. Во Франціи монархія опирается болѣе на расположеніе народныхъ массъ; въ Германіи же частію на чиновничество, которое въ свою очередь ограничиваетъ монархію, частію на армію. Но до мирной организаціи демократіи еще дѣло не дошло нигдѣ, хотя вездѣ были опыты ея. Только тогда, когда будетъ достигнута эта цѣль, и когда династіи стряхнутъ съ себя средневѣковые предразсудки и проникнутся новымъ государственнымъ духомъ

только тогда многолѣтній споръ разрѣшится. Тогда только прочно утвердится новая ограниченная монархія призванная сочетать единство цѣлаго съ свободою всѣхъ частей, и привести въ гармонію романскій государственный духъ съ германскимъ чувствомъ свободы.

Примѣчаніе. Въ 1852 г. Густавъ Циммерманъ, котораго позднѣйшая дѣятельность въ Ганноверѣ приняла такой печальный характеръ для государей и народа, издалъ сочиненіе: *Die Vortrefflichkeit der constitutionellen Monarchie für England und die Unbrauchbarkeit der constitutionellen Monarchie für die Länder des europäischen Continents*¹. Въ этомъ сочиненіи, которое нашло себѣ сочувствіе въ высшихъ кругахъ общества, а образованными средними классами встрѣчено было съ всеобщимъ негодованіемъ, авторъ ясно высказался о темѣ, заключающейся въ заглавіи. Я смотрю на сочиненіе Циммермана, какъ на абсолютистическое дополненіе къ болѣе богатой радикальной литературѣ о конституціонной монархіи. Подобно послѣдней, и Густавъ Циммерманъ, составилъ понятіе объ англійской конституціи исключительно на основаніи ея внѣшнихъ формъ и правилъ. Правда, нельзя отказать въ справедливоети той мысли автора, что это извлеченное имъ понятіе неприменимо на континентѣ, ибо въ Англии внутреннія противорѣчія и недостатки его умѣряются и исправляются историческимъ вліяніемъ и интересами господствующей аристократіи, на континентѣ же недостатки эти напротивъ увеличиваются вслѣдствіе демократическаго примѣненія началъ конституціи. Но парламентарный конституціонализмъ Англии отнюдь не должно смѣшивать съ идеею конституціонной монархіи. Онъ представляетъ собою не болѣе какъ первую грандіозную, и не смотря на логическіе недостатки счастливую попытку осуществленія идеи, но никакъ не окончательное выполненіе ея. Можно соглашаться съ непремѣнностью на континентѣ англійскаго парламентаризма, и въ тоже время доказывать приложимость конституціонный мо-

---

¹ Превосходство конституціонной монархіи для Англии и ея непригодность для странъ европейскаго континента.

нархіи, т. е. такой монархіи, которая признаетъ, что политическія права ея, равно какъ управляемыхъ народныхъ классовъ, опредѣлены и ограничены конституціею, и что въ особенности въ законодательствѣ должны находиться въ взаимодѣйствіи всѣ части народнаго организма. Органическая монархія есть необходимо конституціонная, потому что самъ организмъ есть конституція. Что Густавъ Циммерманъ, при всемъ своемъ остроуміи, въ подробностяхъ вовсе не понимаетъ новаго государственнаго сознанія, это ясно видно изъ тѣхъ весьма многихъ мѣстъ его сочиненія, въ которыхъ онъ называетъ правительственную власть собственностью государей. Становясь на эту средневѣковую точку зрѣнія, онъ впадаетъ въ враждебное противорѣчіе со всѣмъ движеніемъ новаго времени. На мелкомъ мѣстѣ онъ еще можетъ нѣкоторое время противостоятъ потоку, но едва волны сдѣлаются выше, онъ обрывается и тонетъ вмѣстѣ съ тѣмъ хрупкимъ зданіемъ, которое онъ построилъ на водѣ. Ни въ чемъ наше время такъ ясно и рѣшительно неубѣждено, какъ въ томъ, что государственная власть есть публичное право и публичная обязанность, т. е. принадлежитъ политическому бытію и жизни цѣлаго народа, и что поэтому она никакъ не можетъ быть собственностью отдѣльнаго лица самого по себѣ, т. е. частнымъ правомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Ложныя представленія конституціонной монархіи.

Почти всѣ цивилизованныя страны Европы обратились теперь къ конституціонной монархіи, надѣясь найти въ ней разрѣшеніе оставленнаго средними вѣками противорѣчія между раздробленіемъ и застоємъ государства съ одной стороны и абсолютною монархіей, съ другой, а также примирить различныя политическія стремленія и направленія нашего времени, въ особенности же демократію и монархію. Поэтому разъясненіе

основныхъ началъ конституціонной системы имѣетъ не посредственно практическій интересъ.

Съ этою цѣлію устранимъ прежде всего неправильныя понятія о конституціонной монархіи.

1. Французская революція въ первые годы хотѣла осуществить ту мысль Руссо, что въ государствѣ существуютъ лишь двѣ власти: власть воли, — законодательная, и власть физической силы, — исполняющая волю. Народъ желаетъ, король исполняетъ. Этотъ принципъ считался въ то время сущностью конституціонной монархіи ¹.

Эта мысль противопоставляетъ королю народъ, и дѣлая короля простымъ служителемъ чуждой для него

---

¹ Rousseau., Contr. Soc. III, 1: «Toute action libre a deux causes, qui concourent á la produire, l'une morale, savoir la volonté, qui determine l'acte, l'autre physique, savoir la puissance qui l'exécute. Le corps politique a les mêmes mobiles, ou y distingue de même la force et la volonté; celle-ci sous le nom de puissance législative, l'autre sous le nom de puissance executive.» Mirabeau, рѣчь 1 Сент. 1789: «Deux pouvoirs sont nécessaires a l'existence et aux fonctions du corps politique; celui du vouloir et celui d'agir. Par le premier la société établit les règles qui doivent la conduire au but qu'elle se propose, et qui est incontestablement le bien de tous. Par le second ces règles s'exécutent, et la force publique sert a faire triompher la société des obstacles que cette exécution pourrait rencontrer dans l'opposition des volontés individuelles.— Chez une grande nation ces deux pouvoirs ne peuvent être exercés par elle-même; de là la nécessité des représentants du peuple pour l'exercice de la faculté de vouloir, ou de la puissance législative; de là encore la nécessité d'une autre espèce des représentants pour l'exercice de la faculté d'agir ou de la puissance executive». Тьеръ, hist. de la revol. franc. 1. стр. 97: «La nation veut, le roi fait,» les esprits ne sortaient pas de ces éléments simples, et ils croyaient vouloir la monarchie, parce qu'ils laissaient un roi comme exécuteur des volontés nationales. La monarchie réelle telle qu'elle existe même dans les états libres est la domination d'un seul, à laquelle on met des bornes au moyen du concours national.— Mais de l'instant que la nation peut ordonner tout ce qu'elle veut sans que le roi puisse s'y opposer, par le véto, le roi n'est plus qu'un magistrat. C'est alors la république avec un seul consul au lieu des plusieurs. Le gouvernement de Pologne quoiqu'il y eut un roi, ne fut jamais nommé une monarchie.

и возникшей безъ его содѣйствія народной воли, уничтожаетъ понятіе монархіи. Паденіе короля Людовика XVI и провозглашеніе яacobинской республики были, конечно, слѣдствіемъ историческихъ событій, но въ то же время составляли естественный выводъ изъ этого принципа конституціи.

Если же представлять короля не подчиняющимся законодательной власти, изъ которой онъ исключается, а стоящимъ рядомъ съ этою властію, то въ такомъ случаѣ нарушается необходимое единство государства, и мы получимъ чудовище съ двумя головами, никуда негодную діархію (двуначаліе)¹, которая или разорветъ государство на нѣсколько частей, или сама уступитъ монархическому или республиканскому принципу.

2. Въ противоположность этому извращенному пониманію, Сіейсъ въ своей конституціи указывалъ главѣ государства покоящееся положеніе, и видѣлъ въ этомъ новое развитіе конституціонной системы. Надъ такою доктриною Наполеонъ, высказалъ приговоръ въ слѣдующемъ знаменитомъ изреченіи: «какъ могли вы вообразить, что человѣкъ съ нѣкоторымъ талантомъ и нѣкоторымъ честолюбіемъ приметъ на себя роль жирной свиньи, которую кормятъ парю миллионъ»².

3. Нерѣдко сущностью конституціонной формы признавалась та мысль, что король, хотя имѣетъ право владычествовать и управлять, но приложеніе этого права принадлежитъ не ему, а министрамъ. Фактически такое отношеніе могло, и даже можетъ, существовать въ нѣкоторыхъ странахъ. Но признать его за принципъ и за государственную форму значило бы отказаться отъ монархіи и ввести республику. Человѣкъ, за которымъ признано какое либо право, но навсегда отнята возможность прилагать его, навѣрно потеряетъ и реальное содержаніе права, и тогда конечно не обойдется и

¹ Раздвоеніе, которое необходимо заключается въ подобной діархіи, уже въ то время понято было во Франціи демократически-республиканскою партією и обращено для совершеннаго уничтоженія королевской власти.

² Las Cases Mem. IV.

безъ того, что у такого человѣка будетъ отнято и названіе права въ пользу того, кто прилагаетъ его. Средне-вѣковые вассалы и крѣпостные крестьяне, къ которымъ перешло приложеніе права поземельной собственности, приобрѣли современемъ и самую собственность, какъ *dominium utile*. Въ послѣдствіи же прежніе господа, невозвратно потеряли и самый титулъ высшей собственности. Когда каролингскіе маіордомы приобрѣли королевскую власть Меровинговъ, то у послѣднихъ не сохранился и самый королевскій титулъ. Потому какъ скоро правительственная власть будетъ отнята отъ короля и юридически передана министрамъ, то правленіе въ сущности будетъ принадлежать республиканскому совѣту, королевская же власть сдѣлается формою¹. Какъ скоро во главѣ государства стоитъ одинъ символъ, вмѣсто живой и дѣятельной личности, то такое устройство можно назвать идеократіею, но уже никакъ не монархіею.

4. Поэтому ни съ чѣмъ несообразна та мысль, что въ конституціонной монархіи все равно, кто бы ни былъ королемъ, будетъ ли это превосходная личность или незначительная, умный или ограниченный человѣкъ, благородный характеръ или злодѣй. Конституціонно-монархическая государственная форма заботится не только о томъ, чтобы король дѣлалъ какъ можно меньше зла, но и о томъ, чтобы получить отъ него какъ можно больше добра. Только въ этомъ смыслѣ она ограничиваетъ короля. Она знаетъ, что король — человѣкъ и что избытокъ власти портитъ даже лучшихъ людей. Но она не желаетъ дѣлать короля куклою въ рукахъ министровъ. Она не хочетъ у лица, занимающаго высшее положеніе въ государствѣ, отрицать достоинствъ человѣка чрезъ отрицаніе человѣческихъ его качествъ, Она не хочетъ лицу, владѣющему высшимъ политическимъ правомъ, предоставлять наименьшую долю политической свобо-

---

¹ При такихъ условіяхъ радикально-демократическая партія въ 1848 году имѣла полное право назвать въ своей программѣ «конституціонное королевство» «синекурою» «изношенною шляпою» и говорить, что вся задача его состоитъ только «въ поставленіи перваго министра и заботахъ о произведеніи наследника».

ды. Какъ можно представить себѣ любовь, благоговѣніе, вѣрность къ монарху, если все равно, заслуживаетъ ли монархъ ихъ своею личностью или нѣтъ, даже способенъ или нѣтъ понять преданность и уваженіе народнаго, и отвѣчать на нее? Послѣдовательное проведеніе этого ложнаго принципа должно было бы привести къ тому положенію, что чѣмъ ограниченнѣе и слабѣе государь, чѣмъ меньше онъ имѣетъ ума и собственной воли, тѣмъ лучшимъ онъ можетъ быть конституціоннымъ монархомъ¹. Неужели такая форма могла бы удовлетворить стремленію народовъ къ благоустроенному государственному порядку?

Чтобы защитить это бессмысленное представленіе, ссылались нерѣдко на примѣръ Англіи. Но и въ Англіи личность монарха не составляетъ дѣла второстепенной важности².

5. Знаменитое изрѣченіе Тьера: *Le roi règne, mais il ne gouverne pas* (король царствуетъ, но не управляетъ) мы также не можемъ считать правильнымъ выраженіемъ конституціонно — монархическаго принципа. Вѣдь даже ловкому министру не удалось практически приложить это изрѣченіе въ отношеніи къ королю Людовику Филиппу. Не отъ того же, конечно, король палъ, что онъ хотѣлъ не только царствовать, но и править. Преемникъ его, императоръ Наполеонъ, тѣмъ именно и пріобрѣлъ расположеніе, что самъ правилъ государствомъ.

Выраженіемъ царствовать обозначаются обыкновен-

---

¹ Даже Гегель, *Rechtsph.* Стр. 280. заходитъ слишкомъ далеко, полагая, что задача монарха состоитъ въ томъ, чтобы сказать «да» (Ja) и поставить надъ J точку. Онъ можетъ сказать не одно «да, а и «нѣтъ», можетъ дать не «формальное только рѣшеніе», а и «реальное». Онъ не только рѣшаетъ, но и возбуждаетъ дѣятельность, вмѣшивается въ дѣла, гдѣ это нужно. I. H. Fichte, *Beitrag zur Staatslehre*: въ такомъ случаѣ, совершенно пустоголовый правитель былъ бы идеальнымъ.

² Сомнѣвающимся въ этомъ, пусть прочтетъ «Государственныхъ людей» Брума. (Brougham), тогда онъ убѣдится, что и въ Англіи существуетъ личное взаимодействіе между индивидуальностями монарха и его министровъ, и что совершенно ошибочно полагать будто на волю монарха не обращаютъ вниманія. Ср. выше. Гл. 21, прим. 3.

но формальныя права королевскаго величества; словомъ же править практически реальное верховное завѣдываніе государственною политикой. Оба эти права принадлежатъ главѣ государства, и лишать его приложенія послѣдняго важнѣйшаго права (одно формальное участіе есть отнятіе существеннаго участія), значитъ разрушать самую сущность королевской власти. «Rex est qui regit.»

Слово править (*gouverner*) не нужно смѣшивать съ словомъ управлять (*administrer*). Нельзя, безъ сомнѣнія, допустить, чтобы король постоянно занимался мелочными подробностями дѣлъ, касающихся собственно управленія; отъ такого рода дѣятельности высшее правленіе государствомъ выигрываетъ не много.

6. Нѣкоторые, исходя отъ идеи народнаго владычества, полагали сущность конституціонной монархіи въ томъ, чтобы монархъ управлялъ по волѣ и въ духѣ народнаго большинства. Это мнѣніе явно уничтожаетъ существованіе монархіи и ведетъ къ преобладанію демократическихъ идей. Демократія есть владычество народнаго большинства. Что же касается монархіи, то одно изъ главныхъ ея преимуществъ состоитъ въ охраненіи свободы и правъ меньшинства отъ притязаній большинства. Если монархъ будетъ лишь повѣреннымъ и слугою большинства, если такимъ образомъ власть въ государствѣ будетъ принадлежать большинству, то такой образъ правленія составитъ уже не монархію, а демократію. Конечно, во главѣ подобной демократіи останется повидимому монархъ, но монархъ этотъ можетъ продолжать свою, чуждую всякой самостоятельности, жизнь лишь дотолѣ, пока демократія будетъ находить удобнымъ скрывать свою силу¹.

---

¹. Такую именно попытку сдѣлало французское національное собраніе 1787 г. Тьеръ очень удачно говоритъ о немъ (*révol française* II. стр. 198): «elle était démocratique par ses idées et monarchique par ses sentiments. Событія показали несостоятельность подобнаго положеній. Во Франціи могущественная демократія уничтожила безсильное королевство 1791.»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

3. Монархическій принципъ и понятіе конституціонной монархіи.

Конституціонная монархія стремится быть истинною монархіею, а не кажущеюся.

Въ чемъ же состоитъ сущность монархіи? Въ томъ, безъ сомнѣнія, что она олицетворяетъ государственное величіе и государственную власть въ одномъ индивидѣ. Отъ теократіи она отличается тѣмъ, что въ ней право владычества приписывается монарху само по себѣ, тогда какъ въ первой государь признается представителемъ Бога, которому собственно принадлежитъ власть. Отъ республикъ же, имѣющихъ во главѣ дожа или президента, монархія отличается тѣмъ, что республиканскій глава вынужденъ смотрѣть на аристократическое меньшинство или демократическое большинство, какъ на верховную власть, а на себя какъ на представителя и служителя ея; монархъ же не подчиняется этимъ силамъ, а самъ есть самостоятельный носитель правительственной власти. Государственный авторитетъ получаетъ въ монархіи высшее индивидуальное выраженіе, въ противоположность коллективному республиканскому выраженію. Монархъ есть государственное лицо въ высшемъ смыслѣ слова.

Въ приведенномъ опредѣленіи нужно отличать двѣ стороны, которыя обѣ должны быть на-лицо, когда идетъ рѣчь о монархіи:

I. Личное высокое положеніе главы государства, какъ индивидуальнаго представителя и органа государственной власти.

II. Сосредоточеніе въ немъ государственнаго величія и высшей государственной власти. Инициатива и санкція, — вотъ два полюса дѣятельности государя.

1. Съ первымъ принципомъ легко мирятся:

1) Ограниченіе монарха представительствомъ прочихъ составныхъ частей народа въ законодательствѣ,

и 2) Обязанность монарха обращаться къ содѣйствію министровъ при обыкновенномъ исполненіи правительственныхъ правъ и обязанностей. Какъ ни высоко стоятъ другіе члены народнаго организма, но монархъ все-таки стоитъ выше ихъ; и потому, если конституція заботится о томъ, чтобы индивидуальная воля монарха была истинною государственною волею, а не эгоистическимъ произволомъ, то этимъ только облегчается исполненіе задачи монарха, и его государственный авторитетъ охраняется отъ нападковъ и паденія.

Но съ даннымъ опредѣленіемъ не мирятся:

1) Представленіе, что монархъ есть лишь идолъ, — одна форма, а не живое существо.

2) Устройство, въ которомъ монархъ подчиненъ народному представительству или министрамъ, и можетъ быть вынужденъ проявлять волю, которой онъ не имѣетъ и дѣйствовать, какъ онъ не хочетъ.

Такъ какъ верховная власть принадлежитъ лицу монарха, то онъ пользуется свободою и правомъ личности¹. Его личность принадлежитъ государству, хотя не во всѣхъ отношеніяхъ и не вполнѣ, но преимущественно и въ большихъ размѣрахъ, нежели личность всякаго другаго человѣка. Онъ можетъ быть супругомъ, отцемъ, членомъ церкви, даже ученымъ или поэтомъ. Но во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ государственная воля должна чрезъ него возвышаться до степени индивидуальной воли. Монархическое государство придаетъ большое значеніе личной заботливости и энергіи монарха. Было бы ни съ чѣмъ не сообразно приписывать королю высшее право въ государствѣ, и въ то же время ставить его подъ опеку другихъ. Не палаты творятъ законъ, а напротивъ монархъ придаетъ закону государственное значеніе, свободно сообщая ему свою санкцію. Не министры освящаютъ правительственныя распоряженія

---

¹ Guisot, Mem II, 237. «Dieu seul est souverain et personne ici-bas n'est Dieu, pas plus les peuples que les rois. Et la volonté des peuples ne suffit pas a faire des rois; il faut que celui qui devient roi porte en lui-même et apporte en dot, au pays qui l'épouse, quelques-uns des caractères naturels et indépendants de la royauté».

своимъ авторитетомъ, а монархъ; министры же служатъ ему единственно какъ органы его воли, хотя и необходимые.

Не ограничивая и не связывая короля неизбежнымъ согласіемъ и содѣйствіемъ прочихъ членовъ государственнаго организма, конституція кромѣ того предоставляетъ ему полную свободу выражать собственную личную волю и дѣйствовать сообразно съ нею.

Отличіе конституціонной монархіи отъ всѣхъ другихъ видовъ монархіи состоитъ въ томъ, что монархъ одинъ не можетъ издавать законовъ и завѣдывать дѣлами правленія, въ первомъ случаѣ требуется содѣйствіе и согласіе палатъ, а во второмъ содѣйствіе министровъ. Но не нужно представлять дѣло такимъ образомъ, что центръ тяжести правленія государствомъ заключается въ палатахъ или министрахъ.

Если бы большинство въ палатахъ и совѣтъ министровъ во всѣхъ случаяхъ съ формальною необходимостью опредѣляли дѣйствія государя, то подобное парламентское или министерское правленіе¹, всегда стояло бы въ противорѣчьи съ монархическимъ принципомъ. Фактически конституціонный монархъ болѣею частію опредѣляется предложеніями палатъ и парламента, потому что въ нихъ онъ видитъ сложившуюся государственную волю, но если только онъ хочетъ какъ слѣдуетъ исполнить свою обязанность, то долженъ удержаться за собою свободное обсужденіе этихъ предложеній съ точки зрѣнія государственнаго блага.

Въ тѣхъ границахъ, которыя мы указали, конституціонный монархъ дѣйствуетъ съ полною свободою. Безразсудно препятствовать ему выражать собственное мнѣніе. Всякій порядочный человѣкъ имѣетъ потребность высказать свои убѣжденія². Политическія сообра-

---

¹ О парламентскомъ или министерскомъ правленіи съ болѣею подробностію будетъ говорить въ V, VI и VII. книгахъ

² Guisot. Mem. XII, 184. «Un trône n'est pas un fauteuil vide auquel on a mis une clef pour que nul ne puisse être tenté de s'y asseoir. Une personne intelligente et libre, qui a ses idées, ses sentiments, ses désirs, ses volontés comme tous les

женія могутъ часто удержатъ монарха отъ полнаго и публичнаго заявленія своихъ мыслей, но никто не имѣетъ права отказать ему въ свободной рѣчи и даже принудить его къ фальшивой рѣчи¹.

Далѣе, монарху принадлежитъ право наблюдать собственными глазами, выслушивать собственными ушами, каково положеніе дѣлъ въ странѣ, непосредственно освѣдомляться о потребностяхъ народа, подмѣчать явленія общественной жизни, и затѣмъ возбуждать къ дѣятельности, какъ скоро того требуетъ интересъ и благо цѣлаго, давать предложенія относительно обработки необходимыхъ законовъ, или введенія требующихся мѣръ. Такимъ образомъ дѣйствій всегда отличались великіе монархи. Въ этомъ и состоитъ истинная активность монарха². Конституціонная монархія съ

êtres réels et vivants, siége dans ce fauteuil. Le devoir de cette personne, car il y a des devoirs pour tous, également sacres pour tous, son devoir, dis-je, et la necessité de sa situation, c'est de ne gouverner que d'accord avec les grands pouvoirs publics institués par la Charte, avec leur aveu, leur adhésion, leur appui».

¹ Интересныя замѣчанія объ этомъ находится у Штала: Das monarchische Princip, стр. 9. Лютеръ въ застольной рѣчи говоритъ: «Нѣтъ ничего похвальнѣе и вождемнѣе въ государѣ, какъ то, чтобы онъ свободно высказывалъ свое мнѣніе; и чтобы люди, близкіе къ государю, дѣлали тоже и безтрепетно говорили, что у нихъ на душѣ». Какимъ образомъ король могъ бы уважать и любить свободную рѣчь другихъ, еслибы ему самому отказывали въ свободной рѣчи?

² Фридрихъ Великій Прусскій въ Essais sur les formes de gouvernement говоритъ: «Le souverain représente l'État: lui et ses peuples ne forment qu'un corps, qui ne peut être heureux qu'autant la concorde les unit. Le prince est à la société qu'il gouverne ce que la tête est au corps: il doit voir, penser et agir pour toute la communauté, afin de lui procurer tous les avantages dont elle est susceptible. Si l'un veut que le gouvernement monarchique l'emporte sur le républicain; l'arrêt du souverain est prononcé: il doit être actif et intègre et dissembler toutes ses forces pour fournir la carrière, qui lui est ouverte. Le souverain est attaché par les liens indissolubles au corps d'État: par consequent il ressent par répercussion tous les maux qui affligent ses sujets et la société souffre également les malheurs qui touchent son souverain.

своей стороны всегда предоставляет въ этомъ отноше-
ніи свободный просторъ замѣчательной личности. Она
не можетъ сковать монарха.

II. Второй принципъ таковъ: монарху принадлежитъ
высшее государственное величіе и полная госу-
дарственная власть. Этотъ принципъ признается даже
англійскимъ государственнымъ правомъ, которое вообще
поставляетъ правамъ королевской власти такія ограниче-
нія, которыхъ еще не можетъ вынести большая часть
монархій континента. Отсюда:

1. Монархія есть не агрегатъ отдѣльныхъ правъ, а
единство и полнота всѣхъ правъ величества¹.
Абсолютная монархія преувеличиваетъ эту мысль: она не
допускаетъ для другихъ политическихъ корпорацій и орга-
новъ, ни правъ самостоятельныхъ и независимыхъ отъ
произвола монарха, ни необходимаго участія въ отправ-
леніи правъ монарха; равнымъ образомъ не хочетъ знать
о законныхъ вольностяхъ отдѣльныхъ лицъ и народныхъ
классовъ. Все право оно относитъ къ себѣ, другихъ же
удостоиваетъ только милостей².

---

¹ 57 статья Вѣнскаго заключительнаго акта 1820 года, въ
первомъ своемъ положеніи, довольно вѣрно выражаетъ монар-
хическій принципъ, но обнимаетъ абсолютную, сословную и
конституціонную монархію; во второмъ же положеніи она не-
благоприятна развитію конституціонной государственной формы.
Вся государственная власть должна соединять-
ся во главѣ государства; конституція можетъ дѣлать для ко-
роля обязательнымъ содѣйствіе сословіи только при прило-
женіи и извѣстныхъ правъ». Въ настоящее время при распростра-
неніи конституціонной монархіи эта статья устарѣла.

² Что такое абсолютное пониманіе не вытекаетъ изъ понятія
монархіи, въ этомъ можетъ убѣдить заявленіе почти абсолют-
наго монарха, Фридриха Великаго. Онъ пишетъ въ *Anti-
macchiavel* 1: «Le souverain, bien loin d'être le Maître absolu
des peuples qui sont sous sa domination, n'en est que le pre-
mier magistrat». (Въ другомъ мѣстѣ онъ употребляетъ выра-
женіе «le premier serviteur» — или *domestique de l'État*). Не-
противъ, слова *М и р а б о*, обращенныя къ монарху, (*Essai sur
le despotisme, Oeuvres* 11, стр. 297): «vous êtes les salariés
des vos sujets, et vous devez subir les conditions auxquelles
vous est accordé ce salaire sous peine de le perdre», — слова
эти переходятъ границы монархіи и предполагаютъ республикан-

Конституціонная монархія, напротивъ, ограничена и въ этомъ отношеніи; она признаетъ права прочихъ корпорацій и свободу подданныхъ.

2. Прежде всего въ законодательствѣ монархъ не только имѣетъ участіе, но ему принадлежитъ послѣднее слово по отношенію къ формѣ всегда, а по отношенію къ содержанию большею частію. Ему усвоится инициатива и санкція законовъ; обнародованіе законовъ также происходитъ отъ его имени.

Если въ какой-нибудь конституціонной монархіи это правило отрицается, то значитъ монархическій принципъ пострадалъ отъ воздѣйствія республиканскихъ идей; въ такомъ случаѣ высшая государственная власть принадлежитъ уже не монарху, а однимъ республиканскимъ палатамъ, и король въ отношеніи законодательства есть подданный палатъ.

Слѣдовательно права палатъ въ системѣ монархіи могутъ быть только совмѣстныя съ королемъ, а не исключительныя.

3. Все правленіе государствомъ сосредоточивается въ монархѣ, вручается ему какъ самостоятельное право и отправляется отъ его имени.

Въ конституціонной монархіи министры и другіе правительственные чиновники не могутъ править государствомъ отъ своего имени, но и государь въ свою очередь можетъ управлять только при содѣйствіи министровъ и въ согласіи съ ними. Вся власть министровъ истекаетъ изъ королевской власти; правительственное право ихъ выводится изъ полноты королевскихъ

ское владычество народа. Еще опредѣленнѣе прусскій король Фридрихъ высказался объ истинномъ положеніи монарха въ первой аудіенціи, которую онъ далъ своимъ министрамъ, 1-го іюня 1741. (Ranke Preuss. Gesch 1 стр. 48) «Я полагаю, что интересъ страны есть и мой собственный интересъ и что я не могу имѣть такого интереса, который не былъ бы въ тоже время интересомъ страны. Если же эти оба интереса не сходятся, то выгода страны должна имѣть преимущество». Вашингтонъ 18 іюня 1788 г. писалъ къ Лафайету: «Для меня крайне удивительно, что есть еще такіе монархи, которые не признаютъ, что ихъ слава и счастье зависятъ отъ процвѣтанія и благосостоянія народа».

правъ, и притомъ не въ смыслѣ средневѣковой ленной монархіи, по которому эти производныя права давались слугамъ государя для собственнаго ихъ пользованія, какъ собственные права ихъ, — а такъ, чтобы органическое единство государства оставалось въ цѣлости.

Конституціонная монархія удержала выработавшійся въ средніе вѣка принципъ, что всякій правительственный авторитетъ и власть исходитъ сверху, и постепенно спускается книзу, а не наоборотъ идетъ снизу вверхъ, и что вся государственная власть дѣйствуетъ отъ центра къ периферіи, а не отъ периферіи къ центру.

4. Всѣ отдѣльные государственные органы подчинены монарху. Это должно сказать не только о тѣхъ органахъ, которые въ своей дѣятельности непосредственно зависятъ отъ воли короля, но и тѣхъ, согласіемъ которыхъ онъ связанъ при проявленіи государственной воли, каковы, на примѣръ, министры, равно какъ тѣхъ, которымъ указанъ кругъ дѣйствій, независимый отъ вліянія главы государства, какъ, на примѣръ, судьи, даже и о законодательныхъ палатахъ, которыя, какъ самостоятельныя силы въ государствѣ, соединяются съ нимъ въ законодательствѣ. Какъ голова находится въ тѣлѣ выше прочихъ членовъ, такъ и монархъ занимаетъ въ государственномъ организмѣ высшее положеніе.

Понятіе конституціонной монархіи не нужно выводить изъ одного англійскаго устройства. Одна и таже основная форма, получаетъ различное выраженіе, смотря по свойствамъ и исторіи народа. Такъ какъ она по своей природѣ относительна, а не абсолютна, то неудивительно, что она владѣетъ свойствомъ приспособляться къ различнымъ отношеніямъ и потребностямъ.

Какъ необходимые признаки конституціонной монархіи можно указать слѣдующія качества:

1) Она представляетъ собою достоинство и власть, сообразныя съ конституціею. Конституціонный монархъ стоитъ не внѣ конституціи, не надъ нею, а въ предѣлахъ ея. Самое имя свое эта форма получила отъ опредѣляемаго конституціею юридическаго порядка, который связываетъ даже монарха. Изложена ли кон-

ституція документально или нѣтъ, — это хотя имѣетъ важное значеніе, но для самаго понятія не существенно.

Въ Англіи, родинѣ конституціонной монархіи, есть отдѣльныя конституціонныя узаконенія и документальныя объявленія признанныхъ государствомъ народныхъ правъ, но нѣтъ систематическаго изложенія всего государственнаго порядка, которое такъ нравится новому времени и которому обыкновенно усваивается названіе конституціи. Англійскія узаконенія возникали постепенно, историческимъ путемъ, послѣ политической борьбы и вслѣдствіе особенныхъ требованій политической жизни. Континентальныя же конституціи выработываются обыкновенно вдругъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь общей государственной теоріи, какъ связанное и всеобъемлющее законодательство.

Конституціонная монархія возможна въ обѣихъ формахъ. Не отрицая неписаннаго права, она отдаетъ преимущество документальному закрѣпленію, — запискѣ политическихъ правъ, хотя природа послѣднихъ и не зависитъ отъ формъ объявленія и скрѣпленія. Эта черта дѣйствительно сообразна съ новою жизнію, въ которой юридическое сознаніе не имѣетъ также непосредственнаго сродства съ обычаемъ, какъ это было прежде. Для прочности и ясности новое время требуетъ закрѣпленія основныхъ законовъ въ письмѣ¹.

2. Конституціонный монархъ обязанъ уважать какъ опредѣленія конституціи, такъ и законы государства. Онъ можетъ ожидать и требовать только такого повиновенія, которое сообразно съ конституціею и законами.

3. Законодательная власть принадлежитъ ему только въ соединеніи съ палатами (прочимъ представителемъ

---

¹ Конечно, есть и «бумажныя конституціи» какъ выразился Фридрихъ Вильгельмъ IV въ одной тронной рѣчи, которыя легко могутъ быть разрушены, потому что онѣ составляютъ одно теоретическое произведеніе, не имѣющее никакихъ корней въ націи; но письменное изложеніе конституціи не дѣлается бумажною, а напротивъ укрѣпляетъ и упрочиваетъ ея содержаніе.

ствомъ народа). Для изданія закона требуется не одинъ совѣтъ, а согласіе палатъ.

4. Веденіе государственнаго хозяйства и назначеніе государственныхъ налоговъ, также происходитъ при содѣйствіи и съ согласія представительныхъ учрежденій.

5. Въ правленіи и управленіи конституціонный государь нуждается въ содѣйствіи министровъ. Для того, чтобы распоряженія, повелѣнія и декреты государя получили юридическую силу для третьихъ лицъ, онѣ должны быть контрасигнированы министромъ въ дополненіе къ подписи короля.

6. Для дѣйствительности конституціи необходима отвѣтственность министровъ и всѣхъ другихъ правительственныхъ чиновниковъ.

7. Независимость правосудія и устраненія всякой кабинетной юстиціи есть необходимое ограниченіе правительственной власти, и одна изъ важнѣйшихъ гарантій права подданныхъ.

8. Признаніе, что различнымъ классамъ народа и отдѣльнымъ гражданамъ принадлежать не только частныя но и публичныя права, и что права эти также неприкосновенны, какъ права монарха.

Конституціонную монархію можно представлять себѣ только какъ союзъ свободнаго народа съ національнымъ государемъ во главѣ¹.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сложныя государственныя формы.

Излагая государственныя формы, мы до сихъ поръ имѣли въ виду только простыя государства. Но есть еще сложныя государства, т. е. такія, части которыхъ въ свою очередь организованы, какъ государства, или по крайней мѣрѣ на подобіе ихъ. Въ нихъ повторяются

¹ Ср статью Monarchie въ Deutsehen Staatswörterbuch.

противорѣчія описанныхъ главныхъ формъ и потому они не представляютъ ничего особеннаго. Коллективное государство и отдѣльныя государства, главное и подчиненныя могутъ, на примѣръ, быть или монархіями или представительными демократіями.

Но отдѣльныя государства и коллективное не всегда имѣютъ одно и тоже устройство. Такъ германскій союзъ въ настоящее время представляетъ собою олигархію верховныхъ государей, безъ народнаго представительства, тогда какъ въ отдѣльныхъ государствахъ введена конституціонная монархія. Отдѣльные кантоны въ Швейцаріи суть непосредственныя демократіи, а коллективное государство имѣетъ видъ представительной демократіи. Англійское устройство — конституціонно-монархическое; подчиненныя же Англии азійскія государства управляются абсолютно, а нѣкоторыя полусамостоятельныя государства составляютъ республики подъ британскимъ покровительствомъ.

Если національности, степени цивилизаціи и историческія условія различны, то еще можно найти нѣкоторое оправданіе различію государственнаго устройства; но при однородности ихъ, какъ, на примѣръ, въ германскомъ союзѣ — это различіе ощущается, какъ неестественная дисгармонія.

Ко всѣмъ сложнымъ государствамъ прилагается еще новая противоположность, именно отношеніе коллективнаго или главнаго государства къ самостоятельности отдѣльныхъ или подчиненныхъ государствъ.

Здѣсь можно различить слѣдующія главныя отношенія:

I. Владычествующее главное государство съ подчиненными странами, состоящими въ полномъ подданствѣ.

Въ такомъ положеніи находятся многія владѣнія европейскихъ державъ, преимущественно въ Азіи и Африкѣ. Только главное государство организовано, какъ свободное, подчиненныя же государства несвободны, и сверхъ того находятся подъ чуждымъ владычествомъ. Противоположности государствъ здѣсь крайне рѣзки, и возможные столкновенія между ними разрѣшаются только сильною властью одного государства надъ другимъ.

II. Главное государство на правѣ верховнаго господства съ вассальными, или покровительствующее главное государство съ покровительствуемыми странами. Здѣсь еще возможна нѣкоторая самостоятельность государства вассальнаго или состоящаго подъ покровительствомъ въ отношеніи къ верховному или покровительствующему. Римская имперія нѣмецкой націи представляет собою средневѣковый, а османская имперія — современный примѣръ государственнаго организма, составленнаго изъ вассальныхъ государствъ. Новому государственному взгляду соотвѣтствуетъ скорѣе отношеніе покровительства, нежели ленное, хотя и первое имѣетъ смыслъ только при крайней неравномѣрности силъ и всегда не удобно для свободнаго народа. Въ примѣръ такого отношенія можно привести протекторатъ Наполеона надъ рейнскимъ союзомъ, — Англій надъ Ионическими островами, — Европы надъ Молдавіею и Валахіею.

III. Сродно съ изложеннымъ, но болѣе умѣренно и облагорожено отношеніе митрополіи къ колониальнымъ странамъ еще не вполне самостоятельнымъ, но уже дозрѣвшимъ до организаціи, сходной съ государствомъ. Внѣшнія сношенія колоніи даже тогда, когда она внутри сдѣлалась совершенно самостоятельною, еще долго нуждаются въ покровительствѣ митрополіи; и потому колонія признаетъ относительную власть митрополіи надъ собою.

IV. Союзъ государствъ и личная унія предполагаютъ вообще полную верховную власть и самостоятельность соединившихся государствъ, поставляя нѣкоторыя ограниченія только въ видѣ исключенія, насколько онѣ необходимы для общей цѣли союза. Здѣсь имѣютъ государственную организацію отдѣльныя части, а не цѣлый союзъ. Послѣдній представляет собою неразвитое государственное общеніе, которое только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — преимущественно во внѣшнихъ сношеніяхъ, — выступаетъ какъ государственная личность. Это скорѣе конгломератъ государствъ, нежели истинное государство. У него нѣтъ необходимыхъ органовъ для законодательства, управленія и правосудія. Онъ колеблется между постояннымъ, международ-

нымъ союзомъ, и организаціею, основанною на государственномъ правѣ, и потому составляетъ несовершенную переходную форму.

Эта форма можетъ быть удовлетворительна для объединенія членовъ одной націи, но она недостаточна для народнаго общенія. Развитие общей силы и общей власти при ней очень затруднительно. Личная унія, которая въ общемъ монархѣ имѣетъ общаго главу, а во всѣхъ прочихъ сторонахъ обнаруживаетъ раздѣленіе, — стоитъ еще нѣсколько выше союза государствъ, гдѣ нѣтъ никакого органа, устанавлиющаго единство. Германскій союзъ представляетъ собою самый краснорѣчивый современный примѣръ этой формы и ея слабостей.

V. Союзное государство и реальная унія имѣютъ между собою то общее, что въ нихъ обоихъ и коллективное и единичныя государства организованы, какъ дѣйствительное государство. Въ союзномъ государствѣ отдѣльныя части еще самостоятельныѣ, нежели въ реальной уніи, потому что тамъ онѣ имѣютъ исключительно имъ принадлежащее правительство: здѣсь же глава коллективнаго государства есть вмѣстѣ государь коронныхъ земель. Поэтому трудно говорить о верховной власти состоящихъ въ реальной уніи коронныхъ земель, тогда какъ признать ее отдѣльными государствами (кантонами) союзаго государства будетъ совершенно безошибочно.

Въ союзномъ государствѣ существуетъ организованный коллективный народъ и организованные частныя народы, причемъ коллективное государство также свободно въ своихъ движеніяхъ, и также снабжено органами, какъ и каждое единичное государство. Отдѣльныя государства не суть вассалы коллективнаго а напротивъ въ предѣлахъ своей области также самостоятельны, какъ и единичныя государства¹.

---

¹ 2. 3. Waitz Grundzuge der Politik. Kiel 1862. стр. 44 и слѣд. Какъ союзная власть, такъ и власть отдѣльныхъ государствъ должны быть самостоятельны въ своей сферѣ: послѣдняя не должна получать своей власти отъ первой, а первая не должна основываться на передачѣ отъ послѣдней. Стр. 153. «Wesen des Bundesstaats.

Возможность такого совмѣстнаго существованія двухъ государствъ на одной и той же территоріи обусловливается тѣмъ, что съ одной стороны рѣзко разграничивается компетентность обоихъ государствъ, и употребляются всѣ средства къ мирному разрѣшенію возможныхъ столкновеній, съ другой стороны оба правительства и представительныя собранія сколько возможно отдѣлены другъ отъ друга и взаимно независимы. Всего полнѣе такое раздѣленіе, даже по отношенію къ лицамъ (должностямъ), проведено въ сѣвероамериканскомъ союзѣ, разграниченіе же компетентности съ особенною тщательностью обработано въ швейцарской союзной конституціи. Обыкновенно область дѣятельности коллективнаго государства обнимаетъ внѣшнія сношенія и какъ исключеніе, нѣкоторыя общія внутреннія дѣла; на оборотъ независимость отдѣльныхъ государствъ наблюдается преимущественно во внутреннихъ, и какъ исключеніе во внѣшнихъ дѣлахъ.

КНИГА ПЯТАЯ,

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОРПУСЪ И ЗАКОНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Роздѣленіе властей.

1. Древнее время.

Въ образованіи законодательнаго корпуса новое время достигло гораздо большаго совершенства, нежели древнее. Уже въ древности сознана была основная мысль, что въ законодательствѣ долженъ участвовать весь народъ, и что народъ представляетъ себя въ законодательномъ корпусѣ. Но древность сначала сдѣлала попытку собрать самый народъ, какъ гражданъ, и предоставить ему непосредственную политическую дѣятельности.

Народныя собранія грековъ имѣли сравнительно грубую форму. На Пниксѣ или въ аѳинскомъ театрѣ собиралась беспорядочныя толпы гражданъ, которые считались поголовно и изъ которыхъ каждый имѣлъ право говорить. Напротивъ древнія римскія комиціи были уже организованы по корпораціямъ и классамъ, и дѣйствовали подъ строгимъ руководствомъ высшимъ магистратовъ ¹.

---

¹ На этомъ основанія римляне ставили центуріальныя комиціи выше трибутскихъ. Cicero de legibus III, 12. Descriptus populus censu, ordinibus, aetatibus plus adhibet ad suffragium consilii, quam fuse in tribus convocatus.

Но такой порядокъ страдаетъ существенными недостатками, которыхъ удалось избѣжать лишь новому представительному устройству.

1. Непосредственное собраніе всѣхъ гражданъ невозможно въ такомъ государствѣ, территория котораго переходитъ за предѣлы одной общины или города, Поэтому народное собраніе большаго государства, каково, на примѣръ, было римское въ послѣднія столѣтія республики, становится неправдою. На немъ естественно получаетъ несоразмѣрный перевѣсъ чернь столицы и окрестностей ея.

2. Столь большое и всегда очень смѣшанное собраніе отличается безпомощностію. Оно способно выразить общее настроеніе, обнаружить сочувствіе предварительно образовавшемуся извѣстному направленію, или стѣснить его своимъ несогласіемъ, но совершенно лишено способности основательно обсуждать законодательные проекты и разрѣшать трудныя и запутанныя проблемы политики.

Итакъ, законодательство можетъ быть предоставлено народному собранію только въ весьма малыхъ государствахъ и при самыхъ простыхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Далѣе, новому же государственному взгляду принадлежитъ объективное раздѣленіе властей, основанное на внутренней природѣ государственныхъ функцій. Понятіе о различіи властей встрѣчается уже и въ древности, но не видно раздѣленія ихъ между органами государства.

Аристотель¹ говоритъ о трехъ различныхъ функціяхъ, которыя встрѣчаются во всякомъ государственномъ устройствѣ. Эти функція суть: 1) совѣщательная объ общихъ дѣлахъ; 2) функція начальствъ (*ἀρχαί*) и 3) судебная. Очевидно что это дѣленіе сходно съ новымъ разграниченіемъ властей, Выраженіе совѣщательная функція вмѣсто законодательная власть употреблено потому, что законодательство въ Греціи перешло къ народнымъ собраніямъ уже позднѣе; да и тогда принадлежало народу лишь посредственно; напротивъ ха-

¹ Aristoteles, Poli IV. II, I. Hermann griech. Stnextselt § 53.

рактерь и исходъ совѣщаній въ народномъ собраніи имѣли рѣшительное вліяніе на важнѣйшія дѣла; то что называютъ въ наше время исполнительною властью, Аристотель именуесть гораздо правильнѣе, потому что въ названіи онъ указываетъ на дѣятельность правительственныхъ сановниковъ.

Но на народномъ собраніи въ Аѣинахъ лежала въ тоже время высшая совѣщательная функція, и оно постановлено рѣшенія по множеству отдѣльныхъ важныхъ случаевъ, которые по своей природѣ принадлежали къ высшей правительственной дѣятельности; оно привлекло къ себѣ даже судебныя функціи. Архонты правили, занимались административными дѣлами и въ тоже время производили судъ.

Римское государство богаче выработанными органами, съ отдѣльною, предостакленною каждому особо сферою власти. Въ Римѣ дѣятельность народнаго собранія, направленная на законодательство, была уже рѣзче отдѣлена отъ функцій магистратовъ, но за то послѣдніе соединяли обыкновенно правительственныя и судебныя права. Кто имѣлъ *imperium* тому принадлежала *juris dictio* въ предѣлахъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ магистрату принадлежали и жреческая функція, ауспиціи и наконецъ въ силу своего эдикта, онъ пользовался такими правами, которыя можно назвать законодательными.

Въ позднѣйшей римской имперіи произошло новое разграниченіе. Правда Византійскіе императоры удержали въ своихъ рукахъ всю государственную власть надъ цѣлою имперіею, но на подчиненныхъ ступеняхъ провинціального управленія гражданскія мѣста были тщательно отдѣлены отъ военныхъ. Это раздѣленіе, котораго прежде не вызывало вниманіе къ благу подданныхъ страдавшихъ отъ избытка правъ сановниковъ, было проведено теперь ради безопасности трона. Такое отдѣленіе военныхъ должностей отъ гражданскихъ есть успѣхъ государственной культуры и гражданской свободы признанный даже въ новомъ государствѣ.

Въ средніе вѣка проявленіе государственной власти было со всѣхъ сторонъ стѣснено въ узкихъ границахъ,

но въ этихъ границахъ она имѣла самыя разнообразныя права. Не только королю, но даже всякому графу принадлежали гражданская и военная власть, административныя и судебныя права. На дингахъ (судебныя собранія) въ одно и тоже время выражалось, какъ законъ, общее юридическое положеніе, и разсматривался какой нибудь отдѣльный спорный случай.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

II. Новый принципъ раздѣленія властей.

Разграниченіе различныхъ функцій государства и отнесеніе ихъ къ различнымъ органамъ мы признаемъ высшею ступенью государственнаго развитія, на которую могло взойти уже созрѣвшее человѣчество. Въ органическомъ тѣлѣ, какъ его создалъ Богъ, различнымъ членамъ принадлежитъ различная дѣятельность. Глазъ смотритъ, ухо слушаетъ, ротъ говоритъ, рука держитъ и дѣйствуетъ. Тоже самое должно быть и въ государственномъ организмѣ, и здѣсь каждый органъ долженъ имѣть опредѣленную функцію, для которой онъ устроенъ и назначенъ.

Впрочемъ любимое выраженіе: раздѣленіе властей, ведетъ къ ложнымъ приложеніямъ правильнаго принципа. Полное раздѣленіе властей было бы разрушеніемъ государственнаго единства и государственнаго организма. Какъ въ естественномъ тѣлѣ отдѣльные члены соединены между собою, такъ и въ государствѣ должно тщательно охранять связь различныхъ органовъ. Государство требуетъ разграниченія и соединенія, но не выносить раздѣленія (*Trennung*) властей.

Со времени Монтескье стали обыкновенно различать три власти, — для которыхъ французы имѣютъ лучшее выраженіе *pouvoir* —, а именно.

1. Законодательную (*pouvoir législatif*).
2. Исполнительную (*pouvoir exécutif*).
3. Судебную (*pouvoir judiciaire*).

Это же различіе приняли и англичане для своей теоріи государственнаго права. По примѣру сѣвероамериканскихъ республикъ, оно вошло въ цѣлый рядъ новыхъ конституцій.—Къ указаннымъ тремъ властямъ, нѣкоторые въ интересъ государственнаго единства присоединили.

4. Посредствующую власть (*pouvoir modérateur, royal*). Эта мысль Бенжамена Констана перешла въ португальскую конституцію Донъ-Педро. Нѣкоторые, даѣе, наряду съ исполнительною властью ставили

5. Управляющую (*pouvoir administratif.*)

6. Надзирающую (*potestas inspectiva*) и

6. Представительную (*pouvoir représentatif*).

Прежде ближайшаго изслѣдованія этого дѣленія нужно опровергнуть одно ложное представленіе, которое нерѣдко оказывало значительное вліяніе на обсужденіе этого вопроса, именно представленіе о равенствѣ положенія различныхъ властей. Такое равенство противорѣчитъ органической природѣ государства. Въ органическомъ тѣлѣ каждый членъ имѣетъ свое особенное, отличное отъ всѣхъ другихъ но вовсе не равное со всѣми положеніе, напротивъ одинъ членъ или выше или ниже другихъ, или равенъ имъ.

Только такимъ образомъ поддерживается связь и единство цѣлаго. Это же прилагается и къ государству. Если бы высшія власти были въ немъ дѣйствительно, — а не по одной внѣшней формѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, — уравнены одна съ другою, то такое дробленіе и уравниеніе разорвало бы государство на части. «Не лишивъ жизни человѣка, нельзя отдѣлить голову отъ тѣла и поставить наравнѣ съ нимъ»¹.

Нельзя не признать ребяческимъ то представленіе объ отношеніи государственныхъ властей, по которому за-

¹ Мои опыты. стр. 146.

² Монтская XI, 6; иначе представлялъ себѣ это отношеніе. Онъ называетъ и судебную власть *puissance exécutrice des choses qui dépendent du droit civil* и такимъ образомъ объективно отличаетъ ее отъ собственнаго «*puissance éxécutrice des choses qui dependent du droit des gens.*» И другіе послѣ него, между прочимъ Кантъ (*Rechtslehre* § 45 и Шютлеръ (*Vorlesungen über Politik*, § 15), приняли это странное мнѣніе. Ср. напротивъ Шталя, *Lehre vom Stat* II § 57.

конодательной власти принадлежит установление правилъ, судебной подведеніе отдѣльныхъ случаевъ подъ правила, наконецъ исполнительной — приведеніе въ дѣйствіе приговора. При такомъ взглядѣ государственный организмъ принимаетъ видъ логическаго силлогизма. Всѣ функціи различныхъ властей соединялись бы такимъ образомъ въ судебномъ приговорѣ, который исходитъ отъ общихъ принциповъ, прилагаетъ ихъ къ предстоящему процессу, и наконецъ вслѣдствіе его постановляетъ заключеніе. Правительству здѣсь не осталось бы иной задачи, кромѣ задачи жандарма, приводящаго въ исполненіи судебный приговоръ.

Прежде всего необходимо противопоставить законодательную власть съ одной стороны всѣмъ государственнымъ властямъ съ другой всѣ прочія функціи принадлежатъ отдѣльнымъ органамъ государства, законодательство же всему государственному организму. Законодательная власть опредѣляетъ самый государственный и юридическій порядокъ, и есть высшее, обнимающее весь народъ, выраженіе этого порядка. Всѣ остальные власти, напротивъ, отправляютъ свои функціи въ предѣлахъ существующаго государственнаго и юридическаго порядка, въ отдѣльныхъ, конкретныхъ случаяхъ. Законодательство устраиваетъ постоянныя отношенія всей совокупности народа. Прочія же власти обыкновенно обнаруживаютъ свою дѣятельность въ отдѣльныхъ направленіяхъ, обнимающихъ собою не весь народъ. Только опредѣливъ права законодательнаго корпуса можно рѣшить вопросъ о дѣленіи прочихъ властей.

Поэтому въ сферу законодательной власти входитъ не одно установленіе общихъ юридическихъ правилъ, законы въ тѣсномъ смыслѣ, хотя эта дѣятельность принадлежитъ ей по преимуществу. Къ ней же относится основаніе и измѣненіе государственныхъ учрежденій, развитіе государственнаго организма въ его членахъ и отношеніяхъ. Когда она въ законахъ о налогахъ одобряетъ общія экономическія распоряженія и требованія, а не юридическія правила; когда она выслушиваетъ отчетъ о состояніи страны и государственно-

го хозяйства, то всѣ эти функціи, не будучи собственно законами, относятся къ ней потому, что онѣ касаются жизни государственнаго порядка.

Такъ какъ цѣлое важнѣе, нежели часть или членъ его, то само собою понятно, что законодательная власть стоитъ выше всѣхъ другихъ отдѣльныхъ властей.

Эти послѣднія въ новыхъ государствахъ раздѣляются на четыре группы съ существенно-различнымъ характеромъ. Двѣ важнѣйшія и по преимуществу государственныя власти суть. I. правительственная или правительство II. судебная или судъ.

I. Правительственная власть. Весьма распространенное названіе этой власти «исполнительною» совершенно неправильно, потому что оно служитъ неизсякаемымъ источникомъ заблужденій и недоразумѣній въ теоріи и ошибокъ въ практикѣ. Этимъ названіемъ невыражается ни внутренняя сущность ея, ни отношеніе къ законодательству и суду, что составляетъ однако главную задачу опредѣленія.

Можно исполнять собственное рѣшеніе и можно также исполнять повеленія или порученія другаго. Но во всякомъ случаѣ исполненіе есть второстепенная дѣятельность. Первостепенная дѣятельность заключается въ рѣшеніи или порученіи. Но функціи правительства по самой природѣ своей первостепенны. Она рѣшаетъ, высказываетъ свою волю, повелѣваетъ, или запрещаетъ, и въ большей части случаевъ не нуждается въ принужденіи, чтобы заставить исполнять свои повелѣнія. Обыкновенно достаточно высказать ихъ, чтобы они были исполнены и осуществлены. Но если гдѣ нужно принужденіе, то оно хотя и составляетъ дѣло правительственной власти, но дѣло второстепенное, которое возлагается обыкновенно на подчиненныя мѣста и лица.

Но даже по отношенію къ волѣ другихъ, названіе правительственной власти исполнительною нельзя признать правильнымъ. Несправедливо то мнѣніе, что правительственная власть всегда только исполняетъ въ частности то, что законодательная власть постановляетъ вообще. Въ сущности законъ нечего и исполнять, его нужно только соблюдать и прилагать, если не считать

за исполненіе самага обнародованія закона. Правила, которыя освящаетъ законодатель, принципы, которые онъ высказываетъ, принимаются во вниманіе правительствомъ, какъ юридическія нормы и границы его дѣятельности, но въ этихъ границахъ оно само свободно дѣлаетъ постановленія, какія только признаетъ полезными и цѣлесообразными. Само по себѣ, а не въ видахъ исполненія закона, правительство ведетъ переговоры съ другими государствами и прекращаетъ ихъ, дѣлаетъ порученія своимъ подчиненнымъ чиновникамъ сообщить то или другое, принимаетъ надлежащія мѣры для охраненія порядка или для общаго блага, назначаетъ чиновниковъ, распоряжается войскомъ. Названіе правительственной власти исполнительною еще менѣе, нежели по отношенію къ законодательству свойственно ей по отношенію къ суду. Исполненіе приговора по существу своему есть дѣйствіе самой судебной власти, потому что задача ея состоитъ въ приложеніи права и въ возстановленіи нарушеннаго юридическаго порядка. Она нуждается въ помощи сильнѣйшей правительственной власти только тогда, когда собственныя ея силы недостаточны. Потому отношеніе правительственной власти къ судебной не имѣетъ ничего общаго съ положеніемъ слуги, исполняющаго волю господина.

Итакъ сущность правительственной власти заключается не въ исполненіи, а въ возможности постановлять то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ справедливо и общеплезно, защищать страну и народъ отъ всякихъ опасностей и нападений, представлять ее и охранять отъ общихъ бѣдствій. Она состоитъ преимущественно въ томъ, что греки называли *ἀρχή* римляне — *imperium*, нѣмцы въ средніе вѣка *Mundschaft* и *Vogtei*. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ властей она есть по преимуществу государственная, по преимуществу владычествующая, и потому верховная. Она относится къ прочимъ отдѣльнымъ властямъ, какъ голова къ членамъ тѣла. Такъ называемая представительная власть совмѣщается въ ней.

II. Судебную власть часто смѣшиваютъ съ властью

произносить приговоръ (urtheilende). Такому смѣшенію понятій благопріятствуетъ французское выраженіе *rouvoir judiciaire*. Между тѣмъ сущность судебной власти состоитъ не въ произнесеніи приговора, а въ судѣ, или какъ выражались Римляне не *in iudicio* а *in iure*. Произнесеніе приговоровъ въ смыслѣ признанія и установленія права въ отдѣльномъ данномъ случаѣ не есть необходимо государственная функція, не есть самостоятельное проявленіе государственной власти или силы. Въ Римѣ произнесеніе приговора лежало обыкновенно на частныхъ лицахъ; въ средневѣковой Германіи это право принадлежало скабинамъ, а не судьямъ, въ новыя времена оно вручается часто присяжнымъ изъ народа, а не сановникамъ. Напротивъ, судъ, то есть доставленіе юридической защиты и возстановленіе права въ случаяхъ нарушенія правъ индивидовъ и общаго юридическаго порядка, всегда признавалось государственною дѣятельностью и потому вручались повсюду государственнымъ сановникамъ и чиновникамъ.

Судебная власть отличается отъ правительственной въ сущности тѣмъ, что она не властвуетъ подобно послѣдней, а только охраняетъ и прилагаетъ признанное и выработанное право. Если функціи правительства можно сравнить съ умственными силами въ человѣкѣ, то функціи суда всего болѣе подходятъ къ силамъ моральнымъ.

Поэтому именно устройство государственнаго организма значительно подвинулось впередъ вслѣдствіе того, что новое государство отдѣлило судебные органы и права отъ правительственныхъ въ противоположность античному и средневѣковому порядку, по которому правительственная и судебная власть всегда принадлежали однимъ и тѣмъ же сановникамъ. Чистота права и истинная свобода гражданъ много выигрываютъ чрезъ это, власть же правительства тоже ничего не теряетъ отъ того, что ей преграждается возможность незаконно вторгаться въ сферу правосудія. Какъ различны эти двѣ власти, доказываетъ уже то обыкновенное явленіе, что отличные государственные люди или пра-

вительственные чиновники рѣдко бываютъ хорошими судьями и на оборотъ лучшіе судьи рѣдко бываютъ въ тоже время хорошими чиновниками.

Судь, какъ власть имѣющая менѣе государственнаго характера, не стоитъ на одной линіи съ правительствомъ. Пользуясь въ существенныхъ чертахъ независимостью, онъ въ тоже время подчиненъ правительству, какъ сердце головѣ.

Указанныя противоположности, повидимому, изчерпываютъ отдѣльныя государственныя власти, а потому не удивительно, что новыя конституціи не идутъ дальше ихъ. Но ближайшее изслѣдованіе открываетъ еще двѣ группы органовъ и функцій государства, которые хотя подчинены правительству, и даже прямо зависятъ отъ него, но обѣ имѣютъ свои особенности и отличаются отъ правительства въ собственномъ смыслѣ тѣмъ, что не имѣютъ характера владычества или начальства, составляющаго сущность правительственной власти. Это именно.

III. Надзоръ за духовною культурою и попеченіе о ней, государственная культура и

IV. Управленіе матеріальными силами и дѣлами, и попеченіе о нихъ, хозяйство.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не объ управленіи. Великіе факторы человѣческой культуры, религія, искусство, наука, не принадлежатъ къ государственному организму, и не могутъ опредѣляться и выполняться государствомъ. Потому отношеніе государственной власти даже къ внѣшнимъ учрежденіямъ религіи, науки и искусства къ церкви и школѣ, существенно отличны отъ отношенія правительства къ управляемымъ въ сферѣ собственнаго управленія. Государство и здѣсь должно способствовать общему благу и отвращать общій вредъ, но въ тоже время должно постоянно сознавать и помнить, что сущность этого дѣла не подлежитъ его власти. Потому функціи его заключаются не въ мѣрахъ, не въ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ, а только въ надзорѣ и попеченіи.

Тожe нужно сказать и о четвертой группѣ, хозяйствѣ. Въ управленіи доходами и расходами государства,

финансами, въ поддержаніи гражданскаго оборота и экономическаго благосостоянія гражданъ, въ вѣдѣніи общественныхъ работъ, въ надзорѣ за общинами характеристическій моментъ составляетъ не *imperium*, не *Vogtei* въ строгомъ смыслѣ, а попеченіе, направленное на матеріальный бытъ, подобное духовнымъ заботамъ о народной культурѣ. Хозяйственное управленіе почти не имѣетъ специфически начальственнаго характера и опирается не столько на государственную власть и право, сколько на техническое знаніе и опытъ. Ни въ какой другой группѣ государственные органы не подходятъ такъ близко къ частной жизни, какъ въ этой; само государственное имущество въ гражданской жизни является подобнымъ имуществу частнаго лица. Поэтому изъ всѣхъ отраслей государственной власти хозяйственная дѣятельность занимаетъ самую низшую ступень, не смотря на громадную важность ея, широкій объемъ, и тѣсную связь съ движеніями ежедневной жизни и гражданскаго оборота. Она та широкая основа, на которой опирается государство, тогда какъ правительство составляетъ высшую точку его.

Сознаніе этой противоположности въ общественныхъ функціяхъ созрѣваетъ мало по малу въ наше время. Но и мы еще страдаемъ отъ смѣшенія надзора съ управленіемъ. Нерѣдко издаются повелѣнія или запрещенія тамъ, гдѣ нужно было только управленіе, а иногда все дѣло ограничивается вялымъ надзоромъ тамъ, гдѣ требуется вмѣшательство начальственной энергіи. Но все-таки теперь лучше, нежели было за 100 лѣтъ; многія учрежденія для надзора уже отдѣлены отъ чисто правительственныхъ, и безъ всякаго проявленія власти управляются въ благодѣтельномъ духѣ научныхъ и техническихъ попеченій. Такое управленіе удовлетворяетъ культурнымъ и экономическимъ потребностямъ народа, уважая въ тоже время свободу всѣхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія развитія представительнаго устройства.

1, Франкскіе сеймы и англійскій парламентъ,

Человѣческому уму нужно было потрудиться болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, прежде нежели ему удалось перейти отъ суровыхъ формъ античныхъ народныхъ собраній къ болѣе совершенному представительному устройству. Но и въ настоящее время этотъ трудъ еще не законченъ во всѣхъ подробностяхъ.

Древніе сеймы франкской монархіи во многихъ отношеніяхъ стоятъ ниже римскихъ центуриатскихъ комицій. Въ нихъ не былъ такъ твердо опредѣленъ порядокъ участія различныхъ классовъ и сословіи, не были такъ подробно обработаны формы совѣщанія и подачи голосовъ. Прежде всего дѣйствительное участіе въ нихъ принимала только аристократія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ. Согласіе остальнаго народа испрашивалось въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно законъ только объявлялся ему ¹.

Но въ одномъ, впрочемъ, весьма важномъ отношеніи франкское устройство сдѣлало шагъ впередъ. Античныя народныя собранія состояли изъ гражданъ одного города, который разсматривался какъ центръ государства. Напротивъ франкскіе сеймы опирались на цѣлый господствующій народъ, распространенный по обширной странѣ. На нихъ собирались преимущественно вожди этого народа, имѣвшіе приверженцевъ въ его средѣ и власть надъ отдѣльными мѣслиостями. На большихъ весеннихъ сеймахъ вліяніе и авторитетъ вельможъ усиливались вслѣдствіе присутствія сопровождавшей ихъ свиты, и массы простыхъ свободныхъ воиновъ. Въ аристократахъ народъ видѣлъ своихъ руководителей и представителей.

---

¹ Ср. выпуск. кн. VI. гл. 17.

При королѣ и его совѣтникахъ для совѣщанія находилась верхняя палата вельможъ (seniores); Иногда сюда присоединялся болѣе обширный кругъ низшей аристократіи младшихъ (minores), у которой спрашивалось согласіе, но обыкновенно она должна была только выслушивать рѣшенія короля и вельможъ. Третій кругъ составляла масса свободныхъ гражданъ, выслушавшая рѣшеніе своихъ вождей.

Трудно опредѣлить, имѣли ли вліяніе на форму этихъ сеймовъ и преобладаніе въ нихъ аристократіи древніе галльскіе сеймы и высокое положеніе кельтскихъ друидовъ и рыцарей. Въ главныхъ чертахъ учрежденіе это имѣетъ чисто германскій характеръ. Германская аристократія, занимавшая, по свидѣтельству Тацита, весьма видное мѣсто даже въ первоначальной германской конституціи, начала пріобрѣтать во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ въ теченіе этого и слѣдующаго столѣтія все болѣе и болѣе вліянія.

Очень рано представительная система достигла значительнаго развитія въ Англіи. Поэтому важно указать на главные моменты въ исторіи англійскаго парламента.

Англосаксонскій Витенагемотъ при норманскихъ короляхъ, — которые въ Нормандіи по обычаю, а часто и по принужденію, держали аристократическія придворные сеймы, — къ началу XIII вѣка преобразовался въ высшую форму «Большаго совѣта» націи, съ важными политическими правами. Но этотъ большой совѣтъ еще опирался тогда на ленную систему. Съ нимъ связаны были смотръ вассаловъ и придворные праздники. По Magna Charta Іоанна II, 1215 г., въ немъ участвовали всѣ непосредственные вассалы короля. Вельможи: архіепископы, епископы, аббаты, графы и великіе бароны приглашались порознь именными грамотами короля, прочіе же королевскіе вассалы коллективно чрезъ своихъ вице-графовъ и фогтовъ.

Въ теченіе XIII вѣка парламентъ значительно расширился, отрѣшился отъ тѣсной связи съ леннымъ устройствомъ и такимъ образомъ сдѣлался истинно національнымъ учрежденіемъ. Главные моменты развитія англійскаго парламента суть слѣдующіе:

1. Кромѣ участія духовныхъ князей допущено было представительство низшаго клира, въ особенности, когда парламентъ трактовалъ о церковныхъ дѣлахъ. При этомъ каждый деканатъ или архидіаконатъ долженъ былъ выбрать и прислать въ парламентъ двухъ уполномоченныхъ представителей. Духовенство было слѣдовательно представлено какъ особое сословіе, и сначала составляла въ парламентѣ совершенно отдѣльную часть. Но впоследствии установился обычай, по которому духовные князья вмѣстѣ съ свѣтскими составили одну палату лордовъ, гдѣ счетъ голосовъ производился уже безъ различія сословій и лицъ.

2. Первоначально графы и великіе бароны находились въ одномъ собраніи съ прочими рыцарями королевства. Но и въ древнѣйшее время лично приглашенные члены, въ качествѣ (*maiores, barones primae dignitatis*), болѣе могущественныхъ и знатныхъ бароновъ (*modus tenendi parlamentum* требуетъ отъ большой бароніи по меньшей мѣрѣ тринадцати рыцарскихъ участковъ)—имѣли, вѣроятно, болѣе вліянія, и часто спрашивались одни. Судъ, полиція и военное управление соединялись въ ихъ рукахъ. Но въ продолженіи XIII столѣтія все опредѣленнѣе выступало различіе обоихъ классовъ.

Въ связи съ этимъ стояло расширеніе рыцарства. Кромѣ непосредственныхъ вассаловъ короля, въ графствахъ находилось много другихъ, часто еще болѣе богатыхъ вассаловъ, зависѣвшихъ отъ князей, графовъ и господъ, которые на ряду съ рыцарями принимали участіе въ совѣтѣ и управленіи графства. Въ прежнія времена непосредственные младшіе вассалы призывались въ парламентъ массою; но такъ какъ они и тогда являлись не всѣ, и притомъ присутствіе ихъ въ слишкомъ значительномъ числѣ не было вовсе желательнымъ, то и стало вскорѣ вводиться правильное представительство рыцарства. Изъ cadaго графства должны были являться два рыцаря за себя и за остальныхъ. Естественно, что при выборахъ въ графствахъ получили участіе и прочіе свободные владѣльцы леновъ, для которыхъ не менѣе рыцарей важенъ былъ вопросъ о

податяхъ и другихъ мѣстныхъ интересахъ. Это измѣненіе, происшедшее съ половины XIII вѣка, ввело въ парламентъ выборныхъ представителей важнѣйшихъ свободныхъ землевладѣльцевъ. Характеръ представительства свободного землевладѣнія не только сохранился въ послѣдующее время, но даже раширился тѣмъ, что право голоса было дано всѣмъ свободнымъ людямъ, получавшимъ отъ поземельныхъ участковъ правильный ежегодный доходъ. Величина этого дохода определена была сначала въ 40 шилинговъ, въ послѣдствіи въ 40 фунтовъ, а современи реформы 1832 года право голоса признано даже за владѣльцами поземельныхъ участковъ съ доходомъ въ 10 фунтовъ, и крупными арендаторами.

3. Совершенно новый элементъ привзошелъ въ парламентъ, когда было допущено представительство городовъ и бурговъ или мѣстечекъ. Въ первый разъ графъ Лейстеръ въ 1264 году пригласилъ въ парламентъ отъ имени Генриха III уполномоченныхъ изъ нѣсколькихъ городовъ и бурговъ для подкрѣпленія своей силы. Но еще и прежде короли входили въ переговоры съ нѣкоторыми городами, когда отъ нихъ требовались добавочныя подати. По отношенію къ Лондону это прямо выражено уже въ Magna Charta 1215 года. Въ 1264 году только организовано собраніе уполномоченныхъ отъ городского сословія. При Эдуардѣ I (1271 — 1307) это учрежденіе укрѣпилось.

Въ первое время различались уполномоченные отъ пяти морскихъ гаваней — въ началѣ бароны, а не горожане, — отъ уполномоченныхъ городовъ (*cives*) и бурговъ (*burgenses*). Низшую степень занимали жители бурговъ; горожанамъ же давало высшее значеніе богатство и вліяніе городовъ. Въ послѣдствіи они соединились въ одно третье или городское сословіе, которое постепенно приобрѣтало все большее значеніе, и соединившись съ рыцарями, представителями графствъ, придало парламенту совершенно новый характеръ. Такимъ образомъ на ряду съ древнею наследственной аристократіею стали двѣ новыя состав-

ныя части, отличіе которыхъ состояло въ демократическомъ выборѣ, именно — рыцарскій и представительнo-городской элементъ.

4. Эта новая степень развитія приобрѣла прочную форму вмѣстѣ съ образованіемъ нижней палаты. Положеніе рыцарства нѣкоторое время колебалось между баронами, отдѣльными собраніями и соединеніемъ съ горожанами. Въ царствованіе Эдуарда III (1327—1377) соединеніе съ горожанами сдѣлалось правиломъ, и къ палатѣ господъ (Lords) какъ постоянное учрежденіе примкнуло собраніе общинъ (Commoners) въ качествѣ нижней палаты: «Les comunaultes des ditz Countetz, Cites, Burghs et autres lieux du roiaume», какъ говорится въ одномъ статутѣ 1335 года. Представительство низшаго духовенства впоследствии было, повидимому, не въ обычаѣ, напротивъ университеты Оксфордскій и Кембриджскій съ 1299 года стали присылать отъ себя уполномоченныхъ.

Это раздѣленіе парламента, во главѣ котораго состоитъ король, на двѣ палаты, представляющія въ извѣстномъ смыслѣ интересы съ одной стороны высшей и низшей аристократіи, и съ другой демократіи, а въ особенности соединеніе рыцарей и горожанъ, села и города, — вмѣстѣ съ выборномъ характеромъ представительства, — составляетъ отличительную черту англійскаго государственнаго устройства. Оно послужило образцемъ для позднѣйшей двухпалатной системы.

5. Парламентъ не вдругъ проникся принципомъ государственнаго единства въ противоположность изолированію и разрозненности интересовъ отдѣльныхъ сословій. Впрочемъ, къ концу XIII столѣтія уже сдѣланъ былъ въ Англии и этотъ великій шагъ. Уже *Modus tenendi parliamentum* высказываетъ эту мысль, и несмотря на существованіе въ парламентѣ шести ступеней (король, духовные господа и уполномоченные отъ низшаго клира, свѣтскіе господа, рыцари, представители городовъ и бурговъ), сообщаетъ объ одномъ весьма оригинальномъ способѣ устанавливать единство. Въ затруднительныхъ случаяхъ, когда мнѣнія разходи-

лись, три придворные чиновника съ соизволенія парламента могли выбрать изъ всѣхъ сословіи комитетъ въ XXV членовъ, именно а) 2 епископовъ и 3 уполномоченныхъ отъ клира; в) 2 графовъ и 3 бароновъ; с) 5 рыцарей графства; д) 5 городскихъ гражданъ и е) 5 жителей бурговъ. Эти XXV членовъ могли избирать изъ себя XII, эти въ свою очередь VI, а послѣдніе до III и даже 1-го съ позволенія короля. Въ подобныхъ случаяхъ постановленіе комитета считалось какъ бы постановленіемъ всего парламента.

6. Палата лордовъ еще болѣе получила характеръ личной высшей аристократіи съ тѣхъ поръ, какъ мѣста лордовъ отрѣшились отъ связи съ опредѣленными ленами и стали переходить единственно по праву наслѣдства. На континентѣ между тѣмъ званіе дворянскаго члена сейма все еще искажалось связью съ особннымъ видомъ владѣнія. Реформація и уничтоженіе монастырей въ XVI вѣкѣ значительно уменьшили число духовныхъ господъ. Напротивъ, свѣтскіе господа время отъ времени пополнялись королевскимъ назначеніемъ, а для юридическимъ вопросовъ къ верхней палатѣ присоединялись XII верховныхъ судей.

Послѣ присоединенія къ Англіи Шотландіи (1707) и Ирландіи (1800) въ верхнюю палату вступили 16 шотландскихъ перовъ, выбиравшихся дворянствомъ 4 духовныхъ, и 28 свѣтскихъ ирландскихъ перовъ.

Такимъ образомъ, большинство палаты лордовъ (болѣе четырехъ пятыхъ) состоитъ изъ наслѣдственнаго дворянства, но оно дополняется духовнымъ и свѣтскимъ должностямъ дворянствомъ и выборными перами.

7. Вліяніе и сила нижней палаты возрасли преимущественно со времени великихъ религіозныхъ войнъ XVII столѣтія и борьбы съ королями изъ дома Стюартовъ за гражданскую свободу. Ожесточенные религіозные споры XVI и XVII вѣковъ привели къ тому, что право участія въ парламентѣ признано только за тѣми, кто принадлежитъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Только въ 1829 году римско-католическимъ подданнымъ, за исключеніемъ священниковъ, снова предоставлено

право участвовать въ парламентѣ и въ качествѣ перовъ и въ качествѣ членовъ нижней палаты ¹.

Но всего болѣе вліянія на составъ нижней палаты имѣлъ актъ реформы 1832 года. Съ того времени, какъ въ первый разъ были назначены города и бурги, имѣвшіе право присылать въ парламентъ представителей, обстоятельства значительно измѣнились. Множество мѣстечекъ пришло въ упадокъ и подпало зависимости отъ высшей аристократіи, которая и безъ того была достаточно представлена въ верхней палатѣ.

Съ другой стороны нѣкоторые города значительно поднялись по населенію и богатству, нѣкоторые изъ нихъ возникли вновь и пріобрѣли важное значеніе, а между тѣмъ ни тѣ ни другіе не имѣли представителей въ парламентѣ. Нѣкоторыя графства пріобрѣли большее значеніе въ сравненіи съ другими. Билль о реформѣ имѣлъ въ виду принаровить представительство въ нижней палатѣ къ перемѣнившимся обстоятельствамъ и въ то же время соразмѣрно расширить права избирателей въ графствахъ, городахъ и мѣстечкахъ.

Сюда можно присоединить слѣдующій обзоръ состава англійскаго парламента по биллю о реформѣ въ наше время.

1. Верхняя палата.		2. Нижняя палата.	
Принцы королевской крови	3	А. Англія.	
Герцоги	26	1. Отъ 40 графствъ	143
Маркизы	31 (33) ²	2. Отъ городовъ и мѣстечекъ	324.
Графы	147 (168)	3. Отъ университетовъ	4
Виконты	26 (32)		<u>471</u>
Бароны	132	В. Валлисъ	
Архіепископы	} англійской 3 церкви. 27	1. Отъ 12 графствъ	13
Епископы		2. Отъ бурговъ	14
			<u>29</u>

¹ Самый актъ въ оригиналѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ напечатанъ у Шуберта, Verfassungs Urkunden. 1 т. стр. 193.

² Сюда причислены Шотландскіе и Ирландскіе.

Шотл. выборные перы 16	С. Шотландія.	1. Отъ 30, 30 графствъ.	
Ирландскіе перы 28		2. Отъ городовъ и бур- говъ	23
Всѣхъ членовъ 439.			<hr/> 53
	D. Ирландія.	1. Отъ 32 графствъ	64
		2. Отъ городовъ и мѣсте- чекъ	39
		3. Отъ Дублинскаго уни- верситета	2
			<hr/> 105
			<hr/> Всего 658

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

II. Развитие сословныхъ сеймовъ въ другихъ странахъ.

На европейскомъ континентѣ замѣтны такія же попытки къ образованію сословно-представительной системы, какъ въ Англии. Но введеніе постоянныхъ войскъ и многочисленныя войны, раздиравшія Европу, препятствовали развитію до тѣхъ поръ, пока оно не прониклось національнымъ духомъ.

1. Всего ранѣе и сильнѣе развилось участіе сословій на Пиринейскомъ полуостровѣ. Королевство Аррагонія было въ сущности республикою съ королемъ во главѣ. Въ собраніи кортесовъ участвовали не только дворянство, которое своею германскою кровью освободило страну изъ рукъ сарациновъ, и духовенство, значеніе котораго возрасло, благодаря битвамъ христіанъ съ мусульманами, но и города, имѣвшіе по преимуществу романско-христіанское населеніе. Власть кортесовъ была сильнѣе власти короля. Вотъ знаменитая старинная формула присяги аррагонскихъ сословій: «мы, которые имѣемъ такое же значеніе, какъ вы и даже большую силу, мы присягаемъ вамъ, нашему государю, королю, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы

вы охраняли наши права; если же нѣтъ, то нѣтъ. Даже одинъ членъ сейма могъ воспрепятствовать проведению королевскаго проекта, разстроивши своимъ голосомъ единогласное рѣшеніе. Въ случаѣ спора между государемъ и кортесами, дѣло разсматривалось верховнымъ судьей, *justitia*, независимымъ отъ короля и отвѣтственнымъ лишь предъ соединенными государственными властями. Но такія внутреннія противорѣчія разрушали государственное единство.

Въ Кастиліи уже въ 1169 году на собраніи Кортесовъ въ Бургосѣ являлись уполномоченные отъ городовъ, а въ 1188 году уже 47, а въ 1315 г. 90 городовъ имѣли своихъ представителей: XV столѣтіе было и въ Кастиліи эпохою сословной силы. Сословные *procuradores* пріобрѣли перевѣсъ даже надъ клиромъ и дворянствомъ. Но соперничество вліятельнѣйшихъ городовъ, Бургоса и Толедо и борьба родовъ между собою и съ остальными гражданами, поколебали силу городовъ. Возстаніе городовъ противъ Карла V погибло именно вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ (1520.)

Въ концѣ XVI вѣка Филиппъ II Испанскій задумалъ сломить силу кортесовъ. Хотя онъ не тронулъ форму кортесовъ, но средневѣковая самостоятельность сословій пала и на развалинахъ гражданской свободы и благосостоянія воздвигла свой тронъ абсолютная монархія. Паденіе этой монархіи совершилось въ нашемъ вѣкѣ.

Въ Португалліи на сеймѣ въ Ламего участвовали кромѣ архіепископовъ, епископовъ и другихъ благородныхъ, прокураторы отъ многихъ португальскихъ городовъ. Сеймъ въ Ламего собранъ былъ въ 1143 году Альфонсомъ I, который на полѣ битвы былъ провозглашенъ королемъ Португаліи и утвержденъ папою. На немъ даны новому королевству основные законы. Король предоставилъ сейму еще разъ утвердить его въ королевскомъ званіи. Когда это было сдѣлано, онъ сказалъ, держа мечъ въ рукѣ: «этимъ мечемъ я освободилъ васъ и побилъ враговъ вашихъ. Вы сдѣлали меня королемъ и товарищемъ вашимъ. Если это такъ, то издадимъ же законы, при которыхъ страна наша наслаждалась бы миромъ.» Они все сказали: «мы хотимъ этого, король.» Король призвалъ тотчасъ

епископовъ, дворянъ и прокураторовъ (представителей отъ городовъ), и они сказали между собою: «издадимъ прежде всего законы о престолонаслѣдіи въ королевствѣ,» и постановили слѣдующее. Нѣсколько столѣтій сохранялась въ Португалліи свободная конституція до тѣхъ поръ, пока увеличеніе постоянныхъ войскъ и богатства королей не стало грозить имъ опасностью, а властолюбіе гибелью. Впрочемъ эта конституція обновилась одновременно съ воцареніемъ Браганцскаго дома, и три сословія королевства, т. е. клиръ, дворянство и народъ приобрѣли право отказывать въ повиновеніи тиранническому королю, провозглашать новаго короля и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять свободное престолонаслѣдіе. Воснадцатое столѣтіе и здѣсь погубило сословную систему. Уже въ 1643 году былъ учрежденъ «комитетъ трехъ сословій» (*Junta dos tres Estados*), съ которыми правительство легче ладило, нежели съ самими сословіями. Во второй половинѣ XVII столѣтія кортесы созывались рѣдко, а въ XVIII ст. уже не созывались болѣе. Только въ наше время этотъ институтъ ожилъ, но уже въ новой формѣ.

2. Въ средней Европѣ представительство городовъ, и частію городского сословія, является, подобно Англии еще въ XIII вѣкѣ. Древняя норманская хроника сообщаетъ намъ, что Вильгельмъ Завоеватель, приготавлиаясь къ войнѣ для покоренія Англии, призвалъ на сеймъ кромѣ бароновъ, «нотаблей норманскихъ городовъ» (*gens notables des bonnes villes de Northmandie*) и вмѣстѣ съ нимъ издалъ законы и постановленія. Но это извѣстіе очевидно извращено позднѣйшими взглядами; древнія повѣствованія говорятъ только о дворянствѣ.

До XIII столѣтія граждане городовъ еще не выдѣлились изъ черни, а если города и были представлены на сеймѣ, то представителями ихъ, также какъ и другихъ владѣній, были ихъ бароны и фогты.

Напротивъ французскіе короли въ 1227, 1240, 1245, 1256, и т. д. привлекали къ совѣщанію о важныхъ дѣлахъ гражданъ «добрыхъ городовъ», въ надеждѣ на поддержку со стороны городовъ. Когда Филиппъ Красивый, при спорѣ своемъ съ папою Бонифаціемъ VIII, хотѣлъ

увѣрится въ сочувствіи и содѣйствіи націи; то онъ въ первый разъ въ 1302 созвалъ на общій сеймъ три сословія (духовенство, дворянство и горожанъ). При Людовикѣ X (1313—1316) было уже признано твердымъ правиломъ, что безъ согласія сословій нельзя налагать никакихъ податей.

Въ половинѣ XIV столѣтія сословія захватили въ свои руки даже правительство, а между ними пріобрѣло перевѣсъ среднее сословіе, господствовавшее до тѣхъ поръ, пока возрастающее демократическое движеніе не передало власти въ руки черни и не погибло отъ избытка собственной силы. Реакція возвысила королевскую власть. Одно время (1383—1412) сословія не созывались вовсе; но послѣ реформы 1413 года они опять стали созываться чаще и это продолжалось даже въ XVI вѣкѣ. Хотя со времени Людовика XI во Франціи начала быстро возвышаться абсолютная монархія, но все таки встрѣчаются еще собранія генеральныхъ штатовъ (*états généraux*), напр. 1560, 1576, 1588, 1593 г. Съ Людовика XIV (1643—1713) эти собранія оставались въ забвеніи, пока бури революціи снова не вызвали ихъ къ жизни.

Эти сословія были представителями своихъ особенныхъ, корпоративныхъ интересовъ. Каждое подавало только голосъ за себя, а представители городовъ получали даже инструкціи отъ своихъ довѣрителей. Учрежденіе генеральныхъ штатовъ не достигло полного національнаго развитія, и не имѣло прочной и правильной жизни.

3) Точно также происходило образованіе сеймовъ въ нѣмецкихъ территоріяхъ въ продолженіи XIII и преимущественно XIV вѣка. Постоянное представительство городовъ на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ начинается со времени короля Рудольфа Габсбургскаго (1272—1291). Но какъ collegія курфюрстовъ, или collegія князей и господъ не была верхнею палатою, такъ и скамьи городовъ не были нижнею палатою. На сеймахъ преобладалъ тотъ взглядъ, что и въ collegіи курфирстовъ и на скамьяхъ городовъ представляются не различныя составныя части народа, а самостоя-

тельные княжества и республики въ лицѣ своихъ правителей, и что земскіе и городскіе владѣльцы призваны охранять на сеймахъ свою самостоятельность противъ императора и власть надъ территориями. Понятно, что такой взглядъ препятствовалъ развитію національныхъ парламентовъ.

Но въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ земскіе сеймы устроились почти повсюду. На нихъ также участвовали три сословія, которыя въ началѣ созывались, какъ отдѣльныя единицы, а впоследствии соединились въ одно общее земство, составили собственно ландтагъ.

а) Прелаты страны, епископы и аббаты, которые прежде устранялись отъ придворныхъ сеймовъ мѣстныхъ князей и стремились превратить свои льготы въ полновластное господство, но съ половины XIV вѣка нашли для себя выгоднымъ принять участіе въ собраніяхъ земскихъ сеймовъ, въ качествѣ перваго сословія.

б) Дворянство. Въ нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ странахъ, преимущественно въ Австріи, Саксоніи, вельможнее сословіе князей, графовъ и господъ отличалось отъ средняго рыцарства. Въ Саксоніи, на подобіе Англіи, свѣтскіе господа, непосредственные вассалы имперіи, соединялись съ прелатами, а рыцари съ уполномоченными городовъ. Но во многихъ другихъ государствахъ немногочисленные члены высшаго дворянства обыкновенно соединялись въ одно сословіе съ остальными рыцарями — землевладѣльцами; къ рыцарямъ причислялись даже и служилые люди, (Dienstleute Mannschaft) владѣвшіе поземельными участками. Такъ было въ Баваріи, Силезіи, Брауншвейгѣ, Бранденбургѣ, Тюрингчи, Помераніи и т. д. Это рыцарство было вообще обширною корпораціею, потому что оно обыкновенно обнимало собою не только потомковъ рыцарей, но и всѣхъ вассаловъ страны и министеріаловъ, владѣющихъ рыцарскими участками. Въ Тиролѣ всѣ члены дворянства въ обширномъ смыслѣ имѣли право личнаго участія въ сеймѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы у нихъ не было никакого поземельнаго владѣнія.

с) Города приобрѣли право участія въ сословныхъ сеймахъ большею частью въ продолженіи XIV в. Только въ немногихъ нѣмецкихъ земляхъ зачатки этого явленія относятся къ XIII вѣку. Сюда прежде всего относится Богемія, которая по своей культурѣ долго шла впереди остальной Германіи. Тамъ уже въ 1281 г. города участвовали въ сеймѣ, хотя въ послѣдствіи они вели споръ съ дворянствомъ о признаніи этого права. Въ Баваріи въ 1307 г. представители городовъ собирались вмѣстѣ съ прелатами и рыцарями, чтобы принять мѣры противъ порчи монеты. При королѣ Людовикѣ въ 1315 г. города и торговья мѣста были поставлены рядомъ съ «поземельными влалѣльцами и служилыми людьми»: они уже тогда служили князьямъ прочною опорой противъ дворянства. Въ Бранденбургѣ съ 1308 года соединившіеся города составляли политическую силу въ государствѣ и заключали договоры съ князьями. Въ княжествѣ Люнебургѣ уже въ 1356 г. былъ назначенъ герцогскій совѣтъ изъ прелатовъ, рыцарей и городовъ; существованіе такого совѣта предполагаетъ общіе земскіе сеймы. Такимъ образомъ представительство городовъ на сеймахъ сдѣлалось общимъ правиломъ. Но представители обыкновенно не выбирались самими гражданами, а назначались и уполномочивались городскими совѣтами; иногда же въ сеймахъ участвовали бургомистры.

Участіе городовъ въ сеймахъ имѣло для Германіи важное значеніе. Имъ преимущественно поддерживалось единство государства и интересы общественной культуры: оно помогало развитію какъ княжеской власти, такъ и гражданской свободы. Исключеніе городовъ на польскихъ сеймахъ, второстепенное положеніе ихъ на венгерскихъ составляютъ главную причину постоянного неурядиства этихъ государствъ и малыхъ успѣховъ ихъ въ цивилизаціи.

d) Четвертое, крестьянское сословіе появляется на нѣмецкихъ ландтагахъ весьма рѣдко. Обыкновенно постановленія, принятая прелатами и рыцарями для ихъ крестьянъ, распространялись и на всѣхъ прочихъ крестьянъ, подчиненныхъ непосредственно мѣстному го-

сударю. Исключенія составляютъ сеймы въ Фрисландіи, на которыхъ выбранные крестьянами судьи и начальники общинъ сходились вмѣстѣ съ дворянами, для совѣщаній о благѣ страны. Въ архіепископствѣ Бременскомъ крестьяне свободныхъ общинъ также предъявляли притязанія на участіе въ земскихъ собраніяхъ. Въ Виртембергѣ города и крестьянство также соединялись. Въ Тиролѣ съ 1418 г. являлись кромѣ рыцарей и городовъ представители «долинъ и судовъ» (Thäler und Gerichte), которые заступали интересы крестьянъ.

Въ XV столѣтіи сословныя собранія достигли высшей степени могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ большею частію приняли направленіе, противорѣчившее государственнымъ потребностямъ и единству правительственной власти. Эти ошибки ихъ дали поводъ абсолютизму послѣднихъ столѣтій уничтожить сословныя собранія. Теоріи романистовъ, достигшія въ совѣтахъ князей практическаго приложенія и постоянныя войска, зависѣвшія исключительно отъ князей, способствовали ихъ ослабленію и гибели. Имперское законодательство ставило препятствія новымъ союзамъ и вооруженному сопротивленію городовъ, ограничивало ихъ право отказывать въ податяхъ и расширяло верховныя права государей. Тридцатилѣтняя война довершила паденіе сословныхъ сеймовъ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ странахъ князья, подражая абсолютизму Людовика XIV, уже не созывали сеймовъ; въ другихъ же дѣятельность ихъ обратилась въ пустую формальность. (Карль фонъ Мозеръ съ ѣдкою ироніей изобразилъ жалкія вѣрованія XVIII вѣка). Если онѣ гдѣ и сохранили еще нѣкоторое значеніе, какъ, напримѣръ въ Виртембергѣ, то это нужно назвать исключеніемъ. Съ паденіемъ нѣмецкой имперіи погибаютъ и сословныя собранія въ старинномъ своемъ видѣ, но вскорѣ возстановляются уже въ новой формѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Различіе между сословнымъ и представи- тельнымъ устройствомъ.

Съ конца среднихъ вѣковъ, когда началъ развиваться абсолютизмъ, и особенно съ половина XVI столѣтія, средневѣковое сословное устройство, вмѣстѣ съ другими учрежденіями того времени постепенно вымирало, и наконецъ погибло. Новый періодъ жизни человѣчества замѣнилъ его принципомъ народнаго представительства. Эти системы сродны между собою въ томъ, что обѣ онѣ стремятся противодѣйствовать абсолютизму государственной власти и охранить политическія права подданныхъ. Сословная система есть предшествующая ступень системы представительной; она относится къ послѣдней, какъ политическій духъ среднихъ вѣковъ къ духу новаго времени. Такъ какъ это средство и связь могутъ повести къ смѣшенію въ высшей степени опасному, то является существенная необходимость какъ можно яснѣе представить различіе въ принципѣ. Для наглядности мы поставимъ рядомъ эти принципы.

Сословный принципъ.

1. Точка отправленія его раздѣльность сословій. (Поэтому въ средніе вѣка привлекались къ участию только самыя могущественныя сословія, и въ началѣ порознь, — то одно, то другое, а прочія исключались.)

2. Даже отдѣльныя лица, какъ напримѣръ главы важнѣйшихъ фамилій или сановники (князья и бароны), а также товарищества и союзы (*universitates*) могли сами по себѣ считаться сословіями.

3. Представители городовъ и корпорацій получали отъ своихъ избирателей инструк-

Представительный принципъ.

1. Исходный пунктъ его единство цѣлаго народа. Поэтому новое время стремится слить всѣ народныя классы въ одномъ общемъ представительствѣ.

2. Если даже кто-нибудь призывается къ представительству лично, какъ глава семейства или сановникъ, то онъ имѣетъ это право не самъ по себѣ, а какъ членъ цѣлаго представительнаго собранія.

3. Мнѣнія и голоса членовъ представительнаго собранія не могутъ быть стѣсняемы пред-

ціи и порученія, въ которыхъ предписывалось подавать голоса и дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. (Когда депутаты французскаго національнаго собранія отвергли полныя противорѣчій тетради (cahiers) своихъ инструкцій, то этимъ совершенно былъ разрывъ съ сословною системою).

4. Каждое сословіе подавало свой голосъ лично и могло передать его даже личному уполномоченному («*Libertum veto*», которое въ XVII столѣтіи было признаваемо за отдѣльными членами польскаго сейма, есть крайній выводъ изъ этого направленія).

5. Уполномоченные сословій были отвѣтственны передъ своими довѣрителями и получали отъ нихъ содержаніе.

6. Сословіе имѣли на первомъ планѣ свои особыя интересы и лишь за тѣмъ общее благо.

7. Сословія соглашались на новые налоги, потребность которыхъ они признавали, только за себя однихъ, и при томъ разрѣшали отдѣльные налоги. Къ этому они часто присоединяли условія съ политическимъ содержаніемъ, напримеръ, чтобы территория не закладывалась, не отчуждалась, не раздѣлялась, чтобы безъ ихъ согласія не начиналась война, не заключались договоры о мирѣ и т. п., сами собирали подати съ своихъ членовъ, и иногда даже сами управляли

писаніями избирателей. Въ немъ должно выразаться мнѣніе и воля цѣлаго народа съ внутреннейнею свободою; съ одной стороны свободное выраженіе личнаго мнѣнія представителей, а съ другой стороны право и обязанность каждого члена выяснять и опредѣлять свое мнѣніе преніями, — признаются гарантіями правильной подачи голосовъ.

4. Подача голосовъ въ палатахъ совершается наличнымъ большинствомъ собранія; уполномоченіе другаго допускается только тогда, когда оно составляетъ общую мѣру.

5. Представители народа отвѣтственны только предъ государствомъ и получаютъ необходимое содержаніе изъ государственной казны.

6. Представительныя палаты обязаны прежде всего помышлять о благѣ народа и государства, и только подъ этимъ условіемъ могутъ принимать во вниманіе благо отдѣльныхъ классовъ.

7. Новыя палаты разсматриваютъ цѣлое государственное хозяйство, въ его связи со всѣми доходами и расходами, утверждаютъ бюджетъ, и принимаютъ участіе въ законахъ о налогахъ, но къ своему согласію не могутъ присоединять условій, а также не завѣдуютъ собираніемъ и расходованіемъ налоговъ.

казною, составившеюся изъ собранныхъ податей. ¹

8 Отношеніе сословіи къ государямъ основывались на договорномъ началѣ. Вѣрность, которою они обязывались территоріальнымъ владѣльцамъ, была условна. Особыя права и вольности ихъ ² утверждались и возобновлялись на основаніи договоровъ. ³

9. Сословія вступали въ переговоры договаривались и спорили съ своими князьями, какъ самостоятельныя силы. Иногда между ними происходили войны ⁴, какъ между независимыми державами, тогда каждая сторона набирала войско, содержало его и распоряжалась имъ.

10. Средневѣковые сеймы занимались законодательствомъ только какъ второстепеннымъ дѣломъ, но свое вліяніе иногда

8. Въ новомъ государствѣ господствуетъ принципъ единого законодательства, въ которомъ палаты принимаютъ участіе. Общая свобода, равно какъ и особыя права отдѣльныхъ классовъ охраняются общимъ государственнымъ закономъ.

9. Новое государство не допускаетъ такого раздвоенія организма; оно охраняетъ при всѣхъ обстоятельствахъ единство государства, и государственнаго управленія и признаетъ одно только войско и одного военачальника.

10. Новое государство всю правительственную дѣятельность исключаетъ изъ палатъ, и предоставляетъ имъ

¹ На рыцарскомъ сеймѣ въ Шнайтнахъ герцоги Верхней Баваріи объявили дворянству и рыцарству, что если они (князья) противъ воли сословіи потребуютъ общаго налога, то такой поступокъ будетъ противенъ вѣрности, и сословія вправѣ отказать въ уплатѣ налога. — Въ 1363 г. герцогъ обѣщаль сохранять территорію Верхней Баваріи нераздѣленною и нераздробленною. Въ 1393 г. герцоги Нижней Баваріи обѣщали не начинать войны безъ совѣщанія съ сословіями.

² Магрграфы бранденбургскіе въ 1282 г., договорились съ своими сословіями, что если они, князья, не выполнятъ своихъ обѣщаній, то вассалы имѣютъ право отложиться отъ нихъ, пока обѣщанія не будутъ исполнены. Померанскіе герцоги въ подобномъ случаѣ, дозволили своимъ сословіямъ въ 1348 г., избрать другаго князя, «который управлялъ бы ими сообразно съ ихъ правами и вольностями». Въ герцогствѣ Брауншвейгъ Люнебургскомъ былъ въ 1392 г., учрежденъ судъ, Sate, изъ 8 рыцарей и 8 совѣтниковъ, въ который сословія могли приносить жалобы на князей, и который имѣлъ правъ удерживать княжескіе доходы до тѣхъ поръ пока не послѣдуетъ удовлетвореніе по правильнымъ жалобамъ, Unger 11, стр 262

³ Многочисленные примѣры можно видѣть въ древнебаварскихъ грамотахъ сословныхъ сеймовъ, изданныхъ Lerchenthald. München. 1853.

⁴ Такія войны происходили повсюду, въ Австріи, Баваріи, Бранденбургѣ, Виртембергѣ до тѣхъ поръ, пока вѣчнымъ миромъ 1425 г. и измѣнившимся ученіемъ романистовъ не былъ положенъ конецъ этимъ междоусобіямъ.

распространяли до соправленія. Для этого назначали особые совѣты¹, у которыхъ князья обязаны были испрашивать согласія, а въ важныхъ случаяхъ удерживали право рѣшенія за собою.

11. Изъ сеймовъ, часто выдѣлялись постоянные комитеты, первоначально для контроля надъ правительствомъ². Но правительства нерѣдко пользовались ими, чтобы устранить безпокойныя собранія сословій и привести къ ихъ отмѣнѣ.

12. Права и обязанности средне-вѣковыхъ сословій были основаны частію на гражданскомъ, частію на государственномъ правѣ.

только контролирующее мнѣніе, а не соучастіе въ управленіи. Напротивъ, на представительныя собранія оно возлагаетъ законодательство, какъ важнѣйшую ихъ дѣятельность (Англійское парламентское правленіе хотя развилось въ позднѣйшее время, но въ этомъ отношеніи удержало средне-вѣковую черту.)

11. Новое государство знаетъ только собранія цѣлаго представительства, и не хочетъ ни затруднять правительство, ни служить ему посредствомъ комитетовъ.

12. Права и обязанности представительнаго собранія и его членовъ основаны чисто на государственномъ правѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Составъ законодательнаго собранія.

Законодательное собраніе представляетъ собою весь организованный народъ; оно есть соразмѣрное извлеченіе изъ всего народнаго организма— вотъ принципъ новаго государственнаго устройства. Принимая его за исходную точку, легко отвѣчать на цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ.

¹ Сюда принадлежатъ совѣты XII и XV, которыми были обставлены ниже баварскіе герцоги въ 1324 г. и 1341; XII совѣтниковъ, которые въ 1355 г. окружали герцога Людвига Брауншвейгскаго, совѣты Тирольскіе въ 1363 г., Виртембергскіе совѣты 1419, 1457 и 1498 г. и т. д. Въ 1555 г. сословія Брауншвейгъ-Люнебургскіе взяли на себя даже правленіе Унгер II, стр. 280.

² Таковы верхнебаварскіе комитеты рыцарства и городовъ въ 1430 году.

1. Вопросъ объ участіи правителя въ законодательной власти, получившій только въ новѣйшее время практическое значеніе — ибо въ древности и въ средніе вѣка, это участіе разумѣлось само-собою — этотъ вопросъ становится лишнимъ съ точки зрѣнія органическаго государства. Онъ появился только тогда, когда упуская изъ виду внутреннюю живую связь государственнаго тѣла, стали отдѣлять законодательную власть отъ правительственной, противопоставлять одну другой, какъ равную равной, и строить первую снизу вверхъ, послѣднюю сверху внизъ.

Если законодательство представляетъ собою весь организованный народъ, то главѣ государства принадлежитъ въ немъ тоже мѣсто, какое головѣ въ тѣлѣ, правителю въ народѣ, т. е. высшее и главное.

Англійское государственное право знакомо съ этимъ положеніемъ. Еще древній *modus tenendi parlamentum* высказываетъ слѣдующее юридическое положеніе: «*Rex est caput, principium et finis parliamenti*. Равнымъ образомъ и большая часть новыхъ конституцій, основанныхъ на системѣ представительной монархіи, приписываютъ законодательную власть королю и палатамъ¹.

Въ новыхъ республиканскихъ государствахъ, напротивъ, законодательная власть присвоивается обыкновенно большимъ представительнымъ собраніямъ исключительно, а правительству не предоставляется въ ней, по крайней мѣрѣ формально, никакого участія. Кромѣ ложнаго представленія о раздѣленіи властей, на эту особенность имѣло вліяніе отчасти пристрастіе демократій къ большимъ собраніямъ, отчасти опасенія, чтобы власть правительства не сдѣлалась чрезмѣрною.

Но фактически и республиканское правительство сохраняетъ значительное вліяніе на законодательство, въ

---

¹ Такъ франц. конст. 1814, § 13: «Законодательная власть принадлежитъ королю вмѣстѣ съ палатою перовъ и палатою депутатовъ.» Нидерл. конст. 1815, § 105. Бавар. конст. 1818, § 1. Португ. 1826, §§ 13, 58, 74. Бельг. 1831, § 26. Испан. 1837. §§ 12 и 46. Неаполит. 1848, § 4. Сардин. 1848. Прусск. 1850, § 62.

Швейцаріи болѣе въ формѣ инициативы, въ сѣверной Америкѣ въ формѣ veto ¹.

2. Народъ долженъ быть представляемъ во всей полнотѣ, потому представительство должно обнимать всѣ составныя части народа, не исключая и низшихъ слоевъ населенія. И въ нихъ должно быть уважено политическое гражданство. Вотъ истина, которая лежитъ въ основаніи новыхъ требованій, заявленныхъ въ пользу всеобщей подачи ².

Но всеобщая подача голосовъ устанавливаетъ развѣ только ариѳметическую полноту, а не органическую, и то невѣрно и обманчиво. Она или совсѣмъ не имѣетъ въ виду меньшинства, или не даетъ ему соответствующаго мѣста. При борьбѣ партій, когда настроеніе изби-

---

¹ Конституція сѣверо-американскаго союза 1787 г. Ст. I. «Законодательная власть во всей полнотѣ вручается конгрессу соединенныхъ штатовъ, состоящему изъ сената и палаты представителей.» Ст. I, 7: «Всякій билль представляется на утвержденіе президента соединенныхъ штатовъ, прежде чѣмъ войдетъ въ законную силу.» Тоже по конституціямъ отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Въ Швейцаріи, (наприм. по Ц ю р и х. конст. §§ 38 и 57) законодательная власть представляется обыкновенно большимъ совѣтамъ однимъ, но правительству принадлежитъ начертаніе и одобреніе законовъ. Швейц. союзн. конст. 1848, §§ 74 и 90 Франц. конст. 1848, §§ 20 и 58. Въ Н о р в е г і и въ конституцію вошло демократическое воззрѣніе, § 49, но правительству оставлена инициатива и veto, § 79. Германская конст. 1849, (§ 101, оставляла императору только ограниченное участіе и такимъ образомъ впадала въ противорѣчіе съ монархическимъ началомъ.

² Дѣльныя замѣчанія о всеобщей подачѣ голосовъ можно найти у С и с м о н д и, *Etudes, sur les Constitutions der peuples libres* I, стр. 48, слѣд. и стр. 141: «По любимой современной системѣ охраненіе этихъ интересовъ (религіи, науки, земледѣлія, торговли, фабричной промышленности, ремесль) предоставляется случаю; предполагается, что между депутатами провинцій найдется по одному для представительства cadaго изъ этихъ упущенныхъ изъ виду интересовъ. Но прежде всего такое предположеніе ни на чемъ не основано, многіе интересы никогда не будутъ представлены. Даже въ томъ случаѣ, когда они получаютъ представительство, представителями ихъ не будутъ люди свѣдущіе, избранные за свое знакомство съ этими вопросами, проникнутые интересами классовъ, которые представляютъ, привыкшіе защищать ихъ.

рателей значить болѣе нежели, ихъ интересы, слабѣйшая партія можетъ составлять треть всего народа. Между тѣмъ въ представительномъ собраніи, избранномъ большинствомъ по избирательнымъ округамъ она можетъ не имѣть вовсе представителей или же имѣть ихъ только на десятую часть.

Еще меньшаго одобренія заслуживаетъ этотъ способъ избранія съ органической точки зрѣнія. Онъ не представляетъ никакихъ гарантій въ томъ, что различныя составныя части и интересы народа получаютъ представительство, соотвѣтствующее ихъ значенію для національнаго благосостоянія; ни тѣ ни другіе не опредѣляются простымъ числомъ, подводящимъ всѣхъ гражданъ подъ одну мѣрку. Всеобщая подача голосовъ недостаточно обращаетъ вниманіе какъ на политическую способность, такъ и на нравственное развитіе. Понимаемая, какъ право голоса, равнаго для всѣхъ, и прилагаемая во всей полнотѣ, она отдаетъ власть надъ высшими классами общества грубой и неопытной, но многочисленной толпѣ, ставитъ въ опасность интересы культуры и собственности, и своимъ количествомъ угрожаетъ лучшему качеству. Она ставитъ сыновей надъ отцомъ, подмастерьевъ надъ мастеромъ, слугъ надъ господиномъ, младшихъ надъ старшими, неимущихъ надъ зажиточными, невѣжественныхъ надъ образованными; льстя массамъ, она въ то же время обманываетъ ихъ¹. Таковъ принципъ абсолютной демократіи, «несправедливое представительство одного большинства вмѣсто справедливаго представительства всѣхъ».

3. Представительство должно быть соразмѣрно. Французское національное собраніе дало примѣръ пренебреженія къ этому принципу. Между тѣмъ Мирабо высказалъ его весьма рѣзко еще 28-го января 1789 года: «генеральные штаты для народа тоже самое, что географическая карта для внѣшняго вида страны». Въ своихъ частяхъ и въ цѣломъ они должны изображать тѣ же отношенія, какія представляются въ оригиналѣ. Дѣйствительно, какъ

---

¹ Слова Д. С. Милля, въ разсужденіяхъ о представительномъ правленіи (перев. Wille стр. 85).

карта изображаетъ горы и долины, озера и рѣки, лѣса и поля, города и селенія, такъ и законодательное собраніе должно представлять собою всѣ составныя части народа, какъ цѣлое въ извлеченіи, и соотвѣтственно дѣйствительнымъ отношеніямъ. — Болѣе благородныя составныя части не должны быть подавляемы массами, и послѣднія не должны быть устраняемы; участіе каждой составной части опредѣляется ея значеніемъ въ цѣломъ и для цѣлаго. Къ органическимъ отношеніямъ прикладывается національный масштабъ.

4. Сообразно основному принципу долженъ быть рѣшенъ и вопросъ о числѣ палатъ. Нѣсколько палатъ, какъ теперь въ Швеціи, или прежде во Франціи и на Германскомъ Сеймѣ, слишкомъ раздробляютъ представительное собраніе и дѣлаютъ его неповоротливымъ. Потому въ новое время вопросъ состоитъ лишь въ томъ, должна ли быть одна палата или двѣ.

Большая часть романскихъ и германскихъ государствъ и почти всѣ приверженцы конституціонной монархіи признаютъ за правило двухпалатную систему. Только въ видѣ исключенія, во времена революціонныхъ броженій, когда являлась потребность сосредоточить всю силу революціи въ одномъ центрѣ, чтобы направлять ее оттуда съ неудержимою энергіею, только въ такія времена, подъ вліяніемъ демократическихъ стремленій, народы предпочитали соединять все представительство въ одной палатѣ. Это случилось даже въ Англіи послѣ казни Карла I въ 1649, во Франціи въ промежутокъ отъ 1789 до 1795 г., во второй разъ въ 1848, въ Испаніи въ 1810 г., въ Германіи въ 1848. Однопалатная система принята почти только въ швейцарскихъ кантонахъ и нѣсколькихъ нѣмецкихъ государствахъ, у небольшихъ народовъ, гдѣ нѣтъ соціальныхъ противоположностей между массами ¹.

Въ одной палатѣ повидимому больше простоты и соотвѣтствія народному единству. Конечно, сама по себѣ,

---

¹ Изъ статистическихъ данныхъ видно, что двухпалатная система распространяется въ Европѣ приблизительно на 173 мил. населенія, однопалатная только миллионъ на 9. Впрочемъ здѣсь Швейцарія, какъ союзъ, причисляется къ первому классу.

она не представляет собою всего народа, потому что къ нему принадлежит и государь. Но въ ней находятъ себѣ представительство остальной народъ, кромѣ главы, такъ сказать туловище, которое также составляетъ единицу.

Но великій историческій опытъ внушаетъ осторожность особенно при мысли, что дѣленіе народной общины на князей и остальной народъ проявилось еще во времена первоначального, безискусственного сложенія германской государственной жизни, а потомъ во времена сознательнаго государственнаго порядка точно также взяла перевѣсъ двухпалатная система.

Преимущества двухпалатной системы слѣдующія:

а) Понятно, что четыре глаза видятъ больше и лучше чѣмъ два, особенно когда тотъ же предметъ разсматривается съ различныхъ точекъ зрѣнія. Потому нельзя не признать пользы повтореннаго обсужденія, которому подвергаются проекты закона со стороны двухъ палатъ, стоящихъ на различной почвѣ.

б) Въ законодательствѣ ненужно и нежелательно скорое рѣшеніе, потому что его задача установить постоянныя отношенія народа, а не удовлетворить временнымъ потребностямъ, что составляетъ дѣло правительства. Двухпалатная же система устраняетъ страстность и ошибки, свойственныя одной палатѣ, предохраняетъ отъ запальчивости, легко овладѣвающей большими собраніями, и служитъ преградой опасной склонности послѣднихъ къ разширенію своей власти и деспотизму.

в) Особенно важенъ сенатъ или палата перовъ рядомъ съ палатою представителей, какъ преграда противъ демократической подвижности послѣдней. Она оберегаетъ ее отъ злоупотребленія власти и порчи и служитъ твердою опорой для свободы и правъ меньшинства, когда имъ угрожаетъ большинство.

г) Для конституціонной монархіи сюда присоединяется еще одно соображеніе. При одной палатѣ монархъ легко можетъ быть вовлеченъ въ борьбу партій или стать въ непріязненное отношеніе къ народному представительству. Тогда онъ превратится въ гонителя, или угне-

теннаго. Напротивъ при двухъ палатахъ, уклоняясь отъ непосредственной борьбы, онъ можетъ, подобно стрѣлкѣ въ вѣсахъ, служить для борющихся сторонъ регуляторомъ. Единство государства, твердость и достоинство монархіи, спокойствіе и порядокъ законодательнаго сословія имѣютъ въ этомъ одинаковый интересъ.

Въ глазахъ государственнаго челоука эти преимущества рѣшаютъ вопросъ. Но теорія требуетъ болѣе прочнаго установленія принципа. У всѣхъ народовъ, обладающихъ высшими способностями, существуетъ между демосомъ и аристократіею внутренняя противоположность, которая находится въ связи съ естественною противоположностію между количествомъ и качествомъ. Въ средніе вѣка представительная сила принадлежала аристократіи. Въ новое время она сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ такъ-называемой народной палаты. Последняя же, хотя и не есть сама масса населенія, но исходитъ изъ нея и на нее опирается.

Если бы въ представительствѣ имѣлись въ виду только массы, оно было бы неполно. Оно воплощало бы въ себѣ характеръ и интересы однихъ массъ, хотя и въ ихъ высшемъ выраженіи. Но высшія способности принадлежатъ по своей природѣ не массамъ, а только меньшинству. Однако же онѣ имѣютъ величайшее значеніе для силы и благоденствія государства и составляютъ естественное восполненіе и преграду для массъ. Между тѣмъ въ палатѣ представителей онѣ не нашли бы себѣ выраженія и не были бы представлены въ той степени, которая соотвѣтствуетъ ихъ отношенію къ цѣлому. Этому можетъ удовлетворить только отдѣльная палата. Политически важныя стороны и группы народнаго организма принимаются въ уваженіе, получаютъ значеніе только тогда, когда рядомъ съ главою государства выступаетъ представительство народа (какъ демоса) и лучшаго меньшинства, (какъ аристократіи), когда національное собраніе составляется изъ четвертаго и третьяго сословія, а сенатъ или верхняя палата изъ втораго.

5. Большая часть европейскихъ конституцій подражаютъ англійской въ томъ, что не только предписываютъ той и другой палатѣ отдѣльно совѣщаться и постанов-

лять рѣшенія, но и принимаютъ за правило что несогласіе одной изъ нихъ дѣлаеть недѣйствительными постановленія другой. Первое предписаніе обезпечиваетъ разносторонность и свободу обсуждения. Но второе очевидно парализируетъ дѣятельность парламента и противорѣчитъ единству государства, которое не должно нарушаться сопротивленіемъ частей.

Въ Англіи органической недостатокъ конституціи исправляется политическимъ духомъ парламента. Продолжительная отсрочка необходимыхъ реформъ въ слѣдствіе разноголасія палатъ если и возможна тамъ формально, то фактически она составляетъ неслыханное дѣло. Правда повремениамъ верхняя палата откладываетъ и измѣняетъ постановленія нижней.

Однако же она остерегается встрѣтить продолжительнымъ сопротивленіемъ неоднократныя требованія нижней, когда онѣ одобряются народомъ. Но во многихъ изъ континентальныхъ государствъ политическая противоположность палатъ гораздо рѣзче и сильнѣе. Здѣсь недостатокъ конституціи, незнающей средствъ для установленія единства въ государственномъ тѣлѣ, можетъ породить величайшую опасность для государственной жизни. Палаты, когда одна изъ нихъ стремится впередъ, другая пятится назадъ, уподобляются скорѣе двумъ лошадямъ запряженнымъ въ телѣгу одна спереди другая сзади, нежели органическому цѣлому.

Между тѣмъ, такое положеніе дѣлѣ противорѣчитъ сущности новаго государства. Новое государство придаетъ величайшее значеніе единству государственной воли и ея дѣятельности и не допускаетъ разлада между частями цѣлаго.

Очень лишь немногія конституціи умѣряютъ и устраняютъ эту ошибку заботясь объ окончательномъ соглашеніи обѣихъ палатъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Составъ нижней палаты.

Нижняя палата исходитъ изъ народа и представляетъ его мнѣнія и интересы. По началу представитель-

ства, она составляетъ извлеченіе изъ народа, основанное на годности и способности избираемыхъ. Такимъ образомъ она является высшимъ выраженіемъ народа, какъ демоса. Это такъ сказать государственное качество народнаго количества. Потому нижняя палата составляетъ изъ совокупности государственныхъ гражданъ обыкновенно посредствомъ избранія ¹; она есть до нѣкоторой степени приложеніе политическаго начала представительной демократіи. Въ новое время въ ней болѣе и болѣе замѣтенъ характеръ послѣдней въ большей части европейскихъ государствъ ².

---

¹ Избраніе не составляетъ конечно абсолютной необходимости; Эдм. Боркъ. 1792 г. «Гдѣ лица, дѣйствующія отъ имени другихъ, связываются съ ними общеніемъ интересовъ, родствомъ воззрѣній, тамъ существуетъ дѣйствительное, хотя не формальное представительство. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое представительство лучше формальнаго, при которомъ представители избираются тѣми, кого представляютъ. Народъ можетъ обмануться въ своемъ выборѣ, тогда какъ общеніе интересовъ и воззрѣній рѣдко вводитъ въ обманъ. Однако же дѣйствительное представительство не прочно и ненадежно, когда оно не опирается, по крайней мѣрѣ отчасти, на представительство формальное.»

² Боркъ высказывается о причинахъ современнаго ему неудовольствія въ словахъ, которыя по мнѣнію Брума, слѣдовало бы изобразить золотыми буквами надъ главнымъ входомъ въ палату общинъ. Вотъ эти слова. «Народное происхожденіе не составляетъ характеристическаго отличія народнаго представительства. Эта черта принадлежитъ въ одинаковой степени всѣмъ членамъ государственнаго тѣла и во всѣхъ формахъ. Всѣ они имѣютъ полномочіе отъ имени народа. Никакая власть не вручается лицу для собственной пользы, и хотя власть и есть учрежденіе божественной воли, однако же всѣ формы и лица, облеченныя ею, ведутъ свое начало отъ народа. Достоинство, духъ, существо палаты общинъ въ томъ, что она представляетъ собою выраженіе національнаго чувства. Она учреждена для того, чтобы имѣть надзоръ не надъ народомъ, а во имя народа. Другія учрежденія возникли для обузданія народа. Палата общинъ никогда не имѣла своею задачею охраненіе мира и внѣшняго порядка; она нисколько не способна къ этому. У нея нѣтъ оружія крѣпче посоха, нѣтъ лучшихъ офицеровъ, чѣмъ ея вооруженные приставы, которыми она повелѣваетъ собственною властію. Бдительный и ревни-

Граждане имѣющіе право голоса, распредѣляются обыкновенно по избирательнымъ округамъ безъ всякаго вниманія къ ихъ особеннымъ свойствамъ. Каждому избирательному округу предоставляется извѣстное число представителей по числу его членовъ или населенія. Избираетъ большинство, меньшинство не принимается затѣмъ въ соображеніе.

Выгода этого учрежденія состоитъ главнымъ образомъ въ простотѣ ариѳметическихъ отношеній и въ томъ, что оно опирается на демократическое равенство всѣхъ. Органическому возрѣнію на государство оно представляется грубымъ и неудовлетворительнымъ.

Оно не обезпечиваетъ въ достаточной мѣрѣ, ни полноты народнаго представительства, ни его истинности. Если различные интересы торговли, фабричной промышленности, ремесла, сельскаго хозяйства, интересы образованія и науки, интересы правовѣдѣнія получаютъ представительство при такомъ учрежденіи, то это будетъ дѣломъ чистаго случая. Самый способъ избранія не имѣетъ ничего этого въ виду. Онъ не представляетъ ни какихъ гарантій въ томъ, что будутъ избраны самые лучшіе и свѣдущіе люди. Такіе выборы часто бывали и бываютъ игрою партій и ихъ страстей. вмѣсто представителей народныхъ интересовъ изъ нихъ выходятъ иногда собранія, представляющія главнымъ образомъ политическія страсти и предразсудки, собранія безъ всякаго зазрѣнія приносящія въ жертву измѣнчивому настроенію партій дѣйствительныя и постоянныя интересы народа.

вый надзоръ надъ административными и судебными учрежденіями, неусынное попеченіе о публичныхъ суммахъ, самая строгая внимательность къ публичнымъ нуждамъ—вогъ что очевидно составляетъ истинный характеръ палаты общинъ. Съ другой стороны палата общинъ, составляющая адреса, когда народъ подаетъ петиціи, исполненная довѣрія, когда народъ предается отчаянію, живущая въ полномъ согласіи съ министрами, которыхъ народъ ненавидитъ, предубѣжденная противъ народа при всякомъ разладѣ его съ правительствомъ, карающая его за беспорядки и въ тоже время уклоняющаяся отъ изслѣдованія ихъ причинъ — такая палата общинъ составляетъ противоестественное и уродливое явленіе въ нашемъ устройствѣ.»

Нельзя не обратить вниманія на реформу, предложенную Геромъ. Она разсматриваетъ всѣхъ гражданъ, какъ одинъ избирательный округъ и ставитъ выборы въ исключительную зависимость отъ опредѣленнаго числа голосовъ, соединившихся въ пользу одного лица. Эта реформа устранила бы многія несообразности современнаго порядка и сдѣлала бы возможнымъ представительство меньшинства и интересовъ. Но она не осуществлена еще ни гдѣ и принадлежитъ въ настоящее время области политика, а не государственнаго права.

Не разъ повторялись попытки образовать представительство по классамъ, соединеннымъ общими воззрѣніями и интересами ¹. Такая организація имѣетъ не одно преимущество передъ выборами, которые производятся пестрою толпою. Ошибаются тѣ, которые относятъ представительство классовъ къ средневѣковой сословной а не новой представительной системѣ. Вполнѣ соотвѣтствуя основной идеѣ народнаго представи-

---

¹ Sismondi, Etudes 1, стр. 110 говоритъ объ устройствѣ флорентійской республики 1266 г. „Республика дѣлила все население на 12 корпорацій, называвшихся“ ремеслами „(les arts); различая за тѣмъ высшія ремесла и низшія, она давала первымъ нѣкоторыя преимущества передъ послѣдними, однако же всѣмъ попеременно представляла право назначить одного члена въ высшее государственное учрежденіе. Каждая корпорація имѣла свой домъ, куда собиралась для избранія своихъ должностныхъ лицъ и представителей. Каждая имѣла возможность изучать самое себя, знакомиться со своими интересами и дѣлать объ нихъ представленія своему пріору, одному изъ шести членовъ высшаго учрежденія, въ которомъ соединялся надзоръ за всѣми. Каждая имѣла военную организацію, свое знамя и была проникнута сознаніемъ возможности сопротивляется. Такимъ образомъ ученые, образованные, капиталисты, купцы, ремесленники всѣ были выслушиваемы отдѣльно; всѣ интересы подвергались обсужденію, и рѣшеніе зависѣло больше отъ мудрости нежели отъ числа. Каждый флорентинецъ даже бѣдный и невѣжественный чувствовалъ, что имѣетъ значеніе въ своемъ отечествѣ. Въ качествѣ члена своей корпораціи онъ принималъ участіе въ политическихъ и державныхъ правахъ, и между тѣмъ верховная власть не представлялась большинству, которое во всѣхъ нашихъ государствахъ неизбѣжно находится въ бѣдности, невѣжественно и не способно здраво судить о политическихъ дѣлахъ.

тельства, которое должно быть вѣрнымъ отраженіемъ народа, такое устройство выборовъ составляетъ ея дѣйствительное осуществленіе. Чтобы цѣлое отражалось, должны быть видны и части, конечно, не какъ самостоятельныя хотя и меньшія тѣла, но именно, какъ части. Чтобы карта была хороша, въ ней должны быть видны не одни числа и прямыя линіи, но горы, долины и озера, города и селенія страны. Если народъ состоитъ изъ сословіи и классовъ, то и отраженіе народа должно представлять въ свою очередь эти составныя элементы. Однакоже въ наше время ко всякому устройству такого рода относятся вообще съ недоувѣріемъ. Наше время съ одной стороны еще недостаточно уяснило себѣ дѣленіе на классы и опасается, чтобы среднеувѣковыя сословія невозобновились подъ новымъ именемъ, съ другой оно боится, какъ бы отъ представительства по классамъ не потерпѣло единство народнаго сознанія и не нарушилась истинная равноправность.

Во всякомъ случаѣ лучше избирательныхъ округовъ съ однимъ математическимъ опредѣленіемъ такіе округа которые примыкаютъ къ органическимъ частямъ страны, особенно къ общинамъ. Въ нихъ проявляется по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени одинаковой образъ жизни и однородные интересы. Но въ большихъ государствахъ кругозоръ отдѣльныхъ общинъ слишкомъ ограниченъ и малъ для того, чтобы основать на немъ представительство страны.

2. Необходимо рассмотретьъ противоположность между выборами непосредственными и постепенямъ (*par degré*). Первые производятся первоначальными избирателями, вторые выборными. Непосредственный способъ избранія имѣетъ слѣдующія преимущества:

а) Избиратели и избираемые находятся въ прямомъ отношеніи довѣрія, тогда какъ при выборахъ по степенямъ легко можетъ случиться, что избранные, пользуясь довѣріемъ выборнаго не пользуется имъ со стороны первоначальнаго избирателя.

б) Вниманіе и интересъ избирателей сильнѣе при этой

системъ, чѣмъ когда между избирателями и окончательнымъ избраніемъ стоитъ посредствующая ступень.

Съ другой стороны слѣдующія основанія приводятся въ пользу выборовъ по степенямъ.

а) При обширности избирательныхъ округовъ нелегко собрать первоначальныхъ избирателей на одномъ мѣстѣ. Если же масса избирателей остается раздѣленною и разсѣянною, то трудно добиться результата выборовъ. Въ такихъ случаяхъ выборы по степенямъ представляютъ удобное средство выдти изъ затрудненія.

б) Когда право голоса нисходитъ слишкомъ низко, распространяясь на большія массы, тогда назначеніе избирателей ведетъ къ уменьшенію массы, къ образованію болѣе способнаго и лучшаго сословія избирателей. Если оно не образуется такимъ органическимъ путемъ, то посредниками и руководителями массы становятся клубы, которые превращаясь въ избирательные комитеты, рѣшаютъ задачу выборныхъ неорганическимъ путемъ.

Впрочемъ всего ближе къ непосредственнымъ выборамъ выборы посредствомъ большаго числа выборныхъ, такъ что напримѣръ надесять первоначальныхъ избирателей приходится одинъ выборный.

Въ Англии, Сѣверной Америкѣ, теперь и во Франціи, Бельгіи и большей части Швейцарскихъ кантоновъ введены непосредственные выборы, въ Испаніи, Пруссіи и большей части германскихъ государствъ выборы по степенямъ.

3. Особенныя свойства избирателей.

Такъ какъ въ нижней палатѣ получаетъ представительство народная масса, то необходимо признать правиломъ распространеніе права голоса на совокупность государственныхъ гражданъ (ср. выше книга II глава 19).

Однако же сообразно назначенію представительнаго собранія, это правило видоизмѣняется въ силу различныхъ соображеній.

а) Въ римскомъ центуріальномъ устройствѣ старшимъ избирателямъ давалось большое право голоса, нежели младшимъ. Такимъ образомъ въ интересахъ общаго

блага, обращалось надлежащее вниманіе на опытность стариковъ, которые уступаютъ молодымъ въ численности. Новыя конституціи¹ слишкомъ пренебрегаютъ этимъ соображеніемъ, и часто представляютъ раздражительному и подвижному юношеству огромное вліяніе.

b) Чаше обращается вниманіе на имущество. Имущество не только принимается какъ условіе самостоятельности государственнаго гражданина, но и независимо отъ этого заслуживаетъ особеннаго вниманія. Охраненіе имущества подданныхъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства. Слѣдовательно при образованіи представительства собственность можетъ быть принята въ соображеніе, однакоже не исключительно, потому что личныя рабочія силы массъ составляютъ не менѣе важный факторъ народныхъ силъ.

Боркъ (6) учитъ: «настоящее представительство государства требуетъ, чтобы была представлена какъ способность, такъ и имущество. Но такъ какъ способность начало живое и дѣятельное, а собственность не подвижна, неповоротлива и робка, то она не будетъ обезпечена противъ способности, если не пользуется значительнымъ преобладаніемъ въ представительствѣ.»

Въ своемъ цензѣ римляне придавали этой мысли особый вѣсъ, и предоставляли кассамъ собственниковъ гораздо болѣе участіе въ представительствѣ, чѣмъ неимущимъ. Этому устройству подражаетъ прусская конституція 1850 г. Она раздѣляетъ первоначальныхъ избирателей по количеству платимыхъ податей, на три класса различныя по численности. Самые богатые граждане, вносящіе вмѣстѣ треть податей въ общинѣ или избирательномъ округѣ, назначаютъ треть выборныхъ; граждане съ среднимъ достаткомъ, платящіе вмѣстѣ вторую треть, избираютъ вторую треть выборныхъ; менѣе зажиточные, которые въ гораздо большемъ числѣ платятъ послѣднюю треть, назначаютъ и выборныхъ только въ числѣ третьей части.

---

¹ Наполеонъ I въ своихъ конституціяхъ имѣлъ въ виду этотъ моментъ.

Въ этомъ устройствѣ, которое еще нуждается въ развитіи, есть прогрессъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ порядкомъ, допускающимъ только два класса, одинъ изъ которыхъ лишенъ права голоса, а другой пользуется имъ въ одинаковой степени.

Въ Англіи со времени билля о реформѣ 1832 г. отъ избирателя требуется слѣдующія условія.

а) Въ графствахъ поземельное владѣніе (не одна собственность. а и аренда) съ чистымъ доходомъ въ 10 фунтовъ стерлинговъ.

б) Въ городахъ и избирательныхъ мѣстечкахъ собственный или нанятой домъ, магазинъ или лавка съ ежегоднымъ доходомъ въ 10 фунтовъ стерлинговъ.

Вслѣдствіи реформы въ Англіи на поселеніе въ 14 милліоновъ приходится до 800000 избирателей, большая половина которыхъ (нѣсколько больше 450000) принадлежитъ графствомъ. Въ Ирландіи, напротивъ, отношеніе населенія (больше 8 мил.) къ числу избирателей (около 150000) значительно больше. Число избирателей всей Великобританіи съ населеніемъ приблизительно въ 26 милліоновъ немного превышаетъ одинъ милліонъ.

Во Франціи, по конституціи 1814, отъ избирателей требовалось не имущество только, а богатство. Избирателемъ считался только тотъ, кто платитъ 300 франковъ прямыхъ налоговъ Законъ 1831 г. уменьшилъ это требованіе до 200 фр. и повысилъ число представителей съ 80 до 174 тысячъ при населеніи въ 30 сличнимъ милліоновъ. Такимъ образомъ онъ смягчилъ характеръ плутократическаго представительства, но неизмѣнилъ его. Конституція 1848 отважилась на опасной прыжокъ изъ плутократіи въ охлократію, она уничтожила всякій цензъ (ст. 25).—На этомъ широкомъ основаніи вознигла наконецъ имперія.

Австрійская конституція 1849 г. (§ 44) требовала платежа прямого налога по крайней мѣрѣ въ 5 гульденовъ въ селеніяхъ и малыхъ городахъ, и 10—20 гульденовъ въ большихъ.

По конституціи 26 февраля 1861 г. депутаты имперскаго сейма избираются земскими сеймами коронныхъ земель. Въ отдѣльныхъ земляхъ представительство уст-

роено по классамъ. Оно распредѣляется между а) высшими церковными сановниками (епископами), б) крупными землевладѣльцами, с) городами, промышленными мѣстечками, торговыми и промышленными камерами, d) остальными земскими общинами. Крупнымъ землевладѣльцамъ и городамъ принадлежатъ не посредственные выборы, сельскимъ обществамъ выборы по степенямъ; низшіе классы, неплатящіе податей или платящіе ихъ въ маломъ количествѣ, не имѣютъ права голоса.

4. Извѣстно, что еще у древнихъ возбуждалъ значительныя пренія вопросъ о подачѣ голосовъ, открытой или тайной, письменной или устной или посредствомъ поднятія рукъ. Разсужденія римскихъ государственныхъ людей по этому вопросу (Суега, de legibus III 15—17) имѣютъ и для нашего времени немалый интересъ.

Обыкновенно съ тайной подачею голосовъ соединяется письменная, съ открытою устная или посредствомъ поднятія рукъ, однако это бываетъ не всегда. Свободнѣе открытая и изустная, точнѣе и осторожнѣе тайная и письменная. При открытой подачѣ голосовъ легко получаютъ вліяніе сильные люди, иногда и демагоги; при тайной мелкіе люди скорѣе способны слѣдовать своему собственному, но иногда предписанному клубами, мнѣнію. Гдѣ политическая жизнь проявляется въ открытыхъ формахъ, тамъ и способу избранія не прилична тайна.

Въ Англіи и Сѣверной Америкѣ избраніе происходитъ открыто и изустно. Во Франціи тайная подача голосовъ удержана конституціею 1848 г. (§ 26). Въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи принята смѣшанная система: письменная подача голосовъ, открытая для избирательной комисіи, но тайная для публики. Такъ дѣлается въ Баваріи. Въ Швейцаріи часто встрѣчается открытая подача голосовъ наряду съ тайною, первая больше при временномъ избраніи, послѣдняя для важнѣйшихъ выборовъ.

5. Прежнія конституціи обыкновенно строже опредѣляли условія избираемости, чѣмъ право голоса. Въ Англіи (законъ 1836 г.) еще требуется годовой доходъ въ 600 фунтовъ стерлинговъ отъ членовъ въ нижней пала-

ты избираемыхъ въ графствахъ, въ 300 фунтовъ стерлинговъ отъ представителей городовъ ¹. Французская хартія 1814 г. (§ 38) требуетъ 40 лѣтняго возраста и платежа прямого налога не менѣе 1000 франковъ. Бельгійская конституція 1831 г. (§ 47), напротивъ, понижаетъ возрастъ до 25 лѣтъ, а налогъ до суммы въ 20—100 гульденовъ ². Это составляетъ переходъ къ новой системѣ, которая ставитъ для избираемыхъ тѣ же самыя, или даже меньшія требованія, чѣмъ для избирателей на томъ основаніи, что самый актъ избранія служитъ достаточнымъ ручательствомъ и дѣлаетъ лишними другія гарантіи. Такъ напримѣръ въ Баваріи (законъ 4 іюня 1848 г.) и въ Пруссіи требуется только 30 лѣтній возрастъ и никакой платы податей, такъ что въ этомъ отношеніи менѣе, нежели для права голоса (§ 74).

6. Избранія запасныхъ представителей, введеннаго въ немногихъ странахъ съ тѣхъ поръ какъ оно было установлено въ 1789 г. французскимъ національнымъ собраніемъ, нельзя оправдать ни въ какомъ отношеніи. Такъ какъ эти лица обыкновенно не вступаютъ въ должность, то избиратели мало заботятся о такихъ выборахъ и выбираютъ перваго, кто попадется, чтобы только

---

¹ Пассивный цензъ введенъ въ Англии при королевѣ Аннѣ, въ 1711 году, послѣ двухъ неудавшихся попытокъ при Вильгельмѣ III. — При Аннѣ вышеупомянутый доходъ долженъ былъ получаться не иначе, какъ съ поземельной собственности, слѣд. въ палату общинъ допускались одни землевладѣльцы. Но на практикѣ этотъ законъ постоянно обходился. Въ 1838 году онъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что вмѣсто поземельной собственности допущена всякая, какъ недвижимая, такъ и движимая (*real and personal property*). Въ 1858 году законъ о пассивномъ цензѣ, или личной квалификаціи, отмѣненъ вовсе. См. Th. Ersaine May, *Const. History of England*, I, стр. 373—372.

Прим. перев.

² Въ Бельгии собственно никогда не было пассивнаго ценза, ибо когда отъ депутатовъ требовалась плата 20—100 гульденовъ податей, то эта же цифра требовалась и для участія въ выборахъ, слѣд. выборъ ограничивался только активными гражданами. Теперь эта цифра, по закону 1848 г., понижена какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ до ея *minimum*, т. е. до 20 гульденовъ или 40 франковъ. См. *Code des lois politiques de la Belgique*, изд. 1858 г. а также ниже, стр. 429.

Примѣч. перев.

кончить поскорѣе дѣло. Кромѣ того существованіе лицъ готовыхъ заступитъ выбывшаго представителя, облегчаетъ избраннымъ выходъ изъ должности и устраняетъ новые выборы, которые одни пользуются довѣріемъ.

7. Замѣчательнъ англійскій обычай, нашедшій себѣ подражаніе кое гдѣ на материкѣ, напр. въ Греціи (§ 64), Баваріи (зак. 4 іюня 1848, § 29) Пруссіи (§ 781. По этому обычаю децутатъ, получившій коронную должность, подвергается новому избранію, что даетъ избирателямъ возможность явно возобновитъ свое довѣріе къ нему или обратитъ къ другому. Впрочемъ это опредѣленіе имѣетъ мало значенія тамъ, гдѣ чиновники пользуются прочнымъ и обезпечнымъ положеніемъ.

Гораздо дальше идетъ французская конституція 1848 г.; она прямо исключила изъ національнаго собранія всѣхъ чиновниковъ, получающихъ жалованье (§ 28) Наполеоновская конституція 1852 г. (§ 44) исключаетъ только министровъ.

Исключеніе чиновниковъ изъ нижней палаты, лишая ее самыхъ дѣловыхъ членовъ, уменьшаетъ ее знакомство съ дѣлами и ослабляетъ ея авторитетъ, но когда чиновники преобладаютъ въ палатѣ, тогда контроль ея надъ правительствомъ дѣлается призракомъ и она теряетъ довѣріе общественнаго мнѣнія. Найти надлежащую средину — это ближайшимъ образомъ дѣло избирателей.

Впрочемъ не всѣмъ классамъ чиновниковъ принадлежитъ одинаковое значеніе въ этомъ отношеніи. Тѣ, которымъ должности имѣютъ цѣлю культуру, напр. публичные врачи, профессора не отличаются существенно отъ частныхъ лицъ. Судей обезпечиваетъ ихъ независимое положеніе. Всего труднѣе положеніе правительственныхъ чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ. Если они станутъ во главѣ оппозиціи, отъ этого пострадаетъ единство и значеніе администраціи; если же правительство опирается главнымъ образомъ на ихъ вліяніе въ палатѣ, тогда падаетъ самостоятельность послѣдней. Слѣдовательно избиратели поступаютъ благоразумно, если не выбираютъ ни одного чиновника во времена сильной борьбы.

8 Часто встрѣчается опредѣленіе срока, по истеченіи котораго нижняя палата подвергается новому избранію, въ полномъ ли составѣ или только по частямъ. Періодъ засѣданій англійской нижней палаты, съ Георга I семилѣтній (прежде былъ трехлѣтній), сѣверо-американской (1, 2.) палаты представителей двухлѣтній, въ отдѣльныхъ штатахъ большею частію годовой, прусской второй палаты (73) трехлѣтній, бельгійской палаты (§ 51) представителей четырехлѣтній, баварской второй палаты (§ 38), и французскаго законодательнаго корпуса шестилѣтній (§ 13).

Возобновленіе палаты во всемъ составѣ сдѣлалось правиломъ. Но при системѣ одной палаты оно не лишено опасности, потому что мгновенно прерываетъ преемственность государственной практики и часто производитъ скачки изъ одной политической системы въ другую.

9. Въ конституціонныхъ монархіяхъ распущеніе палаты и назначеніе новыхъ выборовъ составляютъ важное право монарха. Оно представляетъ удобное средство для распознанія народнаго настроенія и часто для соглашенія различныхъ частей законодательнаго собранія между собою и съ правительствомъ.

Въ представительныхъ демократіяхъ, напротивъ (сѣверная Америка, Швейцарія), правительство не имѣетъ этого права, не потому чтобы оно считалось ограниченіемъ правъ народа, которыя скорѣе расширяются распущеніемъ палаты, а изъ ревности къ власти правительства, и изъ боязливой заботливости о высшемъ значеніи представительства.

10. Отозваніе депутата со стороны избирателей вслѣдствіе потери довѣрія, опасно для истиннаго положенія народнаго представителя. Обязанность представителя подавать голосъ по свободному убѣжденію, какъ оно выработалось въ палатѣ и дѣйствовать въ качествѣ представителя всего народа а не уполномоченнаго своихъ избирателей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Составъ сената или верхней палаты.

Сенатъ или верхняя палата не долженъ быть повтореніемъ нижней, или основываться на томъ же принципѣ. Государственному организму не нужны два органа для одной и той же дѣятельности. Чтобы быть правдою, первая палата должна имѣть особый принципъ и особую задачу.

Ея естественное назначеніе состоитъ въ представительствѣ аристократическихъ элементовъ государства, подобно тому какъ цѣль нижней палаты составляетъ представительство Демоса. Она составляетъ посредствующую силу между главою государства и народнымъ большинствомъ; она не заимствуетъ своей силы у послѣдняго, а находитъ ее въ самой себѣ и въ тѣхъ отличительныхъ свойствахъ, на которыхъ она зиждется. Въ ея основаніи лежитъ качество, отнюдь не количество. Отличіе, составляющее само по себѣ политическую силу, есть ея почва. Потому въ нее входитъ только дѣйствительная аристократія, существующая въ странѣ, но за то вся истинная аристократія, какую страна имѣетъ.

1. Норвежское устройство, по которому собраніе народныхъ представителей, избирая изъ своей среды четвертую часть членовъ образуетъ Лагъ-дингъ, а изъ остальныхъ Одельсъ-дингъ (конст. § 74 слѣд), высказываетъ потребность въ двухъ палатахъ, но не удовлетворяетъ ей. Какимъ образомъ четвертая часть однороднаго собранія, какъ особая палата, станетъ наряду съ тремя четвертями, а въ случаѣ нужды выступить противъ нихъ?

Равнымъ образомъ и бельгійскій сенатъ, члены котораго назначаются тѣми же избирателями, какъ и палата представителей, имѣетъ общее съ нею основаніе. Онъ отличается отъ палаты представителей только тѣмъ, что сенаторы болѣе зрѣлаго возраста (40 лѣтъ), должны имѣть большее имущество съ платежомъ налога

въ 1000 гульденовъ, и избираются не на 4 только года, а на 8 лѣтъ (§§ 55, 56). Подобное устройство, но по большей части еще съ меньшимъ различіемъ между представителями и сенаторами, встрѣчается въ отдѣльныхъ штатахъ сѣверной Америки. Всѣ они далеки отъ осуществленія указаннаго выше принципа аристократіи; стоя на демократической почвѣ, они подходят къ нему лишь съ опасеніемъ и окольными путями.

2. Оригинальное устройство, возможное только въ союзныхъ и сложныхъ государствахъ, имѣетъ сѣверо-американскій сенатъ и совѣтъ кантоновъ по швейцарской союзной конституціи 1848 г. Здѣсь представительство принадлежитъ отдѣльнымъ штатамъ, какъ державамъ, а не какъ лучшему меньшинству народа. Такимъ образомъ здѣсь имѣется въ виду не пополненіе народной палаты палатою аристократическою, общаго національнаго правительства собраніемъ отдѣльныхъ членовъ федераціи. По конституціи того и другаго союза, каждый штатъ или кантонъ одинаково со всѣми прочими представленъ въ лицѣ двухъ членовъ верхней палаты.

3. Качества, принимаемая въ соображеніе при образованіи верхней палаты, различны смотря по національности и эпохѣ. Но какъ бы они ни опредѣлялись, лица, представляющія ихъ, должны обладать высшимъ политическимъ развитіемъ и быть проникнуты сознаніемъ долга по отношенію къ государству и народу¹. Важнѣйшіе моменты, повидимому, слѣдующіе:

а) Гдѣ есть могущественная и прочная наследственная аристократія, какъ въ Англіи, такъ она должна быть принята прежде всего въ соображеніе. Это есть центръ англійской верхней палаты; она то придаетъ особенно ей историческое значеніе и твердость посреди всѣхъ колебаній современности.

Безъ имущества, безъ обновленія изъ среды народа, противоположная, какъ замкнутая каста — аристократія всего меньше возможна въ наше время. Въ Германіи есть, правда, годные элементы и въ подоб-

---

¹ Ср. Подобное развитіе этого предмета у Гнейста. *Englisches Verfassungsrecht*.

ной аристократіи, но только коренное преобразование дворянства могло бы возстановить ее въ чистотѣ и силѣ и сдѣлать опорой государства. Но такая реформа не была сдѣлана въ свое время.

б) Наслѣдственная аристократія есть обыкновенно также и поземельная. Въ новѣйшее время наследственная аристократія иногда упускается изъ виду и главное вниманіе обращается на поземельную, иногда и поземельная расширяется до имущественной аристократіи¹. Многое зависитъ здѣсь отъ природы страны и отъ склада жизни. Въ торговыхъ государствахъ движимое имущество имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ поземельное владѣніе, въ земледѣльческихъ послѣдному принадлежитъ рѣшительное преобладаніе. Крупное поземельное владѣніе, преимущественно наследственное, составляетъ во всякомъ случаѣ одну изъ прочнѣйшихъ основъ консервативнаго характера сената². Наслѣдственное право, сохраняющее семейныя имущества во всей полнотѣ и сосредоточивающее ихъ постоянно въ однихъ рукахъ,

---

¹ Проектъ бельгійской конституціи требовалъ отъ сенаторовъ 1000 флоритовъ поземельнаго налога, самая же конституція довольствуется равною цифрою имущественнаго налога (§ 56). Въ Португаліи требуется (кост. 1838 г.) поземельный доходъ въ 2600 милреевъ, а промысловой въ 4000.

² Э. Боркъ (Разсужденія о французской революціи): «Характеристическую черту и сущность собственности, основывающуюся на соединеніи принциповъ ея пріобрѣтенія и сохраненія, составляетъ неравенство. Потому громадныя имущества, возбуждающія зависть и вызывающія алчность, должны быть поставлены внѣ опасности. Тогда онѣ образуютъ естественный оплотъ для мелкаго имущества на всѣхъ ступеняхъ его. Также самая сумма имущества, когда она раздѣлится между массою лицъ, имѣетъ уже не то значеніе. Ея сила сопротивленія ослабляется по мѣрѣ разширенія. Преемственность нашего имущества въ нашихъ семействахъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ семейныхъ отношеній, и много способствуетъ поддержкѣ самой государственной формы. Обладатели семейнаго богатства, высокаго положенія, которое дается наследственнымъ имуществомъ, бываютъ естественными стражами ея неприкосновенности. Это начало лежитъ въ основаніи нашей верхней палаты. Она основана вполнѣ на наследственномъ имуществѣ и наследственныхъ привилегіяхъ.»

какъ англійское право первородства, или нѣмецкій институтъ фамиліальныхъ имѣній, даетъ начало наследственной періи, поддерживаеъ ее, увеличиваетъ ея силу и упрочиваетъ ея достоинство.

Но и независимо отъ наследственной заикнутости, крупное поземельное владѣніе, какъ свободное имущество, больше соответствующее современной экономіи, имѣетъ тоже значеніе. Вотъ почему нѣкоторыя новыя конституціи строятъ представительство въ верхней палатѣ на крупномъ поземельномъ владѣніи вообще. Различіе между дворянами и недворянами, владѣющими дворянскими имѣніями, не имѣетъ въ наше время никакого смысла и справедливо оставлено въ провинціальныхъ конституціяхъ Австріи съ 1861 года.

Большое сомнѣніе возбуждаетъ: с) представительство богатства вообще и какъ движимаго имущества. Богатство само по себѣ, не облагороженное національными заслугами, не даетъ аристократическаго свойства. Оно выдается только количествомъ, а не качествомъ, и можетъ повести только къ тунеядной эксплуатаціи національныхъ силъ и мѣщанскому застою.

Однакоже исторія Венеціи и Ганзейскихъ городовъ Германіи доказываетъ возможность аристократіи основанной на великихъ торговыхъ корпораціяхъ. Точно также и въ новое время часто встрѣчаются значительные купцы, фабриканты и банкиры, отличающіеся не только имущественною силою, которая состоитъ въ ихъ распоряженіи, но также и широтою политическаго взгляда, готовностью къ жертвамъ во имя народнаго дѣла и патріотизма. Потому введеніе этого элемента, рядомъ съ крупнымъ поземельнымъ владѣніемъ, есть современное дополненіе и поправка учрежденія.

d) Аристократія государственныхъ должностей была особенно представлена въ сенатѣ Римской республики, имѣвшемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значеніе верхней палаты. Въ Англіи, въ первое время, большая часть лордовъ были вмѣстѣ съ тѣми чиновниками; подобно тому двѣнадцать верховныхъ судей засѣдаютъ и теперь въ верхней палатѣ съ совѣщательнымъ голосомъ. При образованіи верхней палаты вер-

ховные судьи заслуживаютъ преимущественнаго вниманія по своимъ юридическимъ знаніямъ и привычкѣ къ охраненію законнаго порядка. Въ Испаніи конституціонною реформою 1845 г. вмѣстѣ съ грандами и богатыми дворянами признаны способными засѣдать въ сенатѣ преимущественно президенты и члены кортесовъ съ независимымъ экономическимъ положеніемъ, а также высшіе чиновники и должностныя лица государства, министры, члены государственнаго совѣта, посланники, президенты и члены высшихъ судовъ. Наполеоновская конституція 1852 г. (§ 20) объявляетъ сенаторами маршаловъ и адмираловъ вмѣстѣ съ кардиналами

е) Часто въ верхней палатѣ дается мѣсто высшему духовенству, особенно епископамъ. Это справедливо, потому что высшіе сановники церкви представляютъ великую духовную силу въ государствѣ, и въ глазахъ народа облечены громаднымъ авторитетомъ. Въ англійскую верхнюю палату допускаются и англійскіе епископы, правда только англиканской, а не католической церкви. Подобно тому и австрійская конституція 1861 г. предоставляетъ архіепископамъ и епископамъ, имѣющимъ княжескій титулъ, мѣсто и голосъ въ палатѣ господъ. Многія германскія конституціи вмѣстѣ съ католическими епископами допускаютъ и представителей протестантскаго церковнаго управленія.

ф) Наука составляетъ также духовную силу, и насколько ей принадлежитъ государственное значеніе, какъ напр. въ университетахъ и академіяхъ, она имѣетъ естественное право на мѣсто среди аристократіи націи.

г) Наконецъ, введеніе въ верхнюю палату составляетъ достойную награду для людей, отличившихся заслугами предъ государствомъ и націей. Принимая въ себя аристократію личныхъ заслугъ, верхняя палата увеличиваетъ свои духовныя и нравственныя силы съ одной стороны, и возвышаетъ свое значеніе въ глазахъ народа съ другой.

4. Распознаваніе и признаніе истинныхъ качествъ аристократіи важнѣе чѣмъ самые способы назначенія членовъ въ верхнюю палату.

а) Избраніе, составляющее правило для назначенія

членовъ нижней палаты, здѣсь менѣе приложимо, потому что аристократическое качество не исходитъ изъ количества, а имѣетъ силу само въ себѣ. Въ этомъ отношеніи сѣверо-американская, бельгійская и португальская (съ 1838 г.) конституціи, по которымъ сенатъ составляется путемъ выбора, несоотвѣтствуютъ его идеѣ.

Избраніе представителей въ верхнюю палату умѣстно только тамъ, гдѣ самые избиратели отличаются аристократическими свойствами, какъ напримѣръ крупные землевладѣльцы, значительные промышленники или корпораціи университетовъ.

б) Наслѣдственность предполагаетъ существованіе въ народѣ наследственной аристократіи, каковы лорды въ Англіи, въ Германіи, по крайней мѣрѣ принцы и имперскіе дворяне.

с) Королевское назначеніе признается въ Англіи дополненіемъ наследственной періи; по французской системѣ 1830 и 1852 г. назначеніе со стороны верховной власти составляетъ общее правило¹ для установленія и сохраненія пожизненной періи. По прусскому постановленію отъ 12 октября 1854 г. королевское назначеніе ограничено представленіемъ кандидатовъ со стороны аристократическихъ союзовъ и большихъ городовъ. Австрійскій основной законъ 1861 г. предоставляетъ императору назначеніемъ въ верхнюю палату вознаграждать за услуги, оказанныя государству или церкви, наукѣ или искусству. Признавать и вознаграждать національныя отличія есть преимущественно дѣло государя. Поэтому ему вполне свойственно принимать отдѣльныя лица въ среду народной аристократіи въ качествѣ наследственныхъ или пожизненныхъ поровъ. Но цѣлая верхняя палата не должна зависть отъ королевской власти и милости, если хотятъ, чтобъ она удовлетворяла своему назначенію, которое состоитъ въ посредничествѣ между королемъ и народомъ.

д) Самоизбраніе верхней палаты (Cooptatio) часто встрѣчается въ аристократическихъ сенатахъ средневѣ-

---

¹ Тоже въ Испаніи съ 1843 г.

ковыхъ городовъ; она допускается и наполеоновскими конституціями 1798 и 1802 годовъ.

е) Доступъ въ верхнюю палату соединяется съ нѣкоторыми должностями или составляетъ послѣдствіе занятія опредѣленныхъ должностей. Преимущественно этого способа держалась древнеримская система. Въ Пруссіи четыре великія земскія должности даютъ право на засѣданіе въ верхней палатѣ.

5. Характеру учрежденія соотвѣтствуетъ большая продолжительность должности сенатора или пера.

Даже тамъ, гдѣ сенаторы назначаются посредствомъ избранія, какъ въ отдѣльныхъ штатахъ сѣверной Америки, или въ Бельгіи, они избираются на срокъ вдвое или втрое большій, нежели члены нижней палаты; наприм. въ первыхъ на 2 или на 3 года, въ послѣдней на 8 лѣтъ.

Основное начало учрежденія требуетъ, строго говоря, чтобы должность сохранялась до тѣхъ поръ, пока существуетъ качество, служащее ей основаніемъ; сохраняя принципъ пожизненности устранить изъ сената нравственную порчу въ цѣль, которой римляне вполне достигали учрежденіемъ цензуры. Возобновленіе сенаторскихъ списковъ было въ тоже время ихъ очищеніемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А. Права цѣлаго законодательнаго собранія.

Законодательное собраніе представляетъ собою весь организованный народъ, такъ сказать въ уменьшенномъ масштабѣ; въ извлеченіи. Потому его власть есть полная, національная, но не «абсолютная или «деспотическая». Правда, Блэкстонъ приписываетъ англійскому парламенту абсолютную власть и говоритъ о его политическомъ всемогуществѣ, (omnipotence). Въ этомъ согласны съ нимъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ публицистовъ; они считаютъ абсолютную власть государства необходимою или неизбѣжною, признавая ее по крайней мѣрѣ меньшимъ зломъ въ рукахъ законодательнаго собранія, чѣмъ въ рукахъ одного лица.

Но новое государство не знает никакой абсолютной власти, потому что оно человеческое, а человеку, по отношению къ равнымъ себѣ, не дана и несвойственна такая власть. Даже высшая государственная власть англійскаго парламента имѣетъ множество нравственныхъ и юридическихъ ограниченій, воздерживающихъ ее отъ произвола и злоупотребленій. Эти ограниченія заключаются въ естественной связи парламента съ народомъ, въ существованіи другихъ властей въ государствѣ, въ политическомъ назначеніи парламента, въ конституціонныхъ формахъ его преній и рѣшеній. Эти послѣднія ограниченія, формальныя, обыкновенно признаются, но за то въ законодательной дѣятельности настаиваютъ на всемогуществѣ парламента. Въ самомъ дѣлѣ государственный организмъ не имѣетъ органа, который былъ бы выше парламента или даже наряду съ нимъ въ его сферѣ, и государственное право должно признать за правило, что законодательный авторитетъ парламента высшій въ государствѣ, что онъ обязателенъ для всѣхъ гражданъ, что послѣдніе не могутъ законно уклоняться отъ него. Но если бы, парламентъ, пренебрегая своимъ отношеніемъ къ націи, поставилъ явный деспотизмъ противъ истиннаго права, тогда крайнее злоупотребленіе его власти вызвало бы, какъ исключительную мѣру, противодѣйствіе свободной націи и тогда бы обнаружилось, что его всемогущество несостоятельная фикція. Представимъ себѣ, что деспотическій король склоняетъ подкупленныя палаты уничтожить парламентское устройство Англійи и перенести на него всю законодательную власть. Пока еще не выродился и не развратился окончательно англійскій народъ, онъ ни за что не подчинится такому акту парламента.

Дѣятельность законодательнаго собранія проявляется главнымъ образомъ въ слѣдующихъ направленіяхъ:

1. Оно устанавливаетъ постоянный порядокъ государства, вырабатываетъ, улучшаетъ, измѣняетъ конституцію народа, основываетъ и уничтожаетъ постоянныя учрежденія. Однимъ словомъ, отъ него исходитъ прежде всего органическое законодательство.

Это право признается за нимъ по всѣмъ новымъ кон-

ституціямъ. Но въ сѣверной Америкѣ, когда дѣло идетъ о дополненіяхъ къ союзной конституціи или объ ея измѣненіи, съ законодательнымъ собраніемъ соперничаетъ чрезвычайный конвентъ. Въ нѣкоторыхъ изъ швейцарскихъ республикъ большой совѣтъ, которому вручается обыкновенная законодательная власть, прямо отстраняется отъ измѣненія конституціи. Для этой цѣли назначается учредительный совѣтъ. Совершенно основательно требовать большей осторожности и болѣе строгихъ условій отъ этой важнѣйшей функции законодательства, но установленіе особыхъ органовъ для этой цѣли рядомъ съ законодательнымъ собраніемъ производитъ неорганическое впечатлѣніе и легко можетъ повести къ нарушенію существующаго порядка.

2 Ему принадлежитъ вся полнота законодательной власти и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; оно устанавливаетъ государственное и частное право.

Оно изрекаетъ законъ (*loi*), правительство дѣлаетъ постановленія (*verordnung, ordonnance*). Между закономъ и постановленіемъ нѣтъ рѣзкихъ граней. Постановленіе движется въ предѣлахъ законодательства. Но оно не есть одна подробная разработка закона. Противоположность между тѣмъ и другимъ можно обозначить скорѣе слѣдующимъ образомъ.

а) По всѣмъ конституціямъ нѣкоторые предметы предоставляются исключительно законодательству, въ особенности установленіе и измѣненіе важнѣйшихъ общихъ государственныхъ отношеній съ одной стороны, и опредѣленіе всего частнаго и уголовного права съ другой.

• б) На сколько проявляется собственная дѣятельность законодательства и насколько имъ устанавливаются другія юридическія отношенія, настолько ограничивается сфера дѣйствія постановленія.

с) Одна часть постановленій подробнѣе развиваетъ установленныя законодательнымъ путемъ, или и другія признанныя юридическія начала, и обеспечиваетъ ихъ приложеніе. Другія постановленія временно восполняютъ пробѣлы законодательства.

д) Третій многочисленнѣйшій классъ постановленій принадлежитъ вполнѣ правительственной сферѣ, обни-

мающей отдѣльныя направленія государственной дѣятельности — на примѣръ финансовое управленіе, полицейскую дѣятельность, предписанія по военному устройству. Этотъ классъ постановленій не касается отношеній цѣлой націи, которыя устанавливаются закономъ.

Отдѣльныя конституціи не безъ основанія ставятъ общія постановленія, ближе соприкасающіяся съ законодательствомъ подъ постоянный надзоръ законодательнаго собранія.

Противоположность между закономъ и постановленіемъ была выработана въ новое время, но и теперь одни народы ревностнѣе другихъ стараются расширить законодательную область и сузить сферу постановленій. Опасеніе правительственнаго произвола и интересъ общаго блага, требующій чтобы дѣятельность правительства не парализовалась и законодательное собраніе не извращалось въ правительственное — вотъ два противоположныхъ соображенія, которыми должны опредѣляться границы между областями закона и постановленія. Въ Англіи излишнія подробности обременяютъ и запутываютъ законодательство; во Франціи законъ устанавливаетъ обыкновенно только основныя положенія, а всѣ подробности предоставляются на долю постановленій.

Въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ различіе закона и постановленія опиралось скорѣе на противоположность между обычнымъ правомъ и нововведеніями. Обыкновенно только послѣднія нуждались въ утвержденіи со стороны чиновъ.

3. Ему принадлежитъ въ большей части новыхъ государствъ исключительное право разрѣшать налоги и подати, а часто и постановлять объ употребленіи государственныхъ доходовъ для опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, отъ него зависитъ дозволеніе пользоваться кредитомъ страны въ формѣ ли займа или какой-либо другой.

Эта сторона дѣятельности законодательнаго собранія, важная въ практическомъ отношеніи, была чуждою для римскихъ комицій и предоставлялось преимущественно сановникамъ и сенату. Но германскіе народы рано придавали большую цѣну этой сторонѣ предста-

вительства. Первоначально и здѣсь согласіе требовалось только для установленія новыхъ налоговъ и повинностей. Только впоследствии право сословіи разрѣшать подати развилось до участія въ установленіи всего государственнаго хозяйства¹.

4. По новымъ конституціямъ заключеніе международныхъ договоровъ изъемлетя изъ сферы дѣятельности законодательнаго собранія и предоставляется вѣдѣнію правительства. Хотя международные трактаты и устанавливаютъ часто постоянныя отношенія всей націи, однако же здѣсь взяло перевѣсъ соображеніе, что государственныя интересы въ международныхъ отношеніяхъ лучше осуществляются сосредоточенною силою, рѣшающею и дѣйствующею втайнѣ, тогда какъ пренія въ законодательномъ собраніи легко могутъ увеличить трудности соглашенія и приготовить государству не малыя затрудненія, опасности и потери².

---

¹ Конст. сѣверо-америк. союза 1787 г. I, 8. «Конгрессъ имѣетъ право устанавливать и взимать тарифы, подати, налоги и акцизы, занимать деньги подъ кредитъ Соединенныхъ Штатовъ, чеканить монету» и т. д. Бавар. конст. 1818 г. VII, § 3. «Король испрашиваетъ согласія чиновъ для взиманія всѣхъ прямыхъ и новыхъ косвенныхъ налоговъ и для возвышенія и измѣненія существующихъ». § 4. «Потому по открытіи сейма, представляется обзоръ государственныхъ потребностей равно какъ всѣхъ государственныхъ доходовъ (бюджетъ). Прус. конст. 1850 г. I. § 99. «Ежегодно составляется смѣта всѣхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, которые вносятся въ финансовую роспись. Послѣдняя устанавливается ежегодно закономъ».

² Относительно Англій Blackstone I. 7, 2. Даже въ конституціи сѣверо-американскаго союза право заключать государственныя договоры предоставлено президенту, для котораго обязательно «согласіе сената», а не палаты представителей. II. 2. Письмо Вашингтона отъ 30 марта 1796. «Переговоры съ иностранными державами требуютъ скрытности, ихъ успѣхъ почти всегда зависитъ отъ тайны. Даже и тогда, когда они пришли къ концу; немедленное оглашеніе мѣръ, желаній и уступокъ, которыя предлагаются или ожидаются, было бы неполитично и могло бы вредно отозваться на послѣдующихъ переговорахъ, или немедленно измѣнить настроеніе державъ».

Напротивъ въ древности преобладало мнѣніе, что государственные договоры нуждаются въ согласіи народа для своей несомнѣнной дѣйствительности ¹, а въ средніе вѣка часто почиталось необходимымъ совѣщаніе съ сословіями или согласіе ихъ.

Между новѣйшими конституціями исключеніе изъ общаго правила составляютъ Французская 1848 г. и Швейцарскія — Первая хотя и предоставляла президенту переговоры и заключеніе трактатовъ, но объявляла необходимымъ условіемъ ихъ дѣйствительности предварительное одобреніе національнаго собранія (ст. 52). Швейцарскія конституціи все оставляютъ за представительными собраніями право утверждать договоры (Союзн. конст. ст. 73. 5). Но насколько исполненіе государственныхъ договоровъ касается сферы правъ отдѣльныхъ гражданъ, для нихъ обязательенъ не самый договоръ, а лишь законъ, изданный по обыкновенной формѣ ².

---

¹ Въ Аѣинахъ народное собраніе даже выслушивало пословъ. Въ Римѣ только съ самнитскихъ войнъ установилось правило, требовавшее согласія народнаго собранія. Если народъ не соглашался, то могъ освободить себя отъ обязательствъ, выдавая непріятелю чиновниковъ, заключившихъ договоръ. Ср. подробное изслѣдованіе Rubino (Rom. Verf. u. Gesch.) стр. 274 слѣд. 286.

² Разумѣется, государство остается связаннымъ по отношенію къ контрагенту, хотя бы законодательство и воспрепятствовало исполненію договора. Въ германскомъ Союзномъ Актѣ 1816 г. право депутатовъ союза на участіе въ союзныхъ рѣшеніяхъ разсматривается съ этой точки зрѣнія, но въ то же время вѣнскимъ заключительнымъ актомъ 1820 г. (ст. 58) земскимъ чинамъ вмѣняется въ обязанность не препятствовать исполненію союзныхъ рѣшеній. Если бы союзное устройство давало достаточныя гарантіи для существованія и правъ отдѣльныхъ государствъ, тогда смѣло можно бы допустить тотъ выводъ, что союзные законы не нуждаются въ послѣдующемъ признаніи со стороны правительствъ и мѣстныхъ сеймовъ для того, чтобы войти въ силу во всѣхъ германскихъ земляхъ. Безъ такого предположенія становятся понятными опасенія, возбуждаемая непосредственнымъ дѣйствіемъ союзныхъ законовъ и стремленіе настаивать на международномъ характерѣ союза. Съ тѣхъ поръ какъ въ германскихъ государствахъ введено представительное устройство съ сохраненіемъ абсолютнаго устройства союза, народы отдѣльныхъ государствъ не

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

В. Дѣятельность отдѣльныхъ частей законодательнаго собранія.

1) Право возбуждать дѣла, входящія въ сферу законодательной дѣятельности, принадлежитъ всѣмъ частямъ законодательнаго собранія. Это право можетъ выражаться въ формѣ прошенія (петиціи), подготовляющаго предложеніе закона. Только въ такой формѣ оно предоставлялось до 1848 г. нѣмецкимъ палатамъ по отношенію къ государю ¹.

Но оно можетъ имѣть и форму приглашенія (Empfehlung) открыть совѣщанія по извѣстному предмету. Такое приглашеніе посылаетъ въ Англии король обѣимъ палатамъ. Затѣмъ оно проявляется въ формѣ порученія или приказанія объ отчетѣ или предложеніи. Такія порученія даютъ Сѣверо-Американскія палаты и Большіе Совѣты въ Швейцаріи правительствамъ. Это право можетъ совпадать съ самымъ

2) внесеніемъ проекта, предложеніемъ закона или такъ называемой инициативой въ тѣсномъ смыслѣ.

Предложеніе законовъ законодательному собранію составляетъ преимущественно задачу главы государства и его правительства. Такъ смотритъ на это и большая часть государствъ. Въ Римѣ это было дѣло сановниковъ, позднѣе — императоровъ; въ средніе вѣка оно вездѣ принадлежало государямъ. И въ наше время остается правиломъ, что проектъ исходитъ отъ правительства, даже въ швейцарскихъ республикахъ, новая, государственная теорія которыхъ (1830) не приз-

---

могутъ безопасно подчиниться рѣшеніямъ союзаго собранія. Впрочемъ ср. R. d. Mohl. Gesch. u. Liter. d. Statutis. Вд. II. P. 270. ff. Греч. конст. § 25. Торговые договоры и другіе трактаты, содержащія опредѣленія, которыя требуютъ санкціи закона или обяэываютъ грековъ лично, вступаютъ въ силу только съ утвержденія палаты депутатовъ и сената.»

¹ Ср. Уже Франц. конст. 1848 г. ст. 19 — 21.

наетъ болѣе правительства составною частію законодательнаго собранія. Наполеоновская конституція (1852 г. § 8) предоставляетъ инициативу закона одному императору.

Странное исключеніе дѣлаетъ англійское государственное право. Между тремя членами парламента, оно отказывается въ инициативѣ одному королю, повидимому изъ уваженія къ нему, не допускающему, чтобы его предложеніе подвергалось преніямъ¹. Однакоже на самомъ дѣлѣ и въ Англии всѣ проекты законовъ начертываются предварительно министрами, и только при увѣренности въ поддержкѣ правительства вносятся однимъ изъ членовъ парламента путемъ личнаго предложенія².

¹ По *mod. ten parl.* самъ король руководитъ парламентомъ, а предложенія дѣлаются королевскимъ канцлеромъ. Позднѣйшее возрѣніе имѣло своимъ формальнымъ основаніемъ то обстоятельство, что билли составлялись первоначально въ формѣ петицій къ королю и только съ Генриха VI (1413 — 1422) стали записываться въ формѣ парламентскихъ актовъ.

² Англійская практика гораздо больше согласуется съ вѣрнымъ принципомъ, отвергнутымъ англійскою теоріею, нежели практика нѣкоторыхъ конституціонныхъ государствъ материка, принявшихъ вѣрную теорію. Ср. *Sismondi, Etudes I.* Стр. 164: «Безъ сомнѣнія въ Англии всѣ члены обѣихъ палатъ пользуются инициативою и смотрятъ на нее, какъ на драгоценное право. Но въ ихъ рукахъ она составляетъ лишь средство обращать на все вниманіе парламента и принуждать членовъ правительства къ исполненію своихъ обязанностей. Въ дѣйствительности всѣ законы готовятся и предлагаются однимъ изъ членовъ правительства и поддерживаются вліяніемъ министерства. Еслибы случайно прошелъ законъ, предложенной оппозиціею, то министерство подало бы въ отставку, но оппозиція съ своей стороны слишкомъ умна для того, чтобы вдаваться въ мелочныя подробности мѣры, которую не она будетъ исполнять. Когда она чувствуетъ свою силу и рассчитываетъ на большинство по какому-либо вопросу, она ограничивается проведеніемъ «резолюціи.» Послѣдняя составляетъ лишь принципъ, который она принимаетъ или высказываетъ; заботу объ обращеніи его въ законъ она предоставляетъ настоящему или будущему министерству. «Въ Швеціи еще по конст. 1772. § 72. сословія имѣли право препровождать королю сообща проектъ закона, состоявшійся въ средѣ ихъ, съ предложеніемъ принять его». Ср. конст. 1809 г. § 81. 87.

Въ новой конституціонной монархіи предложеніе закона можетъ состояться и въ каждой палатѣ. Такъ какъ палата въ своей совокупности можетъ постановить общее рѣшеніе только посредствомъ совѣщанія, то путь, которымъ она пользуется своимъ правомъ инициативы, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ ея членовъ вноситъ сперва личное предложеніе (Motion). Такимъ образомъ право инициативы палатъ заключаетъ въ себѣ право личного предложенія ея членовъ. Но чтобы послѣднее не осуществлялось ко вреду палатъ или страны, необходимо дѣятельный контроль со стороны самой палаты, тѣмъ болѣе, что предложеніе законовъ по своему существу есть не личная только, а государственная функція, и принадлежитъ не членамъ палаты, какъ отдѣльнымъ лицамъ, а палатѣ, какъ политическому тѣлу. Средства, которыми пользуется палата для этого дѣла, слѣдующія:

а) Дозволеніе или недозволеніе самаго внесенія. Обыкновенно дается дозволеніе, если нѣтъ ясныхъ и важныхъ причинъ противъ него, какъ напр. опасеніе скандала.

б) Объявленіе заслуживаетъ ли предметъ вниманія. Это объявленіе дѣлается по выслушаніи предложенія, въ Англии въ формѣ допущенія ко вторичному прочтенію.

в) Предварительное разсмотрѣніе и изслѣдованіе посредствомъ комиссій, или приглашеніе правительства заняться этимъ прежде, чѣмъ палата войдетъ въ ближайшее разсмотрѣніе предложенія.

Наполеоновская конституція 1852 г. имѣетъ въ этомъ отношеніи одну особенность. Законодательный корпусъ можетъ совѣщаться и подавать голосъ только о проектахъ законовъ, представленныхъ правительствомъ, и лишь посредствомъ своихъ комиссій заставить государственный совѣтъ одобрить въ свою очередь предложеніе объ измѣненіи и представить его такимъ образомъ законодательному собранію (§ 39, 40).

3) Право назначать изслѣдованія слѣдствія (enquêtes) для ближайшаго изученія общественныхъ вопросовъ и потребностей и основываясь на такихъ изслѣдованіяхъ принимать законодательныя и другія мѣры, входящія въ сферу дѣятельности законодательнаго собранія.

Тогда какъ на материкѣ палаты пользуются для этого дѣла преимущественно официальными средствами, въ Англии это право прилагается палатами съ давняго времени болѣе свободнымъ и основательнымъ образомъ и съ большимъ успѣхомъ. Ихъ комиссіи требуютъ главнымъ образомъ отъ свѣдущихъ частныхъ лицъ, частью изустныхъ, частью письменныхъ сообщеній, которыя доставляются имъ и добровольно.

4) Право принимать петиціи, жалобы, адреса касающіеся ихъ функцій, пользоваться ими при отправленіи своей дѣятельности и, если нужно, давать на нихъ отвѣтъ.

5) Право высказывать необязательнымъ образомъ свое мнѣніе, свои мысли, желанія, надежды, опасенія на счетъ страны.

Государь дѣлаетъ это обыкновенно при открытіи палатъ, въ формѣ такъ называемой тронной рѣчи. Въ тронной рѣчи конституціонный монархъ представляетъ юридическое выраженіе своего мнѣнія, а не служитъ проводникомъ мыслей министровъ. Но министры отвѣчаютъ за нее, какъ за всякій другой государственный актъ государя; предполагается согласіе съ ихъ стороны какъ съ содержаніемъ, такъ и съ формой королевской рѣчи. Поэтому король предварительно совѣщается съ министрами о тронной рѣчи.

Отвѣтные адреса, подаваемые палатами королю, составляютъ въ свою очередь выраженіе мнѣнія послѣднихъ. Интересъ монархіи не менѣе, чѣмъ интересъ палаты, требуетъ, чтобы адреса были совершенно свободнымъ выраженіемъ мнѣнія обѣихъ палатъ.

Здѣсь не нужно требовать ихъ согласія, потому что дѣло идетъ не объ обязательномъ выраженіи воли. Ихъ согласіе естественно увеличиваетъ силу ихъ нравственнаго вліянія, но и его вовсе нельзя считать выраженіемъ цѣлаго народа, потому что отъ народа нельзя отдѣлять его главы, и потому что народъ не передавалъ палатѣ своего мнѣнія.

Напротивъ ни одной палатѣ въ отдѣльности, ни обѣимъ вмѣстѣ не свойственно издавать прокламаціи къ народу. Прокламаціи не только служатъ свободнымъ

выраженіемъ мнѣнія, но и облакаются государственнымъ авторитетомъ, а государственный авторитетъ принадлежитъ законодательному учрежденію только въ цѣломъ его составѣ или органамъ правительства.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

С. Особенная дѣятельность органовъ законодательства.

І. Дѣятельность короля.

Королю, какъ главѣ законодательнаго собранія, принадлежать слѣдующія права исключительно ¹.

1) Созваніе палатъ.

Онъ одинъ всегда бодрствуетъ и дѣйствуетъ, сверхъ того, когда нужно, онъ какъ центръ организма собираетъ вокругъ себя его отдѣльные члены. Даже въ республиканскихъ государствахъ правительству по большей части оставлено такое воздѣйствіе на законодательное собраніе, хотя оно противорѣчитъ часто одобряемой теоріи «исполнительной власти» и исключенію правительства отъ участія въ «законодательствѣ» ²,

Однакоже правильное собраніе представителей, повторяющееся черезъ краткіе промежутки, въ противоположность тому порядку, по которому созывать или не созывать представителей зависитъ отъ правительственнаго произвола, составляетъ необходимое условіе жизни и силы представительства. Недостатокъ тако-

---

¹ Англійское государственное право называетъ прерогативами права, принадлежащія одному королю, которыхъ не имѣетъ кромѣ него ни одно учрежденіе и частное лицо. Но этотъ терминъ не заслуживаетъ одобренія, потому что придаетъ королевскимъ правамъ видъ привилегій.

² Въ Сѣверной Америкѣ президентъ имѣетъ это право по крайней мѣрѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ (констит. II, 3), въ Швейцаріи оно принадлежитъ обыкновенно правительствамъ, хотя въ предѣлахъ точнаго предписанія закона.

го порядка на европейскомъ материкѣ очень много содѣйствовалъ погибели сословнаго устройства, чрезмѣрному развитію абсолютизма и революціоннымъ потрясеніямъ. Въ Англии еще при Эдуардѣ III ежегодное собраніе парламента предписывалось закономъ. Хотя въ исторіи Англии и встрѣчаются отступленія отъ этого правила, а позднѣйшимъ закономъ предписывается лишь одно засѣданіе въ три года, однако ежегодное собраніе осталось правиломъ. Подобно тому и въ новѣйшее время большая часть конституцій предписываетъ ежегодныя собранія ¹.

2) Закрытие (prorogation) и роспускъ (dissolution) палатъ. Отсрочка въ тѣсномъ смыслѣ, (Verzagung, ajournement) т. е. откладываніе собранія съ одного дня на другой, въ продолженіе одного и того же періода засѣданій, зависитъ часто не отъ одного короля, но и отъ каждой изъ палатъ. Закрытіемъ кончается періодъ засѣданія, роспускеніемъ уничтожаются самыя палаты. Съ первымъ обыкновенно соединяется рѣшеніе короля относительно разсмотрѣнныхъ законовъ и желаній палатъ. Последнее дѣлаетъ необходимыми новые выборы ². Съ роспускеніемъ второй палаты неизбѣжно связано закрытіе первой ³.

3) Санкція или утвержденіе законовъ и окончательное рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ законодательному собранію.

Въ новѣйшее время привыкли называть санкцію короля королевскимъ veto. Этотъ терминъ, заимствованный отъ отрицательнаго права римскихъ народныхъ трибуновъ,

---

¹ Сѣвер. Амер. (I. 4), Греція (§ 30), Пруссія (§ 76), Австрія (§ 9). Во Франціи «національное собраніе» было даже непрерывно (§ 32); ежегодное собраніе сената и законодательнаго корпуса считается необходимымъ и по наполеоновой конституціи (§ 11, 23, 43). Въ Швейцаріи сверхъ того признается по большей части правиломъ, что члены представительнаго собранія въ опредѣленномъ числѣ могутъ требовать созванія собранія. Многія изъ германскихъ конституцій удержали періодъ засѣданій въ нѣсколько лѣтъ.

² Blackstone I, 2, 7.

³ Споръ объ этомъ былъ между прусскими палатами. Ср. мнѣніе Гнейста по этому вопросу.

совершенно неумѣстенъ, что видно уже изъ его происхожденія. Санкція зако-новъ есть существенно положительное право короля. Она составляетъ проявленіе и высшій моментъ, верховное выраженіе законодательной власти, а никакъ не ограниченіе послѣдней. Она есть также не исполненіе закона⁴, а его принятіе. До санкціи нѣтъ закона; только она дѣлаетъ законъ закономъ.

Это относится очевидно и къ англійскому государственному праву, не смотря на то, что англійская теорія говоритъ объ абсолютномъ veto. Фармула санкціи: «le roi le veut» и отказа: «le roi s'avisera» подтверждаетъ такое мнѣніе. Впрочемъ правильный терминъ принятъ многими изъ новѣйшихъ конституцій.

Напротивъ въ республиканскихъ государствахъ новаго времени правительству предоставляется иногда только veto, и то обыкновенно ограниченное (такъ называемое отлагательное veto), посредствомъ котораго оно можетъ на время помѣшать закону вступить въ силу. Такъ въ сѣвер. Америкѣ президентъ, отказывая въ утвержденіи билля, вызываетъ новое совѣщаніе со стороны палатъ и задерживаетъ дѣйствіе закона, пока палаты не подтвердятъ своего рѣшенія большинствомъ двухъ третей голосовъ. Швейцарскія республики не допускаютъ veto со стороны правительства.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

II. Права обѣихъ палатъ.

1. Палаты не имѣютъ участія въ государственномъ управленіи, но пользуются обширнымъ правомъ контроля. Это различіе составляетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній конституціоннаго права. Представительныя собранія были бы очень неудобные органы для правленія въ собственномъ смыслѣ, которое требуетъ сосредоточенной и непрерывной дѣятельности. Но они вполне способны выражать мнѣніе объ управленіи — соответствуетъ ли оно законамъ и хорошо ли оно. Конститу-

ціонная монархія устраняетъ массы отъ управленія, но она признаетъ, что народные классы имѣютъ право на хорошее управленіе и заботится о необходимыхъ гарантіяхъ.

Такимъ образомъ палаты неимѣютъ права давать въ частныхъ случаяхъ приказанія ни правительственнымъ чиновникамъ, ни министрамъ, и хорошо дѣлаютъ, когда не вмѣшиваются въ подробности управленія.

Однакоже палаты имѣютъ право:

а) *изслѣдовать*, осталось ли управленіе и государственное хозяйство въ предѣлахъ законныхъ смѣтъ и разрѣшеній или нѣтъ; онѣ или окончательно одобряютъ управленіе и снимаютъ съ него отвѣтственность, или же привлекаютъ министра къ отвѣту и принуждаютъ его къ отмѣнѣ незаконныхъ распоряженій.

б) вообще порицать дѣйствія противныя конституціи или закону и требовать улучшеній;

в) обращать вниманіе правительства на общественныя нужды и общественное зло, требовать удовлетворенія первыхъ и устраниенія послѣдняго.

г) выражать свое мнѣніе и давать совѣты относительно высшей, особенно внѣшней политики. Эти совѣты, конечно, необязательны для правительства. Но такъ какъ палаты, когда онѣ серіозно защищаютъ свое мнѣніе, могутъ лишитъ министровъ своего довѣрія и ограничить ихъ въ распоряженіи народными силами, то министрамъ ничего не остается какъ или войти съ палатами въ соглашеніе, или распуститъ ихъ и сдѣлать воззваніе къ избирателямъ. Въ Англіи эти положенія составляютъ обычай. На европейскомъ материкѣ они только постепенно входятъ въ употребленіе.

2. Разрѣшеніе податей въ силу стариннаго англійскаго обычая обсуждается сперва въ нижней палатѣ; палата лордовъ въ этомъ дѣлѣ можетъ принимать или отвергать, но не измѣнять рѣшенія нижней палаты. Этотъ порядокъ исторически объясняется тѣмъ, что депутаты городовъ и графствъ призывались сначала для полученія ихъ согласія на подати. Въ его пользу можно привести также что подати ложатся главнымъ образомъ на массу народа, а аристократію поражаютъ въ

меньшей степени. Этому порядку подражаютъ и другія государства¹.

Предѣлы права палатъ въ разрѣшеніи налоговъ трудно опредѣлить. Въ Англіи теорія сохранила во всей широтѣ средневѣковой принципъ свободнаго отказа въ податяхъ; думать же о его практическомъ приложеніи въ Англіи можно менѣе чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ члены обѣихъ палатъ заинтересованы въ спокойномъ движеніи государственной жизни.

Съ одной стороны должно признать:

а) что средневѣковое представленіе, по которому подданные не имѣютъ податныхъ обязанностей, а соглашались на подати добровольно сами или въ лицѣ своихъ представителей, — что такое представленіе противорѣчитъ новому сосударственному началу, праву государства распоряжаться силами подданныхъ сообразно своимъ потребностямъ.

б) что отказать въ податяхъ вообще или только въ значительной части значитъ совершенно парализировать государственное тѣло, и хотя бы отказъ продолжался короткое время, онъ повлечетъ за собою разрушеніе государственнаго порядка. Право же парализировать и разрушать государство нельзя ни признавать за отдѣльнымъ членомъ государственнаго тѣла, ни защищать, какъ государственное понятіе.

с) если бы нижняя палата могла безгранично пользоваться правомъ отказа въ податяхъ, она подчинила бы себѣ всѣ государственныя власти и могла бы ниспровергнуть весь государственный строй. Потому что при этомъ другимъ государственнымъ органамъ, въ особенности королю, не осталось бы другаго выбора какъ или подчиниться народной палатѣ, чтобы не останавливать государственнаго хозяйства, или побороть палату противозаконнымъ насиліемъ и уничтожить ея абсолютное право относительно податей.

---

¹ Сѣвероамер. конст. I. Т. Но здѣсь сенату не воспрещается измѣнять постановленія палаты представителей. Также Франц. коп. 1814 г. §. 17 Бавар. §. 18. Баденск. §. 60 Порт. 1826 §. 35. Ицан. 1837 §. 37.

Когда въ 1848 г. прусское національное собраніе сдѣлало попытку доставить побѣду своей политикѣ отказомъ въ податяхъ, то въ виду крайней опасности угрожавшей государству противъ этой попытки возстало общественное мнѣніе именно той части націи, на которую больше всего падаютъ налоги.

Съ другой стороны не менѣе справедливо

а) что конституціонное право разрѣшенія податей, имѣетъ смыслъ только тогда, когда съ нимъ соединяется возможность отказа въ податяхъ;

б) что безъ такого права контроль палатъ надъ управленіемъ былъ бы недѣйствителенъ;

с) что и другія власти, какъ напримѣръ военная власть государя, доведенная до крайности, могутъ поставить въ опасность общественныя права и общественную свободу.

Чтобы разрѣшить это противорѣчіе, въ новое время предлагаютъ ограничить прево разрѣшенія податей.

а) различаютъ неподвижный и подвижный бюджетъ и предоставляютъ палатамъ право отказывать лишь въ послѣднемъ. Но и подвижный бюджетъ имѣетъ въ своемъ основаніи государственныя нужды, и неподвижный способенъ измѣняться, а потому не можетъ быть устраненъ отъ воздѣйствія палатъ;

б) принимаютъ за правило, что подати «необходимыя для управленія», не терпятъ отказа¹. Но какія подати должно считать необходимыми, дѣло спорное. Этотъ вопросъ, правда, можетъ быть рѣшенъ въ сложныхъ государствахъ съ помощію высшаго трибунала, но въ простыхъ государствахъ рѣшеніе его едва ли возможно безъ нарушенія государственнаго единства и атрибутовъ государственныхъ властей;

с) считаютъ подати уже существующія необходимыми и допускаютъ отказъ только въ новыхъ².

Простѣйшее разрѣшеніе этого противорѣчія состоитъ въ недопущеніи никакихъ внѣшнихъ ограниченій права палатъ, а въ установленіи такого ограниченія, ко-

¹ Постановленіе Германскаго союза 1831 г. III. и 1836 г.

² Прусск. конст. §. 109. Ср. также Бавар. конст. VII. §. 5.

торое вытекаетъ изъ самаго существа этого права. Оно заключается въ обязанности палаты заботиться о государственномъ хозяйствѣ, съ которымъ связано существованіе и благоденствіе государства въ его конституціонныхъ формахъ, и не пользоваться своимъ правомъ, какъ рычагомъ политическаго могущества, для поддержанія своихъ захватовъ. Такимъ образомъ палата можетъ разрѣшать подати или отказывать въ нихъ вполнѣ свободно, но не изъ внѣшнихъ побужденій, а въ силу экономическихъ соображеній, смотря потому, считаетъ ли она издержки основательными или излишними, способъ взиманія справедливымъ и удобнымъ или нѣтъ. Поэтому отказъ въ податяхъ вообще составляетъ во всякомъ случаѣ злоупотребленіе и несправедливость, его нельзя допустить съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства, которое требуетъ обезпеченныхъ доходовъ¹.

Но отказъ въ податяхъ справедливъ, когда дѣлается изъ опасенія, чтобы подать не послужила недостойнымъ цѣлямъ, или изъ желанія предупредить неосновательныя издержки. Такое опасеніе естественно легче появляется и больше дѣйствуетъ, когда политика министровъ не пользуется довѣріемъ палаты. По этому нельзя порицать скупости палаты при непопулярномъ министерствѣ, хотя въ ней заключается иногда косвенное понужденіе министровъ выдти въ отставку.

Съ правомъ утвержденія податей обыкновенно соединяется право разрѣшать государственные займы и продажу государственныхъ имуществъ².

4. Съ этими правами соединяется также утвержденіе смѣты (бюджета) ежегодныхъ доходовъ и расходовъ государства, составляющее главную форму новаго государственнаго хозяйства — и представленіе государственныхъ отчетовъ на разсмотрѣніе и одобреніе палаты³.

¹ Вотъ въ чемъ смыслъ часто встѣчающагося въ конституціяхъ постановленія; «чины не могутъ ставить согласіе на подати въ зависимость отъ какого-либо условія» Бавар. VII, § 9.

² Бавар. кон. VII, § 11 — 18. Чины, посредствомъ комиссаровъ, принимаютъ даже участіе въ комиссіяхъ погашенія долговъ. Прусск. конст. § 103.

³ Бавар. конст. VII, § 4, 10. Бельг. § 115, 116. Прусск. § 99, 104. Австр. § 10.

5. Последнее средство палатъ, которымъ осуществляется ихъ контроль — это право подвергать министерство личной отвѣтственности и вчинять противъ нихъ государственный процессъ.

Въ Англии этотъ процессъ сложился такимъ образомъ, что обвиненіе министровъ исходитъ исключительно отъ нижней палаты¹. Предполагается, что нижняя палата представляетъ народъ, пострадавшій отъ недостойнаго и вреднаго правительственнаго дѣйствія. Таже система перешла въ сѣверо-американскую конституцію (I, 2), но въ распространенномъ видѣ, такъ что палатѣ представителей предоставляется обвиненіе «беззаконныхъ» чиновниковъ вообще, включая сюда и президента. Она вошла за тѣмъ и во многія конституціи материка². Отдѣльныя германскія конституціи затрудняютъ обвиненіе министровъ, требуя согласія обѣихъ палатъ, или хотя и предоставляютъ каждой палатѣ обвинять, но уменьшаютъ политическую силу обвиненія тѣмъ, что переносятъ процессъ въ государственный трибуналъ, стоящій внѣ палатъ³.

6. По англійскому государственному праву верхней палатѣ принадлежитъ право суда въ обвиненіяхъ, исходящихъ отъ нижней палаты. Обвиненіе въ интересѣ общаго блага считается дѣломъ народа, — достойный и справедливый судъ призваніемъ аристократіи⁴. И сѣвероамериканцы предоставляютъ сенату судъ въ государственныхъ обвиненіяхъ, хотя ихъ выборный сенатъ, менѣе независимъ, нежели наследственная верхняя палата Англии, и хотя они болѣе всѣхъ другихъ народовъ настаиваютъ на рѣзкомъ разграниченіи государственныхъ властей. Первоначальный проектъ конституціи предоставлялъ судъ верховному трибуналу. Но по основательномъ обсужденіи дѣла преимущество осталось за англійскою системою, главнымъ образомъ по соображеніямъ политики и справедливости. Вотъ эти соображенія:

¹ Ср. Актъ о престолонаслѣдіи. 1801 г.

² Франц. конст. 1814. § 55. Бельг. § 90.

³ Бавар. конст. II, § 6. Бав. зак. отъ 4 июня 1848 г. и 30 мар. 1850. Прусск. конст. § 61. Ср. ниже кн. VII, гл. 5.

⁴ Blackstone. IV. 49, 1.

а) Вслѣдствіе важности и затруднительности такихъ обвиненій, право поднимать ихъ признано исключительно за народной палатой. Рядомъ съ громаднымъ и могущественнымъ авторитетомъ обвинителя обыкновенный судъ оказывается слишкомъ слабъ; только независимость и авторитетъ другой не менѣе высокой силы можетъ возстановить равновѣсіе, необходимое для достоинства суда и общественнаго довѣрія

б) Эти обвиненія относятся къ политическимъ отношеніямъ, вѣрное обсужденіе которыхъ предполагаетъ множество знаній и соображеній, доступныхъ государственнымъ людямъ, но которыхъ нельзя требовать отъ простыхъ юристовъ.

в) Политическія нарушенія такъ разнообразны, что здѣсь невозможны строгія предписанія положительнаго права, обыкновенно обязательныя для судьи, а весь ходъ дѣла долженъ быть предоставленъ свободному усмотрѣнію суда. Съ одной стороны эта особенность, съ другой опасность угрожающая въ такихъ процессахъ со стороны страстей партій, дѣлаютъ особенно желательнымъ рѣшеніе многочисленнаго собранія, пользующагося высокимъ положеніемъ и независимостію.

Но англійская система отличается отъ американской въ слѣдующемъ. По первой верхняя палата можетъ приговаривать ко всякому наказанію, и всякій другой процессъ дѣлается затѣмъ невозможнымъ. По послѣдней сенатъ постановляетъ только политическое наказаніе, состоящее въ удаленіи отъ должности и въ объявленіи обвиняемаго неспособнымъ къ дальнѣйшему занятію публичныхъ должностей. Послѣ этого осужденный относительно обыкновеннаго уголовного наказанія подчиняется общимъ уголовнымъ законамъ и отдается на судъ присяжныхъ ¹.

И французская хартія 1814 г. (§ 33) предоставляла палатѣ перовъ судъ въ преступленіяхъ государственной измѣны и нарушенія общественной безопасности, а не въ тѣхъ только случаяхъ, когда обвинителемъ являлась нижняя палата, а обвиненными министры.

---

¹ Союзн. конст. I, 3.

Этому порядку подражаютъ и нѣкоторые романскія конституціи ¹.

По германскимъ конституціямъ первой палатѣ не дается судебная власть и по политическимъ преступленіямъ; рѣшеніе такихъ обвиненій предоставляется судамъ ². Ниже, при разсмотрѣніи министерской отвѣтственности мы возвратимся къ этому предмету.

7. Каждая палата сама охраняетъ миръ въ своихъ стѣнахъ, и самостоятельна въ поддержаніи внутренняго порядка. Съ этою цѣлю президенту и собранію предоставляется дисциплинарная власть, весьма обширная въ Англіи, обыкновенно ограниченная на материкѣ.

8. Законы, относящіеся къ организаціи и правамъ верхней палаты, вносятся сперва въ верхнюю палату; нижняя можетъ ихъ принимать или отвергать, но не можетъ дѣлать поправокъ.

9. Оригинальное положеніе и задачи предоставлены сенату Наполеоновскою конституціею. Ему принадлежить:

а) Право препятствовать посредствомъ своей оппозиціи (*veto*) обнародованію закона на томъ основаніи, что онъ противорѣчитъ конституціи или религіи или нравственности, или свободѣ исповѣданій или личной свободѣ, или равенству гражданъ передъ закономъ или неприкосновенности собственности и принципу несмѣняемости судебныхъ должностей; или потому, что онъ ослабляетъ защиту страны (§ 26).

б) Право восполнять пробѣлы конституціи посредствомъ сенатскихъ постановленій (*senatusconsulte*. § 27).

в) Кассація противоконституціонныхъ актовъ (§ 28).

д) Предложеніе новыхъ законовъ и измѣненій конституціи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

---

¹ Португалія 1826 г., § 40. Наполеон. 1848 г. § 48. Греч. § 84.

² Бавар. X, § 7. Бельг. § 90. Нидерл. § 177, 179. Прусск. § 95.

О П Е Ч А Т К И.

Н А П Е Ч А Т А Н О			Ч И Т А Т Ь	
Стр.	строка	сверху.		
180	22	—	презрѣнiемъ	призрѣнiемъ
236	24	—	рукахъ	въ рукахъ
239	16	--	формама	форму
272	26	—	утверждаются	утверждаются
—	29	—	собрарiя	собранiя
273	30	—	въ преимущественно	въ преимущественномъ
332	23	—	въ ускользнулъ	и ускользнулъ
—	24	—	и плачевное	въ плачевное
296	28	—	работа	забота
350	13	—	устранить	устранилъ

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

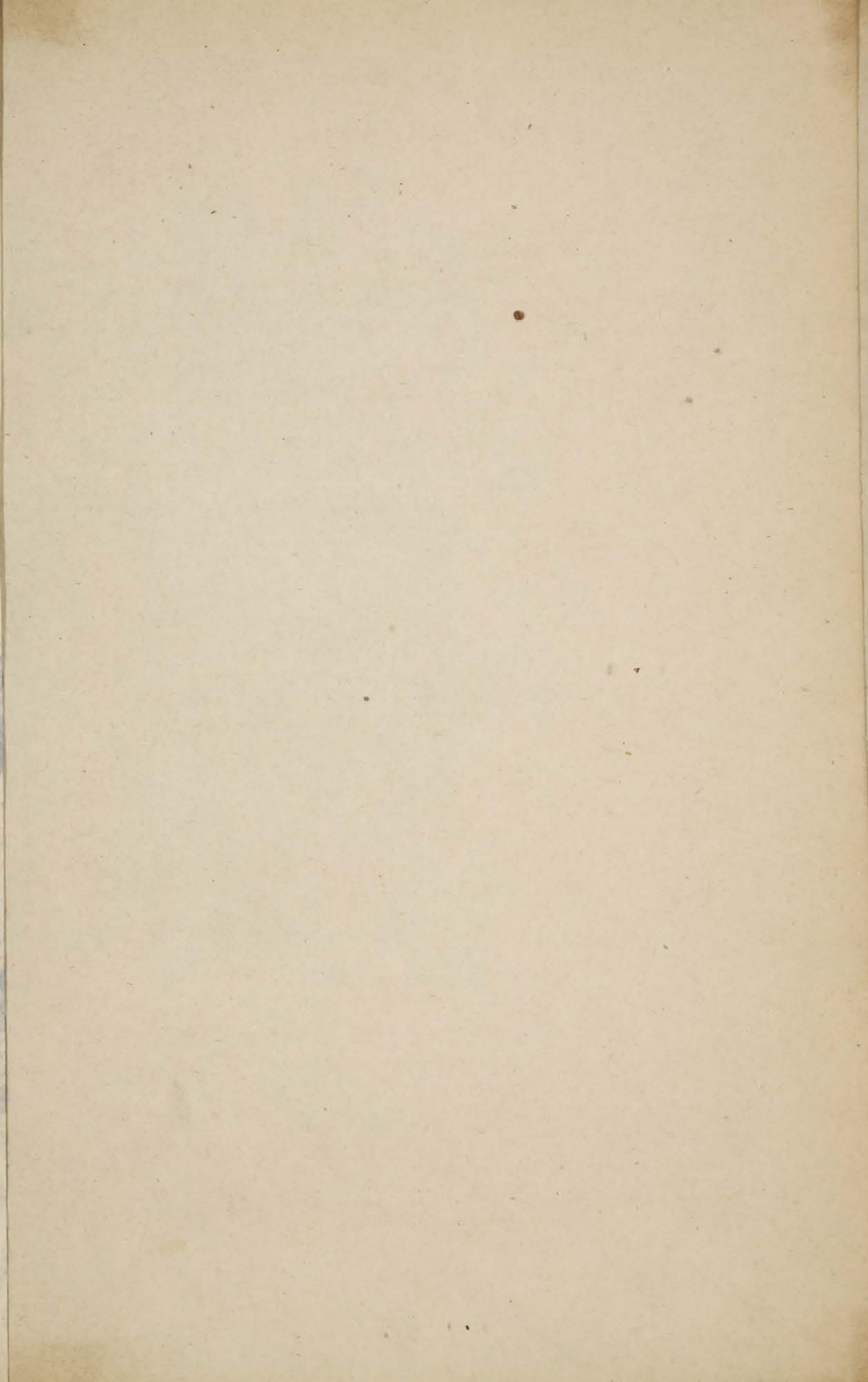
Государственныя формы.

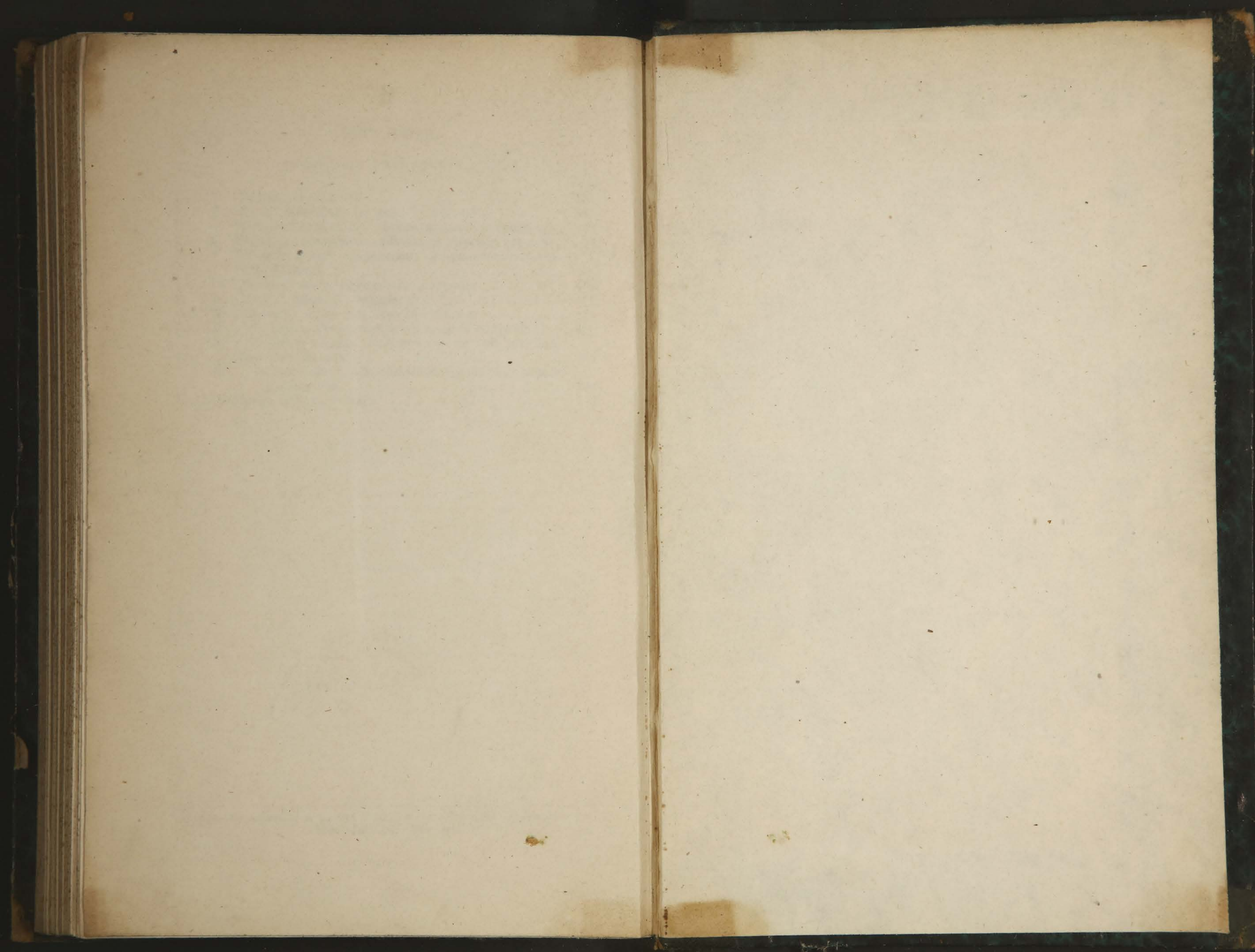
	Стр.
Глава I. Дѣленіе, сдѣланное Аристотелемъ	233
Гл. II. Такъ называемая смѣшанная государственная форма	236
Гл. III. Позднѣйшее развитіе теоріи	239
Гл. IV. Принципъ четырехъ основанныхъ формъ	244
Гл. V. Принципъ четырехъ второстепенныхъ формъ	245
Гл. VI. Идеократія (теократія)	248
Гл. VII. II. Демократическія формы государства	259
Гл. VIII. Разборъ непосредственной демократіи	264
Гл. IX. А. Представительная (новая) демократія	269
Гл. X. Разборъ представительной демократіи	276
Гл. XI. III. Аристократія	281
Гл. XII. В. Римская Аристократія	286
Гл. XIII. Разборъ аристократіи	293
Гл. XIV. Монархическія формы государства. Главные роды монархіи	299
Гл. XV. Эллинская и древнегерманская родовая монархія	303
Гл. XVI. Древнеримское народное царство	307
Гл. XVII. С. Римская Имперія	314
Гл. XVIII. D. Франкское королевство	315
Гл. XIX. E. Ленная монархія	321
Гл. XX. F. Новая абсолютная монархія	327
Гл. XXI. G. Конституціонная монархія	333
Гл. XXII. Ложныя представленія конституціонной монархіи	362
Гл. XXIII. 3. Монархическій принципъ и понятіе конституціонной монархіи	368
Гл. XXIV. Сложныя государственныя формы	370

КНИГА ПЯТАЯ.

Законодательный корпусъ и законъ.

	Стр.
Глава I. Раздѣленіе властей.....	381
Гл. II. Новый принципъ раздѣленія властей.....	384
Гл. III. Исторія развитія представительнаго устройства..	392
Гл. IV. Развитие сословныхъ сеймовъ въ другихъ странахъ.	399
Гл. V. Различіе между сословнымъ и представительнымъ устройствомъ	406
Гл. VI. Составъ законодательнаго собранія.....	409
Гл. VII. Составъ нижней палаты.....	416
Гл. VIII. Составъ сената или верхней палаты.....	427
Гл. IX. А. Права цѣлаго законодательнаго собранія	435
Гл. X. В. Дѣятельность отдѣльныхъ частей законодательнаго собранія.....	440
Гл. XI. С. Особенная дѣятельность органовъ законодательства.....	444
Гл. XII. Права обѣихъ палатъ.....	446

5383

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1207 EAST 58TH STREET

CHICAGO, ILL. 60637

U. CHICAGO LIBRARY

5383

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1207 EAST 58TH STREET

CHICAGO, ILL. 60637

U. CHICAGO LIBRARY

5383

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1207 EAST 58TH STREET

CHICAGO, ILL. 60637

U. CHICAGO LIBRARY

5383